

Галина Ивановна Площук – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионика» Псковского государственного университета. Вся научная и преподавательская биография Галины Ивановны связана с псковским фольклором. Глубокий знаток традиционной народной культуры, основатель псковского фольклорно-этнографического архива, Галина Ивановна многие годы посвятила экспедиционной работе. Публикуемое издание с собранием архивных текстов и научным комментарием к ним было бы невозможно без многолетних творческих усилий главного автора книги.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья

Часть 1

Псков 2021

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
«Социогуманитарная региони́ка»

**Мифологические рассказы
псковско-белорусского пограничья**

Часть 1

Псков 2021

УДК 398
ББК 82.3
М 686

Рекомендовано к изданию

Ученым советом института гуманитарных наук и языковых коммуникаций
Псковского государственного университета

Рецензенты:

Е. Е. Королёва, Ph.D., Associate Professor, Daugavpils University (Даугавпилс, Латвия);

Н.Ф.Лищенко, кандидат филологических наук, доцент Псковского государственного университета (Псков, Россия).

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья:

Монография. В 2 ч. – Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Автор-составитель Г. И. Площук; под ред. Н. В. Большаковой. – Псков: ЛЮГОС, 2021. – 382 с.

ISBN 978-5-9908858-7-5

Книга является первой публикацией несказочной мифологической прозы, записанной в южнопсковской историко-культурной зоне, которая представляет собой уникальную территорию длительного культурного и языкового контактирования русского и белорусского народов.

Традиция бытования мифологических рассказов раскрывается на материале более чем 350 текстов из псковского фольклорно-этнографического архива.

Часть 1 издания содержит тексты об основных мифологических персонажах и исследовательскую часть, раскрывающую их атрибуты: внешние признаки, места обитания, взаимодействие с человеком.

Особый акцент делается на теме детства в дискурсе мифологического нарратива. Мир детей проявляется во всех сюжетно-тематических группах рассказов и поверий о мифологических персонажах, что показывает вовлеченность детей в мифологическую сферу, пути освоения младшим поколением локальной мифологической традиции и представленной в ней картины мира.

Книга включает аудиоприложение – звуковые файлы, соотнесенные с расшифрованными экспедиционными текстами.

Издание адресовано специалистам-гуманитариям, а также широкому кругу читателей, интересующихся традиционной народной культурой и языком.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века»

ISBN 978-5-9908858-7-5

© Псковский государственный университет, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство «ЛЮГОС», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мифологические рассказы (былички и бывальщины) – это народные устные рассказы о встречах человека со сверхъестественными существами – духами природы (лешим, водяным, русалками), с домашними духами (домовым, банником, овинником); с летающим змеем, проклятыми людьми, ходячими покойниками; это рассказы о так называемых «знающих» (людях, обладающих колдовскими способностями) – о ведьмах и колдунах; о являющихся человеку кладах; о цветущем в ночь на Иванов день папоротнике, о предсказаниях судьбы и предзнаменованиях.

Мифологические рассказы – разновидность народной несказочной прозы. В отличие от сказки с ее установкой на вымысел («Сказка – складка») для народной несказочной прозы в целом и для мифологических рассказов в частности характерна установка на достоверность повествования, о каких бы фантастических событиях и существах в них ни шла речь. Мифологические рассказы сообщают о личном опыте контакта с иномирным конкретного человека. Героем повествования является сам рассказчик или тот, на кого он ссылается как на участника или свидетеля события.

Территорией контактирования псковских говоров с белорусским языком является современный южнопсковский регион, пространство которого охватывает три района, непосредственно граничащие с Белоруссией: Себежский, Невельский и Усвяцкий. Однако черты псковско-белорусского сходства системно прослеживаются и в других районах, примыкающих к югу исконной территории древней Псковской земли, а именно в Новоскольническом, Пустошкинском, Великолукском и Куньинском. Таким образом, территория псковско-белорусского контактирования разной степени

глубины охватывает почти целиком семь районов Псковской области, доходя до южной границы историко-культурной зоны Псковского ядра. В соответствии с принятым делением в книге публикуются архивные материалы семи обозначенных районов, составляющих территорию южной Псковщины¹.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета записаны в южнопсковских районах Псковской области в период с 1977 по 2010 год, когда мифологическая традиция уже в определенной степени подвергается разрушению. Вместе с тем публикуемые материалы, записанные от информантов в возрастном диапазоне от 1888 по 1980 г. р., позволяют выявить состояние мифологической традиции псковско-белорусского пограничья в период от 1900-х XX в. до 2000-х гг. XXI в. включительно.

Наиболее значительную часть корпуса мифологических рассказов из фонда псковского архива составляют рассказы о «знающих» (ведьмах, колдунах, знахарях). Достаточно хорошо представлены рассказы о домовом, чертях, покойниках. Меньшее количество записей отражает повествования о духах природы (лешем, водяном, русалках), о проклятых, змее, о кладах, цветущем папоротнике. Тем не менее, они содержат интересные версии и варианты характерных для мифологических рассказов мотивов и сюжетов.

В исследовательской части событий акцент делается на теме детства в дискурсе мифологического нарратива. Показана вовлеченность детей в мифологическую сферу, пути освоения младшим поколением локальной мифологической традиции и представленной в ней картины мира.

¹ За пределами разработки и публикации остаются архивные материалы остальных 17 районов Псковской области, хранящиеся в рукописной части архива и в оцифрованном аудиофонде.

В 1-ой части монографии публикуются тексты мифологических повествований о духах природного и домашнего пространства (лешем, водяном, русалке, домовом), а также тексты, посвященные черту – нелокализованному (вездесущему, свободно перемещающемуся из локуса в локус) персонажу, занимающему центральное место в славянской мифологии. Соответственно тематическому принципу выстраиваются разделы первой части.

В разделах, посвященных каждому из мифологических персонажей, материал расположен порайонно. Перечень районов идет в алфавитном порядке.

После каждого текста дается два справочных материала: указание на мотивы (в соответствии с нижеуказанными источниками и с учетом местной специфики) и информация об информанте (информантах), месте и годе записи.

В основу систематизации текстов внутри тематических разделов положены опубликованные указатели: С. Г. Айвазян¹, В. П. Зиновьева² и другие. При установлении последовательности текстов внутри сюжетно-тематической группы учитывается ведущий мотив повествования. В комментариях указываются сопутствующие ему мотивы.

В исследовательской части издания раскрываются атрибуты мифологических персонажей: их внешние признаки, места обитания, взаимодействие с человеком и т. д. При этом составители настоящего издания в основном опираются на схему описания мифологических персонажей, рекомендованную этнолингвистами Института славяноведения РАН, авторами-составителями четырехтомного сборника «Народная

¹ Айвазян С. Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1971. – С. 36–41.

² Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологическое рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 305–321.

демонология Полесья»¹, пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности»².

В качестве приложения к книге имеется CD со звуковыми файлами, соотнесенными с расшифрованными текстами путем единой индексации (например: *001_Кун_Леший*; *013_Пуст_Русалка*; *128_Усв_Черт*; *055_Себ_Домовой* и т.д.). Аудиоприложение, передающее аутентичный повествовательный дискурс, раскрывающий в народной речи особенности мифологического сознания, придает изданию особую историко-культурную значимость.

В составлении книги принимали участие:

Г. И. Площук: атрибуция текстов, подготовка научного аппарата, комментарии и исследования;

Н. В. Большакова: подготовка текстов, толкование диалектных слов, аудиоприложение, техническое и научное редактирование;

Л. Б. Воробьева: подготовка текстов;

Н. А. Мартынова: список обследованных населенных пунктов;

З. В. Митченко: подготовка текстов;

М. И. Муратова: подготовка текстов, аудиоприложение, список информантов, техническое редактирование.

¹ Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 848 с.; Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2012. – 800 с.; Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская – М.: Издательский Дом ЯСК, 2012. – 800 с.; Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 832 с.; Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – Изд. 2-е. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с.

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–2012.

ТЕКСТЫ¹

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЛЕШЕМ

Куньинский район

001_Кун_Леший

...Етого я не могу вам сказать, как-то етого я не слыхала.
(А лешие у вас водятся, может, слышали что-нибудь?)

Кто?

(Леший.)

Ну, раньше были лешие, ето, рассказывали про йих.
(Что рассказывали?)

Ну водились оны, [у них] свои семьи были. И яны водилися. Бывало, придём, оны воють, исть хочут. Где-нибудь собёрутся в дялянке (называлися дялянки, разрабатывали: пахали озимую рожь там, сеяли, зярно озимое), а оны, – горить, – воють тама! Вот так рассказывали. Ну, и мне это не приходилось, етого я не видела.

(А не рассказывали, крал ли кого-нибудь леший?)

Етого оны не рассказывали; но раз не хотел – так крал.
Подходил, оны ж йисть хотели.

(А мог ли когда-нибудь леший помочь человеку?)

Ну, етого я не могу вам сказать.

(Значит, у него жена была, да?)

У его было всё: жена, дети, всё были. Оны больше сидели на больших ляхах, в излеске. А потом тама ну вот, оттуда оны начинают что-нибудь такое, ну квакать, выть там.

(А боялись они чего-нибудь?)

¹ При публикации текстов составители не стремились к точной передаче фонетических черт речи, т.к. имеющееся аудиоприложение позволяет пользователю получить полное представление о языковых особенностях южнопсковских говоров.

Неужели не боялись!

(А чего?)

Ну а как? Говорять, вот там леший. Ну а кто он? Поитить в грибы – и боялись.

Это сейчас ня стало, а раньше всё было. Раньше и волки, были, медведи были, всё было.

А1 55 Семья лешего, жена и дети,
воет и плачет в лесу от голода.
+ Лешие «сидят» в больших лесах, «в
излеске».

*Записано от Снетковой
Александры Николаевны, 1920
г. р., д. Хмелево Жижицк. вол,
2009 г.*

002_Кун_Леший

(Бойтся ли чего-нибудь леший?)

Он нет, ничего не бойтся.

(Какой вред он может сделать?)

Может завести куда-нибудь, там человек заблудился и пропал.

(А как можно оберечься от лешего?)

Ну, можно, наверное, креститься надо.

(Крал ли кого-нибудь леший?)

Бывало, да, уводил в лес. Люди пропадали. А прямо из дома животных крал, кошку или собаку.

(А подменить на что-нибудь мог?)

Нет, вот этого как бы нет вроде, не наблюдалось.

(Бывали ли случаи, когда леший помогал человеку?)

Думаю, что нет. Не помогал, он как бы не умеет этого.

(А есть ли у лешего семья?)

Нет, у него семьи нет. Он один живёт. Ну, знакомые типа кикимор.

(Где находится дом лешего?)

Да... где-нибудь в такой берлоге. Но его искать никто не пытается. Поэтому это неизвестно.

(Есть ли у лешего друзья?)

Если только, может, колдуны.

А! 5 Леший водит /заводит / уводит человека в лес; *Записано от Зенковой Ирины Владимировны, 1963 г.р., в д. Zubovo, 2009 г.*
+ Леший крадет домашних животных;
+ У лешего нет семьи.

Невельский район

003_Нев_Леший

Да, всякие случаи бывают. Вот старик в Слухи ехал Федьку проведать. И целый день в лесу был, деревни не нашёл. Говорит: «Хожу, хожу, нигде ничего не видно». А кто водил, не знаю.

В лесу есть безличная сила, *Записано от Матюшевой Марии Пимановны, 1908 г. р. в д. Боярское Усть-Долысск. с/с., 1984 г.*
заставляющая блуждать
[НДП¹ 31 I 1г].

004_Нев_Леший

(Вы не знаете таких случаев, когда леший предупреждал человека об опасности?)

Да, знаю. Мне рассказывал дедушка, что был такой случай, как-то женщина с ребёнком шли, возвращались домой и шли через лес. И началась гроза. Ну, женщина, естественно, ребёнка схватила и побежала быстрее в сторону деревни. Вот. И вдруг вот, и как она рассказывала, что вот прям вот, не знаю, остановило её что-то, вот как зацепило её. И вот она остановилась резко, и вдруг перед ними упало дерево. Ну, вот

¹ Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с.

считается, что вот, наверно, леший всё-таки защитил. Ведь если бы она дальше бежала и не остановилась, то их бы, наверно, дерево, конечно, убило.

АІ 14ж Леший служит человеку, предупреждает об опасности. *Записано от Морозовой Марии Евгеньевны, 1980 г. р., в д. Рыкалёво Ивановск. вол., 2008 г.*

005_Нев_Леший

Леший – хозяин леса, так считается, он его оберегает, защищает.

У нас был, конечно, случай, что вот, поехали мы на природу как-то, ну, на речку купаться, и развели костёр, ну там... накрыли, как говорится, стол. Вот, и пошли купаться. А когда вернулись, мы обнаружили полный разгром, то есть костёр был затушен, спичек мы не нашли, то есть всё было со скатерти сдёрнуто.

Ну, вряд ли это кто-то сделал из местных жителей, потому что всё-таки мы там были одни. Так что мы так подумали сразу, что это вот леший так поругался на нас, что мы оставили костёр без присмотра.

НДП АІ IV 4а Лесной дух охраняет лес; *Записано от Морозовой Марии Евгеньевны, 1980 г. р., в д. Рыкалёво Ивановск. вол., 2008 г.*
+ АІ 34в Леший наказывает: за оставление без присмотра костра в лесу.

Новосокольнический район

006_Н-Сок_Леший

(А ты не слышала что-нибудь о том, как черт водит людей?)

Я не слышала, но у нас была, вот я говорю, бабушка старенькая в деревне, она когда совсем уже стала старенькая и

уходила вот на поле, это поле, всегда говорили, что на этом поле кто-то водится. Кого-то он на лошади завёл, человек не мог приехать домой, долго плутал, некоторые молодые даже уходили, вот заблудятся на этом. А чё там блудить: поле да и поле, по краям кусты, ну посередине болотца были. Вот говорили, что вроде там как кто-то леший или кто там бродит. Вот эту бабушку, значит, часто он туда зазывал. И всё говорили, кто постарше, говорили: «Это её вот леший уводит, леший уводит, мол к себе хочет в болото затащить». Тогда стали за ней следить, кто дома, родственники там или кто в деревне есть, ребятишки, когда уходит она, кричали: «Баба Нюра, иди домой!» Брали её за руку и уводили домой. Не случилось так, чтобы вот ушёл и пропал, а уходить – уходили, плутали! И плутали причём ладно в лес пошёл да и заблудился, можно подумать, потерялся человек, а это поле, как можно на этом поле заплутать. Но плутали. Сейчас потом его обработали, кусты эти все убрали, и вот не было такого случая, чтобы из-за лешего плутали, не живётся ему больше тут!

А1 5 Леший водит /заводит / уводит человека: хочет в болото затащить. *Записано от Цветковой Нины Николаевны, 1937 г. р. в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.*

007_Н-Сок_Леший

И привѣжение было... При мне было привѣжение. Мы ходили в Покров, это осенью, в Ляниково, это пять километров, на гулянку вечером ходили. Летом только днем гуляли, а осенью вечером ходили. А оттуль, пока мы смеялись, соседка поехала с одним, он всех звал, никто не поехал, а она села и поехала по озеру, а мы пошли. Ну, вот идем-идем, а где не идем – все озеро, никак домой не попасть, а 15 человек шло нас, молодых. Пришли, а оказывается, петух запел, а мы коло амбаров Баландинских. И не заблудивши, и озера нет. Вот

привиделось. Раньше были какие-то привидения, а вот теперь нет.

Неведомая сила, наваждение («привидение»), морочит человека: человек не может найти дорогу в знакомых местах. Ср.: А1 5 / В1 3 Леший / Черт «водит» человека; + Наваждение исчезает при крике петуха. Ср.: В1 бе Черт боится: е*) крика петуха.

Записано от Филипповой Елены Филипповны, 1901 г. р., в д. Глядково Вязовск. с/с., 1988 г.

Пустошкинский район

008_Пуст_Леший

Ей было... шесть лет, дочке моей младшей. Это было... <неразборчиво> Дочка взяла маленькую собачку с собой. А мы ехали в большом таком фургоне. И все вышли, а младшая дочка говорит: «А я не пойду с вами, я останусь в машине!» Вот упёрлась, как... «Я останусь с маленьким собачком!» Ну, ладно.

И я вроде бы тут недалеко. Собирали, собирали мы грибы, а вот у меня душа не на месте. Ну, что-то, думаю, не то! Что-то не то! Подруга говорит: «Да чё ты? Если б что-то, так она бы посигналила».

И тут как начала! Сигналы идут с машины. Ой! Я это ведро и бросила и бегом к этой машине. Вот, кажется, рядом была машина! Мне казалось, я столько бегу! Мне столько этих веток по лицу! Я прибегаю, дочка как сидела спокойно, так и сидит. На заднем сиденье вот так вот сидит, с собачкой играет. Я говорю: «Катечка! Катя, ты что? Что ты нам сигналила?» – «А, ничё, мам. Просто, говорит, скучно было».

Мы приехали – мне уже не до грибов было – мы приехали домой. Прошло, наверное, дня два. И та подруга, с которой мы были по грибы, её дети вот и моя Катя, мы сидим вечером, пьём чай. Вдруг нам Катя говорит: «Ой, мама, говорит!

А знаешь, какого я человечка-то видела! Вот когда я вам сигналила!»

Я вся покрылась мурашками, то есть я-то чувствовала [тогда, в лесу], что что-то было не то! Вот она рассказывает, говорит: «Я сидела на заднем сиденье, и вот это вот папино окно, водительское, стекло какое-то, говорит, почему-то стала паутина на нем и между ячейками вот – ну это я вам сейчас так говорю, детским она своим... – значит, листочки прилипли. Я стала это всё смахивать». Откуда, говорит, оно взялось, не знаю. И когда она смахнула эту паутину с окна, она увидела, что по дороге идёт человек, маленький. «Он, говорит, меньше меня был, мама, ну, может, с меня ростом вот таким! Он шёл, на меня не смотрел. У него были длинные-длинные ногти. И у него были длинные-длинные волосы. И была лысина. Он был маленький, весь косматый такой вот, одетый. И мне, говорит, так страшно стало! Я собаку так вот прижала, говорит, вот так».

Ну, она не объясняла, как... Мы почувствовали, что ей было страшно. Она не могла объяснить, то есть в тот момент она даже забыла, что эта ситуация была. Она говорит: и он стал проходить вот так мимо машины. «Шёл, шёл, шёл, шёл, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге. И он, говорит, – хоп – и исчез!»

И мы стали... Я, конечно, в шоке сижу. Подруге говорю: «Ты представляешь!» А в то время... «Это же, говорю, столкновение миров! Это он вынырнул, к нам зашёл!» Она: «Да подь ты на фиг! Какое тебе столкновение?! Старичок-лесовичок!» А я так на неё смотрю, говорю: «Ты что?! Веришь в старичков-лесовичков?!» Она так: «Ну не знаю... Ну не верю...» Я говорю: «Ну так а чё ты?» И мы с ней про миры. Вот такая ситуация.

Я... Прошло много лет, и я у дочери спрашиваю, говорю: «Кать, ты не выдумала?» Она говорит: «Мам, я до сих

пор это помню, до сих пор помню его глаза, вот эти длинные ногти, тёмные вот чёрные тёмные волосы. Вот такой маленький человечек».

(А вот он одет был во что-то? Или шерсть такая?)

Да. Она помнит, что что-то просто длинное... какое-то что-то одеяние такое, да. И вот она заметила, что длинные волосы, лысина, и он такой коричневого цвета, длинные ногти.

А! Ие Леший показывается людям в образе маленького человека мимо, внезапно исчезает.

Записано от Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольской вол., 2005 г.

009_Пуст_Леший

Кстати... Насчёт... Я ж вчера у неё [у дочери] спрашивала... Насчёт вот этого существа, уточнить, потому что много времени прошло. Она говорит: «Ты чё, мам! В какой одежде! В шерсти он был! Весь в шерсти. И шерсть была тёмно-тёмно-каштановая». Ну руки были не с шерсти, потому что пальцы я видела и ногти длинные. И только была вот здесь вот (показывает на макушку) лысина. В общем, тёмно-тёмно-каштановый. Вот такой вот.

Ну, видимо, это леший и был, а мы думаем, что из другого времени кто-то.

А! Ие Леший показывается людям в образе человека в шерсти.

Записано от Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольской вол., 2005 г.

010_Пуст_Леший

Группа людей... Как обычно, городские собираются на автобус все – и поехали! Ходили бы вроде, говорит, рядом, рядом. Ни одного гриба я, конечно, не нашла. Глянула, говорит, никого. Вообще... «Ау! Ау!» – никого! Я бегаю вот по кругу. А

она такой человек, что она воспринимает вот это всё – действительно, леший, говорит, гоняет, гоняет. Вдруг, говорит, гляжу – дорога. Вышла, говорит, ну уже с дороги никуда не сверну! Представляете, говорит, выхожу на дорогу... Вот такой, говорит, палка вбита на краю дороги, здоровый столб! На нём череп конский, огромный такой! Ну, я вообще, говорит, мне, говорит, вообще дурно-плохо! Я, говорит, туда по дороге. Не знаю, куда бежать? Обратнo? И вдруг, говорит, стою на дороге и вижу: вот он, автобус, ну метров... ну сто вот! В лесочке на другой дороге стоит. Я, говорит, как побежала, а там болото. И я, говорит, по болоту вот так на карачках! Лишь бы только, говорит, успеть до этого, этого... И думаю, как же я, говорит, вышла так? Потом, глядь, говорит, по карманам, а сотки-то нету денег! Во, говорит, я ему на ручку-то дала [хлопает по ладони] – он меня и вывел! Вот такая история!

А1 5 Леший водит человека в лесу: *Записано от Куренной Анны*
заводит в болото; *Геннадьевны, 1964 г. р., в*
+ А1 14ж Леший служит человеку: *д. Алоль Алольской вол., 2005 г.*
выводит человека из болота на
дорогу.

011_Пуст_Леший

Водить меня – один раз водил [леший]. В Кóнище был, на лесовозе работал. И тоже так на дороге стал. Ну как, от дороги так тихонько отойдёшь, ягоды пособираешь и обратно на дорогу. Вот минут пятнадцать так от дороги шёл по прямой (ну чтоб не заблудиться, по прямой обычно идёшь). На плантацию черники большую напал. И пока по кругу ходил-ходил, собирал, ну, примерно, пошёл в ту сторону, откуда вышел. Через два с половиной часа только вышел на дорогу! Двести метров от своей машины! Где ходил – не знаю. Кто меня куда водил?
(Как будто черт, да, водил?)

Да, вот. Вот идёшь правильно. Знаешь, что туда надо идти. Идёшь-идёшь-идёшь – до дороги никак не дойти!

А! 5 Леший водит человека.

Записано от Якимчук Анатолия Андреевича, 1956 г. р., Якимчук Антонины Анатольевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольской вол., 2005 г.

012_Пуст_Леший

(А с Вами каких историй не случилось там, чтобы лешие были, водяные? Как нас сегодня, вас никто не водил никогда? По лесу?)

[К.В.Г.]: Ну, пугали!

(Пугали? Пугали вас? Расскажите, пожалуйста!)

[К.В.Г.]: За ягодами жена ходила, там начали ветки трещать. Вроде лес такой небольшой – как вчистила оттуда!

Я когда была маленькая, сюда приезжали отдыхать. И мы собрались в лес идти, как всегда, тётя Ася нас гоняла. Хотим... Мы говорим, что хотим ягоды. Она говорит: «Хотите – идите!» Ну и пошёл. И вот...

(И что дальше у вас было?)

А! И вот я иду и чувствую, я иду и чувствую, ну (девчонка маленькая) чувствую, что-то вот что-то здесь у меня печёт, жгёт вот в этом месте, в груди, и говорю своей бабушке: «Бабушка, мне жарко! Можно я свитер сниму?»

Уже домой пришли, отмучалась всю дорогу. Она говорит: «Ну, давай снимем!»

И она снимает вот так [через голову], а вот здесь у меня прямо на груди вот сбитый клочок волос, колтун вот такой, мы называли в детстве, вот здесь колтун сбитых волос! Как... По цвету мы начали подбирать – чьи? Может, кто-то расчёсывался у бабушки? Никому не подошёл! Вот откуда?

Вот тогда тётя Ася сказала: «О, леший что наделал, а!»

Вот помню, что вот это она сказала, что леший колтун сбил!

А1 6 Леший пугает людей в лесу треском веток;
+ А1 48** Леший шалит, «озорует»: подкидывает человеку клок волос за пазуху.

Записано от Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольской вол. В разговоре участвует муж информантки Куренной В.Г. (К.В.Г.), 2005 г.

013_Пуст_Леший

Я лично с бабушкой там блудила тоже. Мы пошли собирать грузди. И мы с ней решили выйти, прийти домой где-то часа в два вот дня, а мы пришли с ней где-то около часа ночи. Вот не могли выйти! Вот только взойдём на эту... на эту сопочку на такую, вот, кажется, кругом какие-то белые дома, ничего не понятно! Но потом бабушка вот тоже молилась. Вышли на дорогу, а вышли на шоссе – и мы не знаем куда, в какую сторону идти: то ли на Пустошку, то ли на Опочку. Потом я говорю: «Бабушка, там, где Встроны, значит, это самое, мы живём на противоположной стороне. Давай вот так вот пойдём!»

Так что вот на той стороне, да...

(Там леший, да?)

Да, там лешие живут.

(А кто?)

Очень многие, очень многие, ну так, вот, понимаете, самого не видишь, самого не видишь изображения, а вот какая-то сила тебе говорит, что давай туда, иди-иди! А сам заблудишься.

(То есть лешего никто не видел?)

Нет. Не видел.

(А бывали случаи, когда леший крал кого-нибудь?)

Ну, у нас, по-моему, нет, такого я не знаю, такого я не слышала.

А1 5 Леший заводит человека;
+ А1 246 Леший бонится молитвы.

Записано от Садовниковой Валентины Тимофеевны, 1942 г. р., в д. Холуны Алольск. вол., 2005 г.

014_Пуст_Леший

(А бывает такое, что вот леший вот человека заводил? В лесу... Вот пойдешь в лес и заблудишься, говорят, леший водит? Да, леший водит. Черти играют. Бывало такое?)

Бывали.

(Бывали? А какие вот случаи это бывали?)

А бывали, бывали, что завядут, завядут, что и ня выйти человеку, а потом куда-то приводят. Это...

(Возвращают, да?)

Возвращают.

(А долго так водить может?)

Ой, я не знаю... Дети, мне всё ня вспомнить. Они, где хошь, провядут, говорит, и по кустам, и по тёмным лесам, и где только не повядут! А потом окажешься на своей дороге.

А1 5 Леший водит человека: водит по лесам и возвращает на знакомую дорогу. *Записано от Мусатовой Анны Степановны, 1932 г.р., в д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.*

015_Пуст_Леший

А это, как это, гад водил меня тут по лесу... четыре километра! И вот как лужа, так через лужу перелез!

(Это леший водил?)

Ну, это ня леший, это, наверно, этот... Никто там не водил, ни слядов никаких нет! Это вот с головой, напивши, понимаешь, был!

(И как он водил?)

А водил вот. Сюда – и давай сюда! И я сзади иду! Вода – и по воде иду, по лужам!

(Да?)

Да! Только куда-нибудь хочешь свярнуть, «Иди сюда!» – кричат.

(И вы идете?)

А куда ты денешься?

(А потом? А потом как?)

А потом я ня помню, как со мной было, понимаешь. Уже стало рассветать – это ночью было дело – рассветать. Ну, наверно, отошло – вскочил и домой, что ли. И я уже понял, что это, ясное дело, что, ну, то ли галлюцинация, то ли там чорт. Ну, это с пьянкой связано.

А1 5 Леший / черт заводит человека: *Записано от Максименкова*
человек идет на зов и оказывается в *Петра Васильевича, 1930 г.р., в*
воде, луже; человек не может найти *д. Кисели Алольской вол., 2005 г.*
дорогу в знакомых местах.

016_Пуст_Леший

А дочь моя рассказывала здесь. Она говорит: «Мам! Коров...»

У нас коров было много, и она, значит, гоняла коров в поле тут, километра полтора. И вот здесь вот на повороте – мы с вами ехали прямо, а это вот здесь вдоль реки – она говорит: «Не могу, – говорит, – больше! Бежит, кто-то рядом со мной идёт. Я, – говорит, – по дороге, а он по кустам, чувствую, что на меня кто-то смотрит и идёт наравне со мной! Я быстрее – он быстрее, я замедляю шаг – это существо замедляет. Мурашки, – говорит, – по коже, не могу! Как только я выхожу (там такой перешеек есть, лесочек и выход сразу на поле), как только на поле – на поле он не выходит. Так я, – говорит, – обратно, я с такой скор... когда коров стадо угонят, обратно я с такой скоростью бегу, чтоб только не чувствовать и не слышать своих шагов».

Уже у нас не было коров, уже внук появился, и она ходила гулять туда. Она говорит: «Я пошла с Лёшкой, было то же самое! То есть идёт рядом со мной кто-то. Больше, – говорит, – я туда не хожу».

(Так а кто это был?)

Ну а кто его знает?! Леший!

Человека пугает в определенном месте дороги: кто-то («он», леший) преследует человека, повторяя его движения.

Записано от Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольской вол., 2005 г.

017_Пуст_Леший

Моя мама, Надежда Никитична, так вот говорила, что это, мне уже вот восемьдесят двинется, без полтора года, побольше года, да, восемьдесят. А ей вообще уже, а считай вот как сорок три... сорок лет, как маме уже нет в живых, в яме ляжит. И я ещё маленько всё припоминаю. Говорить: «В Герасимово ходили гулять, деревня богатая была, а моста не было, только две ёлки протёсанные, рьяка вниз шумела. Рядом возеро, сюда Гнилуша – рьяка называлася Гнилуша. И вот, говорить, иду по полю, там, где был лес, онны пни оставши, не вижу никого. Как приду на эту речку, на эти кладки, там и до дому меньше километра уже остаётся, где дедушка жил. Она сироткой росла, маленькая тоже оставши. Вот, говорит, только что меня за подол ня дёржа, не хватае, когда я только на эту речку дойду, и идёт он, и свищет что-то, шум какой-то подымается. Но, говорит, видеть – никого ня вижу. А такой страх нагоняя, что, говорит, волосы даже подымаются на голове! Вот прибяжу домой...» А она папашкуй звала, там «папка», «тятка» – кто как звал, а она звала своего... Он военный был, дедушка, восемь лет служил в Кронштадте, так он такой был, как начитанный. Так вот она: «Папаш, так и так, говорить, только что меня, говорит, не дяржал там меня за юбку или за платье!» Раньше ж одежду всё носили длинное, крепкое, вязаное-самотканое, не такое, как мы сейчас ходим, в тоненьких, стареньких, слабеньких.

Ну так вот она видеть – ня видела, а такие были признаки, испуги. Ну а кто там ходил, в это время и ветер

подымался, и подсвистывал, и вожога¹ «в-в-в», да тое-другое?!
«Ну, – говорить, – я и бяжу бяз занних ног домой! Прибязу, рада, что откроют двери, а никто мяня ня троне, только пугае кто-то».

(Это в лесу, да?)

Ага. Так, моя голубушка!

Человека пугает в определенном месте дороги: шумом, свистом; кто-то («он») преследует человека в пути. Ср.: А1 6 Леший пугает человека в лесу звуками. *Записано от Калязиной Клавдии Семеновны, 1926 г. р., в д. Середеево Васильковск. с/с., 2005 г.*

018_Пуст_Леший

(А вот что нужно делать, чтобы не заблудиться?)

Не знаю...

(Не знаете?)

Перекреститься надо, когда в лес уходишь. Перекрестись, говорят, ни змеи не увидишь, и всё с тобой будет хорошо!

Нечистая сила боится креста. *Записано от Заливахиной Евгении Прохоровны, 1927 г.р., в д. Мясово Алольск. вол., 2005 г.*

Себежский район

019_Себ_Леший

(А скажите, когда в лес ходили, лешего не встречали?)

Что?

(Лешего?)

¹ Вожога (?) – звуки, похожие на вой, подвывание. Ср. вожокать – ‘плакать, хныкать’. || ‘Пицать’. Важокайт, как за́иц ф карзіны. Беж. Цевло (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 4. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – С. 85).

Лешего? Не, не встречали. Но были разговоры такие, просто разговоры были, что вот пошли в ягоды, и там кто-то за кустам бегал, мол, волосы распущены и, мол, палка на плече. Это леший, говорят, леший. Ну а так приходят с ягод и говорят. А там был он или не был, правда это или нет...

(Пугают, чтобы не ходили в ягоды.)

[Смеется] Пугали друг друга.

А1 1е Леший показывается людям в образе человека с длинными волосами и палкой на плече: встречается в лесу, бегаёт за кустами.

Записано от Лосевой Евгении Семеновны, 1936 г. р., Степановой Раисы Семеновны, 1937 г. р., в д. Кузнецовка Ленинск. вол., 2005 г.

020_Себ_Леший

(А его [лешего] можно увидеть?)

[Смеется] У нас один видал [смеется], ну, наверно, он с пьяных глаз! Пошёл в лес дрова рубить. И он [леший] прыгал, говорит, такой, как бык, с рогам, и прыгал на пружинах [смеется]. У нас такой был чудак!

А1 1 Леший показывается человеку в лесу в виде рогатого существа, а, прыгающего на пружинах.

Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка Ленинск. вол., 2006 г.

021_Себ_Леший

[О.В.А.]: Говорили так, что были... Ну что? Заблудишься и никак не выйти, ни туда, ни туда. Пока ему, наверно, пока ему... уже натешится этот леший. Было, говорили. А Бог его знает, правда это или нет!

(А как тогда можно от него избавиться?)

[О.В.А.]: (неразб.) Старые люди, наверно, молитвы, молитвы читают. Пойдёшь, молитву прочитаешь про себя, всё: «Господи, прости, да выведи ты меня на путь!» Кто его знает?!

(А леший пьяных чаще водит?)

[Л.Л.М.]: Всех, всех!

[О.В.А.]: Это сейчас нет таких.

(А лешего можно увидеть?)

[О.В.А.]: Нет, нет, он не показывается.

А1 5 Леший водит человека в лесу,
пока не натешится;
+ А1 246 Леший боится креста.

*Записано от Орловой
Валентины Афанасьевны
(О.В.А.), 1935 г. р., Лукьяновой
Любови Михайловны (Л.Л.М.)
1964 г. р., в д. Соврацино
Ленинск. вол. (с 2005 года в
составе гп Себеж), 2006 г.*

022_Себ_Леший

Я даже сама была заблудилши, вот в этом вот лясочке [показывает на лесок в 300 м от дома]. Ну, раньше же было здесь никаких... такой травы не было, всё паслось, коровы всё выедали.

Пошла за малиной, пригнали домой на полдни, пошла за малиной, набрала малины. Стала выходить. Выхожу: ай-ай-ай [качает головой]! Дома какие-то большущие, какие-то горы... Ничего [не узнать]. Я опять туда же, в лес! Походила... Ну вот же: я собирала, вот же этот куст! Вот тут я набрала много малины! Ну всё... Опять выхожу – опять не то...

И вот так три раза я ходила туда и обратно, потом думаю, говорю: «Господи, да что это за наказание?» И всё: и наш дом нормальный, и всё нормально.

(То есть это, как говорят, черти водили?)

Да-да-да! А потом тоже вот в нашей же тоже деревне вот там уже того дома нет, вот где сейчас пустой дом, тоже – баба Маша. Пойду... Ты... На своего мужа: «Ты, Дёма, говорит, поляжи, я схожу сушинку срублю». Ну и тоже пошла, ну ссékла эту сушинку, на плячо – и пошла. «Выхожу, говорит, Господи,

да что ж такое? – говорит. – Какие-то дома, – говорит, – какие-то собаки лают чужие, – говорит, – какие-то люди ходют!» Она опять туда, в этот лес.

И тоже так три раза, потом, говорит, встала: «Ну вот же этот пень! Вот же я срубала эту палку! Господи, да что это за наказание?» Перекрестилась. «Выхожу, – говорит, – да ёха, это ж моя деревня!»

Вот так... Да-да, тут что-то нехорошее есть в этом болоте. А теперь, наверно, ушли все.

(А вот как называют черта?)

Так, леший, чёрт.

AI 5 Леший водит / морочит человека: человек не может найти дорогу в знакомых местах;
+ AI 246 Леший боится креста.

Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка Ленинск. вол., 2006 г.

023_Себ_Леший

Алкоголь уже был. Шёл пьяненький он, здесь в колхозе работал. А у нас речка, а через речку подвесной мост. Ну вот, шёл, говорит: «И меня не на мост ведёт, а ведёт через речку идти. И зовёт меня кто-то, подаёт мне руку: «Иди, иди!» «Я, говорит, уже забрёл вот до пояса, а потом мне в голову: «Что же я делаю! Куда я иду!» Вот кто-то меня вёл!

Ну, я думаю, это уже по пьяни было!

AI 5 Леший заводит человека: человек идет на зов и оказывается в воде.

Записано от Цебиной Зинаиды Петровны, 1932 г. р., в д. Эпимахово Ленинск. вол., 2006 г.

Усвятский район

024_Усв_Леший

Отец мой охотником был. В те времена люди в праздники в лес не ходили. А он пошёл в Петров день. Вошёл он

в лес, видит – корни всякие, сучья, пни – всё выворочено и ломом, завалом таким валяется. Вдруг видит: мальчик такой бегеть. В красной рубашке, в синих штанах. Голова в его белая, курчавая. И бегеть прямо по этому лому, как кошка – легонько.

Тут он вспомнил про Бога, да про Петров день, да пошёл скорей домой. Дома он матери всё рассказал, а она ему говорит: «То был Лес-с-Сосной¹, отводил бы тебя по лесу и кормил бы губкой², а ты бы думал, что это булка. Так что хорошо, что ушёл!»

А1 54***

Духи природы (леший) активизируются на/в праздники (ср.: Г1/ГП 27а/27) + А1 1 Леший показывается людям в образе мальчика в красной рубашке и синих штанах: встречается в лесу, легко, как кошка, бежит по бурелому + А1 8а Защита от лешего —поминание Бога; + А1 5 Леший водит человека + А1 21 Хлебом лешего оказывается «губка» [гриб чага].

Записано от Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысая Гора, 1982 г.

¹ Леший, лесовик.

² Губка⁴ – ‘нарост на стволе березы, трутовик, чага’: Бярэзавая ўпкa на бярэзіны збкu расцьeць. Нев.; Трут, или гўпка з бярэзы гнiлбi. Вл. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 8. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 24, 71).

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ВОДЯНОМ

Куньинский район

001_Кун_Водяной

(А слышали ли что-нибудь про водяных, русалок?)

Нет, в этой местности их нету. Ни русалок, насчёт этого всё спокойно.

(А никаких историй, связанных с ними не слышали?)

Ну, люди пропадали, тонули. В этой деревни один человек потонул.

(А как он пропал?)

Да. Ну его нашли, но он потонул, в прудке, наверное, типа, может, связано и с этим.

АП 3 Водяной топил людей.

*Записано от Зенковой Ирины
Владимировны, 1963 г.р., в
д. Зубово, 2009 г.*

002_Кун_Водяной

(А вы слышали что-нибудь про лешего?)

Да, про этих про чертей...

(Ну, вот расскажите нам что-нибудь.)

Про бесо́ў. А ну что там они по лесу бегают, что ходить нельзя туда.

(А, ну вот, в вашей местности вот именно вот хозяина леса как называют?)

Ну, наверное, типа... кикиморы?

(А вот никто не рассказывал, никто не видел?)

Видели старые люди...

(А вот в виде кого?)

Передавали. В виде такой... типа чёрного человека. Его видели, охотник один. Идёт по лесу, и вот там сидит на кладках,

на озере, такой чёрный, голый и вот так вот [качает ногой] ногой хлопает по воде: «А год от году хуже-хуже! Год от году хуже-хуже!»

И вот так вот и барабанит. Вот это люди передавали.

АП 9 Водяной дух предсказывает / *Записано от Зенковой Ирины*
накликает худые времена («Год года *Владимировны, 1963 г.р., в*
хуже!»); *д. Зубово, 2009 г.*

+АП 13 Водяной / нечистый
показывается людям в образе черного
человека; +Бесы бегают по лесу.

Невельский район

003_Нев_Водяной

А вот ещё было. Старик рыбу ловил. Сдалось¹ ему: сидит кто-то на хряву², сидит и приговаривает: «Год года хуже, хуже нет этого года!»

Он как дал веслом, тот и поплыл! Может, это рогатый? Кто знает!

АП 9 Водяной дух предсказывает / *Записано от Матюшевой Марии*
накликает худые времена («Год года *Пимановны, 1908 г. р. в*
хуже!»). *д. Боярское Усть-Долыск. с/с,*
1984 г.

¹ Сда́ться – ‘почудиться, показаться’. Ср. в белорусском языке: зда́цца – ‘почудиться, причудиться; померещиться, показаться’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 1 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 1065).

² Креф – ‘вырванная из земли нижняя часть дерева’: Аннаво паткараўлили, убіли и пат креф пасаділи, креф – эта пень с карнямі в́варатифшы. Н-Сок. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 16. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 110).

Новосокольнический район

004_Н-Сок_Водяной

(А про покойников что-нибудь рассказывали?)

А что ж. Покойник есть покойник.

(Про утопленников, про самоубийц. Может быть, видели духов.)

А втопленников, у нас девка втопилась на озере на Бологовским. Я почту носила. Она забеременела, а он не стал гулять больше, и всё. И вот она задумала утопиться. Позвала племянника, то ли девочка, то ли мальчик, вот, ня помню, но такой вот небольшой был: «Пойдем погуляем!»

Вот как раз против Шетькова на берягу. Ну, вот. А потом мы пришли, почту разбираем, говорят: «Нюрка, Нюрка Заборовская утопивши!»

Ну кричать, что: «Народ побег, побег?»

Вот побегли и тут вызван – нигде не найти! А девочка говорит: «Вот Нюра шла и шла, потом – болтых туды! И потом вот выскочила, крикнула, рукам махнула и потом опять! Вот тут, вот тут!»

И вызвали с Сокольников – нигде ничаво не найти! Никак не найти и этих, ну которые уже умеют там под водой, – и нигде не найти!

А потом уже вот я ушла, уже поздно было, а Лиза такая (у нас бригадир был в Рыбках) и говорит: «Ой, Райк, хорошо ты ушла. У меня, – гврит, – с тех вот пор сердце как оторвалось, гврит. Как, – гврит, – страшна! Яе, утопленника, в воде ня ищут, а она все равно сидит там! Утопивши, а сидит! И вот, – гврит, – эты водолазы как закинули сети на пол-озера и, – гврит, – вот тянут и тянут, и кричат, что поймали, наверно. И вот тянут, а ёна, – гврит, – как девочка показывала, нет, девочка вроде была, как показывала всё, что тётя Нюра рукой вот так махнула и так и

вот так, – гврит, – и сидит, и так, – гврит, – и на берег так и вытянули в сети». Ну, говорят: «Живая, живая!» А она уже всё, окоченела. Вот.

Утопленница сидит на дне.

По ярославскому поверью, водяной приводит утопленника на дне в сидячее положение¹.

Записано от Цветковой Раисы Антоновны, 1912 г.р., в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.

005_Н-Сок_Водяной

А ета... А потом вот собольковый утопился в пруду. Вот возле конторы, что этот большой пруд сделали, самый большой. Теперь, наверное, к санаторию идёт туда он. Он в этом пруду, еще он был будто поменьше или потом увеличенный был.

Купались мальчишки. Купались, ну и давай закладываться! Вот, говорят, никогда не закладывайся! «А! Не, я нямножко!» – «А я дальше могу!» – «А я дальше могу!» Вот закладываться, говорят, на воды никогда няльзя.

Ну. Ну вот, вот такой Лобанов, Витька Лобанов с Собольков был, шастнадцать лет яму: «А я, – говорит, – переплыву!» – «А я дальше!» – «А я дальше!» Вот дальше, дальше. И всё, и улятел. И как нырнул, так и ня выскочил. И вот искали, искали, и ловили, и ловили, говорят: «Вот, точно!», мальчишки говорят: «Вот точно вот тут!»

А вот чья ж матка? А я думаю, с Лошанкова была. «Погодите, – говорит, – погодите, так не найдете».

Вот она прибегла с иконой, поставила и так и сяк, водила, водила кругом, потом вот поставила. «Ну, вот ищите, – говорит, – вот тут».

Полезли, и правда: нашли! А обыскали всё, ну нигде не найти! Вот нигде не найти!

¹ Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 105.

И вот бывало: кругом пожара, если загорелся, чтоб дальше не пошло. Вот с иконой обяжи кругом три раз этой постройки и перевярни икону вот, чтобы туды ветер перевярнуть – и ветер перевярнётся, и всё останешься, только это и сгорит.

Вот так делали люди.

АП 3 Водяной топит человека за нарушение запрета (хвалиться на воде);
+ Тело утонувшего находят с помощью пущенной по воде иконы;
+ Чтобы не допустить распространения огня на другие постройки, три раза с иконой в руках обходят горящий дом.

Записано от Цветковой Раисы Антоновны, 1912 г.р., в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.

Пустошкинский район

006_Пуст_Водяной

(А был в реке водяной?)

А немножечко, а немножечко повыше, я сейчас скажу, а немножко повыше там есть два... две такие впадины, говорят у нас здесь вот, в деревне нашей, говорят, что там вир. То есть вот так вот захватывает воду, крутит. И вот там это... погибли моя родная тётя и двоюродная моя тётя. Очень давно это было – это было в тридцать втором году. Мне просто рассказывали, что одной было десять лет, а другой – одиннадцать. Вот они, значит, купались, вот как туда их просто затянуло. Говорят, что там вот какая-то живёт нечистая сила и, обычно, там никогда не купаются.

(Что это она как бы затягивает?)

Да. Это очень редко там купаются. Между прочим, там после вот нашего был еще случай несчастный – турист один там

тоже погиб, вот его затянуло. А там значит вот как типа круговорот такой воды вот идёт и затягивает туда человека. Не обязательно, что это дети, даже вот взрослый человек. И так вот с ним случилось.

А1 3 Водяной / нечистая сила *Записано от Садовниковой
Валентины Тимофеевны, 1942
г. р., в д. Холюны Алольск. вол.,
2005 г.*

007_Пуст_Водяной

А случай был. Поехали мы с Тоней на рыбалку. А у меня лодка стояла там... в такую нишу... и я туда лодку загонял, она шириной была метра полтора всего.

И вот мы с рыбалки возвратились, туда загнал лодку я к одному берегу, а до второго там полметра оставалось. Я повернулся – сетки собираю – а лодка у меня очень шаткая такая. [Если] б она упала, или что, пошатнулась – услышал. А так собираю сетки, а она за спиной там: «Бульк-бульк!» Что-то в воде булькает. Поворачиваюсь – а она так по шею в воде. Ну, я, естественно, помог ей выйти. Спрашиваю: «Как ты туда попала?» А она: «Не знаю. Стояла-стояла, такое впечатление, что что-то подняло и рядом с лодкой поставило».

Ну, вот и вся история.

(А кто это был-то?)

Вот кто?

(А вы подумали, кто это был?)

Понятия не имею – кто. Может – водяной, может – леший. Тут граница была. Хотя на воде в принципе уже. Значит, водяной, наверное.

(А вы не слышали, вот у вас именно водяное существо именно водяной называется да, а никак по-другому не называется, вот?)

А не скажу, я и сам недавно здесь, в этих краях.

АП 9 Водяной и рыбаки: шутит над ад рыбаком и его женой-помощницей: ей невидимый, поднимает женщину и и ставит рядом с лодкой по горло в воде. *Записано от Якимчука Анатолия Андреевича, 1956 г. р. в д. Алоль Алольской вол., 2005 г.*

008_Пуст_Водяной

(А про водяных что-нибудь рассказывали?)

Ну вот, водяные... рассказывал мужчина один. Вы знаете, как ему верить? Он водку очень любил. Вот он, значит, говорит, что: «Я пошёл рыбу удить. И мне, значит, говорит, что от: “Давай, давай, говорит, ныряй, говорит, за мной, говорит”. Прямо вот так вот руки. Машет, машет, мол: “Иди, иди, иди ко мне!” Ну, – говорит, – я все-таки не стал, говорит, с лодки прыгать».

Я говорю: «Ну а что ты вот [видел]»? Он говорит: «А я, – говорит, – чьё-то изображение видел».

Ну, вот я не знаю, что это такое было, водяной или что это.

А П 9з Водяной и рыбаки: манит, зовет рыбака, которого хочет утопить. *Записано от Садовниковой Валентины Тимофеевны, 1942 г. р., в д. Холуны Алольск. вол., 2005 г.*

Усвятский район

009_Усв_Водяной

(Пелагея Семеновна! Мы слышали, что утопленник всегда в воде сидит и обувь снята.)

Не знаю, кто там их разувает. А вот что глаза у него всегда открыты, это уж точно. Вот всегда он под водой смотрит.

Вот недавно девушка с парнем утонули. Так их и нашли – сидят в воде и глаза открытые. Так их жалко было.

Утопленники сидят на дне.
См. комментарий к тексту
004_Н-Сок_Водяной.

*Записано от Васильевой Пелагеи
Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысяя
Гора Калошинск. с/с, 1981 г.*

010_Усв_Водяной

Вот когда человек утонет, то сидит под водой на корточках и разувшись, а обувь рядом лежит.

Девушка с ярмарки шла, да с моста в речку прыгнула. Всю одежду на мосту оставила, и прыгнула. А потом нашли её – сидит на корточках и сапоги рядом стоят.

Женщина одна, с Новой деревни, лет тридцать. Незамужняя. Говорит матери: «Мам, как надоело мне всё, пошли в вирину!» Мать ей: «Дура!» А та ушла, да так и пропала. А потом нашли её в торфянике в яме. Сидит на корточках, разувшись, и рука поднята.

Если человек не своей смертью умер, то он или раскинувшись в воде лежит, или в другой какой позе, но только не на корточках.

Утопленники сидят на дне.
См. комментарий к тексту
004_Н-Сок_Водяной.

*Записано от Паничевой
Анастасии Алексеевны, 1924
г. р., в д. Хлевище, 1981 г.*

011_Усв_Водяной

Коло городу проходила река, на берегу стояла баня коло реке. А в семье было много братьёв. Идут они вчетырех в баню. Подходят, послушают – кто-то парится у бани. Так поддает и кряхтит – парится.

«Что за чорт шумит?» – стали говорить. Выскочил мужчина бородатый из бани, стал за угол и смотрит. Они хотели его окружить и ловить. А он как прыгнет – и в воду! Потом

братья вяслом всё перепороли в том месте, куда прыгнул, и ничего не нашли. Видно, был водяной.

Водяной парится в бане; при появлении людей ныряет в реку. *Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р., в д. Борновалово, 1977 г.*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О РУСАЛКЕ

Великолукский район

001_Вл_Русалка

(С русалками что-нибудь связано было, какие-нибудь поверья?)

[С.А.П.]: Ну, вот, бывало, мы ребята бегали, а рожь густая, прятались тогда в эту рожь. А потом кто-то крикнет: «Ох, русалка шумить!» Значит, бежишь там, другой в другую сторону, и русалка, говорят: «Русалка». А это старики пугали ребят, чтоб они ня бегали по ржи: «Там русалки, поймает русалка, защекочет, она защекочет». И потом мы боялись ходить в рожь, бегать по ржи: эта русалка защекочет. Так старики вотпугали нас, чтоб не топтали рожь, а то мы бегали.

[К.Е.И.]: В глубоких озёрах и реки такие, когда глубокие были, и тоже всё всегда ругала, что: «Не плыви далеко: русалка утащит».

(А как она вообще выглядела? Никто не говорил?)

[К.Е.И.]: А?

(Как выглядит русалка, никто не говорил?)

[С.А.П.]: Никто её не видал.

[К.Е.И.]: Так а кто её видал, русалку?

[С.А.П.]: Нет, такое поверье было просто.

[К.Е.И.]: Ну русалк... показывали, ты же видела в кино, мультфильмы. У них ног нет, а у них хвост, плавники такие. Без ног, руки есть, а ног нет, плавники, плавают в воде.

АПШ 31** Русалками пугают детей;	<i>Записано от Садовниковой</i>
+АПШ 26 Русалки топят заплывших на глубокое место;	<i>Анастасии Павловны (С.А.П.),</i>
+АПШ 6 Русалки показываются в поле: ходят во ржи;	<i>1929 г. р., Кортышевой</i>
+АПШ 9 Русалка щекочет жертву.	<i>Екатерины Ивановны (К.Е.И.)</i>
	<i>1931 г. р. в д. Токолово Лычевск.</i>
	<i>вол., 2001 г.</i>

002_Вл_Русалка

(А почему до двенадцати?)

У двенадцать и причудится что-нибудь или всегда говорить, что в двенадцать часов, как это раньше бывало, говорить: «Ходют черти».

У Масленицу в самую ж у эту мой отец, и была у их девка, дружили оны с ней. А мужчина всё, бывало, и до двенадцати, и позже – всё куёт. Раньше были... разжигали на горна́х: вот эта доколяить, а тута-ка на́ковальня стоять, тут молоток один держать, а второй берёт раско́ленное железо, тогда он его кладёт на эту на́ковальню. Вот что им надо делать: или там этот обод какой, или тьи шины надо разбить, чтоб её расплэскать, согнуть. А оны надумалися: «Пойдем, – говорить, – сейчас Коваленку напугаем, да Ярошёнка». Ну ладно, одели ж эту – раньше ж верили русалкам, русалки были. Одевают халат белый, а волос же раньше не стригли, волос до пояса, кругом вот так обчешутся, идуть – халат и волосы.

(Чтоб лицо закрывало, да?)

Ни лица, ничего нет. Ну, оны взяли, а вот так они стоять на дороге, как вот, например, мой дом, а кузнец куёт – как вот Толин дом [показывает пять метров], через дорогу. Ну, послали Соньку: «Иди, – говорить, – напугай, чтоб больше ночью не кувал». Стоять оны. Она как пришла, тот вытянул железо с огня,

а красное... и положил наковаль, а етот намахнулся молотком его разбить. Она так как стояла, как против тебе [метр], она согнулася, уклонилася. Тот как держал вот так молоток и застыл, и не мог ударить по железу, спугался. Русалок боялися. А отец мне говорит: «А мы стоим, думаем: сейчас как дасть по головы молоткам Соньке, так и убьеть». Ну, ладно, она тогда задом-задом, оттулева ушла. «Давай будем глядеть, что будеть этот кузнец делать». Рано утром поглядять: повёл попа, повёл дьякона, отрубил кол осиновый, среди кузницы вбил – и с тех пор не стали русалки ходить. Куды там пойдешь, когда тебе убьють!

(А кол осиновый, почему именно осиновый?)

А так всегда было будем говорить: «Надо кол осиновый». А почему оны так называли – вбивать, чтоб никто не ходил.

Вот и Масленица вся.

Текст зафиксировал бытование обычая необрядового ряженья для достижения прагматических целей. В данном случае – инсценировку «явления русалки» как способе отвадить мешавшего соседям спать кузнеца работать по ночам. «Русалка» в данном повествовании, очевидно, – синоним «ведьмы». «Воспитательная» затея и реакция на нее кузнеца, составившие сюжет рассказа, основываются на поверьях о том, что а) в праздники активизируется нечисть; б) защита от нечисти / колдунов – молитва, осиновый кол.

Записано от Козловой Марии Ивановны, 1920 г. р. в г. Великие Луки, 2001 г.

Куньинский район

003_Кун_Русалка

(А у вас были там всякие поверья о русалках, о чертях?)

Ды рябят полохали¹ русалками, а мы их ня видели ни разу.

(А кто мог стать русалкой, говорили раньше?)

Ну, мол, бегаешь какая-то русалка, бегаешь там по полю! А кто её видал? А никто!

Вот такой у нас папоротник такой рос в кустах, говорят, это русалкины грябни назывались, русалки расчосывались этим грябням! Такой папоротник широкий, это я помню, бывало, там в кустах у нас рос.

(Вас только русалками пугали, домовой, чертями?)

Полохали всяко! Говорять, там чёрт у байни сидить! Там в риге чёрт сидить! А кто его видел?

(А вы боялись?)

Ну, нас же не пускали вечярам. Кричали, что там чёрт сидить, у риге чёрт и в байне чёрт, и где только нас полохали. Всяко ж было!

АШ 31** Русалками пугают детей;

Русалки бегают по полю:

+АШ 4 Русалки чешут волосы
гребнем; папоротник – русалкин
гребень;

+ Детей пугают чертом;

+ Черт сидит в бане, в риге.

*Записано от Агафоновой Анны
Прохоровны 1924 г. р., в
д. Секутьево, 1996 г.*

004_Кун_Русалка

(Тут у вас в округе много озер. Слышали Вы что-нибудь или, может, кто-нибудь рассказывал про водяных и русалок?)

¹ Полóхать – ‘пугать’. Ср. палóхаць – ‘пугать, страшить, устрашать’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 2 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 822).

Ну, туто это я вам расскажу. Про возеро я вам не расскажу. Когда мы жили, что назывался хутор Травинó называлось.

(Травино?)

Травинó. У Манискава. <...>Ну это... участок был, как таперь продают участки, и хутор назывался Травинó, и мой дедушка пошёл осину повалил, пошёл делать корыто, это у старинные года, дедушка мой. «Делаю, гарить, я корыто, бжжить, волосы распутивши, женщина, говорит, так ко мне, а я, говорит, говорю: “Поддержите вот тута рукой!” Я, говорить – раз! топор вытянул, ей руки и прижало. А это оказывается русалка. Так он оттуда и ушёл, от этой русалки. Она б его защекотала, замучила б деда.

(А как она выглядела, он не рассказывал?)

Ён [дед] ушёл; <...> ну, волосы распущенные волосы, длинные, голая, бжжить, вот, раздетая.

(А про водяных?)

А про водяных – я этого не могу вам сказать. Как-то этих я не слыхала.

Человек в лесу хитростью спасается от русалки: просит ее придержать дерево и защемляет руки русалки в его расщепленном стволе;

+АПШ 9 Русалка щекочет жертву;

+Русалка – нагая женщина с распущенными длинными волосами, бежит.

Записано от Снетковой Александры Николаевны, 1920 г. р., в д. Хмелево Жижицк. вол., 2009 г.

005_Кун_Русалка

Люди советские все.

(А, может быть, слышали что-нибудь про русалок, водяных?)

Да-а! Это сказки! Было, бабки говорят: «Не ходи на речку, не ходи на озеро, а то русалки схватят!» Ну, пугали, чтоб на озеро не ходили. У нас же озёр много здесь. [Смеется]

(А, может быть, слышали предание какое-нибудь про озеро?)

АШ 31** Русалками пугают детей.

*Записано от Ивановой Евгении
Гавриловны, 1929 г.р., в
д. Жижца Жижицк. вол.,
2009 г.*

Невельский район

006_Нев_Русалка

(Когда родилась? Сколько тебе лет?)

Родилась я в 1934 году, в мае, пятого мая и жила с родителями в деревне Куличи. В деревне мы с ребяташками играли в русалок.

Нам казалось, что русалки водятся во ржи, когда рожь ветер качал, когда она выколосовавши уже, ветер когда был, и рожь волнами такими ходила, и нам это казалось, что это там русалки бегут, и мы боялись русалок, убегали домой, закладывались на крюк.

(Кто-то вам сказал, что там русалки или вы сами это откуда-то взяли?)

Ну, это... Нам рассказывали родители про русалок, что они у озере, если будешь ходить к озеру, они могут зазвать и уто... утонуть можно тогда, за ними пойти и утонуть.

(То есть пугали вас так?)

Пугали нас так, что русалки, они в воде, они и на суше, ну, на суше мы вот представляли себе, что они во ржи бегают такие: с длинными косами, и казалось, что вот они бегут, и рожь вот так вот качается. Ну, к озеру не ходили, потому что боялись, что утонем.

(Кто такие русалки?)

Русалки – нам родители объясняли, что это такие девушки, красивые, высокие и с длинными красивыми волосами.

(А откуда они появились?)

Откуда они появились – это уже я не знаю, а жили они как бы вот в озере.

(А их кто-нибудь видел?)

Нихто, наверное, не видел [смеется]. Это так детей пугали, потому что нянек не было у детей дома сидеть, родители работали на поле.

(Она вредная или полезная?)

Как сказать: если ты непослушный, не слушаешься родителей, что тебе наказали, значит, они тебя схватят и у возера занесут, утопят [смеется]. Вот. Ну и мы представляли, что вот действительно такая девушка – русалка. Ну, вот мы представляли себе такую девушку, во ржи, потому что поля были рядом с деревней, и когда рожь уже была выколосовавши, и когда ветер дует, то она ходит волнами такими, как на море волны, а нам это казалось, что это русалка во ржи так, и волнами волосы развеваются.

(То есть вам это только казалось и историй о том, что ее кто-то видел, не было?)

А девушку-то в самом деле мы не видели.

(И не слышали, может, кто-нибудь рассказывал?)

Ну, говорят, что видели, что вот они такие красивые девушки.

(Может известно кто видел, когда, при каких условиях... В какие-то дни особенное, может быть...)

Такого не говорили нам.

АШ 31** Русалками пугают детей;
+Русалки бегают во ржи;
+Русалки заманивают в воду и топят

*Записано от Кузьменковой Анны
Антоновны, 1934 г. р., в
г. Невель, 2007 г.*

непослушных детей;
+Русалка имеет облик красивой
девушки с длинными волосами.

Новосокольнический район

007_Н-Сок_Русалка

(О русалках тоже ничего не помните?)

Говорили, что русалки во ржи бегают [смеется], что-нибудь такое, волосы [у кого-нибудь распущены – скажут:] «Как русалка во ржи!». Вот так говорили, что за русалка, я не видывала.

(А не говорили у вас, что она, например, парня какого-нибудь увела к себе в воду, утопила его?)

Не могу сказать. Может, что и слышала, может, и знала, а сейчас (неразб.).

Русалки бегают во ржи;
У русалки длинные волосы.

*Записано от Сапуновой Дарьи
Григорьевны, 1915 г. р., в
д. Бояки Бологовск. вол., 2004 г.*

008_Н-Сок_Русалка

Я пошла (ну не обязательно, что мамка, да заругалась). Я пошла за хлеу, дома, и только я стала, и ко мне навстречу идет женщина, голая, высокого роста, волосы длинные, белые. Я закричала, да, я закричала, ко мне пришла, подбегла бабушка, вот, и она исчезла, остался по ржи след, и по этому следу ишли в гумно, но там ничего не нашли. Она исчезла, а куда – неизвестно.

Русалка показывается человеку в
обилке высокой нагой женщины с
длинными белыми волосами,
исчезает, прячется во ржи.

*Записано от Головневой
Валентины Ивановны, 1933 г.р.,
в д. Демяхи, 2004 г.*

009_Н-Сок_Русалка

(А знаешь, бабушка, что-нибудь про русалок?)

Вот! Во! Баба Кулина рассказывала часто дядчатам! Я думаю, бабуля ваша знает. Говорит, говорят, ходили бояковские в малину, вот Гривой звали кусты и канава была, кусты, кусты! Это потом уже расчыстили, стала и Платонова нива, и Санина нива, а то всё были болоты. Орехов было стоко много! и этой... и малины! Вот бояковские ходили.

А наши бабы и говорят: «Кулин, хоть бы ты, говорит, сделалась русалкой и наполохала¹ б, гврит, баб, что, гврит, нам, мы, вот дождь идёт». А в малину-то ходили когда, когда дождь: жать нельзя, ну по малину сбегает или в грибы, а так же не пускали батьки-матки, надо работать. Ну. Ну вот. Вот а они вот тут жали, и бабы кучей, кучей! А мы, говорит, кричим: «Ну, вы нам не оставите ягод, всё обьярёте!» – «Да хватит и вам, хватит!» – «Ну, идите дальше, а это ня трогайте!» Ну вот. Ну, оны пошли.

Потом, гврит, немного погода, што? Я, говорит, раздяюсь голо-наголо, – а волосы в ней такие большие были, как у тебя были, – ну, я, говорит, как их на грябенку начихвостила, гврит, так нашоклатила, что всё! (нрзб.) Так немного загодя, а духом наберут: сильно мног малины было!

Ну вот, идут! Идут! А я, говорит, так: «И-и-и-и! И-и-и-и!» Раз! Раз! По ржи. И какая-то завидела: «Ой, бабы, русалка! Ой, лихонько моё!» А онна была бяременная. Вот тая бегла, бегла, гврит, грох об землю: «Бабы, не бросайте мяня! Бабы, бабы, за мной русалка бяжить!» А я: «И-и-и-и! И-и-и-и!» – как завижжу, гврит, рукам как замахаю, гврит, тряпки взяўши. А волосам как тряхнула, тут у меня так наделано! Ой, как побегли, как побегли, выбегли сюды, говорит, повалились на дороге, пока эту дожидали, а эта она всё: «Не бросайте! Караул! Не бросайте! Меня поймают!» Выбегли: «Фу! Провались, гврит, эта малина таперь, что мы сюды пойдём!»

¹ Наполóхать – ‘напугать’. Ср. палóхаць – ‘пугать; страшить, устрашать’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 2 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 822).

А я, говорит, сажу: «А, гады, вот больше не пойдёте!» А то мы ближние, нам некогда сходить, а они с Бояков, чёрт принес сюда! [Смеется] Вот вот русалки какие были!

(А про настоящих?)

А про настоящих не знаю. Авось, наверное, и были. А вот так. Сделаются.

Рассказ об инсценировке «явления русалки» с целью отвадить конкурентов в борьбе за дары леса. АПШ 6 «Русалка» показывается в ржаном поле у леса в облике нагой, с длинными взлохмаченными волосами женщины, визжит: «И-и-и!»

Записано от Цветковой Раисы Антоновны, 1912 г. р., в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.

Пустошкинский район

010_Пуст_Русалка

(А русалки – это вот девушки или дети, может быть, утонувшие? Кто они такие?)

Русалки? Ну, как тебе сказать, деточка? Говорят так, что вот если утопился, утопилась ты, скажем, или я там, или мои кто-то из роды, то вот... в той... и русалка и называется этот.

(Кто утонул?)

Угу.

(Это женщина или не женщина?)

Женщина, конечно. Ну, мужчины ж не топились, больше женщины!

(А почему?)

А кто знает? Може, не умели... (неразб.)

(А можно было русалку увидеть на земле? Что они, может быть, выходили из воды? Нет?)

Говорят, видели! Вот правда или нет? Я же не знаю! А говорят, что выдывали русалок этих.

(А когда их? Днём, ночью?)

Ну, кто его знает?! По-мóему, так, как бы вот так, по-мояму, как это было, я не знаю что, они выходили днём. Вот гуляют там и всё!

(Гуляют просто?)

Гуляют. А это оказывается русалка. Вот.

(Встречались человеку?)

Встречались, как говорят, встречались! Понятно, вот они такие были... хулиганки, не боялись!

(Так а в чем проявлялось их хулиганье? Что они делали?)

Как говорят, что они там, ну, встретятся с кем-нибудь, что она там хулиганит, я не знаю, может быть, что-то делает, говорят, что в волосах заплетали какие-то там херовины, чтоб ей потом не расплести. Хулиганили!..

(Неразб.)

Не, такую [русальную неделю] я не слыхивала...

АШ 1а Русалка – утопившаяся женщина;	<i>Записано от Тимошенковой Нины Владимировны, 1932 г. р., в д. Гаврильцево Алольск. вол., 2005 г.</i>
Русалки гуляют, озоруют над встречными людьми: путают им волосы.	

011_Пуст_Русалка

(Может быть, что умерший ребенок? Не слышали такого?)

Я слышала, что вот русалки – вот это умершие дети, которые молодые русалки.

Ну, русалки, что вот я, например, знаю, что... Может быть, это сказка. Видите ли, у меня бабуля была очень хорошая, у меня одна и другая бабушка были очень хорошие сказительницы.

(А что они рассказывали?)

Они такие всякие поверья рассказывали, сказки. Так вот, они говорили, что у нас русалки живут. Называется такое вот мелкое озеро – Мёленка мы его называем. Так вот у этой Мёленки раньше был чистый участок, и туда выходили из этого маленького озёрка вот эти вот русалки. И, якобы, что мой дед Иван видел вот эту русалку. Но он вообще-то никогда не пил, ничто. И вот, видимо, он уснул. И привиделось, что они вот выходят, значит, очень красивые. Волосы русые. Вот он почему-то увидел не темноволосая, а русая. Русые, значит, четыре женщины. Якобы он себя тоже видит, что они его так утанцовывают, утанцовывают. И, якобы, остались танцевать, но ног он не видел. У нее, значит, волосы длинные, распущенные, значит. Как типа знаешь, купальники не носили, а как вот носили сарафаны же. Так он её и увидел. И, значит, ни хвоста, ничто, ни ног он не видел. Ну, я хочу сказать, что дедушка, в общем-то, после такого сна недолго прожил, он очень недолго прожил. Это где-то примерно в тридцать пятом году вот его уже не стало. А вот, видимо, где-то, может, там в году тридцать третьем, в общем, скоро-скоро как-то вот он умер после такого видения.

АШ 1в** Русалками становятся умершие дети;	<i>Записано от Садовниковой</i>
2**б Русалка показывается в образе девушки с длинными волосами	<i>Валентины Тимофеевны, 1942 г. р., в д. Холюны Алольск. вол., 2005 г.</i>
+ АШ 6 Русалки показывается у воды: выходят из озера, танцуют, заманивают мужчину;	
+ 24*а** Увидеть русалку – к смерти.	

012_Пуст_Русалка

(А водяные? Русалки? Домовые?)

Говорили. Мой батя рассказывал. Ходил гулять в Петряши, в его пистолет был взят с собой. И там вот русалка.

Да мне самому пришлось эту русалку встретиться!

(А расскажите, пожалуйста!)

Да вот так. Я с рябятам завозился там, коло школы, где гуляли, и приотстал. Маленько на горушку взобрался: сидит старушка сядая и чешет волосы. У меня волосы дыбом поднялись, я мимо этой старушки как дал! Сразу нагнал свое стадо! Да. А что это за старушка была? Вот мне даже сейчас... Я стал говорить рябятам, никто ня верить, говорить, никого мы не видали. Говорять: «Иди ты на х*.й!» (неразб.) А я сам видал эту старушку.

(А как она выглядела?)

...своим глазам. Маленькая старушка, больше я никогда не видал, и мне не могла присниться, я ня пьяный был.

(А почему вы ее испугались?)

А потому что она сидит сядая и расчасывает! Я испугался...

(А длинные волосы были у неё?)

Это было, не знаю, наверно, лет четырнадцать. Это я сам видал и сейчас помню это.

(А в чем она одета была? Как выглядела?)

Одета... Какая была на х*.р одёжа – разглядывать!.. Я как дал дёру, так и ребят догнал!

(А почему Вы ее испугались?)

Так вот, вот это я помню. Это на моем вяку было.

АПШ 4 Русалка, сидя у дороги, *Записано от Гориталёва Сыся*
расчесывает волосы гребнем; *Павловича, 1923 г. р., в*
+ АПШ 2** Русалка имеет облик *д. Вербилово Алольск. вол.,*
маленькой седой старушки с *2005 г.*
длинными волосами.

013_Пуст_Русалка

(А вы не слышали ничего о русалках? Кто это? Допустим, может быть, утонувшие дети, женщины? Кто такие русалки?)

Ой, русалки! Ну, кто они, русалки? Вот я говорю вам, что вот говорили, что раньше вот выходили из воды русалки. Русалки, ведьмы вот эти, лешие там, чудо какое-то там выходило, в перьях, как говорится. И всё. А что они, не понимаю... Что они...

(А вы знаете, что такое русальная неделя?)

Нет, этого я не могу сказать.

АШ 6 Русалка выходит из воды.

*Записано от Богдановой
Валентины Максимовны, 1942
г. р., в д. Дракуново Алольск.
вол., 2005 г.*

014_Пуст_Русалка

Вот. Ну а есть предположение, что русалки, ну такое тоже бабушка мне рассказывала. У нас здесь такое место есть, крутой берег, мы ходим туда купаться. И вот она нас запугивала, что, говорит: «Вы никогда, особенно на Ивана Купалу, не ходите купаться поздно, потому что там, говорит, русалки не только детей увлекают, говорит, но они даже вот сумели так сбалансировать, что даже церковь туда ушла». Маленькая церквущечка.

АШ 31** Русалками пугают детей;
НДП Т. 4 30 36 Водяной дух топит
человека, если тот нарушает запреты
(купаются в неположенное время);
Преж. АШ 26* Русалка топит
человека;
+ Русалки топят в озере церковь.

*Записано от Садовниковой
Валентины Тимофеевны, 1942
г. р., в д. Холюны Алольск. вол.,
2005 г.*

015_Пуст_Русалка

(На Ивана Купала. А больше ничего не делали? Там русалок не зазывали там?)

Я русалок боялась в детстве маленькая.

(А почему? Вам про них что-нибудь рассказывали?)

А вот всё говорили: русалка ходит, русалка. Где? Во ржи русалка. А как рожь по обе стороны. Рожь-та хорошая росла. Так и боишься: где-нибудь тут русалка! Я была трусиха.

АПШ 31** Русалками пугают детей: *Записано от Константиновой Ольги Михайловны, 1908 г. р., в д. Заозерье Аюльск. вол., 1994 г.*

016_Пуст_Русалка

[Пугали] нас маленьких таких, что русалки, русалки кричат там от у нас в лесу, в Тиновке. И кто запоздает поздно, именно вот солнце за лес как закотится, тогда кричат русалки. Ну, точно я слышала, или от бóязни мне это было прислышалши. От бóязни... Може... Не... Може... Всяким разным голосам. Ну, може, это моя дума была. Мне казалось... Я боюсь...

(А что будет, если оглянешься?)

А! Ну, как бы они б тебя догнали там или что-то сделали или с тобой что-то случилось такое, если оглянешься. И так я домой прибегла с ягод, чярнику собирала, с лесу. Вот вот это вот лично сама слышала... Слышала или мне от бóязни вот такое было. Голоса всякие разные! А кто там: птицы, люди. Ну, говорили, что люди. Это от старых людей было слышно.

(А Вы такое слышали, что русалки, когда своими волосами человека обвивают, то человек умирает?)

Ну вот, вот так нас и пугали. Там... Я знаю...

(А может, еще что-нибудь было...)

Если... Если, ну, говорили, вот я слышала, что, если оглянешься назад, то вот что нехорошее тебя или там за тобой сразу или задушат тебя или что. Нельзя глядеть назад. И так я не оглянулась назад. Побоялась... Бягом прибегла. Это, я думаю, все нарочно...

(Получается, они поздно вечером водятся?)

Поздно вечером.

(А днём они?)

Солнце... Днём не.

(А где они днём бывают, Вы не знаете?)

Где?

(Да.)

В лесу у нас... Такая... Называется место Тиновка, ну, и там вообще глушь, болото, лес такой густой ... Да, как бы непроходимый... И мы всё боялись тое место. Что вот именно в том месте. Тиновка, да!

АШ 31** Русалками пугают детей; *Записано от Родченковой*
+ После заката солнца русалки *Прасковьи Афанасьевны, 1924*
появляются в лесу у болота, кричат, *г. р., в д. Дракуново Алольск.*
губят путника, оглянувшегося на *вол., 2005 г.*
крик.

Себежский район

017_Себ_Русалка

Вот русалку видела.

(Да? А расскажите, где?)

Во ржи видела. Ну, видела, пробегла, она ж ня делала мне ничего. Я не одна была, мы в хряпу ходили.

(А что русалки вообще делали?)

А?

(Что русалки делали?)

А я не знаю, что. Не могу, девочки, рассказать.

(А рассказывали что-нибудь?)

Не. Она ж людям ничего не говорила. Кто ее знать? Волосы все распущенные, она одевши, она ня голая.

АШ 6в (буква наша) Русалка во ржи: *Записано от Титовой Марии Захаровны, 1909 г. р., в д. Руково Бояриновск. вол., 1991 г.*

018_Себ_Русалка

(А у вас живут домовые, русалки или что-нибудь страшное?)

[Смеется] Ну, какие там русалки? Это просто ходили пугать, я знаю, что в детстве, ещё когда мы жили, дядьчонка я, шли ребятишки играть. Ну. И вот, ну, собираем там что-нибудь, или картошку пякли, или папуш¹ мололи. Что-нибудь такое, что, ну занимались, делали. Ребята так и есть ребята – играли. Ну и домой, бывало, никак нас не дозовутся. Целым бы дням там играли. Так вот, папка надел шубу, вывернул, да по етой иржи как зашаркает – вот тебе домовый, напугал нас, и с того больше мы не пошли. Ну-у, я ня верю, какие это...

АШ 31** Русалками пугают детей. *Записано от Никонёнок Антонины Павловны, 1927 г. р., в д. Мацково, 2002 г.*
В рассказе зафиксировано бытование обычая инсценировать «явление русалки/домового», чтобы загулявшие дети шли домой.

019_Себ_Русалка

(А про водяных или леших Вы что-нибудь знаете?)

Не знаю, наверно. Ну, как говорили: в тихом омуте черти водятся. Всегда говорили: не купайтесь, девки, в омуте, там всегда русалка какая-нибудь сидит да затащит куда-нибудь. Ну, такое. А вообще-то это уже, как говорится... Конечно, это неправда. Ну, все равно же это русское народное творчество, фольклор.

¹ Папуша – ‘связка листьев табака’ (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 25. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 99).

АПШ 31** Русалками пугают детей;
+ АПШ 26 Русалка топит тех, кто
нарушает запрет купаться в
неположенном месте.

*Записано от Кузьменковой
Марии Устиновны, 1949 г. р., в
д. Исаково Красноармейск. вол.,
2005 г.*

020_Себ_Русалка

(А вот... русалки приходят на землю?)

Ну, кто-то где-то говорил. По ржи, говорят, русалки, а лично никто ня видел. Никто... Так... Это просто вот выдумка народная такая пустая тёмных людей.

(А может, кто-то видел, поэтому и говорят? А вот зачем они выходят по ржи? Не знаете?)

Они ня ходят, это так люди выдумают и пугают людей.

(А зачем они их пугают?)

А чёрт их знает! Раньше ж было в каждого свой участок, может, чтобы там не тягался никто.

АПШ 31** Русалками пугают детей;
+АПШ 6 Русалки во ржи.

*Записано от Журавской
Антонины Васильевны, 1926 г.р.,
в д. Птушино, 2006 г.*

021_Себ_Русалка

(А вы знаете что-нибудь про русалок?)

Не, деточка, про русалок ничего не знаю... Нет... Потому что... Ну, мама пугала: в нас вот посеют, бывало, рожь, скажет, что: «Вот пойдите, пойдите в рожь, там вас русалка ўтянет!» А что это за русалки были, кто их знает? Раньше, говорит, проклинали, ну, людей проклинали всяко...

(Русалки?)

Нет, вообще вот человека проклянут, и он куда-то уходит... А русалка это, не русалка, не знаю... Но она особенно так не говорила про этих русалок, ну, пугала нас да и все, так что ничего особенного.

АПШ 16** Русалками становятся проклятые люди; *Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка, 2006 г.*
+АПШ 31** Русалками пугают детей: русалки во ржи – крадут детей, оказавшихся в поле.

022_Себ_Русалка

А что они за русалки? Вроде, волосы длинные, волосатые эти русалки! Ну не знаю...

(А не было никаких историй, там кого-то утащили?)

Не, нее...

(А где они именно обитали?)

Я думаю, русалки, наверно, как вот то ли в лесу они живут, эти русалки.

(А не в воде?)

А я не знаю. Раньше, бывало, что это пугали детей, что русалка забяре́т... А теперь дети не боятся. [Смеется]

Преж. АПШ 2** У русалок длинные волосы; *Записано от Богдановой Ольги Степановны, 1932 г. р., в д. Мальково, 2006 г.*
+Преж. АПШ 6 Русалки живут в лесу;
+АПШ 31** Русалками пугают детей: русалки крадут детей.

Усвятский район

023_Усв_Русалка

(А кто такие русалки?)

Русалок я не видала, но леуенду слышала, что когда дьявчонки собирались к пруду или к озеру и парни, то с озера выходили красивые девочки. И к себе подманивали и парней, и дьявчонок. Когда они к ним приближались, они их ухватывали, утягивали к себе ў озеро и топили.

(Значит, русалки опасны, да, для людей?)

Для людей очень опасны русалки.

(А как они выглядят?)

Они выглядят очень красивые девочки, но всё равно у них ног нет, у них хвосты как у рыбы.

АПШ 2** Русалки показываются в образе красивых девушек с рыбьим хвостом

Записано от Сергеенко Евдокии Михайловны, 1932 г. р., в п. Усвяты, 2005 г.

+ АПШ 26 Русалки топят человека: заманивают и утаскивают в воду.

024_Усв_Русалка

(А кто такие русалки?)

Ну, русалки... Русалки надяются, бывало, русалкам, или как русалка.

(А бывает такое поверье, что русалка в озере живет и может убивать, то есть заталкивать в воду людей?)

Ня слушайте, неправда это! Просто шутка, смех: «Русалка! Русалка!»

(А как переодеваются, когда в русалку?)

Ну, бывало... А, русалка, оденутся в какое-нибудь платье красное нарочно и волосы распустят – русалка! Пууаают, бывало, это как, молодёжь, ходили когда-то, были, вот к этой вон, когда купаться. Купаленка вот. Во, в русалку даже тогда надевались, в Купаленку в русалку.

(А эта русалка за кем-то бегала, пугала, или за ней, наоборот, бегали?)

И парни, бывало, и за русалкой, и русалка, бывало, затыаывает. Балуемся. А в (неразб.), так что у нас ни озера, ничего, канава такая была, голая канава, так, бывало, мальцы тады затыаывают тебя в тую канаву [смеется]. Топят. Вот как было.

Русалки на Ивана (Купаленка). *Записано от Ковалевой Анны Ивановны, 1930 г. р., в п. Усвяты, 2005 г.*
Представления о русалке, отразившиеся в обрядовых действиях.
+АШ 26**

Русалка является в образе женщины в красном платье и с распущенными волосами;

+ АШ26 Русалка топит человека: «затягивает» в воду.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ДОМОВОМ

Великолукский район

001_Вл_Домовой

(Бабуль, что ты знаешь про домового? Расскажи!)

Домовые есть в каждом доме, квартире. Без домового квартиры не бывает. Домовые иногда предсказывают что-то. Вот я тебе расскажу про свою работницу. Она, что-то ей стало плохо, ну, и она не знала, что такое. Вот. На нее хозяйка ругалась, она жила на частной квартире. Она легла спать; но она слышала, что бывают домовые в квартирах. Легла спать, и у ее, с нее лично стянул домовый одеяло, на пол. А говорят, когда, можно спрашивать, к хорошему или плохому, можно перекреститься, а можно и матом ругнуться, смотря что. Ну вот. *(Подожди. А вот если спросишь к хорошему или к плохому, как он ответит, что к хорошему или... голосом?)*

Голосом.

(Т.е. она спросит, что это хорошо, он скажет: «Да, это хорошо»?)

«К хорошему», – скажет.

Вот она, когда он стянул одеяло, она его заругала матом. Это Валя Дорощкина у нас, заругала матом. Ну и все, на этом

кончилось. Она укрылась, он ушел. Она утром встает, и ее выгоняет хозяйка с квартиры. Вот как домовые делают. Домовые очень много в доме делают. Вот. Ну что тебе еще про этих домовых. Видишь, говорят, когда дом строят, на четырех углах там ложат какие-то копейки, это чтобы для домового что-то там находилось.

(А вы, когда строили, ложили что-нибудь?)

Мы, мы, мы Машенька, это я уже старый человек, но вы ж теперь этому не понимаете. Вот, говорят, строишь дом, обязательно надо первое занести хлеб с солью в дом, чтоб дом был счастлив, или кошку занести в дом, чтоб всегда в доме был уют.

(А вот хлеб с солью, почему именно хлеб с солью?)

Не знаю, почему хлеб с солью, для того, чтоб в доме всегда была полна жизнь. Вот. Так что домовые – это правильно. Они везде и каждом доме есть. Даже бывает, но со мной этого не было, но мы же общаемся и рассказывают. Даже могут ночью слышать, как посудой грохочет домовый. Как ходит по квартире, там слышат, не увидишь никогда, но услышать ты можешь многое от домового. И больше будешь слышать, когда что-то плохое ожидаешь в доме.

Домовой есть в каждом доме;

+Б1 5г Домовой ночью в доме «шалит»: сбрасывает с человека одеяло;

+Б1 7д (буква наша) От домового помогает: матерная ругань;

+Б1 12б Домовой наказывает за неуважительное отношение;

+Б1 1 Домовой невидим;

+Б1 9б Домовой предсказывает будущее;

+Домовой живет в углу: при строительстве дома кладут монеты на углы фундамента для домового.

*Записано от Захаренковой
Марии Михайловны, 1930 г. р., в
г. Великие Луки, 2006 г.*

002_Вл_Домовой

Это было у правду. У матери был первый муж. Он умер. Она созналася с парнем. От первого мужа у ей осталась девочка небольшая, даже скажу с какого года – с девятнадцатого она года, ну тогда она маленькой была.

Потом мать поехала со вторым под венец, поехала под венец, подругу попросила блины печь. На свадьбу же раньше блины пякли.

(Блины пекли?)

А как же?! Блины да ящо и с пясочком, да и с маслицем.

<...> Ну вот... Они поехали под венец, а подругу попросили блины печь. Подруга блиноў напякла.

Приползла (на хуторы мы жили) приползла гадюка на двор. Никогда не было гадюк и ня видели. Приползла гадюка черная. Эту гадюку вбили, а яё бить ня надо было. В нас сдохла лошадь, корова, собака и овечка. О, сколько подохло!

И потом бывало – отец к матери, а она невблизь.

Только единолично жили раньше. Корову пойдет доить ў хлеў. Говорить, как кто-то бярётся вот так [показывает на спину руками] спускаеть с яё кожицу. Ну, просто всю вот так сдирает.

Потом у матери мать поехала в Дубневичы. Там мужчына знал¹. И вот отделили². Это уже моя бабушка поехала, матери моей мать. И тогда стали только жить хорошо.

Во как было раньше! Бывало, людей и волкам делали, и чартей каких-то напускали.

Змею на территории дома нельзя убивать: если ее убить, погибает скот, домашние животные, не ладятся семейные отношения.
+Б1 8в домовой мучает скотину.

Записано от Парфеновой Веры Петровны, 1929 г. р., в д. Поречье Пореченской вол., 1994 г.

¹ Знать – ‘быть знахарем; владеть способностью избавлять от недугов, причиненных нечистой силой’.

² Отделывать – ‘снять колдовство, порчу, сглаз’.

Куньинский район

003_Кун_Домовой

(А про нечистую силу что-нибудь слышали там, про леших, водяного, домового?)

Ну, как сказки читаешь, как мы дети были – сказки читаешь, бабушки расскажут. А так у домах...

(А про домового что-нибудь рассказывали?)

Не-а.

Вот одна бабка мне говорила... Правда это – няправда (неразб.). Ко мне приходил, ну как... домовёнок или што, вот правда. Она говорит, что правда, действительно, мол, я встала, и он сидит напротив меня на кровати.

(А как он выглядел?)

Маленький такой, она говорила (я еще в больнице с ней лежала), говорить, маленький и разговаривал. А я говорю: «Так а что он тебе говорил?» – «А я, – говорит, – теперь ня помню». Она вот так сказала, знаю, что сидел напротив меня на кровати.

(А как он? В человеческом облике?)

В человеческом – она сказала, маленького росточку такого.

Б1 Домовой показывается людям в образе маленького человечка.

Записано от Вербиной Татьяны Васильевны, 1954 г. р., в д. Волково Октябрьск. вол. (теперь Куньинская вол.), 2009 г.

004_Кун_Домовой

[Домовые] Водились где-то. Мама рассказывала: заночевала где-то у богатых людей, в коридоре. Вдруг стукотня раздалась!

Спрашиваю: «Девки, что это?» А они: «Спи!»

А это домовой: сел и до двенадцати часов ездил на коромысле и в стенку ударился.

Домовой водится не в каждом доме;
+ Б1 5 Домовой ночью в доме: ездит
на коромысле.

*Записано от Ивановой Марии
Ильиничны, 1910 г. р. в д. Татуи
Куньинск. с/с, 1983 г.*

005_Кун_Домовой

Построили нам у колхозе дом, и вот ночуем у нём первую ночь. А мне бабы говорили, что приходит у первую ночь домовый знакомиться, да селиться. Ну, а я молода еще была, не верила.

Ну вот, легли мы спать. Вдруг слышу: кто-то в доме ходит, как будто мокрыми босыми ногами: шлёп-шлёп! Я глянула: нет никого, дети спят все. А на полу мокрые следы остались. Тут я легла, лежу, слушаю. Опять половицы скрипеть начали. И вот чувствую я, что ко мне кто-то подходит, только вот не вижу, кто. Вдруг что-то тяжёлое, мохнатое, а шерсть как у ентой собаки, мне на руку кладется. Ну, я знала, что делать надо, молитву читать начала, а тут и петухи пропели, и не стало никого. Только на руке моей капли воды остались. Вот так я и познакомилась с домовым.

Домовой приходит в новый дом
селиться и знакомиться с
новосеклами;
Б1 5 Домовой ночью в доме: ходит,
оставаясь невидимым; наваливается
на человека;
+Б1 7 Домовой боится: пения петуха.

*Записано от Кондратьевой
Ольги Петровны, 1909 г. р. в
д. Кривицы Каськовск. с/с,
1993 г.*

006_Кун_Домовой

(А вредил ли домовый или приносил добро?)

Не знаю... На моём веку ни добро, ни вреда – ничего не было от домовова.

(А что делает домовой? Например, ночью в доме разбрасывает неубранную посуду, ищет еду, давит человека, наносит ему физические увечья...)

Вот это... Слушай, чего хочу сказать. Одна женщина и говорит: «Вот там в нашем доме живут, всё ходит домовой. И вот каждую ночь ходит домовой». Я говорю: «Не знаю, что такой. Я домового и не слышала ни разу и не видела!» А третья говорить: «А ты поставь всё дома, чтобы поесть чего... Зачем он к тебе пойдёт, если нигде ничего нету... А поставишь всё, значит, можа, придёт поесть». Вот это такие разговоры были у нас.

(А что домовой любит и что не любит?)

Не знаю... Беспорядка не любит и всё; порядок любить, чтоб был в доме, а беспорядка нет.

(А как наказывает человека?)

А как наказывает? То разобьётся что-нибудь, ну, понесёшь что-нибудь – разобьётся, что-нибудь. Вот такое. Кто что-нибудь смутится там... Молоко, примерно, не закроешь. Оно уже будет негоже есть.

(Рассказывают ли о том, как домовой предсказывает будущее?)

Не знаю. Нет. Говорят, когда домовой ходят (это я слышала), что впоследствии всё равно житья никому не будет – он выселить их постепенно.

(А как он выживает?)

Сама плохая жизнь, и человек сам бросает этот дом.

- Б1 5ж** Домовой ночью в доме: *Записано от Зинкевич Натальи Михайловны, 1920 г. р., в д. Сопки Назимовск. вол., 2004 г.*
ходит;
+Б1 9 Домовой предсказывает будущее: ходит не к добру;
+ Б1 16 Домовой выживает хозяина из дома;
+ Б1 12г* Домовой наказывает за за беспорядок в доме.

007_Кун_Домовой

(А домовой у вас не шалит?)

Ну, иногда вроде бы, кто лошадей держит, вот те вроде бы жалуются, что там лошадь беспокойная стоит. Вот у меня там соседи держат лошадь, ну вот у них, наверное, бывает.

(А почему именно с лошадью, у того, у кого лошадь?)

А у него то там с ночи запутаны волосы, грива, типа этого. Я не знаю деталей.

(А что чаще делает домовой: вредит хозяевам или приносит добро?)

Их, я думаю, уже почти и нету. Я думаю, что приносит добро.

(Где именно в доме живет домовой?)

Ну, говорят, что на чердаке.

(А как он выглядит? Рассказывали?)

Ну, рассказывали, что в виде такого старого человека... мужского пола.

(А вот увидеть? Как его можно увидеть? Может, в какое-то определенное время? В какой-то определенный праздник?)

Ну, обычно по вечерам. В ночное время, а конкретно никто, наверное, и не знает, кому как придется.

(Что домовой любит, а что он не любит?)

Иные домового кормят... с крыльца кашей. Я не наблюдала, но так-то слышала. Утром, да... И постоянно старые оставляют корки, где-нибудь за печкой, складывают туда корки.

(А они там пропадают или так лежат?)

Да, иногда кошки растягивают, крысы.

(Рассказывали о том, как домовой предсказывал будущее?)

Да, он, как называют, вестит. Там то половицы щёлкают, то там тараканы размножаются. Вот такие приметы – это есть.

(А слышали вы о том, как домовой выживал хозяина из дома?)

Да, это иногда и выживает. Такие ходят разговоры.

(А не знаете почему?)

Нет, вот эти причины неизвестны.

(А вот как домовый относится к детям?)

По-моему, он их игнорирует, равнодушен. Он их не считает за людьми, за людей.

(А наказывал хозяина за что-нибудь?)

Да, иногда вредил домовый. Там вот, ну, по хозяйству чего-нибудь там: у кур кладки крал.

Б1 86 Домовой мучает скотину;

Б1 16 Домовой принимает образ старика;

Б1 9 Домовой предсказывает будущее («вестит»): трещат половицы, появляется много тараканов;

Б1 12 Домовой наказывает: вредит (крадет кладку куриных яиц).

Записано от Зенковой Ирины Владимировны, 1963 г. р., в д. Zubovo Kуньинск. вол., 2009 г.

008_Кун_Домовой

(А домовый у вас живет?)

А не могу сказать. Когда мы сгорели, жили у том доме [показывает на противоположную сторону дороги], и вот там мы сгорели, сами не знаем, отчего мы сгорели, жгли костёр сена, и нам попала искра, и мы загорелися.

Ишла соседка, Валеркина matka, хто-то ходил, я понимаю шаги, а потом она [соседка] идет и говорить мне вечером: «Ой, чуть сейчас не наступила, что это у вас тут, где сгорел сарай?» Я говорю: «А что там?» – «Лежит, – говорит, – такой клубок, клубок серого цвета, свернувши, он так и пополз». У меня даже платок чуть с головы не свалился!

А так я больше ничего не знаю. Ходили домовые плакали. Перейдешь в другое место, вот я купила другой дом, а в том доме он плачет.

Б1 14 Домовой после пожара дома приходит на пепелище;

Записано от Снетковой Александры Николаевны, 1920

Б1 Домовой показывается людям в образе змеи; *г.р., в д. Хмелево Жижицк. вол., 2009 г.*
Б1 146** Домовой обижается, если его не приглашают в новый дом: плачет, забытый в старом доме.

Невельский район

009_Нев_Домовой

(Пожалуйста, вы знаете что-нибудь про домового? У вас случалось каких-нибудь не было?)

Про домового... я так слышала. Девчонки, ну я сама раз, сама раз вот чё-то я заподозрела, что кто-то есть. Потому что вот как-то плохо мне было, я не вбрала со стола, не вбрала. И вот, ну я помню, у меня так зрительная память хорошая, помню, где там что, ай, думаю, это самое, утром уберу! Тем более газа нет у меня, надо водú греть на плике. И легла.

И вот утром встаю, смотрю: на краю ложка [смеется], ножик тоже в другом месте, всё как будто передвинуто. Может, кто и есть.

А другой раз даже слышу, ещё даже Саши не было, слышу так: скок! скок! Кто-то прыгает, я не знаю, вот правда! Такое, я думаю, что-то есть такое.

Ну, вот за посудой я наблюдала, это точно.

(А не видели никогда?)

Не, не видела. Не видела, но вот моя знакомая, с которой мы работали, Марья Петровна, она – царство ей небесное, пусть пухом – вот она рассказывала, она видела, она видела этих даже... Открыла подполье и даже вот кому-то показывала, что вот смотрите. Видела даже этих... ну, тёмные силы.

Б1 5а Домовой ночью в доме: а) *Записано от Смирновой Надежды Трофимовны, 1939 г. р., в д. Иваново Ивановск. вол., 2008 г.*
разбрасывает/передвигает неубранную посуду; скачет.

010_Нев_Домовой

Баба легла спать, еще глаза не закрыла. Вдруг, выходит из-за простыни, которая закрывает одежду, старичок. Баба испугалась, говорит: «Господи, Господи!» Старичок и пропал. Баба побежала спросить к матери, кто это был. А она говорит, надо было узнать, к хорошему он приходил или к плохому.

А у бабы потом сына избили, стал инвалидом.

Б1 9в** Домовой предсказывает будущее: показывается – в семье случается несчастье. *Записано от Карзиной Ефросиньи Петровны, 1900 г. р., в д. Опухлики Голубоозерск. с/с, 1984 г.*

011_Нев_Домовой¹

(А вы не знаете про домового что-нибудь?)

Да. Домовой должен жить в каждом доме, мне бабушка рассказывала, он в каждом доме есть, и он разный. Бывает добрый, бывает злой, любит пошалить, вечером постучать, погреметь, погреметь чем-то там, песни попеть, позавывать.

(А вот скажите, пожалуйста, наказывает ли домовый хозяйку, которая не следит за домом? Например, посуду бьет, что-нибудь крадет.)

Да, наказывает, конечно.

(А у вас таких случаев не было?)

Ну, так сразу, конечно, и не вспомнишь.

(А попробуйте.)

Ну, например, вот... хлев мы однажды как-то не вычистили, ну что-то, я не знаю, замотались. Потом вот на утро не могли найти... вёдер, собственно, ни тазов, ничего не нашли!

¹ Тексты 011–013 *Нев_Домовой* записаны в одной беседе от одной информантки и составляют сюжетно-тематический мини-цикл, с доминирующим мотивом, отражающим поверье «домовой наказывает за несоблюдение порядка в доме». Вокруг него организуются мотивы, связанные с представлениями о негативных проявлениях домашнего духа (они представлены как следствие его недовольства поведением людей); о приношениях домовому как способе помириться с «хозяином».

А, да, вот ещё! Праздник был, и застолье, естественно, пришли к нам гости. И разошлись поздно мы, осталось много грязной посуды, ну и решили оставить наутро. Вы знаете, конечно, утром мы проснулись, мы ужаснулись, потому что и посуда валялась на полу, и некоторая была разбита, и много чего потом не нашли из вещей. И вот мы поняли, что домовый на нас рассердился, и мы уже решили его не гнѣвить больше.

Домовой есть в каждом доме;	<i>Записано от Морозовой Марии</i>
+Б1 12к Домовой наказывает за	<i>Евгеньевны, 1980 г. р., в</i>
несоблюдение порядка в доме;	<i>д. Рыкалёво Ивановск. вол.,</i>
+Б1 5а Домовой ночью в доме:	<i>2008 г.</i>
разбрасывает неубранную посуду;	
+ Б1 25** Домовой озорует: стучит,	
поет, воет.	

012_Нев_Домовой

(А скажите, пожалуйста, вы никогда не видели?)

Я вот не знаю точно, домового ли я видела, но вот однажды поздно, да, ночью я шла как раз в туалет и проходила мимо кухни, и я вот увидела, что в шкафу, где вот у нас крупы, всё хранится, как раз такого был невысокого роста человек, наверное, вот даже, ну я не скажу, что он дедушка, ну борода, конечно, была, но больше похож на гнома. Такой был случай у меня, да.

А ещё знаю такой случай. Живѣт у нас в деревне семья, ну женщина не очень чистоplotная, у них там грязно, вот обычно, редко когда убираются. А мужчина, вот, муж её, работает. И вот он когда приходит, однажды был случай, что он пришѣл с работы и вдруг увидел у себя в доме вот мужчину. Ну, он, конечно, к жене сразу, что там она изменяет ему, скандал был, конечно, большой. Та даже не поняла, о чём он говорит. На следующий вечер он приходит, опять видит: в доме у них мужчина, вот! На третий день, вечер, когда он пришѣл домой, он

подошел к этому мужчине и ударил его, а тот ему дал подщёчину и исчез. А он наутро, когда проснулся, то он обнаружил, что у него вот на лице у него остался отпечаток, прям синяк такой, прям синяя, как пятерня что ли!

И вот они поехали к бабке, и она вот сказала им, что хозяин обидел домового.

Б1 1а Домовой показывается людям в образе мужчины;	<i>Записано от Морозовой Марии Евгеньевны, 1980 г. р., в д. Рыкалёво Ивановск. вол., 2008 г.</i>
+Домовой ссорит супругов, своим появлением провоцируя подозрения мужа об измене жены, внезапно исчезает;	
+Б1 12б Домовой наказывает за неуважительное отношение: от пощечины домового остается «синяя пятерня»;	
Б1 1 Домовой похож на гнома.	

013_Нев Домовой

(А не пытались как-нибудь домового задобрить, чтобы он не обижал?)

Ну, да. Тут-то, конечно, с домовым договориться легко, в принципе. Надо убирать, поддерживать дом в чистоте.

После того случая, вот как домовый нас поучил, посуду раскидал, ну, я вам рассказывала до этого, вот, мы решили, конечно, его немного задобрить, всё-таки он обиделся немного на нас. Ну, вот обычно мы на ночь оставляем на столе воду, хлеб, например, мёд ставим или там кусок пирога, скажем, и обычно вот произносим такие слова, что: «Соседушка-домовой, приходи ко мне ужинать».

(И вот с тех пор у вас все хорошо, да?)

Да, с тех пор всё хорошо.

Б1 7с*** Домового задабривают, приглашая обедать, оставляя для него пищу.	<i>Записано от Морозовой Марии Евгеньевны, 1980 г. р., в д. Рыкалёво Ивановск. вол., 2008 г.</i>
---	--

014_Нев_Домовой

(Вам про домового никто не рассказывал?)

Домовой, девочки мои... Вот мой внук получил ў Пскове... квартиру. Вот. Няделю, неделю он уже жил у своей квартире. И я даже писала, ну, своей уже нявестке, такую записочку, что домовой, у каждом доме есть домовой, и надо, когда вот переезжаешь, вот будете квартиру получать, вот сяүодня усё-усё-усё сделали, ну и этот вечар остався. И яму положите хлеба, соли и вина можно налить. И надо сказать: «Соседушка-домовой, приходи к нам ужинать!» Это уже так домовоүо заманивають. Вот тогда уже ў доме будет всё нормально.

Може, и правда.

Б1 14 В новый дом нужно звать *Записано от Кузьминой Нины Ивановны, 1934 г. р., в д. Иваново Ивановск. вол., 2008 г.*

015_Нев_Домовой

(Скажите, пожалуйста, вы не знаете что-нибудь про домового?)

Ну домовой, как так говорится, есть в каждом доме.

(И что он делает?)

Ну, вот даже, допустим, мы выстроили свою эту хатёну. Перейшли, мы привели сначала котика, положили, ввели в дом, а потом уже стали сами жить. И у меня мысли такие были, что я всё время боялась, боялась: ну, как всё говорят, как примет домовой, так и будешь жить в своем доме. Домовой – это есть, это уже ня скроешь! Это твоё счастье или твоё несчастье.

(А видели когда-нибудь?)

Домового?

(Да.)

Нет, это нам уже не положено глядеть домового. Не суждено, не суждено.

(А вот как домовый поступает с теми людьми, которые за домом не ухаживают, все раскидывают, грязно?)

За домом не ухаживают или как?

(Да. Вот если, например, как домовый поступает с людьми, которые не ухаживают за домом?)

А нам откуда знать, как он относится? Такие люди, они не хотят жить настоящим, такая жизнь у доме у их, пусто... пусто... пустомордые (?), ня люди. В пьянь бросаются, в гулянья, вот и домовый! Какой там домовый? Там уже домовый... руки опустить.

(Ну, может, как-нибудь наказывает?)

Ну, наказание у каждого своё, кому какое Господь дась. Без наказа редко кто прожил. А за что грехи наши, не знаю.

Судьба новоселов зависит от	<i>Записано от Волковой Нины</i>
домового: как примет домовый, так и	<i>Григорьевны, 1936 г. р., в</i>
будешь жить в новом доме;	<i>п. Черёмушки [часть Невеля?],</i>
+Домового нельзя увидеть.	<i>2008 г.</i>

016_Нев_Домовой

(Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь сталкивались со сверхъестественным?)

Силами?

(Да.)

Такого не, такого не было.

(Ну вот, например, бывают же домовые всякие, вы не сталкивались?)

Не, не, такого нету. Не встречал, никогда. И спал у траншеи за городом один, и по ночам везде ходил, и в лесу, и по кустам, и никогда не встречался ни с кем.

(А вот вам, может быть, кто-нибудь рассказывал?)

Это вот, слушай, вот домового видела своими глазами твоя бабушка, она жила, вот у неё надо...

Женщина видела домового.

*Записано от Шеренкова
Анатолия Матвеевича, 1937
г. р., в г. Невеле, 2008 г.*

Новосокольнический район

017_Н-Сок_Домовой

(А можешь, бабушка, рассказать что-нибудь про нечистую силу: про лешего, например, про водяного, про русалку, про черта?)

Нет. Слава Богу, мне не приходилось сталкиваться с таким, и мало знаю про них, не встречала ни лешего, ни водяных, у нас воды большой не было близко, одни маленькие прудочки. Там их и не водилось.

А вот про домового я могу рассказать. Про домового это уже было... как бы чисто со мной это всё случилось. Когда я была ещё молодая, мы с подружкой жили в комнатке, в маленьком домике, работали значит, работали по очереди. Она уйдёт на работу – я дома. Я по сменам работала. Потом подружка уехала в отпуск, а мне пришлось остаться одной. Ну, одна, конечно, я была молодая, мне было страшновато одной оставаться ночевать. Ну, хочешь, не хочешь, надо оставаться ночевать. Ну пока я боялась, вот и решил меня домовый навестить. Стал он ко мне наведываться. И вот знаете как? Вот это было как наяву. Когда я полежу вечером долго, засну потом, боишься, и вдруг вот я слышу: открывается дверь, дверь открывается, и заходит кто-то в огромных кирзовых сапогах, я сначала вижу ноги, вот эти сапоги огромного размера, ноги, значит, идут, я смотрю выше, идёт огромных размеров

мужчина! Я понимаю, что это не мужчина, я – домовой, думаю, это пришёл домовой. Почему-то было очень страшно. Он подходил к моей кровати и наклонялся, в этот момент я начинала орать и просыпалась, в страхе я лежала почти до утра, боялась засыпать. Это было много дней подряд. Потом я решила всё-таки рассказать на работе женщинам пожилым. Женщины мне сказали: «А ты не бойся, домовой ничего не сделает, он вреда не приносит, ты просто спроси его: “К худу ли, или к добру?”»

А как можно спросить, когда просыпаешься в таком ужасе? И вот надо было спросить. Ну, раза два я не могла спросить. Ну, это было об одном, ну вот как это повтор кино: одно и то же. Открывается дверь.

(А он приходил к тебе каждую ночь?)

Да.

Открывается дверь, и я вижу: он идёт через прихожую, значит, в комнату, где спим, и наклоняется. И вот однажды я всё-таки, через там пару дней, осмелилась и крикнула. Да! Ещё мне женщины сказали, что положи вот, когда ложишься, на грудь денежку положи, он, может, деньги хочет. Денежка моя, конечно, я положила и осмелилась, крикнула: «К худу ли, к добру?» Домовой и денежку не взял и не ответил ничего, и так быстро он убежал в этих своих сапогах топ-топ-топ и больше он не появлялся, вот. День, два, и три я ждала, и больше он не появился и вообще не появился.

Года два, наверное, не было ничего, года два прошло, я вышла замуж, родила дочку. Муж уехал в отпуск к родителям, а я осталась с доченькой одна, маленькая девочка, грудная была моя девочка. И вот ко мне стала приходиться кошка! Кошка. Я слышу её, кошку, я не вижу, но я слышу, просыпаюсь и у меня в ногах, под одеялом лежит кошка. Мне было так страшно почему-то!

(Ты наяву чувствовала, что она там лежит?)

Наяву. Вот как будто живая, я окаменела вся.

(А ты ее не трогала?)

Нет, руками я её не трогала и ногами не трогала.

(А куда она девалась, когда ты просыпалась?)

Когда я проснусь и в ужасе полежу немножечко, я ощущаю её, потом от страха у меня и волосы поднимаются дыбом, потом вот страх немножечко так окаменеешь – и кошки нет, кошка пропадает. Я написала письмо своей маме, в другую деревню, далеко, вот. Мама мне прислала в письме молитвочку, значит, крестик и сказала, написала: «Положи молитвочку под подушку, когда ложишься спать, а ещё отнеси в церковь бабушке старенькой какой-нибудь дай денежку и попроси, чтоб она помолилась. Церковь была у нас недалеко там, я, значит, пошла, подождала, пока бабульки выйдут оттуда, где... молитвы, дала бабушке одной денежку, рассказала всё про эту кошку. Она сказала: «Не бойся, дочка, я помолюсь». Ну, не знаю, бабушка, конечно, наверное, помолилась, и молитвочку я под подушку положила, и кошка моя не стала приходить больше. Но много-много дней она меня вот так мучила. Она меня так мучила, что я боялась спать ложиться. А почему, не знаю.

Потом мне женщины сказали, домового бояться не надо. Но близко я вот так больше не встречалась. Вот два случая было.

(А когда к тебе приходил домовый, и ты крикнула: «К худу или добру» – это ты уже во сне делала или наяву?)

Нет, это я наяву делала.

(Так ты, значит, видела его наяву?)

Наяву! Видела я, наяву. Я даже его нарисовать могла бы, если бы я умела рисовать. Я могу рассказать, вот как вот выглядит точно он, в точности, домовый. Когда я крикнула, он

быстро-быстро убежал назад. Почему-то больше не пришёл. Но он мне не ответил: ни к худу́, ни к добру.

(А он был в образе человека?)

В образе человека, да, огромный-огромный мужчина, ноги его даже и сейчас вижу ноги вот эти, в сапогах.

(А какие сапоги были?)

Сапоги были как вот послевоенные сапоги, кёрзовые назывались. Больших размеров... Мужчины все носили. Но это были размеры вообще нечеловеческие. Страшно было, очень страшно. Потом мне все говорили женщины: «Не бойся! Домовой ничего не сделает, ты только спроси его, зачем он приходит: к худу́ или к добру, и положи денежку на грудь». Вот и денежка моя осталась тогда, и не ответил он мне ничего. И больше ни разу не приходил.

(А ты не оставляла ему еду?)

Нет, нет, ничего не оставляла, этого не знала я. Надо оставлять, не надо оставлять. Он вот не пришёл, а потом кошку прислал, наверное, ко мне. Или сам явился в образе кошки, не знаю.

(А кошку ты не видела, только чувствовала?)

Кошку я представляла, какая она. Кошка серенькая, небольших размеров, но чувствовала я её на ногах, вот лежит кошечка, вот.

(Она лежала прямо на ногах?)

Да, на голых моих ногах, под одеялом лежала, ноги вытянутые, а на ногах лежит кошка. А почему я боялась эту кошку, не понимаю, кошку зачем бояться? Но я чувствовала, что это не кошка.

Вот это было чисто со мной приключение. А ведьмов таких, водяных... нет, и чёрт тоже мне не докучал.

Б1 1а, е Домовой показывается людям *Записано от Цветковой Нины*
в образе огромного мужчины, кошки. *Николаевны, 1937 г. р. в*

Б1 5 Домовой ночью в доме: ходит, д. Санталово Бологовск. вол.,
наклоняется над спящим; в облике 2006 г.
кошки ложится на ноги;
+ От беспокоящего домового человек
может откупиться, положив для него
монету себе на грудь.

018_Н-Сок_Домовой

(А вот что тогда люди говорили про домовых? Что ещё обычай такой: что в доме должен быть домовый свой. Верили раньше люди в это или нет?)

Ну да, у бани, как понову баню топить – домового звали к себе париться. Только тогда надо. А так больше ничё не знаю. Нет, не знаю, милая моя.

14* В новую баню надо звать *Записано от Калининой Ольги*
париться домового. *Пантелеевны, 1910 г. р. в д. Бор*
Бологовск. вол., 2003 г.

019_Н-Сок_Домовой

(А про домовых что-нибудь слышала?)

А про домовых, что я могу такого?..

Домовые... Мы когда вот с бабой Соней ездили в Луки зубы вставлять. Это в шестьдесят третьем году было. И мне хозяйка (нам указали адрес полностью) ну. И значит, только... Мы побыли. И ничаво у йих, только раскидано...

Нет, мы тогда были, яшшо она был у сестры там, а когда уже я возила тётю Раю Марченкову, говорим: «А, Нина, можно», мало ли проситься на ночь домой. Она принимала в больнице, а это по-чорному уже делала, по левой руки, на дому. Ну вот. «Ну, приводите, только не подведите меня!» «Ты что!», – я говорю. Ну вот приезжаем, Райка стала проситься: «Связи, тётк, связи ты меня, ну все, что я раз вставила, они свалились сразу».

Ну вот поехали, приехали. Девочки играют. «Где все, где мама?» «А мама переезжает. Сейчас там у бабушки». Ну, ждем, ждем. Мы, говорит, переезжаем сегодня! И правда, зашли: Госпади такое! А вот... а тётка ённая и говорит: «Ты хоть не надумайся так шагать, ды не попросивши у домового!» – «А как? А я, – гыт, – понятия не имею, как я...» Сказала, ну: «Нет! Ты перьва вот открой дверь, да и скажи: «Ну, хозяйин-домовой! Разряши зайти да пожить, да чтоб ня плохо!» Ну вот. Ну и тогда вот иди через порог. И перва надо кошку пустить, когда заходишь.

В кино говорили: «Самим заходить, ай кошку сперва кидать на новую квартиру?». Нет, говорят, кошку пускать. Идёт [фильм] «Любоў как любоў»: Лилька переходила с Мишкой. Пришли с котёнком и ня знают: «А каво? Самим надо идти вперёд, ай, кошку пускать?» Гврят: «Кошку пускать вперёд!» Это в фильме.

Это кто знает, а кто не знает, так шагай и говори: «Господи, благовости меня, помоги мне, Господь!» И всё.

Б1 16в (буква наша) Заходя в новое жильё нужно попросить разрешения у домового. Ср.: Б1 16б Домовой не беспокоит человека, попросившегося у него на ночлег. *Записано от Цветковой Раисы Антоновны, 1912 г. р., в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.*

020_Н-Сок_Домовой

(А про черта ничего не слышали?)

Не слыхала. Вот слышала: у моей невестки, братовой жены племянница. Она живет, забыла где, в Рязанщине что ли. И вот какой-то чебурашка к ней был привязавши, она оттуда приедет сюда, и он и вредил.

(А как вредил?)

Ну, вот ето сестра вот говорила, к какой она приезжала, к Зины, она была старшей дояркой, вот, говорит, если что

прогневаётся. Вот клала вечером документы, положила на стол, пошла сдавать – нет документов. Ну, говорит, всё, всё прокопала – нигде. «Чебурашка, ну отдай», – или барабашка, как его звали: «Ну, отдай, хватит, пошутил и хватит!» Ну, вот повернется – лежат документы. Ну, вот это уже чистая правда, это не врет. Потом он гостинца приносил этой девочки. Вот откуда что брал? Или где воровал, или что? Даже вот это... Люба писать его научила, а видеть не видела она его.

(А как учила писать?)

Вот вон сидит и всё, и она пишет, и даже вызывала, к ней это корреспонденция выезжала. И она вот с Рязанщины приедет сюда, и он тут. И вот один раз был отставши вот, чудил тут Зине. «Вот стану, – говорит, – молоко перегонять, хвачусь – нет деталины какой-нибудь! Ну, клала ж все». «Потом, – говорит, – это, то сделает молоко в разные стороны, что перегон, то и сливки».

Вот это я слышала от и до. У них ребёночек помер некрещёный. И вот это навроде всё вот это ходил. Так или не, не знаю.

Б1 5г Барабашка шалит: крадет из-под рук и по просьбе хозяина возвращает вещи, носит гостинцы;

Б1 2 Барабашка – ребенок, умерший некрещеным.

*Записано от Лавреновой
Валентины Никандровны, 1935
г. р., в д. Шевельки Бологовск.
вол., 2004 г.*

021_Н-Сок_Домовой

До этого мы жили на севере, ну и было со мной такое происшествие, или приключение. Дали нам квартиру со всеми удобствами и, значит, переехали, устроились и живём. Живём, и как двенадцать часов, нам покою никакого нет. Ну, дети ещё были маленькие, спали. Муж спал – пришёл с работы, ну а я так это – спала и засыпала. Вдруг, значит, слышу: кто-то ходит (а у нас квартира была двухъярусная – верх и низ. Наверху были

спальни. Дети спали, и мы там спали.) Вдруг кто-то по лестнице спускается, слышу, скрипят эти, ну, лесенки. Спускается. Я пошла посмотреть. Сначала, вроде бы, как испугалась [посмеивается]. Вижу: старичок, небольшой старичок, это, с бородочкой. Жутко мне стало. Потом слышу: пошёл на кухню, спустился, пошёл на кухню. А в столе у меня (у меня там стол кухонный) ложки, тарелки там, ну посуда там была. И начал там греметь там этой посудой. Вот, ну я, конечно, долго не могла успокоиться. Ну так не знаю – во сколько я потом уснула. Это всё затихло. Рассказываю мужу, что так и так. Он не верит, говорит: «Ты вечно выдумываешь что». На следующую ночь опять также получается, то же самое.

(А ложки не пропадали?)

Нет, ничего не пропадало. Ни ложки, ничё не пропадало. Только вот посуда гремит и всё. То кастрюли. Так, что будто бросает кто чем-то. Вот. Так же самое опять этот, слышу, поднимается по этой, по лесенке, ходит. Тут у нас спальня отдельно, ну и так ещё коридорчик, или как прихожая небольшая такая вот. Ну, тут я, конечно, боюсь, не встаю. Ну, так опять ночь прошла. На третий день то же самое опять получается. Ну никакого покою нет.

Значит, рассказала там одной пожилой женщине. Ну вот она мне и говорит: «Это, – говорит, – хозяин. Ты, когда переходила в другую квартиру, ты его не взяла». А я говорю: «Как я могла хозяина оставить, когда он со мной». Я ж не знала, что хозяин-то этот другой [смеется]. Вот, ну я это. Она говорит: «Это домовый». Ну как дворовушко или как? Вот у нас на севере называется «соседушка-дворовушко». Вот, ну она мне и сказала, что его надо забрать. «Ну а как я его заберу с той квартиры?» Она сказала, что вот ты пойдти туда – на ту квартиру. А мы когда переходили, то сразу другие люди заселились. Пойду, а там другие люди живут и скажут: «Чё ты, баба, с ума спятила?»

Какой там хозяин, какой там домовый?» А она мне сказала: «Пойди по крыльцу так, чтоб никто не попался, а как будешь обратно идти – ни с кем не говори. Говори: «Соседушко-дворовушко, пойдём со мной жить!» И плюнь три раза через левое плечо». А когда домой идти, значит, чтобы никто даже словом с тобой не проник. Эти слова оставались как с тобой.

Ну, я так и сделала. Пришла домой, так и сделала. Ну и после этого больше ничего, всё, больше у меня не было. Всё тихо. Всё, всё.

Б1 14 Старого домового нужно звать в новый дом: забытый в старом доме домовый приходит ночью в новый дом, беспокоит хозяев: ходит, гремит посудой и т.п.

Текст содержит черты севернорусской мифологической традиции, в частности, наименование домового («Соседушко-дворовушко»).

Записано от Бирук Лидии Ивановны, 1939 г. р. в д. Бор Бологовск. вол., 2003 г.

022_Н-Сок Домовой

(Ну а вот не слышали никаких таких историй, которыми там пугали, например. Или что в доме должен быть домовый у каждого свой?)

Ну, домовый и так, как что-нибудь, бывало, ставят, то домовый завядётся в хаты. А так, не приходилось мне как-то.

(Да, бывает, кто-то верит, что пропадет у них что-то, то говорят домовый это.)

Ну так.

(Потом возвращается. Верят, что он дом охраняет. Бывало ли такое с вами?)

Не, не бывало, не приходилось как-то.

Домовой может завестись в доме.

Записано от Фомичёвой Анны Терентьевны, 1922 г. р. в д. Бор Бологовск. вол., 2003 г.

Пустошкинский район¹

023_Пуст_Домовой

Домовой! Вот, бывало, придёт наша мама или бабушка. А у нас такие амбары, знаете, вот здесь стояли. Такие большие, как бы такие вот, деревянные. Ну вот. И, бывало, скажет: «Ой, наверно, домовой! Домовой был в этом, в амбаре! Вчера мололи там, зерно мололи в этом амбаре, жернова стояли. Куда мука девалась? Муки, муки-то нет. Мука-то пропала!» И вот всё говорили, что живёт домовой в амбаре, в амбаре живёт домовой, мол, всё говорила моя мама.

(И говорили, что это он, да, забирает?)

Да, и говорили, что это он.

(А Вы не знаете, для чего он ее забирал?)

Наверно, чтоб питаться, наверно же, ему тоже хотелось кушать.

(А в какое время дня лучше увидеть домового?)

О-о-о. Это только после двенадцати ночи. Или в полночь, в двенадцать. Только ночью.

(А днём он Вы не знаете, что делает?)

Не знаю, не знаю, этого я не могу сказать вам.

Скажите, а домовой вредил кому-нибудь?)

Ну вот, пропадало, бывает, то одно, то другое, говорят, говорят, домовой, да, говорят, домовой был. То у хозяйки у одной пропадёт там что-нибудь, то у другой. А что это

¹ В дополнение к текстам из фольклорно-этнографического архива приводим небольшой фрагмент из картотеки «Псковского областного словаря», хранящейся в ПсковГУ:

Ф каждым доми есть дьмавой, хазяин дома. Он жы такой, как Иисус Христос и Бох, свитой. Фсигда, када идёш куда, праси йиво: «Хазяин мой, идём са мной! Пьмаги мне!» Он фсигда пьмагаит, можыт и в акошкь пастучать, можыт и хату пиривинуть. [Он] сильней фсех.

Домовой есть в каждом доме;

Домовой – хозяин дома, помощник и покровитель семьи;

Домовой – святой; +Домовой сильнее всех;

+Домовой стучит в окно.

Пуст. Ореховно, 2011 г.

случалось? То ли домовой это всё забирал от них, то ли само по себе, то ли кто-то ещё. Ну, были случаи такие. Были случаи, говорят, такие.

(А вы не можете рассказать подробнее о каком-нибудь одном случае?)

Не, не помню таких случаев. Даже не помню. Не могу вспомнить.

(А как умилоствивить домового? Что ему, может быть, дать нужно? Дар какой-нибудь?)

А что ему дать нужно? Что ему дать?

(Может быть, еду?)

Не, еду ему не надо. Он и так сытой был, мне кажется. Он и так сыт был, раз он ходил по амбарам, по сусекам.

Б1 5б Домовой ночью в доме / в *Записано от Богдановой*
амбаре: ищет еду/съедает намолотую *Валентины Максимовны, 1942*
муку; *г.р., в д. Дракуново Аловск.*

Б1 3 Домового можно увидеть в *вол., 2005 г.*
полночь/после полуночи/ночью;

Б1 25** Домовой озорует: крадет
вещи.

024_Пуст_Домовой

(А вы знаете что-нибудь про домового?)

(Неразб.) Петька! Уже никого нет. У раму стучится, но это не домовой, это тоже на нервной, что-нибудь с нервами связано.

(А может быть, правда, домовой. И как он стучится и зовёт?)

Да. Это кричит, даже он имя называет, понимаешь, или такой стук, что просыпаешься, повернёшься – нигде никого нет!

(А это ночью происходит?)

Ночэй. Ну думаешь, что там на улице, собака б залаяла, понимаешь, это просто, в рамы стучит, как, как человек, вот это я не знаю.

(А откликаться можно?)

Я не знаю, ну меня называли – чего-то не откликнулся. И
раза три так у меня было.

(Да?)

Да. А один раз вот лежал, ну это тоже с водкой связано.
Сплю – кто-то схватил меня за горло, душит насмерть, я не
оторвать никак руки, понимаешь, потом как оторвал, как дал,
понимаешь, об стенку – рука вон (показывает руку) распухши
страшно. Это вот тоже все заболевает.

(Душил как будто кто-то?)

Душил, за горло взял, синякоў ничего нет, а вот что-то
тоже с нервами связано – всё на почве пьянки, алкоголь!

Ночью домовой стучится в окно и
зовет человека по имени, человек не
откликается.

+ Б1 5в Домовой ночью давит
человека.

*Записано от Максименкова
Петра Васильевича, 1930 г.р., в
д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.*

025_Пуст_Домовой

*(А Вы не знаете что-нибудь про домового? Ночью стучает
домовой?)*

Да, там, что там, всю ночь, говорит, то, то вёдрами
колышит, то там ещё что, но я этого не знаю, никогда не
случалось.

*(Но вот с Вами не случилось, а вот с кем случилось. Вы не
знаете, это он, может быть, вредничает так?)*

[Смеется] К чему он так делает, не знаю, наверно, что-то
такое.

Б1 5г Домовой ночью в доме: гремит
ведрами.

*Записано от Заливахиной
Евгении Прохоровны, 1927 г.р., в
д. Мясово Алольск. вол., 2005 г.*

026_Пуст_Домовой

(Вы не могли бы нам рассказать про домового, который дом охраняет?)

Не охраняет, а приходил ко мне ночью. Я болела, болела сильно, мне плохо было, и вот он ко мне приходит, стучится везде, стучится, за печке, ходит по печке, на печке... на печку забирается, по коридору ходит. Я за печку залезла – никого там нету. Потом я легла опять, опять легла, а потом я, эта сама, лежу, слышу: по коридору ляп-ляп вёдрами, прямо вёдрами, вот как человек вот вёдрами, берёт вот ведро, стучит вёдрами, это с двенадцати до трёх часов.

(Это ночью, да, всё было?)

Да. Он только в это время ходит.

(Только ночью ходит?)

Да.

(А днем он не ходит?)

Нет.

(Только ночью?)

Он с двенадцати до трёх, до четырёх часов ходит всё.

(А по потолку он стучит?)

Стучит.

(И по потолку стучит, да?)

И по потолку стучит, на чердаке стучит.

(Это он так злится?)

Я не знаю, что я ему плохое сделала, он никогда не ходил, никогда он не ходил.

Б1 5 Домовой ночью в доме ходит, оставаясь невидимым: гремит ведрами, слышатся шаги, стук; Домовой проявляет свое присутствие, если недоволен хозяевами.

Записано от Громовой Марии Михайловны, 1936 г.р., в д. Мясово Аюльск. вол., 2005 г.

027_Пуст_Домовой

(Чтобы, может, скот водился, хорошо всё было, есть какие-то заговоры ещё?)

Ну есть такие, чтобы скот водился, чтобы растения в огороде росли.

(Может, вы знаете, какие-нибудь?)

Вот, например, чтобы скот водился, да! При покупке [неразб.] три раза обвести вокруг себя животное, при этом держась за уздечку или поводок руками рукавицей. И, приведя на двор, сказать: «Вот тебе, хозяйюшка, мохнатый зверь на богатый двор! Вот корми, рукавицей гладь!»

Б1 8л** Домовой и домашняя скотина: домовому вручают скот. *Записано от Якимчук Анатолия Андреевича, 1956 г. р., Якимчук Антонины Анатольевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольск. вол., 2005 г.*

028_Пуст_Домовой

Тут, говорить, бабка старенькая жила, ну а там были дети в ей или хто там. (Неразб.) Ну. И говорить: «Стучает кто-то в угол, в углы, и только!» Ну и ўсё, тоды стучает, на улицу выйдуть – нет, а так слыхать. Ну и вот говорили, что бабке гроб делали. Бабка помёрла скоро.

Б1 9ж Домовой предсказывает будущее: стучит в углы, в окна дома – вскоре человек умирает. *Записано от Мартыновой Марии Власовны, 1923 г. р., в д. Яшиково Алольск. вол., 2005 г.*

029_Пуст_Домовой

(А вот рассказы про чертей вы слышали? Здесь вот, чтобы в вашей местности они как-то шалили здесь?)

У нас да. Вот у нас здесь рядышком, почыму мама сюда своих домов ближе-то сдвинула, здесь у, но у нас все родственники были вот так вот расположены, а после войны от

мама здесь свой дом, а здесь вот дом строили, здесь вообще, мама говорит, чэрти были в этом доме.

Она говорит, мне было лет десять, наверно, а эта тётя, значит, её родная тётя, говорит, ну девчёнки, говорит, приходите, с другой, говорит, моей сестрой, говорит, приходите ко мне ночевать!

И вот, она говорит, мы легли на кровать. А у них как: вот так вот печка, здесь кровать. От, говорит, мы легли на кровати, а она на печке эта самая, ну женщина, тётя ее. И от, говорит, как начали, это самое, как начала, говорит, что-то там лучиной двигать, там шагать, что-то такое делать! Потом, говорит, как грохнулась нам на ноги! Мы, говорит, зажались все и кричать, говорит, боимся.

Утром встали и бабушке этой стали рассказывать, что вот так, вот так. Она: «Ой, да это кошки!» А мама говорит: «Нет, это не кошки!» Тоже говорит, было даже сопение вот такое! Ну и, говорит она, нужно, говорит, было вам спросить: к добру или к худу. Говорит, мы, языки-то чуть у нас не потерялись, а ты, говорит, так это говоришь!

(А может быть, это домовой был?)

Это, возможно, был домовой, потому что потом это как-то очень вскорости бабуля вот наша – как же её звали-то, Господи?! Все её Луниха, Луниха звали, не помню (неразб.) с чем-то, не помню – в общем, это самое, она вскорости тоже, вот это, умерла.

Но к ней никто не ходил ночевать: все боялись. И вот сирень, вот которая у нас вот растет тот, вот сирень, видите, вот растет эта сирень, росла у неё под окном. Вот уже прошло сколько лет, это же она же ещё до войны сажала, Бог знает когда. И вот она не растёт, эта сирень, но цветёт очень хорошо. Значит, она, дом её, наверно, стоял и сирень эта растёт на такой вот, гео... какой-то, наверно, линии.

Б1 9е Домовой предсказывает будущее: шумит ночью в доме, стучит – вскоре умирает человек. *Записано от Садовниковой Валентины Тимофеевны, 1942 г.р., в д. Холюны Алольск. вол., 2005 г.*

030_Пуст_Домовой

(А может быть, еще слышали такую историю, когда приходил кто-то необычный, незнакомый во сне?)

Ну видела. То же самое. Эта изба. Подходит, ой, меня даже затрясло, думаю, ой, опять ко мне! Он подходит и и так с порога идёт тихонечко-тихонечко и вот к кровати пришёл, и я его больше не видела. Знаю, что вот тут был, стоял [показывает рукой на изголовье кровати], муж на этой кровати своей спал [показывает кивком головы на другую кровать]. А я слушаю, вот, вот спала, а вроде слушаю. Пошёл он туда, да в нас там двери тоже есть, пошёл он в двери или нет, не слышала. А муж через несколько время как-то быстро умер. Вот это да.

(А вы не знаете, кто мог?)

Не знаю.

Б1в 9 Домовой предсказывает будущее: ходит ночью – вскоре умирает человек. *Записано от Заливахиной Евгении Прохоровны, 1927 г.р., в д. Мясово Алольск. вол., 2005 г.*

031_Пуст_Домовой

Про домового говорят, но я не знаю.

(А что кто говорил?)

А кто говорил? Я помню, кто говорил? Старые люди говорили!

(А что они говорили?)

Что домовой ходит, пугает там, делает у байне, обычно говорили, у байню ходит...

(Домовой?!)

Домовой.

(А что он там может делать? А одному можно в бане мыться?)

Не знаю, я моюсь, у меня вон на дворе баня, так я одна моюсь всегда, вон у меня баня стоит [показывает на баню].

(А они просто говорили, что нельзя, или рассказывали случаи?)

Ну одни рассказывали, что он пугал, там говорили старые.

(А как пугал?)

Ну как он пугал? Он и одевался разное, говорит.

(Одевался разное?)

Да, да.

(А во что он одевался?)

А черт его знает, во что он может!

Домовой ходит в баню: пугает.

Записано от Гиревой Зои Дмитриевны, 1929 г.р., в д. Заречье Алольск. вол., 2005 г.

032_Пуст_Домовой

Это вот все раньше, детушки. (Неразб.) Ну, больше кого я вам скажу? Никого не знаю. На сене... Ну это всё раннее время. Ну... Спит на сене, лёг, спать. Тянет кто-то одеяло с его. «Мальцы, не балуйте!» Всё равно тянет. И что вы думаете? Так и ушёл оттудова. Что ж он спугался?

Приходя [потом] – одеяло как одеяло, всё в порядке. Нет никого там! Вот... Да, пришли мужики уже глядеть – никого не нашли, всё, как положено. Ну это вот раньше назывались: чэрты были. Ну а таперь-то нет у нас пока чартиш. Аль есть уже? Ну, дети, больше не помню так...

Б1 16 Домовой/черт выживает хозяина с сеновала: стаскивает одеяло с человека, не дает спать – человек вынужден уйти.

Записано от Мартыновой Мариш Власовны, 1923 г. р., в д. Яшково Алольск. вол., 2005 г.

033_Пуст_Домовой

(А вот вам не рассказывали какие-нибудь, может, такие рассказы, ну про чёрта, про нечистую силу, ну не пугали вас в детстве, может, мама, может, бабушка? Может, сказки какие вам рассказывали?)

Это сказки такие раньше. Раньше были сказки такие. Что пряла бабушка и потеряла верятёнок под пол, а там кто-то схватил. Это, наверно, пугали нас таких, маленьких.

(И что дальше? Кто-то схватил, и?)

И поташшыл этот верятёнок, и все.

(А с какой целью это вам говорили? Чтобы вы не роняли ничего? Или зачем?)

Да, да, наверно, раньше пугали.

Б1 25** Домовой озорует: крадет *Записано от Фильтусовой Пелагеи Федоровны, 1908 г. р., в д. Ночлегово Аюльск. с/с, 1994 г.*
упавшее веретено.

Себежский район

034_Себ_Домовой

(А вот как домовой относится к детям?)

Ну к детям... Детей он не трогает, домовой, потому что он же детей должен любить. В каждом доме свой домовой, он же не один, например, на всю деревню. В каждом доме свой домовой.

(А у него есть имя?)

Да ну, нет! Зови, как хочешь.

(А что делает дома домовой?)

Ну наблюдает, наверно, за всем, что творится здесь. Что делать?!

(А вот что домовый любит и чего он не любит? Чего нельзя делать?)

Я как-то не замечала, деточка... Примерно я делаю всё, и он никогда ничего мне ... не... ничего... Вот ему-то да... А... Мне никогда ничего... Так что, наверно, мы с ним подружились.

В каждом доме свой домовый.
Если домовый доволен, он никак себя
не проявляет.

*Записано от Никитиной Марии
Афанасьевны, 1932 г. р., в
д. Литвиновка Ленинск. вол.,
2006 г.*

035_Себ_Домовой

Домовик в каждой хате должён быть. Ен такой, как коза. Золовка моя его видала. Она только хотела в хлев войти, а домовик и прыг на чердак, как коза!

Домовик считался как хозяин дома. Если ему что не понравится, то он может и зло причинить. А так домовик спокойный, и не увидишь яго. Хозяйева хаты домовика ничем не задабривали.

Домовой есть в каждом доме;
+ Б1 1 Домовой похож на козу;
+ Если домовый доволен, он никак
себя не проявляет; вредит, если
недоволен;
+Домового видят в хлеву, на чердаке.

*Записано от Леоновой
Ефросиньи Осиповны, 1907 г. р.,
в д. Грудинино Бояриновск. вол.,
1991 г.*

036_Себ_Домовой

(А домовые не вредили?)

Если любит хозяев, будут жить хорошо. Если на Пасху в 12 часов лезть на чердак, то увидишь. Я тоже хотела лезть, а потом забоялась: вдруг удавит.

Б1 3 Домового можно увидеть в хомут
в полночь на Пасху на чердаке;

*Записано от Павлюченко
Ефросиньи Васильевны, 1907*

+Б1 13 Домовой обогащает за доброе к нему отношение; г. р., в д. Пустошка Бояриновск. вол., 1991 г.
+От расположения домового зависит благополучие хозяев дома.

037_Себ_Домовой

Домовой... Да, ну вот это же мой свояк, это сестры моей муж, он раньше выпивал. И вот когда мы приезжали с Риги, он спал на койке [смеется]. И его один раз [домовой] хотел задушить тоже.

(Домовой?)

Да. Говорит, сперва вот так вот, ноги, ноги, ноги! Холодный, холодный, холодный, холодный, а потом, говорит, раз сюда [показывает на шею]! А он тогда, я, говорит, так вот, раз [отмахивается рукой], говорит, и, как я слышал, говорит, что-то такое – шмяк! – и, говорит, шлёп-шлёп-шлёп-шлёп! и побежал. И вот он по сей день на этой койке не спит... Правда! Ну вот приезжают, и дети приезжают, и внуки, спят на том месте, и ничего. Я говорю, вот...

(То есть ему что-то не понравилось?)

Значит, ему, что он пьяный, оно и не понравилось.

Б1 5в Домовой ночью давит человека *Записано от Никитиной Марии*
Б1 12в Домовой наказывает за *Афанасьевны, 1932 г. р., в*
недостойное поведение (за пьянство). *д. Литвиновка Ленинск. вол.,*
2006 г.

038_Себ_Домовой

[П.Т.А.] Домовой в каждом доме есть. В каждом доме должен домовый жить.

(А вот не знаете случаев, может быть, у Вас не было, а у кого-то, может быть, было? Расскажите!)

[Ш.Н.Д.] А кто его знает... У кого что. И стучали, и всё такое, и кошка, и собака (неразб.) агрессивна... И это... А у

меня по сегодняшний день, я благодарю Господа Бога, слава тебе, Господи, всё в порядочке.

(Далее – неразборчиво)

В каждом доме есть домовой;
Б1 5 Домовой ночью в доме:
проявляет себя, если недоволен
хозяевами.

*Записано от Перепечь Тamarы
Алексеевны (П.Т.А.), 1928 г. р.,
Шашковой Нины Дмитриевны
(Ш.Н.Д.), 1929 г. р., в д. Лойно
Идрицкой вол., 2002 г.*

039_Себ_Домовой

(А домовые жили?)

Домовые? Не знаю, не помню. [Рассказывает правнучка информантки?] баба рассказывала (помнишь?), как она спала, в общем, и ее кто-то там потрогал, она пощупала – что-то такое мягонькое, ну а потом оно спрыгнуло, что-то и пошло прямо так, и дверь открылась.

(Это дома?)

Да.

(А кто рассказывал?)

Ну, как там ее зовут? [Рассказывает Анна Михайловна]:
Вальки нашей девка, побегла [?], пока яна не перекрестилась¹.

(Пока не перекрестилась, да?)

Ага!

(А домовый вредил?)

Ничего, ничего он не делал! Так, ходил по хате. Вот идет, слышит [слышно]: двери хлопают!

(Даже слышно было?)

Слышно, ага! И вот тады она поехала перекрестилась.

(А куда она поехала?)

Ну, тады как сделали церковь в Себеже. Вот когда поп появился. Так она перекрестилась, и не стало.

¹ Перекреститься – здесь ‘принять крещение’.

(И он исчез, да?)

Да, исчез. А дом построенный, а не побрызганный водой!

(Т.е. не посвященный дом?)

Не освященный! Считали даже, к Гале приехала дочка, а ей надо покреститься и мальчика покрестить.

(Она была крещеная?)

Да, и жила так. Вот тады поехала, перекрестилась. Поехала дочка, она поехала перекрестилась в Себеже тут.

(Значит, были домовые?)

Были.

Б1 5ж Домовой ночью в доме ходит, оставляя невидимым: слышатся шаги, топот, скрип двери; дотрагивается лохматой рукой до человека;

Записано от Денисенко Анны Михайловны, 1916 г. р., в д. Казинка Глембочинск. вол., 2000 г.

+Б1 7б От домового помогает: таинство крещения, святая вода (домовой беспокоит, если среди членов семьи есть некрещеные; если дом не освящен).

040_Себ_Домовой

(А про домовых вы ничего не знаете?)

[Я.К.М.] Вот Брусникин Ваня такой жил, на втором этаже <...> [Домовой] звуки создает и пугает.

(А когда ночью?)

[Я.Г.Н.] Так вот, это он его. Говорит, что пойду в туалет – нет никого! А там вроде кто там ходит, что, вот как-то, что-то говорит. Ну, там у него эта пьянка, что он пил, толи это правда, но все время ссылался на домового, «что это домовой!» Все время обижался, что это домовой.

[Я.К.М.] Звуки создает.

[Я.Г.Н.] «И вот я сижу за столом, а он сидит на шкафу, он сидит на шкафу этот домовый». Правда это или неправда?..

(А как он выглядит, он не рассказывал?)

[Я.Г.Н.] Он как бы невидимка этот домовый. А кто знает?

(А как избавиться от него можно?)

[Я.Г.Н.] Ну, как, как Ваня говорил...

[Я.К.М.] Вот ходил, гонял его палкой, ругался...

[Я.Г.Н.] Да. Я не помню, что он там говорил. Но что-то говорил, что выгнал на х... его, выгнал! «Теперь его у меня нету, теперь домового нету!» – [К.М.] На чердак где-то задает звуки какие-то, а искать – нигде ничего не найдешь! Вот это домовый.

Б1 5ж Домовой ночью в доме ходит, оставаясь невидимым: слышатся шаги, звуки речи.

+ Домовой находится на чердаке.

*Записано от Яковлева
Константина Минаевича
(Я.К.М.), 1929 г. р., Яковлевой
Галины Ниловны (Я.Г.Н.), 1934
г. р., в д. Эпимахово Ленинск.
вол., 2006 г.*

041_Себ_Домовой

(В каждом доме домовый живет. Такое слышали?)

Я не знаю. Раньше говорили: домовый, домовый.

(А что рассказывали?)

Мама говорила: это «черти ходят» [смеется]. Это черт, говорит, надо его окраплять святой водой, вот святая вода в бутылке стоит, всегда, когда приходишь надо, ну на праздник вот водой. Взять березовые веточки и два веника, но это обычно в деревне делают и брызгают, а теперь, допустим, ну перышком там от курицы, от гусят, кого там и начинают, побрызгают – вот и никакой, и изгоняют как бы это злого духа или домового.

А так у нас этого не было никогда про это, нам, когда скажут про домового, ну смеются все.

(А кто рассказывает?)

Да в деревне соберутся деревенские, что, ой, домовой, домовой! Да какой там домовой? Придумываешь, тебе в сказках приснилось! И всё такое.

(А случаи какие-нибудь рассказывали о домовых?)

Не-а, у нас такого почти не было.

Домовой – нечистый, черт;
+Б1 76 От домового помогает: крест/
молитва/ святая.

*Записано от Ивановой Галины
Александровны, 1942 г.р., в
д. Горбуны Ленинск. вол., 2006 г.*

042_Себ_Домовой

(А есть у домового семья?)

Ну детка... Кто ж знает? Он же не говорит... если б он говорил бы, наверно, а как же... Наверно, есть, кто его знает?

(А вот есть хозяин в бане, банник, или еще кто-нибудь? Или только один домовой всем заведует?)

Ну в деревне, наверно, домовой, это ж евоное хозяйство: хлев, вот если скотина, он должен скотину охранять, чтобы ничего не случилось со скотиной. Так самый в бане, всё. Это всё евоная работа... Одного домового. Нет, наверно, у его семьи нет, потому что никогда не говорят, что там... семья... все домовой, домовой, значит, одинокий...

Б1 8г Домовой и скотина: охраняет
скотину;+ Дом, хлев, баня –
хозяйство домового;
+У домового нет семьи.

*Записано от Никитиной Марии
Афанасьевны, 1932 г. р., в
д. Литвиновка, 2006 г.*

043_Себ_Домовой

(А про домовых ничего не знаете?)

Ну и домовые так вот, знаете, говорили про домовые, я вот как сейчас помню домовой. Мы были маленькие, а родители уезжают на работу, жали там на этом, на полях. А нас оставят, вот Рая была маленькая, я была, и они говорят: «Вы не уходите никуда, сидите дома, потому что ночью ходят домовые и вас на

улице схватят и унесут». А что за домовые? Просто они пугали так нас.

Домовым пугают детей;
Домовой пребывает вне дома;
Б1 11** Домовой крадет ребенка.

*Записано от Лосевой Евгении
Семеновны, 1936 г. р., в
д. Кузнецовка Ленинск. вол.,
2006 г.*

044_Себ_Домовой

(А скажите, домовой только вред может приносить или и пользу может?)

О, не, не, о, какую пользу, ты что, ты что?! О! «домовой, домовой, пойдём мы с тобой!» А потом в лес пришёл, что пришла в лес, так:

Лесной! Домовой!
Домовой, пойдём со мной!
Пошли!

Да, ну вот садишься есть, на куст кладёшь хлеба, каво там ложут:

Домовой! Домовой!
Давай ешь!
И лесной!

И тебе никак, никак не страшно, ни, Боже упаси! Ягод наберешь много и всего и придешь хорошо!

(Это есть лесной такой домовой, да?)

Да, и лесной, и если с дома войдёшь: «Домовой, пойдём со мной!» Да, или: «Домовой, оставайся!» Вот так, как ты, как ты скажешь. В общем, одним словом, всё с Богом, с Богом, с Богом только, без Бога никого, ни шагу!..

(А на праздники церковные домовому не оставляли дома на тарелке еду?)

На праздники церковные? А и на просто, на, если когда, кто небрежно относится к еде, когда хошь и пожре, пожре да вот так по-поросячьему кинут небрежно, не вытрут, непорядок.

А кто бережно просто на чистеньким, на хорошем стоит и стоит, кто хошь ешь, зайди, кто хошь, поешь.

Б1 13 Домовой помогает людям за доброе к нему отношение;

+ У домового просят помощи и покровительства, уходя из дома;

+А1 13г Леший награждает человека, пригласившего его разделить трапезу / попросившего его покровительства: дает удачу в лесу при сборе грибов/ягод.

Записано от Рудачихиной Марии Григорьевны, 1927 г.р., в д. Птушино Ленинск. вол., 2006 г.

045_Себ_Домовой

(Можно домового с собой забрать на новую квартиру?)

Конечно! Ты говоришь: вот я уезжаю, давай, пошли со мной, я уезжаю туда-то, туда, поехали со мной! Обязательно это говорят, когда переезжают на новую квартиру.

(А вот что будет, если забыл пригласить домового?)

Деточка, ну как что будет? Наверное, он сам потом придет. Кто его знает? Наверное, найдёт, если недалеко, а если далеко, где он найдет?

Б1 14 В новый дом надо звать старого домового.

Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка Ленинск. вол., 2006 г.

046_Себ_Домовой

(А у домового может быть вообще семья? Не слышали об этом?)

Сейчас скажу, еще я не рассказала. <...> Это, чтоб он любил тебя. Сперва надо кошку вкинуть: кошку полюбя, кошка перейде, значит, порог в дом поиде, это буде хорошо. Кошка с дому – лучше не ходи, а то всего тебе: и крыс буде, и лягух буде!

(А кто кошку подносил к дому, самый старший человек?)

Ну кто хошь! Кто есть. Може, одна бабка живе, и тая принесе.

Б1 14в Испытание отношения домового к будущим жильцам нового дома: если вброшенную через порог кошку «полюбит» домовый (она войдет в дом), в нем будет жить хорошо, если «не полюбит» (кошка выбежит назад из дома) – в доме будет неблагополучно. *Записано от Рудачихиной Марии Григорьевны, 1927 г.р., в д. Птукино Ленинск. вол., 2006 г.*

047_Себ_Домовой

(А про нечисть ничего не расскажете?)

А я, нечисть, не знаю ничего, у меня, вроде, нечисти нет.

(Но какие-нибудь истории кто-нибудь рассказывал?)

Не знаю.

(Про домовых?)

Вас интересуют домовые?! Ну я не знаю ничего про домовых. Про домовых...

(А вы ни разу не слышали, никто не рассказывал, как он выглядит, почему в некоторых домах он есть, в некоторых нет?)

Не знаю... Вот эта бабка, бабка... (неразб.) приезжает, сейчас, нынче, не были, вроде. Она говорит: – «Как приду в дом: «Здравствуй, хозяин!» – «А какой у тебя тут хозяин?» – «Домовой!»

Б1 16б После длительного отсутствия, входя в дом, здороваются с домовым. Ср.: Б1 16а Домовой выживает человека, не попросившегося у него на ночлег; Домовой не беспокоит человека, попросившегося у него на ночлег. *Записано от Кожемякиной Марии Ивановны, 1925 г. р., в д. Емельянцево Красноярской вол., 2005 г.*

048_Себ_Домовой

(Верили вы в домовых?)

А... Домовые... Да, детка, не знаю. Вот кто-то мне говорил, один мужик говорил, там мне рассказывал. Я не знаю... Домовых таких, детка, я не знаю. А вот один мне мужчина, там, у Максютине, жил. Так он рассказывал про домовых, про домовых.

Говорит, пошёл в сарай спать, накрылся. Ну как, говорит, укрылся там, там какое одеяло, какое, раньше, знаете, такие ткани, попони такие накрывать. Вот так накроешь, а он как возьмёт с меня стянет, откроет! Я, говорит, как повернусь – такой косматый, такой (неразб.). Я, говорит, ему и говорю: «Что, что ты мне делаешь, раскрываешь? Я спать буду!» А он говорит: «Не, ты спать не будешь сегодня! Я тебе спать не дам!» Я, говорит, так испугался! Взял, говорит, перекрестился тоже так (неразб.), перекрестился и пошёл домой. И рассказывал всё мне, вот, так спугались мы, говорит, всё, и вот я... На это... А так...

Б1 16а Домовой выживает человека, не попросившегося у него на ночлег; сдергивает одеяло; +Б1 1е Домовой является людям в образе косматого существа. *Записано от Голубевой Ольги Ильиничны, 1922 г. р., в д. Березка Ленинск. вол., 2006 г.*

049_Себ_Домовой

(А можно увидеть домового?)

Не, деточка, домового нельзя увидеть. Там что-то такое услышать, слышать можно. Вот у нас вот деревня вот эта Хроловщина... Вот этот сразу не первый дом, а второй дом. Раньше там я не знаю... Это самое... Ну и вот так вот. Такой дом на две половины. Вот сидят, все сидят в ряд, собираются мужчины, женщины, сидят. И вот, говорит, сидят так вот: Хряп! Хряп! Хряп! Потом, говорят, и начинается: и кирпичи летят, и какие-то палки летят, и там что-то еще летят! И никто не мог выдерживать до конца и уходили. Но когда сходили в церковь, обратились к батюшке, и батюшка сказал, что надо, ну, прийти

освятить... Вот я не знаю, детки, делали они это, не делали, но теперь ничего, вроде там нормально всё, живут и никаких, и ничего. А когда посмотрю, когда уже выскочут отседова, ну, с этого дома, придут – никаких кирпичей там нет, никаких палок нет, всё нормально. Это просто домовой, наверно, шумел.

(А он только вредил или приносил добро?)

Ну если, примерно, там... Ну я не знаю, детка, по-моему, он вредить особенно так не вредил... Ну... А нет, это, наверно, было отколдовано, как говорят, что хотели того человека, который там жил человек, чтоб он ушел с этого дома... Это... Ага, это было колдовство.

Б1 16 Домовой выживает хозяина / человека / людей из дома: пугает летящими в людей кирпичами и палками и т. п. – семья переезжает из дома / люди убегают из дома;

Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка Ленинск. вол., 2006 г.

+Г1 13г / ГП 13 Вредоносные действия домового – следствие колдовских козней;

+Б1 7б От домового помогает: освятить дом;

+ Б1 1 Домового нельзя увидеть.

050_Себ_Домовой

(Говорят, что в каждом доме есть домовой?)

[Л.Л.М.]: Домовые есть [смеется].

[О.В.А.]: Были ай сейчас есть?

[Л.Л.М.]: Есть, ей-Богу есть!

[О.В.А.]: Ай.

(А почему Вы так думаете?)

[Л.Л.М.]: Ай, ну честное слово!

[О.В.А.]: Не знаю, я не знаю [смеется].

[Л.Л.М.]: Иной раз ищешь что-нибудь – ни за что не найти! Вот знаешь, что сюда ложила – и нету! Через некоторое время там же найдешь, где искал... <...>

Обычно, когда перед отъездом, когда собираешься куда-нибудь уезжать, [домовой] начинает ходить. Вот в общежитии когда [мы] жили – ходит по чердаку! Даже слышно, как гравий этот шевелится. Вскорости мы уехали, ну, оттуда, как раз на пятом этаже жили, последний этаж – ходит и всё!

[О.В.А.]: Он, когда ходит, там выселяет кого-то.

[Л.Л.М.]: Поэтому... Залезли на чердак: ну нету! Ну не видно! Ни следов не видно, ничего, ровно эта щёбёнка вся лежит.

(А не знаете каких-нибудь слов, чтобы домового задобрить?)

[Л.Л.М.]: Ну домового как задобрить? Обычно, говоришь: «Ну, кто хозяин в доме? Домовой – хозяин в доме!» А если хочешь разозлить, вот скажи: «Я хозяин дома!» – и найдёшь бардак [домовой устроит беспорядок]!

(А на праздники ему не надо еду оставлять?)

[Л.Л.М.]: Ну это обычно на Троицу, когда поминальные дни, оставляешь на столе там кутью, крошки в сторонке.

(Это для домового оставляешь?)

[Л.Л.М.]: Ну, типа, поминать... Для родителей на могиле, в основном оставляешь... Ну и дома... Вот тоже на такие праздники, как Пасха, Троица, желательно крошки оставлять.

(Домовой, он вредит или помогает?)

[О.В.А.]: Это смотря как.

[Л.Л.М.]: Как ты относишься к своему дому [смеется].

(Что домовый любит?)

[Л.Л.М.]: Он любит порядок.

(А его можно забрать в новый дом?)

[Л.Л.М.]: Нет, он остаётся в старом.

(А как же в новом появляется доме?)

[Л.Л.М.]: Кто его знает? Домовой обычно остаётся в этом доме... Он хозяин не твой, он хозяин дома.

(А Вы вот не слышали рассказов, чтобы домовый выселял из дома?)

[Л.Л.М.]: Ну это... Бывает, что выселяет.

(А как он это делает?)

[Л.Л.М.]: Ну мешает спать, такое ощущение, что кто-то ходит.

(А вот чтобы во сне душил, не слышали?)

[Л.Л.М.]: Слышала, но...

(А про банника не слышали?)

[Л.Л.М.]: Нет, такого не слышала.

(Что можно мыться в бане ночью?)

[Л.Л.М.]: Мы моемся [смеется].

Б1 16 Домовой выживает хозяина из дома: Б1 5ж Домовой ночью в доме ходит, оставаясь невидимым: слышатся шаги – выселяет людей из дома;

+Б1 5г Домовой ночью в доме: «шалит» (прячет, а затем подбрасывает на место какую-либо вещь);

+Б1 12б Домовой наказывает за неуважительное к нему отношение: устраивает беспорядок в доме;

Б1 14в Домовой – дух постройки: не переезжает в новый дом, а остается в старом («Он хозяин не твой, он хозяин дома»).

*Записано от Орловой
Валентины Афанасьевны
(О.В.А.), 1935 г. р., Лукьяновой
Любови Михайловны (Л.Л.М.)
1964 г. р., в д. Соврацино
Ленинск. Ленинск. вол., 2006 г.*

051_Себ_Домовой

(А вот про домового какие-нибудь поверья вы знаете? Верите в него?)

Вы знаете, детка, особенно я-то в яго не верю, в домового. Но дело в том, это уже на моём веку было, у нас были беженцы с Красногородска... Нет... Слушайте, не с Красногородска... Где Волга протекает... Как? Волга, Волга... Река...

(Ну с Поволжья.)

Вот. И вот они у нас были, беженцы эти, в общем, мать и трое детей. И у нас была такая, ну, печка и лежанка. И вот она – ну а раньше ж плохо жили после войны, и она ходила, ну, милостыню собирала – пришла она эту милостыню пособираўши и легла на эту печку отдохнуть. Ну и всё, отдохнула. А потом вечером мы пошли в баню, пошли в баню, а у неё вот, ну, спина, и вот крестцы эти, вот знаете, вот такой... пять... ладошка... пять пальцев чёрные-чёрные [отпечатались]! А мама и спрашивает, говорит: «Даша, (а её звали Даша) а что это такое?» – «А что, а что?» – Говорит: «Почему у тебя такое, ну, на крестцах пять пальцев, ладошка?» – «А ты знаешь, говорит, я не знаю! Я пришла, говорит, легла, якобы, это мне сон приснился, якобы что, говорит: какой-то мужчина пришёл, и, говорит, мне так – хлоп – говорит, по крестцам, говорит: «Ты что на моё место улеглася?»»

И действительно, это уже я сама лично видала, что у яё вот эти... И долго-долго эта чёрнота в ей не проходила.
(То есть они не отмывались, да, эти пальцы?)

Нет, нет, нет, нет, не отмывались. Долго-долго, наверное, месяца два в ёй, а потом они так со временем потом покраснели и всё.

Ну домовый есть, ну а кто его знает?!

Б1 17 Домовой прогоняет человека, легшего спать на его месте, бьет; от удара домового на теле человека остается синяк в виде пятерни.	<i>Записано от Никитиной Марии Афанасьевны, 1932 г. р., в д. Литвиновка Ленинск. Ленинск. вол., 2006 г.</i>
---	---

052_Себ_Домовой

(А если вот дом сгорает, домовый куда уходит или сгорает вместе с домом?)

Нет, он не сгорает.

(А куда он девается?)

Он не сгорает, а он дом другой находит. Вот у нас, тут вот сожгли, вот, вон там, и живо в другой дом перешёл, и живёт один парень, мать помёрла. В общем так, была семья такая, две комнаты, сейчас я расскажу: сын, мать, сын Коля и мать. Сын уже больше сорока лет. В другой семье мать, сын, потом пасынок, жёнка. Ну и вот в этой семье в большой пьяницы хорошие напился и сожгли дом, и всё загорелось. По соседству видел, не пошёл тушить, что крали гораздо от него всё, во какие гады, еще и не сказали, что горит. Ну а этот Коля был на работы, Коля, который вдвоих с матерью жил, и всё погорело. Ну а эта по пьянке, эти пьяные все, одна пьяная лежала, там и замёрзла, мороз большой был, и замерзла, сарай остался, в сарае легла. Теперь, дом сгорел, домовый нашел сразу дом себе, вот. Сразу на станции, одна женщина умерши, молодая, ну не молодая, не молодая, моложе меня много лет, и хорошая сильна, помёрла. Сразу же он туда пришёл. Никаких причин не было, никого тут, поговорили. Тот дом, тую квартиру отдали ему, вот, matka помёрла, и дом (неразб.), а matka помёрла.

Б1 Домовой – покровитель семьи: *Записано от Никитиной Марии*
после пожара находит другой дом для *Афанасьевны, 1932 г. р., в*
себя и погорельцев. *д. Литвиновка Ленинск. вол.,*
2006 г.

053_Себ_Домовой

(А вот как себя ведёт домовый, если в доме кто-то умер?)

Ну нормально он ведёт себя, ничего такого... потому что он же невидимый, если б его видела, он же невидимый... Если б... Вот я говорю, вот единственное вот это я запомнила. Вот это уж на моём веку... Вот это вот. Теперь я... Я раньше... Мы никогда не думали, что такое домовый, а вот потом, как с этой женщиной случилось, потом я стала верить.

(Вот домовые старятся или они такие и остаются?)

Ну я не знаю, деточка... Вот это я уже не знаю... Это ж надо большую философию иметь. Деточка, где ж я могу знать. Конечно, наверно, примерно, если ты уезжаешь с этого дому или что-то... ты умер, уже всё, значит, наверно, и он умирает... вместе с хозяевами...

Б1 Домовой невидим;
+Домовой умирает вместе с
хозяевами.

*Записано от Никитиной Марии
Афанасьевны, 1932 г. р., в
д. Литвиновка Ленинск. вол.,
2006 г.*

Усвятский район

054_Усв_Домовой

(А про домового вы не слышали?)

Нет. Нету домового. Вот кошка есть, крыса есть, а такого зверька нет. Ну, домовым раньше детей пугали. Люди темные были, неграмотные.

Один мужик из Боровицы рассказывал, а ему тогда лет 8 было, что видел домового. Мужичек в лапоточках, в обористом пиджаке, серьяге, в опояске, с бородой, с усами, в шапке, в оборках¹ (лапти такими оборками подвязывали).

Не нагинаясь под амбар полез, такой маленький был. А амбар тогда на столбиках строили.

Б1 1а* (*наша) Домовой показывается
людям в образе маленького мужичка;
+Б1 11** Домовым пугали детей.

*Записано от Паничевой
Анастасии Алексеевны, 1924
г. р., в д. Хлевище Калошинск.
с/с, 1981 г.*

055_Усв_Домовой

¹ Обóра, обóрка – ‘веревка, завязка (свитая, вытканная, из кожи) у лаптя или у другой самодельной обуви, придерживающая ее на ноге и обвивающая онучи’ (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 22. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 294–295).

Однажды спать легла вечером, а меня домовый так тискал – не дал повернуться. Ты ж его не видишь, думаешь: «ахти мне!».

Б1 5в Домовой ночью в доме: давит человека. *Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р., в д. Борновалово, 1977 г.*

056_Усв_Домовой

Домовой живёт в каждом доме, но домового расстраивают (кто-то подделает так, чтобы домового рассердить, расстроить) и тогда он может корову сосать или корову катать.

Б1 8б Домовой и домашняя скотина: домовый мучает скотину; +Г1 13г / ГП 13 Вредоносные действия домового – следствие колдовских козней. *Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.*

057_Усв_Домовой

У мальцах приехал в Ленинград в 27-м году, и меня прописал брат, он служил в милиции. А жена евоная, у ней был муж предыдущий (у ей было их сто), изрубил ее топором. Звать Володькой, грузчик. А яна гуляла. Он обнаружил и зарубил. Дали двадцать пять лет, сидел в Крестах в Ленинграде, сбежал с тюрьмы. А Егор был на посту и утро, и ночь. А я должен к восьми утра на работу выйти, и сказал Марусе (она поправилась, но еще кривляла). Я говорю: «Марусь, я иду на работу, закрой за мной кухонную дверь». А яна сразу за мной не пошла закрывать кухню. А он, наверно, на чердаку ночевал и соскочил к ней. Закрыв дверь, издевался над ей, порезал ножом Егорову милиционерскую шинель. Квартирная бабка [соседка по коммунальной] позвонила в милицию. Приезжала милиция и пожарники. Его забирали: никому не открывал.

В эту ночь меня тискал домовый, отнимались и руки, и ноги. (Домовые – они всегда предвещают (Ефр. Сем.) Если бы только застал меня в комнате [предыдущий муж, убийца], то он бы меня принял за ее мужика и зарезал.

Б1 9а Домовой предвещает будущее; *Записано от Громова Федора*
+Б1 5в Домовой ночью в доме: давит *Дмитриевича, 1905 г. р., в*
человека–предупреждает об *д. Борновалово, 1977 г.*
опасности.

058_Усв_Домовой

Домовых сейчас и из города и из деревни выгнали. Дарка рассказывала [тетка Марии Сергеевны]. Война кончается, и присылают ей письмо, что погиб ее сын. Спит она однажды на лежанке, чует, плюхнулся кто-то ей на грудь. А сначала по хате прошлюпал: шлюп-шлюп! Вдруг кто-то ей будто подсказал спрашивать надо о сыне. Видать-то Дарка не видела никого, глаз не открыть ей было, а рукой нащупала: хохлатый, холодный, и говорит так картаво: брлоу-брлоу!

А война кончилась, и вернулся сын ее домой.

Б1 9а Домовой предвещает будущее: *Записано от Захаровой Марии*
наваливаясь на спящего; *Сергеевны, (75 лет), в д. Бор,*
+Б1 1 Облик домового: домовый – *1977 г.*
хохлатый.

059_Усв_Домовой

(Евдокия Михайловна, говорят, что в каждом доме есть свой хозяин-домовой. Что вы можете об этом сказать?)

Да. Домовой ко мне приходил, когда я пришла с работы и устала, лягла на печку. Только лягла, я еще и не уснула нисколько, и это, слышу, ко мне лезет большой черный кот. И сразу – раз, на меня! Я ногами его – раз, толкнула. Он даже лязнул, брякнул об пол. Теперь я соскочыла и лягла на диван,

рядом с мужем там... Потом троху¹ полежала, слышу, с зала обратно – шах, шах – идёт. И мне – раз, свалился на груди. На грудь взвалился и начал меня душить. Я не могла ни повярнуть ни рукам ничэм. А потом сказали: надо мизинцем, пальцем пошевелить и сказать какую-нибудь молитву. Я зашевелила пальцем, стала молитву говорить. А потом спросила у яго: «К худу́ или к добру?» А он сказал: «К добр-р-ру». Сказал и обратно – лязь пол, с мене на пол и пошёл в зал. Вот так, ну и всё.

Б1 9а Домовой предвещает будущее: *Записано от Сергеенко Евдокии*
наваливаясь на спящего; *Михайловны, 1932 г. р., в*
+ Б1 7б От домового помогает *п. Усвяты, 2005 г.*
молитва;
+Б1 1е Домовой показывается в
образе черного кота.

060_Усв_Домовой

Домового никто не увидеть. Если тебе не предвещать он ничего, то ты яго никогда не увидишь.

Б1 9б Домовой предсказывает будущее: *Записано от Сергеенко Евдокии*
показывается перед *Михайловны, 1932 г. р., в п.*
событием. *Усвяты, 2005 г.*

061_Усв_Домовой

(А можно задобрить домового как-нибудь?)

А домовой – всегда твой хозяин в доме. Домовой любит очень, если в доме всё хорошо, лады, хороша семья, значить, и домовой очынь дружить с этой семьей. Если плохая семья – плохо живут, значить, и домовой не любит, что есть...

(А как он может навредить хозяину?)

¹ Трoху – ‘слегка, немного’. Ср. в белорусском языке: *трoху* – разг. ‘немного, слегка, чуть-чуть’; *трoхи* – ‘тж.’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 3 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 741, 743).

Как может навредить домовый? Ну, я не знаю, как он может навредить хозяеву. Хозяева вот, например, переселялись куда-нибудь, ты не должна оставлять своего домового дома, если ты с этого дому куда-нибудь, или в город уезжаешь, или в другую деревню – ты всегда зовёшь его с собой.

(А как? Надо же...)

«Мой домовый, пошли со мной, и будь в моём доме как хозяин на престоле, как господь на престоле». Всегда и он с тобой должен итить...

(Евдокия Михайловна, а домовый живет только в доме или еще где-то?)

Домовой живёт во всём. Ня только в доме, во дворе, и у хляву, и у доме, и в огороде, он всё охраняет.

(А другое название домового есть?)

Оборотень. Он тогда охраняет и скот, и в огороде, всё охраняет. Да и всё.

(А есть ли какие-нибудь обычаи, когда картошку сажают?)

Ну, просють: «Помоги, помоги, на ароди». Чтoб сохранил и не пускал бы никого в огород.

(А в доме где основное жилище домового?)

Я не знаю, но говорят, под печкой, под печкой живет.

(А чем питается домовый?)

Ни разу не видала, но говорят, что вместе с котам в чашке.

(А первый раз были такие случаи? Вы наблюдали это как-нибудь?)

Не, не видала.

(А могла пропадать еда со стола?)

Тоже не видала.

(А домовый может быть злой?)

Злой домовый тогда, когда злые хозяева.

(А бывали такие случаи, истории, когда домовый выживал хозяина из дома, хозяин был вынужден уйти?)

Да, доводил.

(А вы знаете такие случаи, расскажите нам?)

Доводили, что хозяин... он издевался над этам, всё делал плохое. Даже и скоту делал эту, чтобы что-то у скоте было. Что даже это место меняет хозяин и уходит в другое место.

(А мог он посуду бить или греть ночью?)

Не знаю.

(Скажите, а домовый мог предсказывать будущее?)

Некоторые говорили, что если что-нибудь такое предсказывал домовый, он что-то говорил, или к хорошему, или к плохому. Может подсказать.

(Скажите, а когда человек ночевал в чужом доме, он должен был спрашивать разрешение у домового?)

Нет, нет.

(А как домовый относится к детям, к женщинам?)

Не знаю, не знаю.

(А как домовый относится к домашней скотине? Он охраняет ее как-то или причиняет зло? Вред какой-нибудь?)

Нет. Домовой скотину любить, охранять, оберегает.

(А скажите, есть у домового своя семья, жена, домовиха, например, дети?)

Не знаю тоже.

(А домовый может не пускать чужого человека в дом?)

Домовой живёт ведь один, без хозяйки. Значит, он живёт один. Так как и кот живёт у хозяина, так и домовый.

(А чужого может человека не пустить?)

А яму всё равно, домовому. Может.

(А если он чувствует, что человек хочет что-нибудь плохое сделать хозяину, он может его предупредить?)

Может, может предупредить, что этой плохой человек.

(А как?)

Ну, он чувствует, он знает. На то, что он и есть, обороняет, этот охраняет.

(А как он дает почувствовать хозяину, какое-то предчувствие?

Или что-то там, делает, или что? Или сон снится хозяину?)

Не знаю.

Домовой – хозяин в доме, покровитель и защитник семьи и крестьянского хозяйства; *Записано от Сергеенко Евдокии Михайловны, 1932 г. р., в п. Усвяты, 2005 г.*

+Б1 12л** Домовой любит, чтобы в семье был лад;

+Б1 14 В новый дом надо звать старого домового;

+Б1 13в Домовой помогает по дому/по хозяйству: охраняет скот, огород;

+Домовой – оборотень, охраняющий скот и огород;

+Б1 9 Домовой предсказывает будущее («к худу или к добру»);

+Б1 8 Домовой и домашняя скотина: любит, оберегает:

+Домовой везде: в доме за печкой, во дворе, в хлеве, в огороде;

+Домовой ест из одной миски с котом;

+У домового нет семьи:

+Б1 16 Домовой выживает хозяина из дома.

062_Усв_Домовой

(Скажите, а вы знаете что-нибудь об оборотнях? Кто такие оборотни?)

Оборотни – это добрый домовой, который оберегает и огороды, и во дворе, и скот. Это самый хороший оборотень.

Домовой – оборотень, охраняющий двор, скот и огород.

Записано от Сергеевны Евдокии Михайловны, 1932 г. р., в п. Усвяты, 2005 г.

063_Усв_Домовой

Раньше я жила в Заголодь (около Усвят). Домовой и выжил меня оттуда. Из-за него я и уехала. Бывало, лягу, кричит кто-то: «Эй, Сергеевна, пошли!» Выгляну, нет никого! И сын мой был неженатый, тоже выжил из дому.

Лягу – одеяло поднимается и свалится, и душит меня, душит. Ей богу, так и было! Вот гляну: будто кот. Идет спать, а как ляжет под одеяло, взвалится на меня, так и душит, так давит – не вздохнуть. Крюки крепкие, палкой заложу. Вторую половину замыкала, там старик жил раньше. Так он там, наверно, живет. Свет зажгу, обойду, никого нет. Раз, шаги здоровенные, топ, топ: «Пока спит, пойдем в другую половину!» А дверь закрыта. Свет включу – дверь закрыта. Тогда и сказали, что: «Сергеевна, тебя выживает».

(А вы видели его?)

Ага, видела. Здоровый человек ходит, плечистый, а открою глаза – нет никого. Из-за этого из-за гада и вышла из дому. А тут не, спокойно.

Б1 16 Домовой выживает хозяина из дома: ходит, зовет, наваливается, душит, стаскивает одеяло – семья переезжает из дома;
+Б1 1а Домовой принимает образ кота, плечистого мужика.

Записано от Лосевой Евдокии Сергеевны, 1902 г. р., в д. Удвяты, 1977 г.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЧЕРТЕ

Великолукский район

001_Вл_Черт

А вот с родителями моими была шутка. Раньше было свободно читать священные книжки. А у нас в Рыжкове мужик один, староста, Библию всю читал. Ходили к нему мужики. А было это на Новый год зимой. Поужинали они, ночи длинные. Отец говорит: «Вы спать лягайте, а я к Андрею Леоночу пойду Библию слушать, сегодня читать будут». А жили мы в избе на краю большака. Мать говорит: «Ну, ты надолго? Мы заложимся». – «Закладайте колидор, а калитку не надо».

Ну, вот когда он пошёл, полезли они на печку и лампу с собой. Брату моему уже четвёртый год шёл. Бабка, невестка и внучок полезли, лампу повесили на крючок. И сказывали: как только там устроились, грохает человек, подошедши под окно. Мать слезла, спрашивает: «Кто там?». Видит: мужчина большого роста, кричит: «Хозяин, пусти ночевать!». Они и забоялись: как пустить, коль хозяина нет дома? И отправили его дальше по деревне – там пустят, раз они крайние были... А он им отвечает: «Не пустите, сам влезу!» Мать решила, что не иначе, как вор, и побегла на печку к бабе.

И вдруг слышат, как грох калитка об стенку! Заходит во двор. На крыльцо поднялся, и колидорная дверь – грох об стенку (а дверь-то она сама закладала)! И заходит в колидор. А у них по колидору избяная дверь была против амбарной, а колидорная во двор, в хлев. И вот он тогда подходит к двери-то амбарной, а она у них тож закрыта була, а он начал ею стучать. «Точно, – думают, – вор его: в амбар лезет!» А он дверь-то бросил и во двор подался.

А у них овца белая была, привычная до людей: всё ждёт, чтоб дали чего. Она и к нему: «Бя-а-а!». Они опять подумали: «Ето человек». Так-то долго всё тянулось.

Он на чердак полез. Как мимо трубы пройдёт – лампа трясётся, потолок. Они решили, что не простой человек ето, а сила неземная. Стали они Бога призывать молитвами – всё и замолкло!

Длился часа полтора либо два такой ход. Тут и хозяин пришёл. Стучит: «Открывайте!» – а они с печки слезть не могут – боятся. Тогда он кричит: «Живо, открывайте!» Они: «Не будем открывать, она не закрыта!» Он открывать – не открыт: закрыта! Мать взяла лампу да клюку, слезла, клюкой и открыла, подцепила клюкой крючок.

Хозяин, зашедши, за собой заложил калитку и калидор. Они ему всё порассказали, а он им не поверил. «Вас, – говорит, – и кошки напугают!»

Лампу им не повесить було, он, взявши, повесил ея не над печкою, а в избе. Только повесил, слышит: грох! Калитка открылась, и в колидоре грох об стенку! Хозяин, отец мой, сразу лампу хватить и матери сунул, а сам за безмен (весы). И слышит, будто кошка на чердак полезла. Отец за безмен хватить – и в колидор! А мамка ему на плечи – не тронь мол, сила-то не человекья!

Вот такое було виденье моим родителям.

ВІ 50* Встреча человека с чертями, черти ночью в доме;

+ВІ 1а Черт принимает образ человека большого роста;

+ВІ 3**а Черт пугает: неожиданным появлением, отворяет запертые двери, ходит по чердаку;

+ВІ 6а Черт боиться молитвы/упоминания имени Бога.

Записано от Фадеевой Марии Николаевны, 1912 г. р., в д. Дедково Шелковск. с/с, 1994 г.

002_Вл_Черт

Рассказывал это дедушка, шшо я небольшая была. Он много рассказывал. Ну это вам ни к чяму. Всё это божественное, как он обумёрши был, как к яму сатана... Вот на самом деле, вот такие чудяса. Ну ето вам ня интяресно.

(Расскажите, очень интересно.)

Ну зачем это? Вы знаете что: вот я всё у няво просила: «Дедушка, расскажи». Три слова яму там. Вот был обумёрши три дня, а потом ожил. Ну аляргический¹, как говорят, сон был. И он говорит: «Внученька, ето что мяня заказывали! Что я видел! – говорит, – сады цвятуть, посёлок такой белый, как мраморные, домики, и сады цвятуть крупным-крупным цвьятам, яблони цвятут. У нас, – говорит, – сады цвятуть красным оттенком, а там, – говорит, – все белые и крупные. А вот, – говорит, – три слова...». Я говорю: «Дедушка, скажи мне три слова?» «Не, – говорит, – внученька, няльзя, то я умру». И когда он умирал, я уже приехала, а он без языка. Так он и не сказал. Вот. И за ето вот, что он стал приближаться к Богу, читал Явангеле, и просто яво начал сатана преследовать, искушать начал.

Вот у нас, где мы жили, и я знаю то место. Он через ручей перяйшов, по берегу идёт.

Ба! Откуда ни возьмись вдруг – никого не было! – перяд ним человек: чорный, зубы белые, глаза чорные, та и, говорить, и свярлить! Просто мне, говорить, как-то не по себе, так у мозгу и шевялит!

И спрашивает: «Где тут цыгане живут?» А там, за речкой, хутор был, цыгане раньше жили. Он говорит: «Подальше там перяйдёте по кладкам, а вот тут пониже, – говорит, – брод».

¹ Ал(л)ергический – искаж. летаргический.

Куда исчез этот? А сам: я, – говорит, – молитву читаю, «Воскресную», а сам кряшусь тихонечко. И вдруг – нет никого! И исчез! Куда исчез? И я, – говорит, – не знаю.

А потом яшшо в Осташково он ходил.

Он много яво, этот сатана, преследовал. Я ещё вот помню: кричит дедушка, на печке ляжит и кричит, задыхается, не может. Ох! Кричит и молитву читает, читает молитву «Воскресную», потом начал «Верую» читать. Начал «Верую» читать, я яво: «Дед, дед!», – разбудила. «Ой! внученька, – говорит, – меня сейчас чуть сатана не задушил! Я, – говорит, – только молитвою вот этой “Верую”, “Воскресную”, – говорит, – читал, не отбился». А меня, наверно, кто толкнул, разбудил вот крик яво. И он начал «Верую». И я слышала чисто читаеть: «Верую во едино Бога-отца...», – как это в церкви. И вот: «Сейчас меня чуть сатана не задушил!»

Яво сатана начал преследовать, начал, правда, в церкву редко ходил, но он читал Явангеле. И вот он когда ходил в Осташков, тоже рассказывал мне. Говорит, ему встретился уже другой человек. Там в Сторожке, там это Осташков на острове, монастырь. И вот в ночлежке, где он ночевал, там: «Я, – говорит, – лёг, и вдруг толкнул меня человек, рядом ложится, не зашёл, ничяго, откуда взялся? И такой похожий как на Иисуса Христа. Бородка, – говорит, – клинушком». Да ня помню, что он сказал яму, повернулся, он как пришёл, так и исчез. Куда делся? Нет нигде, не выходил – ничего нет, испарился. «А потом, – говорит, – я пошёл в церкву причаститься. Навстречу идёт и он, просто отдали я не видел яво, а передо мной, – говорит, – вырос опять этот человек». Вот тоже ня помню, что он сказал яму. Да: «Вы причащаться?» Говорит: «Да». Вот. «А потом, когда я причастился, навстречу выхожу из церкви, и он идёт навстречу ко мне и руку пожал: “Будьте здоровы, святые Аниковы тайны принявши”. Вот так вот сказал мне. Ну за этим я, – говорит, – и

поехал». Говорит: «Три раза он мне явился, – говорит. – Вот похожий как на Иисуса Христа, три раза он мне. Ну просто вырастает из ничаво и вдруг иццазает».

Всякое вот было, рассказывал. Вот, мои дорогие.

ВІ 50** Встреча человека с чертом: *Записано от Марковой Анны Максимовны, 1929 г. р., в п. Шелково Шелковск. с/с, 1997 г.*
внезапно появляется у реки, вступает с человеком в разговор, внезапно исчезает;

+ВІ 1д Черт принимает образ черного человека;

+Преж. ВІ 3**в** Черт пугает человека: ночью наваливается и душит;

+ВІ ба Черт боится молитвы: исчезает.

Сюжет обрамлен двумя нарративами, которые подчеркивают основную мысль информантки: сатана преследует человека за его набожность. Один из них относится к жанру «обмираний» – рассказов о посещении человеком того света. Другой – к легендам-быличкам с мотивом «Сатана искушает праведника, являясь к нему в облике святого».

003_Вл_Черт

(Отключи нямножко, подожди, забыла я.)

Вот со мной в одной квартиры жила женщина. Человек она партийная была, в Бога она не верила, а в чёрта она верила, что черти есть на свете. Мы с ней спорили, что если есть черти, то должен быть и Бох, противоположная сторона. Она не верила.

Но они, жила она, жила в деревне... до нашего города. И когда выгоняли коров в поле, и стоило сказать на корову: «Ухвати тебя черти!», и корову эту к вечеру домой уже не пригонют. И будут её искать хоть няделю, хоть две, но пока не

найдут человека, который может отколдовать. Когда найдут человека, который может отколдовать, тот человек привяждёт на то место, где стоит корова. Хотя они по этому месту десять раз ходили, но коровы не видели.

И то, что есть черти, она в это хорошо верит. Вот. И всё.

ВІ 54*б Черт забирает себе отданное неосторожным словом. *Записано от Захаренковой Марии Михайловны, 1930 г. р., в г. Великие Луки, 2006 г.*

004_Вл_Черт

А это всё вот дореволюционное, вот это в Бога верили, в нячистого верили, вот.

Ну, и пьяным часто вот этот нячистый показывался. Вот обнимает или разувается на камне этот пьяница. На поле, на чистом поле большой камень.

Вот допустим, мой... не отец, а дядя был пьяница. Разулся ночью, портянки растялил и лёг на этот камень, а потом яму холодно стало. Он проснулся – никакой печки нет, а яму предоставилось, как вроде печь, на пячи это он. Но это вот нячистая сила вот так блудила, особенно пьяных, заводила.

ВІ 57** Нечистая сила заводит человека далеко, морочит (человеку кажется, что он на печке). *Записано от Марковой Анны Максимовны, 1929 г. р., в п. Шелково Шелковск. с/с, 1997 г.*

Куньинский район

005_Кун_Черт

(Существует ли поверье, что ночью в церкви водятся черти?)

Ну я не слышала. Такова, значит... Я, что именно ночью, а вот я слышала (мать говорила), что был такой случай: что, вот

когда кончается служба, все хором запоют песню, песню... ну, вот хоровая или «Отче наш» и ещё или какая-то «Воскресная» есть, ещё, вот, если понаблюдать, то черти все убегают из церкви в этот момент.

ВІ ба Черт боится молитвы: во время общего исполнения прихожанами «Отче наш» и «Воскресной» молитвы черти убегают из церкви. *Записано от Сергеевой Валентины Павловны, 1938 г. р., в д. Сопки, 2004 г.*

006_Кун_Черт

Все черти до петуху. Если чёрт есть, они боятся вот этого часа-пика.

(Рассвета?)

Да. Если петух пикнул – всё! Петух жа поёт у двенадцать. Тяперь поёт ва сколько? В шесь. Ну и всё. В шесь и в двенадцать. Вот и всё это уже, чёрт, может быть, с двенадцати да шасти и, может быть, вот ровно в двенадцать приходит. И всё, и дальше у няго срок. Такой, да, срок у него. Он боится петуха. Ох! Лихонько моё!

ВІ бе* Черт боится крика петуха.

Записано от Абенковой Евгении Викторовны, 1935 г.р., в д. Жижца Жижцк. вол., 2007 г.

007_Кун_Черт

(А как называют черта?)

Чёрта? А... можно шашкóм назвать яго. Шашкóм. Шашóк.

(Как и в каком виде можно увидеть черта?)

Ну, это было раньше. Видели, у байнях видели. И вот ходили видели, говорят, чёрт пошёл. Звали шашком яго, ня чёртом, а шашком.

(А как он выглядел?)

А я ж ня знаю. Вроде делается как мужчина, и деть и всё, вот такой. Вот я так слышала. Выглядить как мужчина. Понимаешь? Идёт, как и ён.

(А что он делал в байне?)

А он, можа, лятить, в байне сидить и всё, не пускають яво тады и всё.

(А чего боится черт?)

Ну, конечно, надо было читать молитву. Ну, такие, которые звали молитву «Воскресную», читали. Они не напускали. Вот ты на мяня сярдита, что-нибудь такое. Или вот бывает так: девушка дружит с парнем, удруг – вот она и отбила, парня от её. И она напускает такую штуку. Вот тебе! И ничего ня сделать. То ищеть колдуна. Тогда колдун отколдовывает, и опять всё становится на место. Вот то ни былó. Раньше былó о-ой соперницы. Теперь ничего, а раньше-то ой! Ой!

(Можно ли убить черта?)

Ну, как ты его убьёшь? Его ня убьёшь. Вот оны, говорят, лазили по ёлкам. А убить – яво не убьёшь.

(Может, слышали о том, как черт в воду нырял, чтобы спастись от молнии?)

Ну, слышала, оны боятся грозы, боятся молнии. И яны можуть впрыгнуть в воду. И в воды потудова сидеть, покуда отойдет, где-нибудь заберутся в пещеру там. Вот здесь ряка, а потом курень, вот в этот курень забярутся и сидить, покуда пройдёт всё.

(Почему они боятся грозы?)

Ну боятся грозы и всё. Может, их... Кто знает?

(О каких действиях черта рассказывали?)

Ну что он делал? Что делал? Вредить человеку. Надо что-нибудь навредить, корову вредить, ящё что-то вредить. Говорять, точно чёрт побыл, что корова молока не дала или что заболела, и что вот такие, вот такое было дело.

(А есть ли рассказы о том, как черт женился?)

Это я не могу сказать, потому что этого я ня слышала.

(А, может, слышали, что ночью в церкви водятся черти?)

Вот оны ночью больше и водятся, черти. Оны больше ночью и ходять, а утром не пойдёт, его увидишь, а ночью хто яго увидеть. Вот он напущен. Вот он примерно вы на меня зла, я вам навредила, и вы на мяня напустите яго, а ён тогда ня дасть нам всю ночь покоя, будеть ходить, и стонать и что только ня делать.

(А в кузницу черт не ходил?)

А кто его знает?! Может, и ходил. Этого я не скажу.

VI бф (буква наша) Черт боится грозы: когда гремит гром, он ныряет в воду и прячется под корягой, пока не пройдет гроза;
Записано от Снетковой Александры Николаевны, 1920 г.р., в д. Хмелево Жижицк. вол., 2009 г.

+VI=ГI 3 Черти портят скот: отбирают молоко у коров. Насылают болезнь (очевидно, помогая колдунам):

+Черти водятся в бане;

+Черти лазают по елкам;

+VI Ia Черт принимает облик мужчины;

+ГII 13 Колдун и нечистая сила: напускает чертей на людей;

+Черт боится молитвы.

008_Кун_Черт

Ну, у меня ещё мать рассказывала, как ещё они детьми были и, значить, её мать, бабушка её... Не любили закрывать двери, а по нашему обычаю надо было закрывать, наружную дверь надо закрывать. А, мол, если не закроешь, после двенадцати может нечистый поймаит. А её бабушка, значить, не верила в это – что есть нечистый.

Ну, значит, эта... Как-то тут женщина начала: вот это видела, вот это видела. «Да ну ты, вас, я в это не верю, что черти есть, или там нечистая».

И вот ночью, значить, она просыпается, значит, смотрит: кто-то стоит в белом... В белом, значить. А раньше лампы были... Она это, значить, сидит, ну, прочитала, значит, и это... «А кто ты такой?» – «А, говорит, лампу зажги, ты увидишь, кто я такой!» Вот она берёт, значит, руки тряслись всё. И зажигает. Как посмотрела – он в белом одет и весь в крови. «И, – говорит, – вот эту одежду я тебе оставлю, чтоб ты выстирала к завтрашнему дню, и в три часа ночи, чтобы на улице... (значит, полка была), чтоб вот это всё было на полке. А ты мне взамен дай другую одежду... Значит, такую же белую и всё, значит, это... Я тебя оставляю в покое и твою семью ради того, что мне нечем одеваться». Когда... от лампа горит, он так повернулся идти переодеться... смотрит: хвост и рога. Вот. Она так и в обморок как так и упала.

Вот значит.

На следующий день, значит, вот это она всё выкипятила, всё выстирала и, значит, это положила.

И там тоже какой-то дед жил, такой боевой, значит. И рассказывает, вот так-то вот так. Он говорит, что это всё неправда, не может быть. Он сказал, что в три часа придёт.

Он постучал им в три часа – они видели, и рога видели, всё. А вот соседский это... Ну, тоже сидит эта – он ничего не видел.

Забрал вещи и сказал: «Впредь, чтоб знали, всегда чтоб на ночь закрывали дверь!» Хоть там раньше такие были, как их... не засовы... как у нас в конюшне... не засовы, а вот так ставишь штырь [показывает руками, как штырь вставляется в специальное отверстие]. Как это называеца? «Ну, значит, ложку

туда вставь, чтоб закрыла, но чтоб была она закрыта. Чтоб нечисть к вам не заходила!»

VI 6 (буква наша) Защита от черта – запертая дверь: по неверию человек оставляет на ночь дверь незапертой – приходит черт;
+VI 1в Черт является в образе человека с рогами и копытами, окровавленный, в белой одежде: требует постирать одежду; в благодарность обещает не тревожить семью.

Записано от Бурмистровой Фени Антоновны, 1952 г. р., в д. Трубицы Назимовск. вол., 2004 г.

009_Кун_Черт

Была матка с дочкой. Матка такая беспокойная была. Прокляла дочку. Ругала её, прокляла. А как прокляла, стала та с чертями водиться. И жил чёрт с ней... (Рома, иди прочь отсюда, не слушай...) И она оказалась в положении от чёрта. И прошло... (Иди, иди, не слушай...) было это, такомней¹ называлось... (Это, ты просил салат, режь хлеба, во на столе, а то кошки растягають!) Ну вот, надо ж рожать. А она говорить: «Позовите мне чёрта!» А они бегают вокруг, пляшут, а она – они-то один одного видять глазом, а она-то не видеть. Она узнала – они бегают, хватают что-то и мажут глаза. Она помазала под глазом – стала видеть одним глазом: где люди, где черти. Вот она и стала, а в деревне этой же, где она жила, бабка была, роды принимала (раньше ж бабки роды принимали). Вот она чёрту и говорит: «Давай, чёрт, поезжай за бабой!» – «А

¹ Токовня – ‘помещение для обмолота зерна, ток’ (Нев. Сапуны 1972; Нев. Боброво 1968); большой сарай для сельскохозяйственных работ (Себ. Сосно 1963); сарай с глиняным полом, где складывали и молотили снопы (Пуст. Заречье 1967); крытый ток, где молотят (Пуст. Дуплищи, 1962); место для обмолота снопов (Н-Сок., Рогово 2017); Такавня, гувно, ток – малатыли; ўстарь звáли такаўня, тоя ш гуўно. (Вл. Черпеса 1952). Данные взяты из картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными».

где?» – «А там-то!» Приезжает чёрт: «Ой, бабонька, скорей, жёнке рожать надо!»

А баба – не перекреститься, чтоб чёрт и пропал – баба шаме-шаме – села! Чёрт её возил-возил, чтоб она запутлялась, не знала дороги, ну вот. Возила-возила, кого же, привёз он. А она и говорит, эта девка: «Бабонька, я проклята, чёрт у меня будет!»

А она бабу-то одним глазом видит, эта баба чертёнка приняла, и надо бабе домой. А муж говорит: «Чем тебе платить? Золотом или угольем?» А она – девка ей и говорит: «Он тебе будет сулить золото или уголье, ты не бери золото, бери уголье: уголье будет золотом, а золото – угольем». Вот она и говорит: «Уголье!». А чёрт и думает «Умная!» А ей-то подсказала девка эта.

Вот он возил-возил, где её не вёз, опять это же. И несколько раз – не везёт домой, и всё. А в деревне говорят: «Где баба?» А девка ей и говорит: «Он тебя всё возит, а опять как повезёт тебе, через дом твой, ты, говорит, мимо поедешь, и над дверью палка, хватайся, как за жердину!» А знаете, как в старину, над дверью палка такая, прядка была. Вот, говорит, хватайся, это тыхватишься дома за прядку. Вот он как стал проезжать, так баба как стояла на коне, так хвать жердину, и оказалась в доме за прядку схватившись. Тут все спугались, что баба так появилась.

А девка ей говорила: «Спасите меня, бабонька, отсюда!» Она говорит: «А как?» – «А так, будешь в церкви, как запоют молитву, все побежат вон, а я сзади одна пойду, после и понесу этого своего ребёнка, чертёнка. А ты накинь на меня крест!» Вот она и пошла.

Эти все как запели, эти все вон, идёт она, шаклатая такая. А бабка эта как была, так раз – и накинула ей! А та,

говорит, сразу же стала видеть: «Ой, говорит, как стала легко!»
Сразу же стала человеком.

Идут домой. И чёрт сидит под мостом и бабу караулить.
Идут домой, а чёрт выскакивает из-под моста, торк бабе в глаз!
А баба же видеть одним глазом чертей, это, говорит, за то, что
мою женку ободрала.

Она стала жить и с ребёнком, а баба и осталась без глаза.
Вот и весь рассказ.

VI 10 Баба принимает роды у жены р- черта;	<i>Записано от Медведевой Анны Никитичны, 1905 г.р.,</i>
+VI 30 Черт награждает углем, й который оказывается золотом;	<i>Морозовой Екатерины Федоровны (дочь) 1928 г. р., в</i>
+VII 1 Черт забирает проклятых;	<i>д. Слелнёво Морозовск. вол.,</i>
+VI 8а Женщина родила черта после ле сожительства с чертом	<i>1996 г.</i>
+VII 13 Проклятого освобождают от заклятья, надев на него крест;	
+VI 29 Человек мажет снадобьем чертей глаз; когда черти узнают об ни этом, они глаз выбивают.	

010_Кун_Черт

Спорился Бог с чёртом. Бог говорит: «Никак не
справиться с людьми!» А чёрт: «Дозволь мне руководить, я
распределю: которого да куда!» Вот он и стал руководить:
которые давятся.

VI 12 Душа удушенника, утопленника, пьяницы собственность черта.	<i>Записано от Ивановой Марии Ильиничны, 1910 г. р. в д. Татуи Куньинск. с/с, 1983 г.</i>
--	---

011_Кун_Черт

Ну, был у нас такой случай – это никакая не выдумка, а
только правда. У меня... У нас в деревне жил мой крёстный со
своей женой, с семьёй. У него было трое детей. Жили они очень
дружно. Во время Финской войны он погиб. Жена осталась с

тремя детьми и... Жили они очень дружно... Она очень переживала и потом говорит... Думала про себя всё время, что: «Я не буду жить, зачем мне жить? Детей определяют: его сестра возьмёт маленького, ну а эти как-нибудь... В детдом определяют или что».

И вот однажды... Она рассказывала сама лично, говорит: «Лежу я, не сплю – ничего, глаза открыты, думаю... И мне подходят и говорят: «Чего ты лежишь? – ты обещала – иди! Там вот нисколько не больно будет, и мы тебе поможем! Всё».

Ну и она потом спохватилась, сразу, говорит, я и молитву встала, прочитала, перекрестилась – все куда-то исчезли дружки. И так она осталась жива.

(А описывала она их?)

Да, черти с рожками, со всеми.

VI 12a Душа удавленника, *Записано от Сергеевой*
утопленника, пьяницы – *Валентины Павловны, 1938 г. р.,*
собственность черта; черт *в д. Сопки Назимовск. вол.,*
подталкивает к самоубийству *2004 г.*
человека, обмолвившегося/
помышляющего о желании
повеситься/ о самоубийстве; спасает
молитва, упоминание Бога. Ср.: VI ба
Черт боится молитвы, креста;
+VI 1в Черт/черти являются в виде
рогатых существ.

012_Кун_Черт

Короче, моя мать вышла это... к огороду, ну, знаешь, ночью. Смотрит: что-то там светит. Ну, она не обратила внимания – светит так светит. Это ещё сороковой год. Ну, она ничего родителям не сказала. Просто сколько-то времени прошло, смотрит она – опять светит. Ну, значить, рассказала она своему отцу: «Чего-то у нас в огороде светит!» Ну, а тогда света

ж не было. Отец говорит: «Тебе показалось это!» – «Выйдем вместе!»

Ну, они вышли в это же время, значить, часов-то не было, но они-то в уме имели определённое время. Вышли – точно: светит, ярко-ярко! То ли молния, то ли... Так красиво! Ну, и тогда – золото у нас, особенно там золота много: турки ж воевали! – ну вот, решили они это копать. Значить, это всё.

Ну, они сколько копали там, но никакого золота нету. Ну, он ушёл, значит, копает, копает и вдруг, значить, кувшин такой... Знаешь, как раньше были кувшины с двумя ушками. Как берёт кувшин, значить... Он кувшин к себе, значить, а кувшин отталкивается, он кувшин к себе – он всё светит!. Ну, сколько он там с этим кувшином. И значить, тут петухи закукарекали, и раз! – этот кувшин – рогатый чёрт стал! Да... Это правда... Он как держал это... Значить, и вдруг перед ним: и хвост... Как наяву, значить, всё вот это видел.

Ну, ужас, не ужас – что-то такое было. Ну, сколько-то проходит, значить, он сильно заболел, испугался, никого нету рядом, а тогда и в России света не было. И, можа, что случилось.

Ну, его [деда рассказчицы] брат, значить, на гармони очень хорошо играл, и, значить, на свадьбу пригласили. Пригласили, значить... Невеста была очень красивая! И, значить, брат играет на гармони, брат молодой.

Ну, значить, сколько он играл. (неразб.) А тогда же у нас, не то что тут – по любви пошли, и всё! А у нас, если ты богатая, значить, мы бедные – почему бы не пойти? Это значить, богатая, замуж. Ну, вот она хотела за своёга парня выйти замуж.

Ну, во время свадьбы, знаешь, как бывает: свадьба и свадьба! Ну, а все гуляли – у нас вина много – есть ли невеста или нет. Ну, всё, свадьба уже кончилась в два часа ночи – как по нашему обычаю, и он идёт с гармонию домой. Идёт он с

гармонию домой, и вдруг трое парней: «Слушай, у нас такая свадьба будет – давай [к нам на свадьбу] играть!» – «Уже третий час – какая свадьба? Как я буду играть? Какая свадьба!» – «А у нас будет с двух до четырех, будет свадьба!» – «Какая свадьба, – говорит, – я впервые слышу!» Он [парень] говорит: «Пойдёшь – увидишь, какая свадьба!»

Ну, он пошёл с ними, значить. Он глядь – эта невеста там, на этой свадьбе. Он говорит: «Слушай, эта невеста там была!» Говорит: «Она была там – а теперь тут!»

Ну, значить, сколько он играл и видит, что кто-то там, значить, какая-то была там мазь – и, значить, берут и щеку себе намазывают. И вот, если щеку помазал, не видишь уже, что это люди, а уже видишь, настоящих – кто это. Там одни хвостатые и рогатые! Одни хвостатые!

Ну, значит, он намазал – он так испугался, значит, это. И потом запели опять петухи. Запели петухи, он и говорит: «Дайте мне расчёт!» Ему денег дают, знаешь – немерено в карманы, любые карманы!

Ну, он пошёл домой, пошёл, в третий раз, когда петухи запели – он как очнулся где-то в овраге. В овраге, значить. Вытаскивает с карманов комочки. Ну, значить, он перепугался, значить, что мой брат, значить, то копал яму и, значить, не золото было в кувшине, а было, значить, то дьявол, чёрт.

Ну, значит, приходит домой – весь трясётся. «Что случилось?» Говорит: «Что я вам сейчас расскажу. Не знаю, говорит, с чего начинать!» «Как играл я на одной свадьбе – там была эта девушка невестой, после меня пригласили на другую свадьбу – та же девушка!» – «Ты, может, обознался? Может, двойник какой?» – «Какой? Такое же платье, такие же бусы, серьги и всё-всё-всё это! Чево я – я с ней разговаривал!»

Ну, значить, (неразб.) утром встают – говорят: «Невеста повесилась!» Она не хотела выходить – она повесилась. Я хочу

то сказать, что она отдала душу чёрту, и вот эти черти – это они доставили туда игроков.

Ну, это всё истинная правда, конечно, таких случаев – миллион!

- VI 12г Черт женится на удавленнице: черти приглашают гармониста на на свадьбу, в невесте он признает девушку из своего села, которая повесилась.; *Записано от Бурмистровой Фени Антоновны, 1952 г. р., в д. Трубицы Назимовск. вол., 2004 г.*
- + VI 48 Музыкант, нанятый нечистыми играть на свадьбе, мажется их снадобьем – и видит участников свадьбы в их настоящем облике;
- +VI 30а Черт награждает золотом, которое оказывается комочками земли;
- +Д 10** Человек добывает клад;
- +VI 1е* Черт принимает образ предмета (кувшина с золотом)¹.

013_Кун_Черт

Ну, расскажу такой случай – рассказывала мне моя мама. У них в деревне (она жила раньше в Горопецком районе) был такой случай.

Жила семья – муж с женой и дети. И с невесткой. Когда умерла свекровь – они остались с невесткой. И отец невестке ничего не дал, ничего... с хозяйства и с всего. Ну, она... Сколько судились, сколько рядились – значит, так ничего не получила. Вот идёт однажды в лесу – встретила двоих, двоих мужчин... «Ну, зачем ты?» Она: «Вот так и так, иду, говорит, с суда, и не присудили ничего», – говорит. «А чего ты? Ты его

¹ О связи мифологического сюжета «Человек на свадьбе повесившейся» с народными свадебными и похоронными обычаями см.: Корзонайте Э. Музыкант на свадьбе повесившейся: взаимодействие фольклорного текста и народных обычаев // Балто-славянские исследования XV. Сборник научных трудов. – М.: Индрик, 2002. – 688 с. – С. 516–529.

возьми да придуши». «А как, он же здоровый – я не могу с ним справиться, ничего». «Ну, говорит, мы тебе поможем». Вот пришли домой – он спит. Они его придушили подушкой, потом в сарай взяли и повесили. Взяли на верёвку, только повесили – сразу раздался хохот, в ладоши захлопали. Женщина смотрит: одна осталась – никого кругом нет. Значит, это нечистая сила ей помогала.

VI 12д Черти толкают человека на преступление;
+ VI 1а Черт является в образе обычного человека (мужчины);
+VI 2 Черт выдает себя хохотом.

*Записано от Сергеевой
Валентины Павловны, 1938 г. р.,
в д. Сопки Назимовск. вол.,
2004 г.*

014_Кун_Черт

Раньше ходили на посиделки. Пошла одна баба, и увязался за ней маленький ребёнок. Пришли туда, бабы занялись делом, а ребёнок забился под лавку. Потом он и говорит: «Мам, а мам, а у нас мальцы хвостатые сидят». Она схватила его и бежать. А черти за ней. Еле убежала.

VI 25 Парни-нечистые на посиделках: ребенок видит чертей в истинном свете и предупреждает мать, черти гонятся за убегающими.

*Записано от Ивановой Устины
Ивановны, 1908 г. р. в
д. Суворово Куньинск. с/с, 1983 г.*

015_Кун_Черт

Раньше собирались девушки на посиделки и приходили к ним парни. Вдруг приходит один парень незнакомый и угощает. Ему понравилась девушка одна, Маруся, он попросил её провожать. Ей позавидовали. Один раз приходит, другой приходит. Она взяла да и сказала одной бабушке, что так и так, проводит и уходит куда-то. А та и посоветовала: возьми, говорит, клубочек ниточек и на пуговочку, куда клубочек покатится, ты и иди. Так она и делала. Пошла сзади за ним.

Подходит к церкви, а войти не может. Поставила она лестницу под окно, полезла, да грохнула лестницу обо что-то, пока ставила, а он и услышал. Залезла под окно и видит: он сидит и покойника гложит. Пошла она назад. Назавтра приходит он на посиделки и спрашивает у нее: «Ты меня видела вчера?» – «Нет!» – «Ну, у тебя сегодня матка помреть!» Приходит Маруся домой и вправду. Ладно.

На следующий вечер снова он спрашивает: «Видела ли ты меня?» – «Нет, не видела» – «Ну у тебя сегодня батька помреть!» Приходить домой – и правда.

Пошла она в церкву. А там одна бабушка посоветовала: «Когда будеть спрашивать, что видела, ты ему скажи: «Видела, дьявол, падлу глодал, и кинь ему в лицо вот это». И дала ей еще что-то в руки. Вот и всё.

В1 256* (буква наша) Парень-нечистый на вечеринке/посиделках: провожает девушку с посиделок и исчезает; она идет за ним и видит, как он в церкви гложет покойника; в ответ на расспросы парня-нечистого упрямо отрицает, что видела его в церкви; у девушки поочередно умирают отец и мать; старушка советует, как избавиться от нечистого.

Записано от Новиковой Натальи Ивановны, 1898 г. р. в д. Ново-Троицкое Куньинск. с/с, 1983 г.

016_Кун_Черт

Да, вот это былó. Особенно это всё происходило на Святках. Вот святые вечера они называются. Вот на етых Святках собирались. И супорядки вот эти. Они назывались супорядки. И вот эти супорядки собирались. Где-то хозяин богатый, что-то он, надо яму сделать. Вот на эти супорядки только были, вот, на Святках, на святых вечерах. Вот на этих святых вечерах да и рассказывали, что притчей бывало, вот, предостаточно.

И чёрт ходил после двенадцати. Приходили хлопцы, садились на скамейки. Каждый кавалер к своей даме садился. Ну и видят же. (Ну пришёл бы ка мне мой хозяин покойный, придёт и садится рядом со мной. Разговаривает, я пряду, он меня там подщакотывает) Ну вот.

А была (вот это мама моя рассказывала), а была такая штука. Женщина. Она очень была любопытная. Ну, вернее, ещё тогда она девушка была. Это женщина, теперь уже можно назвать. И говорит. А ей же вот интересна, усё ж говорить, што это к ним ня ихнии мальцы ходют, а ходют жа черти, после двенадцати. Она говорить, вот как будто уронила эту, веретяно, да полезла яво искать. Она говорит, глянула под скамейку, и хвосты под скамейкой [смеется]. Говорит, отпрыгнула оттуда, ой, быстро, и ушла! И ушла. Вообще ушла.

(И никому не сказала?)

Никому ничаго не сказала. А назавтра надо опять эта супрядка, это, началась, опять начали они прясь. Это у Святки скока там, десять, двенадцать дней, две нядели Святки. Ну вот. И говорит: «Вы идите, а я токо до двенадцати. Я ухожу сразу домой». А чаго? Расскажи, Аксинья, расскажи! Ну, вот она и начала им рассказывать. Ох, как эти, молодежь эта перепугалась, Божья Матерь! Как двенадцать, все по домам, больше прясь ня будут. И ня стали ходи... Вот была одна вот супрядка.

Так это много, много таких было, рассказывали раньше в старину таких притчей, очень много.

В1 25 Парни-нечистые на вечеринке: *Записано от Абенковой Евгении Викторовны, 1935 г.р., в д. Жижца Жижицк. вол., 2007 г.*
девушка роняет веретено и видит нечистых в их подлинном виде, предупреждает подруг, девушки убегают.

017_Кун_Черт

Рассказывал прапрадедушка. Говорить: «Спать ночью, и чудится: бегают кто-то по улице, и собаки лают, лают и лают! Выходит, смотрит, а «он» на гумне сидит. Взял ружье и выстрелил в него, и думает: нет, не попал. А кто-то говорит: «Нет, попал!»

Сушил он зерно в овине, чует: стоит кто-то, оборачивается, а чёрт ему – раз песком в глаза! И остался одноглазым.

Так вот путают: деревню соседнюю раньше называли Церковище – неправильно! Чертовище – правильно, потому что чёрт ходил.

VI Черт мстит за нанесенную обиду; *Записано от Литвинова Ефрема*
Ср.: ГП 2а Колдун мстит за *Дмитриевича, 1910 г. р. в*
нанесенную обиду. *д. Гуляево Назимовск. с/с, 1983 г.*

018_Кун_Черт

Ну, он назывался Крутой Ручей, там. И там раньше боялись люди ходить, что б ни делалось, играли в гармонь. Ну, вот шёл дядька один, посадили его на гармонь на камень и заставили его в гармонь играть – и он играл. Потом сапоги он потерял – разули его. Ну, всё – пошёл, всё на месте: сапоги лежать, а их – никого там нету.

И на этом на ручью тоже привидения делаются. Ну, говорили, что нечистый дух ходил там.

VI 46 Нечистые сажают человека на *Записано от Бурмистровой*
камень и заставляют играть на *Александры Дмитриевны,*
гармошке в пустом доме (на *1923 г. р., в д. Трубицы*
кладбище, в лесу, у ручья), сами *Назимовск. с/с, 2004 г.*
пляшут, снимают с него сапоги,
исчезают;
В «нечистом» месте слышится
музыка.

019_Кун_Черт

В Никольском под липой барин жил раньше. И стали они переязжать. Сястра моя туды ходила помогать, и мяня с собой утащила. Ну и пришлось нам там заночавать.

А барин тот яврей был, были у няго дочки, Ханка и Фрида. Ну и лягли мы на кровать. А кровать холстиной обшита была. Лягли, но ня спим. И вдруг как пошёл грохот по усему дому. Двери усе замкнуты, а к нам как будто кто ломится. И табуретками грохочет, как будто усе переворачивается у доме. И ня спим жа мы, усе наяву так и есть. Ляжим, боимси. Так и проляжали усю ночь, глаза не сомкнули. А на утро и выйти боимси, но выходить-то надо. Пересилили мы сябя, открываем дверь. А там как було, так и есть, нигде ничаго нет.

От и ня знаю, какие черти к нам приходили.

В1 50* Черти ночью в доме: грохочут. *Записано от Точиновой Ефросиньи Игнатьевны, 1916 г. р. в д. Никольское Куньинск. с/с, 1983 г.*

020_Кун_Черт

Я как-то раз ишёл от Гурьяна [прозвище приятеля]. Выпили, конечно, мы с ним хорошо. Подошёл к Мухиной горы. Дорога шла прямо в гору. С одной стороны – кусты ольховые, а с другой – крутая межа. Я поглядел у кусты – сидит чёрт под кустом. Росту небольшого, с рожками – рожки маленькие, хвост длинный, тонкий, на концу с кисточкой пушистой. И лапками эта животина зовёт меня к сябе. Я стал и говорю: «Нет, чёрт, я к тебе не пойду!»

Я иду дорогой, а он идёт по кустам. Забегает под куст, садится и опять зовёт мяня, манит лапками.

Я выломил палку и заругался. «До каких пор ты мяня будишь мучить?» Палкой я вдарил по дороге и не видел, куда он делся. Только гул был слышен в кустах. Я поглядел, что никого

нет, и бягом домой. Прибежал, рассказал домашним, но никто не верит. А я правду говорю, какой мне толк выдумывать?

VI 50* Встреча человека с чертями на дороге: черт сидит на обочине и манит человека к себе; человек бьет по дороге палкой – черт исчезает;
+VI 1 Черт имеет облик маленького существа с рожками и хвостом.

Записано от Кудрявцева Владимира Петровича, 1924 г. р. в д. Подовалово Жижицк. с/с, 1993 г.

021_Кун_Черт

Моей сестры, значит, мужик – он партийный – ни в какую не верит в Бога, значит. А сестра сильно в Бога верующая. Ну, Сергей ещё был маленький – положили её в больницу. Положили в больницу, значит, это. Ну, а лето у нас же жаркое. Он где спать – в коридоре. Постелил на пол, значит, в коридоре. Двери открыты, чтобы это, прохладнее это... было. И, значит, среди ночи кто-то его тянет за руку. Он открывает глаза – точно: красивая девка, красивая – на лбу как бы звезда горит что ли, коса длинная тоже горит что-то в конце как бант.

«Пошли со мной!» Он говорит: «Я раздетый!» – «Так ну и что, если ты раздетый?» Он говорит: «Подожди – я оденусь и так». – «Ну, значит, я буду ждать тебя около крыльца. Только быстрее!» Он одевает, значит, Димка и начал это... Сестра сильно в Бога верующая... и молитву, как-то он прислушался, и начал эту молитву... одеваться. Вот эта девка постучала с такой силой в дверь, что он думал, что выбил даже дверь. Говорит: «Если ещё раз молитву услышу – смотри!» И он, значит, подходит – штаны в руках, подходит, быстро закрыл дверь, покрестился, и всё на этом, исчезло.

Включает он музыку, включает везде он свет, включает он музыку везде – на всё утро. Мужики и говорят и говорят, там соседи: «Слушай, а чего у тебя музыка играла и на улице везде свет?» – «Если я вам расскажу, что я увидел – я никогда бы не

поверил, что эта нечисть есть». Говорят: «Чего?» Ну, он рассказал всё это.

На утро он бегом идёт в больницу... А у них в селе больница... Идёт к сестре; идёт к сестре, сестра и говорит: «Что с тобой?» У него губы все... эта... этими прыщами пошли от испугу... Сестре говорит: «Лен, что я тебе скажу – ты мне не поверишь!» Она говорит: «А надо верить в Бога. Я тебе говорю, что есть Бог, а есть чёрт».

VI 1а Черт является в образе человека – красивой девушки с горящей во лбу звездой и светящейся на конце косой: тянет спящего за руку, зовет с собою; +VI 6а Черт боится молитвы, креста.

Записано от Бурмистровой Фени Антоновны, 1952 г. р., в д. Трубицы, 2004 г.

022_Кун_Черт

Ну, значит, на свадьбе... Илюша – инженер, электрик в заводе... Тогда же у нас вообще строго было насчёт этого, не дай Бог услышать, что ты в Бога веруешь. А сестра тоже сильно в Бога верует.

И идут... пошли они на свадьбу по одной дороге, а домой, говорит: «Давай покорооче пойдём через этот мост». Она и говорит: «А ты знаешь, говорят, там ведьмы гуляют с двенадцати часов до четырёх». Он говорит: «Мы сами ведьмы. Какие ведьмы? Я не верю, говорит, ни в ведьмы, ни в Бога». Она: «Илюш, не пойдём: боюся!» – «Ты как хочешь, а я пойду!» Ольга говорит: «Как дошли до этого моста, я покрестилась. А Илюша смеётся и говорит: «Боже мой, дай я пойду вперёд, чтоб ты это...» И сколько прошёл он по этому мосту, и как бы перед ним маленький такой зайчик белый. И говорит: «Оль, откуда-то зайчик взялся?» Ольга говорит: «Как сказал, что зайчик... думаю: вот это чёрт и будет!»

Этот зайчик полез на него. Пока лез на него, и хвост и рога появились. Да! «И, давай, – грит, – щас, сколько раз скажу,

столько раз и пройдёшь по этому мосту обратно – туда и обратно!» Это... Ольгу вот так толкнул: «А ты можешь идти домой – он меня до утра будет носить на спине!»

Утром приходит домой. Он тогда сильно заболел. Приходит домой, весь трясётся, весь бледный. И говорит: «Чтоб я, когда шёл по этой дороге – никогда! Если мне кто скажет, что Бога нету, я, говорит, любому плюну в лицо, что Бог есть!» И вот так он заболел и долго лежал, даже на больничном был.

В1 50* Встреча человека с чертом на мосту;

+В1 1л Черт показывается людям в образе зайчика, вскакивает на человека, принимает свой настоящий вид и всю ночь катается на человеке верхом;

+В1 6а Черт боится креста: не трогает перекрестившегося человека.

*Записано от Бурмистровой
Фени Антоновны, 1952 г. р., в
д. Трубицы, 2004 г.*

023_Кун_Черт

(Почему нельзя в доме произносить «черт»?)

Потому что в доме должны быть крещёные, а он некрещёный. Бывали случаи, когда дети пропадали, если чёрта вспомнят. Так, одной женщине надо было корову доить, а дети есть у неё просили, а она на них: «Надоели вы мне, пошли вы к чёрту!»

Подоила корову, пришла, смотрит: пропал ребёнок. Пошёл мужчина какой-то рыбу ловить на речку и слышит голос человеческий, не то визгает, не то плачет. Испугался мужик, побежал за людьми, приходят они и нашли этого мальчика. Спрашивают: «Что ты здесь делаешь, как попал сюда?» А он говорит: «С дедушкой жил».

Но воскресенье не работали, соберутся у кого-нибудь и говорят, что этого врага (черта) много живёт. Кого с крестом – не брал, а кто без креста – уведёт.

ВІ 54*б Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом («Пошли вы к черту!»). Ср.: БП 1 Черт / леший забирает проклятых. *Записано от Ивановой Марии Ильиничны, 1910 г. р. в д. Татуи Куньинск. с/с, 1983 г.*

024_Кун_Черт

Баню топили. Тогда она и говорить. Взяла яна, пошла дятёнка, рябёнка мыть: «Чёрт, приходи за рябёнкам. В баню! Долго раз ня будь, а приходи!»

Ну. Яна ящё не помыла ребёнка, приходит: «Скоро ты, ай не?» Яна на яго, ай ён на нее. А она говорить: «Сейчас!» Ну, справила рябёнка, надела и отправила. А это ня ён был, а чёрт. Приходить после мужик: «Ну, помыла ты?» – «А ты ж брал!» – «Кода я брал? Я ня брал!» Чёрту и отдала. Вот как!

Раньше ж было что... вот это щас – и клянёшь, и всяк говоришь там тебе всяким словам. Штоб ты и провалился и всё, и это... Раньше бывала эты!

ВІ 54*б Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом. Ср.: БП 1 Черт / леший забирает проклятых. *Записано от Шемелёвой Анны Александровны, 1920 г.р., в д. Наумово Жижиск. вол., 2007 г.*

025_Кун_Черт

Пякла баба блины. Сковоронник завалил ребёнок под пол как-то. Яна: «Лезь под пол! Чёрт, за сковоронником!» Так мальчика чёрту и отдали. Эта через пятое-десятое говорила.

ВІ 54б Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом. Ср.: БП 1 Черт / леший забирает проклятых. *Записано от Шемелёвой Анны Александровны, 1920 г.р., в д. Наумово Жижиск. вол., 2007 г.*

026_Кун_Черт

«Он» ходил и среди людей. Дядюшка пьяный ходил да и лёг около линии. А «он» подошёл к нему и говорит: «Кум, чего ты лежишь, пошли домой!» Поднял голову и пошёл. К дому подходит, видит: нет никого! И куда кум девался?

Черт заботится о пьяном: уводит от опасного места, провожает домой, исчезает.

Редкий случай, когда черту приписываются попечительные функции.

+ ВІ Іе Черт принимает облик родственника (кума).

Записано от Ивановой Марии Ильиничны, 1910 г. р. в д. Татуи Куньинск. с/с, 1983 г.

027_Кун_Черт

А то, бывало, на каменя пьяных заводють, и разденуть их тама, и разують.

ВІ 57** Черти заводят пьяного на камень.

Записано от Точиновой Ефросиньи Игнатъевны, 1916 г. р. в д. Никольское Куньинск. с/с, 1983 г.

028_Кун_Черт

Было много всего про чертей. Вот рассказывали.

Мужик с сыном идуть молотить. И вдруг карета, говорят: подвезём, мол. Сели они на карету, едутъ. Быстро поехали, и карета оборотилась. Встали они, а никого нет: ни мужиков, ни кареты. И не знают, куда идти.

Теперь тоже народ стал мудрёней чёрта.

ВІ 57* Черт, прикинувшись попутчиком, завозит человека далеко, исчезает.

Записано от Новиковой Ксении Александровны, 1910 г. р. в д. Ново-Троицкое Куньинск. с/с, 1983 г.

029_Кун_Черт

Родила женщина ребёночка, позвала кума и куму крестить его. А это были черти. Крестить нужно было в болоте под осиной.

Покрестили. Кум и говорит: «Приходи, кума, у гости». А она отвечает: «Ну, ладно приду».

Пошла она у им в гости. Пришла, а их дома никого нет. Она раз у печку, а там сиськи женские. Куда ей деться? Полезла она под печку, а там еще лише: кадка с кровью стоит.

Набежало чертей. Кум и говорит: «Скоро кума придет, вот у нее сиськи!»

Женщина испугалась, стала рыть под печкой. Рыла, рыла, вырыла ход и убежала. Черти хватились и погнались за ней.

Бежит она и видит лён, она и просит: «Лён, лён, спрячь меня!» Спрятал он ее, черти и не заметили.

Так и добежала домой. И больше у куму в гости и не пошла.

Черти-кумовья: женщина зовет кума и куму, которые оказываются чертями, крестят ребенка в болоте под осиной, зовут куму в гости; обнаружив в доме у «кумовей» отрезанные женские груди и бочку с кровью, женщина бежит, черти преследуют ее; женщина прячется в лен и спасается. Ср.: СУС 955 Жених-разбойник;
+ VI 66 Черт боится льна.

Записано от Ивановой Устиньи Ивановны, 1908 г. р. в д. Суворово Куньинск. с/с, 1983 г.

Невельский район

030_Нев_Черт

(Вот видел кто-нибудь нечистую силу в обличи человека или животного? Видел кто-нибудь?)

Видеть его никто не видел. А так как бы объясняли, что он такой косматый, лохматый, чёрный, плохой. Только надо молиться, чтобы не видеть его.

(Чем он так страшен?)

Ну чем он страшен... [думает]. Потому что он всё как бы на плохие дела, всё смущает усах.

(А почему?)

Ну, потому что он чёрт.

(А где он водится?)

Где он живёт... Во тьме какой-то там, где тёмно, где сыро.

VI 1в** Черт имеет обдик лохматого, косматого, черного существа;
+ VI 12д Черти подвигают человека на плохие дела;
+VI 6а Черт боится молитвы;
+Черт живет там, где темно и сыро.

Записано от Кузьменковой Анны Антоновны, 1934 г. р., в г. Невель, 2007 г.

031_Нев_Черт

А во, дед Пахом! Ему придалось в току, что кто-то рогатый сидит и хвостом виляет. Теперь туда никогда не ходит.

VI 50* Встреча человека с чертями;
+Черт сидит в токовне;
+VI 1д Чёрт имеет рога и хвост

Записано от Матюшевой Марии Пимановны, 1908 г. р., в д. Боярское Усть-Долысск. с/с, 1984 г.

032_Нев_Черт

Это правда. Я их хорошо знаю. Отец гулял с другой женщиной, а у их была девочка, шесть лет ей было. Ну вот он. А потом его посадили. Девочка эта осталась с матерью. Мать работала на ферме, а девочка одна дома оставалась. А потом стали говорить уже бабушке (забыла уже, как её звать): «К вашей Вале кто-то ходит, она, говорит, выйдет на сугроб зимой

и стоит на сугробе босая». Она стала у ей спрашивать: «Валя, кто к тебе ходит?» – «Никто». – «Ну как никто? Кто-то ходит. К кому ты выходишь босая? Кого ты встречаешь?» – «Никто».

Потом всё-таки она добилась у ей: «Кто к тебе приходит?» Ай, не.

Однажды пришла баба к ей [внучке], а у ей на сковородке конский кал ляжит. «А что это у тебя?» – «Это каравашки папа приносил». – «Какой папа? Папы нет». – «Не-е, папа ходит ко мне каждый день». – «Нет папы. Вот как он придёт к тебе, ты забеги к нему назад и погляди, что у него на заду».

Она [Валя] так и сделала. Пришёл он. Она забежала ему назад, а у его хвост, он с хвостом. Она тогда: «Папа, а почему ты с хвостом?»

И он как хватил и всё, и хату раскрыл, и всё и убежал. И с тех пор больше он не стал ходить.

А она всё равно скучала по ём, ждала его, и всё равно выходила на этот на сугроб. В конце концов простудилась, заболела и помёрла.

VI 49а Черт является к человеку (ребенку), тоскующему по отсутствующему родственнику (отцу), приняв облик последнего; человек (ребенок) тоскует и умирает. Ср.: ГШ 17**а Неминуемая гибель: покойник ходит к близкому человеку, тот тоскует и умирает.

+VI 30 Угощение нечистого оказывается антипищей (эскрементами).

Ср.: ГШ 17** Неминуемая гибель: а) покойник ходит к близкому человеку, тот тоскует и умирает.

Записано от Зуевой Надежды Ефимовны, 1928 г. р., в д. Стрельниково Плисск. с/с, 1996 г.

033_Нев_Черт

Это было правда. Это было в Репище. Не в Репище даже, а репицкая женщина рассказывала. Это только правда.

Там речка у их была, а через речку кладки. Вот мужик, значит, пьяный шёл домой, и через эту речку ему надо было переходить. Он перекрестился и лёг. «Я, – говорит, – полежу. Я не могу идти сейчас, а полежу, а потом пойду». Ну, вот он и лёг. Только лёг, а они около него ходят кругом: «Бочка наша, а печать не наша! Вот. Бочка наша – печать не наша!» Вот он тогда вскочил, и похмелье прошло, и всё, и убежать!

А черти-то его ходили кругом его. Бочка – это то, что он пьяный, это бочка ихняя. А что крест, он перекрестился, это печать – это не ихнее, они его взять не могут.

VI 126 К пьянице пристают черти: *Записано от Зуевой Надежды*
ходят вокруг; *Ефимовны, 1928 г. р., в*
VI ба Черт боится креста; черти не *д. Стрельниково Плисск. с/с,*
могут причинить вреда лежащему на *1996 г.*
земле пьянице, так как тот, ложась,
перекрестился («Бочка наша, а печать
не наша!»).

034_Нев_Черт

А у него другой сын был. И ко мне сватался. Но я сильно боялась дураков, плакала: «Не пойду!» Ну, что это: один в подпечье сидит, другой дурной. Мать-то и брат хотели меня отдать. Отца-то у меня не стало, мне 16-ый год шёл.

Ну, вот жала я рожь. И они с парнем с этим идут: «Ага! Поймали!» Я и убежала, где снопы сушат. Знаешь, снопы в окошко подают и на колосниках сушат. Забежала, и вдруг снопы как задвигаются, и искры, искры, будто загорелись! Я – в окошко. Сижу на корточках. А высоко! Смотрю: щенята, штук шесть. Красивые, черненькие, мордочки узенькие, облоухие. Сидят и все на меня смотрят. Я испугалась. А сзади – как пламя!

Свалилась я прямо к ним! Они ничего, раздвинулись, я и прошла быстро. С тех пор щенят не люблю.

Есть бесы, есть! Бога я не видела. Но молитва его мне помогла. А бесов видела, в молодости [крестится]. Спаси и сохрани, чтобы больше их видеть!

VI 50* Встреча человека с чертями, черти ночью в овине; *Записано от Семёновой Анны Герасимовны, 1890 г. р., в д. Домниково Туричинск. с/с, 1985 г.*
+VI 1к Черт принимает облик щенка;
+VI 6а Черт боится молитвы.

035_Нев_Черт

Одна жёнка поругалась с мужиком, истопила баню. И говорит [мужу]: «Чёрт, нечистая сила! Приди, возьми ребёнка!»

Вымыла она ребёнка, надела, выходит: мужик [муж] стоит. Она говорит: «На, чёрт!» А тот: «Давай, сука!»

Приходит она домой – ребёнка нет! Спрашивает у мужика, а тот говорит: «Я не знаю, я и с кровати не слезал!»

Пошли они к попу, а поп говорит: «Топите баню, нагрейте воды. Как чёрт опять принесёт ребенка, так молитесь Богу и повешайте крест на ребёнка: чёрт и пропадёт».

Так они и сделали.

546 Черт похищает ребенка : *Записано от Шелаховской неосторожному слову; Матрёны Семёновны, 1888 г. р., в д. Щербино Изочинск. с/с, 1979 г.*
+VI 1е Черт принимает обл. родственника;
VI 6а Черт боится молитвы, креста. Ср.:
VII 13 Проклятого освобождают от заклятья, надев на него крест. Черт принимает облик знакомого, родственника: приходит в баню;
VI 6а Черт боится молитвы, креста.

036_Нев_Черт

(А в бане банники были?)

В бане больше недобрики находятся. Когда идешь мыться, нужно сказать: «А, Господи, благослови!»

В бане днём ничаво не случается. В 12 ч. ночи это приключается человеку. В бане ночью ругаться, ходить нельзя.

Одна мыла своего ребёнка, ругалась: «Как б тебя черти ухватили!»

Пришла дочка яе. Она и дает ей ребёнка. Чего доругалась, сделалась как дочка. А та приходит домой и спрашивает: «А где ребёнок?» – «Так я уж отдала тебе!» – «А когда?». А кому отдала, нигде нет! И куды занёс?

Когда заходишь в баню, то нужно обязательно сказать: «Господи, благослови, Христос небесный!». А когда уходишь: «Слава тебе, Господи, что помылся!»

VI 1e Черт принимает облик знакомого, родственника: приходит в баню;
+VI 54б Черт похищает ребенка по неосторожному слову (VII 1 Черт забирает проклятых);
VI 6а Черт боится молитвы, креста.

Записано от Матюшевой Марии Пимановны, 1908 г. р., в д. Боярское Усть-Долысск. с/с, 1984 г.

037_Нев_Черт

Вот сосед с Бугаёвки, Роман, пьяный шёл, поматюгался. Кум и присатанился: «Кум, здорово!» – «Здорово!»

И пошли.

И завёл в болото. Стали переходить канаву – и досочка была – а он [Роман] спотыкнулся да Бога и вспомнил. Кум и исчез! Один он остался. Одумался, посидел и домой пошёл.

VI 57** Черт в облике родственника, прикинувшись попутчиком, заводит человека в опасное мест; спасает упомнание Бога. Ср.: VI 3 Черт заводит человека;
+VI 4б Матерная ругань приводит к

Записано от Матюшевой Марии Пимановны, 1908 г. р., в д. Боярское Усть-Долысск. с/с, 1984 г.

беде: человек, находясь в лесу матерится – появляется черт, пытается погубить его;
+В1 ба Защита от черта – поминание Бога.

038_Нев_Черт

(Бабуль, а про лешего ничего в этой местности не слышать?)

Нет, нет. Было тут как-то. Малец шёл с гулянья, разулся, разделся и на снег лёг, думал, на печку. Так это Бог попутал. Раньше Богу молились, сознавали, а теперь ничего не хотят. Вот Бог и наказывает.

(В1 57**) Бог наказывает пьяницу

*Записано от Агафоновой
Натальи Даниловны, 1905 г. р., в
д. Бычонки Турчинск. с/с,
1984 г.*

039_Нев_Черт

Шёл дед с толоке¹. Поймали черти. [Смеется] Завяли яго на горку. Там большой лежал камень. Открыли яму музыки. И он танцевал. Прежде был пьяный. Потом стали его садить на камень на печку: «Дед, садися, на печку. Садися, дед, на печку – погрейся». Этому деду уже стало доходить, что дело что-то ня то. Дед начал говорить «Воскресную» молитву. Ну и кричать: «Дед спёк огнём нас, спёк огнём! Что ты наделал! Ты нас огнём спёк!» Ну и разбежлись все, где-то провалились. Деду дошло до ума, и пришёл домой. Вот так.

В1 57** Черт морочит (человеку кажется, что он на печке и т. п.) / пытается омрачить человека; спасает молитва;
В1 ба Черт боится молитвы.

*Записано от Лаврененко Дарьи
Осиповны, 1919 г. р., в
д. Мисники Лобковск. с/с, 1987 г.*

¹ Толока – совместная работа (обычно тяжелая: строительство, вывоз навоза, уборка урожая) родственников, соседей за угощение.

040_Нев_Черт

(А вы не знаете что-нибудь про чертей?)

Вот была такая легенда, что жила девушка бедная, ну, естественно, ей хотелось богатой жизни, хотелось денег, и вот она думала об этом постоянно. И вдруг однажды во сне к ней приходит чёрт. Говорит, что: «Вот ты плакала, хочешь жить богато». Она говорит: «Да». – «Ну, пойдём за мной». И повёл он её через лес к реке, к обрыву, а там обрыв высокий. И говорит, что: «Ну посмотри с обрыва вниз, в речку».

И она смотрит в речку, и как будто ей кто-то нашептывает что, манит ее туда, и она так глянула в речку, а там как будто это и не вода, а золото льётся. И она шагнула вперёд. И в итоге оказалось, что на самом деле она не спала, что это на самом деле к ней пришел чёрт и вот так вот, забрал её душу. А потом нашли эту девушку.

Ну, а ещё знаю про чёрта, что когда какая-то вещь потеряется в доме и не найти, то обычно говорят: «Чёрт-чёрт, поиграй и отдай».

В1 57** Черт заводит девушку, мечтающую разбогатеть, в опасное место, морочит (река кажется девушке золотом) и губит;
+В1 12 Душа утопленника – собственность черта;
+Черт шутит: прячет вещь, отдает по по просьбе («Чёрт-чёрт, поиграй и отдай!»).

Записано от Морозовой Марии Евгеньевны, 1980 г. р., в д. Рыкалёво Ивановск. вол., 2008 г.

Новосокольнический район

041_Н-Сок_Черт

Шли мы с гулянки с братом. Идет человек. Идет парень знакомый, Витька идет. Мы и думали, что это Витя, а потом подумали, что ведь не может быть такого: Витя-то еще на

гулянке. Мы и: «Ой, батюшки Иисусе! Батюшки Иисусе!» Он в лес и пошёл.

Б1 1е Черт является в образе знакомого встречается в дороге;
+Б1 ба Черт боится поминания Бога.

*Записано от Астафьевой
Валентины Петровны, 1931 г. р.
в д. Струги Вязовск. с/с, 1988 г.*

042_Н-Сок_Черт

А вот папка вез хлеб, шесть мешков муки с мельницы. Лежит заяц на дороге. Он его взял. Положил его у мешка, посадил на воз. И зайца драть начал. Говорит: «Зайнька, зайнька». А заяц грубо: «Зайнька, зайнька». Он испугался, а заяц еще мешок пихал, спихнул. Чёрт то был, не заяц, он и его спихнул, спихнул и мешок.

Б1 1и, л Черт появляется в образе зайца: человек ладит зайца, посадив в телегу: «Зайнька, зайнька!», тот передразнивает, сбрасывает седока и груз с телеги.

*Записано от Астафьевой
Валентины Петровны, 1931 г. р.
в д. Струги Вязовск. с/с, 1988 г.*

043_Н-Сок_Черт

(А слышала про то, как черт водил людей по полям, там кто-нибудь уходил, блуждал где-нибудь?)

Блудить – да, блудили. Блудили. Раньше. Вот у нас блудили. Тут были кусты, как примерно от Пыжика, тут Лаврентий жил. И тут полные кусты были, и раньше были. И их звали Суритина.

Дорога-то была... тут токо стяга была раньше, а дорога была вон, вот так кругом. И с той улицы, с той дороги и на эту дорогу, и может завясти и у болото.

Ну, а чёрт знает: пьяные – ня пьяные... Пьяных точно завядут! А и ня пьяные блудили. Вот всё блудили, да и всё! Ну.

Я почту носила, а это ж после обеда у Коровкине, в Наумцеве тогда было уже раздавали. Да пока я бяжу, да пока туды. А уже из Зеленина, с Демяхов бягу, часов в девять – в десять, а може и доложе, как пенсия. А тут сено возили, как возили? Отсюда и сюды через дорогу, и оттуда и сюды и по дворам. Я как залоскутила, залоскутила! Не-ет, вижу, не-не! Я уже перешед свою дорогу, где надо сворачывать. И сама сябе говорю: «Не-не-не, чёрт, ты мяня не завядёшь!» Я перевярнула: «Господи, Боже мой!» А далёк уже пробегла. И пробегла, пробегла. Ну, просто это так много так шли... вот ня знаю как. Тяперь же грамотные, это ня раньше.

VI 3 Черт водит человека, человек не может найти дорогу в знакомых местах. Ср.: AI 5 Леший заводит человека: человек не может найти дорогу в знакомых местах. *Записано от Цветковой Раисы Антоновны, 1912 г. р., в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.*

044_Н-Сок_Черт

А моей маме привиделось. Дома, у нас изба была через сени, а там коло кладбища вроде, задавился он там, или кто вбил, мужчину мечихановского.

А она всё под окном, бывало, спит. Ну, в окно глядит; кто-то поехал, целый мешок белым накладено на воз, а как раз дождь прошёл, что след был бы. Через несколько минут, говорит, этот поехал обратно. Назавтра пришли поглядеть – нет никакого следа! Привиделось в окно: «Это, – говорит, – Петька привиделся, который задавился».

(Это на нем что ли возили?)

Да. Вороний конь, такой большой, привиделось.

(А на возу сидели?)

Не видала.

VI 13 Самоубийца служит лошадей у черта. *Записано от Филипповой Елены Филипповны, 1901 г. р., в д. Глядково Вязовск. с/с, 1988 г.*

045_Н-Сок_Черт

(А еще какие-нибудь рассказы ты знаешь о том, как какие-нибудь нечистые силы водили кого-нибудь?)

Нет, нет я не буду говорить про нечистую.

Про нечистую силу были, значит, такие разговоры. У нас в лесу было глубокое-глубокое... такое вот яма такая, а внизу чуть-чуть там немножко водички было. И говорили, что это бездонная яма. И если туда кто-то зайдёт, то вот упадёт и больше не достанешь оттуда этого человека. Но однажды вот туда животинка какая-то забежала, там коровка или телёнок, я не помню. Он действительно утонул.

И все-все боялись этой ямы! Когда ходили в лес за грибами там или за ягодами, обходили стороной вот этот колодец, не колодец он – глубокая яма. Страшно было!

Но как вот в натуре, я не встречала нечистую силу.

Нечистая сила водится в лесу в глубокой яме; губит всякого, кто оказывается поблизости.

Записано от Цветковой Нины Николаевны, 1937 г. р. в д. Санталово Бологовск. вол., 2006 г.

046_Н-Сок_Черт

Дедушка мой в полночь ходил в сарай спать: «Как двенадцать часов, так чёрт начинает к себе одеяло тянуть». Он к себе, а он к себе, чёрт к себе, а дед к себе. Дед приходит: «Машенька, не могу там спать!» Потом он палку взял. Забирает палку с собой в постель. Лежить дед, а чёрт тянет одеяло. Он палкой: «Что, бес, попал?» – «Не попал, не попал!»

И не спал там дед больше.

В1 50* Черт ночью в доме / в сарае: не дает спать (стаскивают с человека одеяло); человек бьет палкой, черт дразнит («Не попал, не попал!»). Ср.: В1 16а Домовой выживает человека,

Записано от Астафьевой Валентины Петровны, 1931 г. р. в д. Струги Вязовск. с/с, 1988 г.

не попросившегося у него на ночлег;
стаскивает с постели; сдергивает
одеяло.

047_Н-Сок_Черт

А батюшку чёрт вёл в образе друга. «Пойдём, – говорит, – домой!» Пьяного батюшку вёл. И вёл его через озеро. А там раздел и посадил посреди озера на камне.

ВІ 57** Черт в облике друга, *Записано от Астафьевой*
прикинувшись попутчиком, заводит *Валентины Петровны, 1931 г. р.*
человека, раздетым сажает на камень *в д. Струги Вязовск. с/с, 1988 г.*
посреди озера.

048_Н-Сок_Черт

(О чертях ничего не слышали?)

[Усмехается] Слышала. У нас была дярвеня, а Тяренино было от Пятрушина, ходили в Тяренино, была мельница тогда. Всё там мельница молола, а потом уже после в Аненском построили мельницу, там уже молоть не стала. Это всё, когда там мололи, там мельник был. И мельник ходил в Пятрушино.

Эту я сказку слышала, тоже сказка была. Ну вот, пришёл в Пятрушино, а с Пятрушина идеть, встрячает мужчина и говорить: «А ты домой идешь?» – «Да, домой». – «Ну, пойдём». Ишли-ишли, а потом он говорить: «Лезь на печку, погрейся!» А он глядь! Говорить: «Господи Иисусе, что такое? – говорить. – Это у тебя прорубь, а ня печка». И этого мужика ня стало. Мужик остался, пошёл домой, в Тяренино. Такую сказку тоже слышала.

ВІ 57** Черт, прикинувшись *Записано от Сапуновой Дарьи*
попутчиком, заводит человека, *Григорьевны, 1915 г. р., в*
морочит (человеку кажется, что он на *д. Бояки Бологовск. вол., 2004 г.*
печке и т.п.); спасает поминание Бога.

049_Н-Сок_Черт

(А о чертях что-нибудь можете рассказать?)

Ну, о чертях знаю: вот случай был, такой вот, наяву это было, я помню. Хорошо. Как один мужчина то ли на свадьбу пошёл: играл хорошо на гармошке. Ну, ишёл выпивший, шёл, шёл, спать захотел. Камень был большой у нас, и всё говорили, что там черти, мол, водятся. «Нет и нет, – говорит, – Фёдора». А лето было... на Иванов день, наверно. Слышим: часа, наверно, в два гармошка по улице. Дождь, гроза жуткая! И он идёт. Вот вышли наши, сестра там. Говорит: «А он шёл дальше, не разбирался, куда он идёт».

Пришёл и стал рассказывать, что так и так. Шёл, – говорит, – захотел спать, как подхожу к камню. Меня тянут: отдохни. Я, говорит, сел. Говорю: «Спать хочу». Они: «Ложись, у нас тепло, печка, раздявайся». Я, говорит, гармонь поставил, снял свои ботинки, снял носки, положил на ботинки, рубашку снял, брюки снял. Сколько, говорит, я спал? Спал ли я или нет? Вскочил: Боже мой, я раздетый! Раздетый и пришёл домой.

(Чего боится черт?)

Бога, Бога. Всяго святого боится чёрт.

ВІ 57** Черт морочит (человеку кажется, что он на печке и т.п.); *Записано от Головневой Антонины Алексеевны, 1939 г. р., в д. Коровкино Бологовск. вол., 2004 г.*
+Черти водятся у большого камня;
+Черти активны на Иванов день.

Пустошкинский район

050_Пуст_Черт

В баню, бывала, бабушка сказала, вы там не ходите ночью.

(А почему?)

(неразб.) явится (неразб.) веникам бьёт.

(А кто это был?)

А не знаю.

(А как его называют? Вот у нас банником называют.)

Наверно, банникам и называли.

(Не припоминаете, может, как он выглядел? Никто не рассказывал?)

Ани выглядят чёрно.

(Черные? Во всем черном?)

Чёрно, чёрно. Все говорят вот, что черти, то и баня, только чёрно.

(А не было случаев, что они кому-то появлялись?)

Появлялись у баню.

(Появлялись, да?)

Появлялись у баню. Эта старым, а не нам. Одна соседка отказалась.

В1 1д В бане черти черные, как баня; *Записано от Мусатовой Анны*
БП 5 Банник/черт наказывает за *Степановны, 1932 г.р., в*
появление бане в неурочное время: *д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.*
бьет веником.

051_Пуст_Черт

(... не связано рассказов с привидениями там с русалками?)

Ну, вот я знаю, отец рассказывал мой. Он говорит, что вот здесь раньше была кошевница, вот где мост.

(А что такое кошевница?)

Название её. Называли мост «кошевница».

(А вы не знаете, откуда пошло это название?)

Вот название, откуда оно идёт, даже не знаю.

А вот здесь вот говорили, то, что через этот мостик переходили. Там ишли, когда на Холюны́, допустим, так. И, значит, отец говорил, тут вот кладки были. Раньше ж мостов не было, а были кладки. Ну и отец говорит, ишёл в гости. Подхожу к этим кладкам. [Смеется] Не знаю, правда это или нет. Ну, подхожу, говорит, к кладкам. Ребёнок плачет, говорит,

маленький около кладок и просит, мол: «Перенесите меня, дяденька, через эти кладки! Я не могу пройти». Ну вот. Он говорит: «Ну, садись на клюкушки!» [Смеется]. Он, говорит, ко мне забрался. Я, говорит, так чтобы – тянет он меня вниз – я, говорит, – раз, говорит, туда под него, под низ! А у него там хвост это всё. Я тогда давай скорей, говорит, «Отче наш», говорит, читать, молитву. И он говорит: «А, догадался!» И, говорит, – плюх в воду и поплыл! Куда, что, делся! И я, говорит, больше его не видел. А через кладки перешёл один.

(А он не рассказывал, как этот мальчик выглядел?)

Он, ну, обыкновенный, говорит, ребёнок. Маленький, говорит, небольшой, говорит. Ну, может, лет, говорит, там пять ему, там сколько. Ну вот. И вот так попросил.

(А после этого с вашим отцом не происходило ничего странного?)

Да нет. Он в город уехал.

В1 50* Встреча человека с чертом у /на /около моста: черт пытается погубить человека – утопить;
+В1 1 Черт принимает образ ребенка;
+Черт боится молитвы.

Записано от Тимофеевой Анастасии Григорьевны, 1926 г. р., в д. Дракуново Аловск. вол., 2005 г.

052_Пуст_Черт

Говорили про Федота, про Яшковского (неразб.), помнишь? Он ходил у Лычники. Там где шас за Зуям мостик, там были кладки, проложена дорога. Только по кладкам ходили. Подходить этот уже мужик, ну, этот Фядот. Якобы выскочил как ребёнок: «Дедушка, перенеси меня! Мне никак не перяйти!». Ну, это видит такое дело или по пьяни ему или что: «Садись мне на плечи!». Сел на плечи этот ему будто бы тот. Он стал его: «Не тяни ты меня вниз!» А он его тянет! Он стал его так [рукой, чтобы посадить на спину повыше], а тут хвост под жопой оказался! И, говорить, чуть было он с кладок этих в реку

не увалиўся! В эту. Он тогда: «Господи, благослови! Господи, благослови!» – три раза сказал.

(И черт убежал?)

И чёрта нет! И он так перяшёл.

Сказки! Отстань, кровинка!

ВІ 50* Встреча человека с чертом у *Записано от Родченковой*
/на /около моста: черт пытается *Прасковьи Афанасьевны, 1924*
погубить человека – утопить; *г. р., в д. Дракуново Алольск.*
+ВІ 1 Черт принимает образ ребенка; *вол., 2005 г.*
+Черт боится молитвы.

053_Пуст_Черт

(А с кем-нибудь еще происходило такое?)

Да-а-а.

(А вы не можете рассказать?)

Ну тоже так, как вот и я, тоже лазил черт по лесу по етому.

У нас трактористом тоже работал, тоже рассказывал, что ну никак, говорит, понимаешь, и загнал трактор, что потом мы искали, так и нашли по следу – в такую глу... глушь (неразборчиво), что по следу нашли. «И вот, говорит, выкинули меня с трактора». И вот, как и я говорил, тянул яго и выводили, черт так. Никто там ни водил, а это, понимаешь.

(А вас черт водил?)

«Проснулся, разделши на камне, сплю, как будто на печку пришёл, снял носки». Ну всё это... это тоже ж после пьянки.

(А еще рассказывали что-нибудь?)

[Смеется] Разве чего вспомнишь.

ВІ 57** Черт заводит человека в *Записано от Максименкова*
глушь, морочит (человеку кажется, *Петра Васильевича, 1930 г.р., в*
что он на печке). *д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.*

054_Пуст_Черт

(А от кого-нибудь не слышали о водяном рассказы?)

Не. Говорили старики, что вот... (Бля**! Нога болит, ёб**ая в рот! Это что ранен в войну). Было ещё... водило там. В нас одного водил, так он, правда, на камень забрался, большой камень, разулся; так и нашли мёртвым.

(А почему? Что с ним случилось?)

Ну как? В деревню Мельницы пошёл, так загулял. Кузнецом он был. Потом домой пошёл. С километр прошёл, нашёл на берегу озера камень, такой большой камень. Забрался на этот камень, разулся, разделся и лёг. Но это сам он, уже сам виноват, я чувствую, сам виноват. Напился пьяный он.

(Так этот камень какой-нибудь особенный?)

Да нет. Работал он кузнецом.

ВІ 57** Неведомая сила («водило там») заводит человека на камень; человек погибает. *Записано от Гориталёва Сыся Павловича, 1923 г. р., в д. Вербилowo Аловск. вол., 2005 г.*

055_Пуст_Черт

(А правда, что чёрт пьяных любит водить?)

Да, да, да.

(А были такие случаи?)

Были. Это вот в Ночлегово мужик, он сейчас умерши. Ишёл с Балашово, пьяный домой. Ну, и всё и это, и чёрт его повёл. Пришёл на кладбище. «Иди, иди, – говорить, – у меня на печке погреешься». Пришёл, его спать положил, разулся. На крест сапоги, портянки поставил, его, на кладбище на крест ета портянки повесил, а и потом стал замерзать и хорошо, это. «Спи, спи, – говорит, – так тепло на печке, грейся на печке» [смеется]. Да, это в самом деле было, в самом деле. А потом услышать, петуны запели (ув двенадцать часов, чорт уже

проваливается и всё), запели петуны. И пошёл на петушичий, на петушинский, этот, как его, крик, и всё и пришёл домой.

Чорт их знает, где они водятся, всё говорили, в омуты, а что это за омут, да в омуте.

(А вот, может, кто рассказывал про этот омут?)

Нет, нет, не рассказывал никто.

В1 57** Черт, прикинувшись попутчиком, заводит человека, морочит (человеку кажется, что он на печке и т.п.);

Записано от Голяковой Домны Алексеевны, 1922 г.р., в д. Шумихи Алольск. вол., 2005 г.

+В1 бе Черт боится крика петуха: проваливается;
+Черти водятся в омуте.

056_Пуст_Черт

<...> говорили, что там черти водятся в озере <...> это очень давно. Это, может быть, сто лет назад. Даже не, не сто лет, а сто тысяч. Говорят, видели, что из воды выходило, говорят, чудо какое-то чёрное.

(А вы не знаете, как он выглядел, леший?)

Я от не знаю, я уж не видела. Я не дожила до этих. Ну, лохматый, естественно, говорят.

(А вот это вот чудо, которое из озера выходило, подробно не описывали?)

Нет, ничего не говорили. Только говорили: «Ой, ой, какое чудо страшное видели! Ой!» Но это давно, это моя бабушка ещё. Бабушке уже той, наверное, уже двести б лет шас бы было. От эта бабушка, помню, нам рассказывала, или просто она пугала нас, внуков нас, маленькие мы были: «Не ходите купаться! Там леший, там ведьма, там Баба-Яга оттуда выходит!»

(Леший, говорили, живет именно в озере?)

Да. Обычно он, говорили, выходит на Иван Купала, когда идут все купаться на озеро. От у нас берег от хороший. Тут озеро кругом у нас. И вот сюда ходили все купаться.

В1 1д* Черт показывается людям в образе черного существа (чуда), выходящего из воды;
Черт активен вна Иванов день;
Черти водятся в озере.

*Записано от Богдановой
Валентины Максимовны, 1942
г. р., в д. Дракуново Алольск.
вол., 2005 г.*

057_Пуст_Черт

[Информант_2] От раньше, бывало, рассказывали пожилые. Там-то на таком-то месте что-то получается: [то какой-то шар [катится], то какой-то человек ходит.

(Откуда?)

[Информант_2] Ну, просто так. Появляется как-то. Раньше называли черти.

Чёрт был, да. Привиждение такое. А их-то нет никого [на самом деле].

(А его видел кто-нибудь?)

[Информант_2] Мы?

(Нет, раньше)

Мы не, ну раньше-то, конечно, видели.

[Информант_2] Привиждения были, видели, а кто знает, правда или неправда.

(А рассказывали, как он выглядит?)

[Информант_2] Человеком.

(А крал ли он детей когда-нибудь?)

[Информант_2] Не.

(Может, с рогами, с хвостом или просто как человек?)

Ну, как человек.

[Информант_2] Просто человек.

(А жены у него не было?)

[Информант_2] Да нет. Так от увидят. Допустим, ну, может быть, в ночь, в двенадцать часов ночи идёт человек. Были такие места, что там появлялся и что-то должно было произойти. Ну, он идёт, идёт – то какой-то огонёк увидит, то какой-то шар покатился. А правда это или нет, а говорили так.
(*А вот с теми людьми, кто видел, ничего не случилось потом?*)

[Информант_2] Нет.
(*А добро он делал, помогал?*)

Чёрт?
(*Да*)

Какое добро? Нет!

[Информант_2] Нет, конечно.

ВІ 1у*, ц** Черт / «привидение» *Записано от Тимошенковой*
показывается людям в полночь в *Нины Владимировны, 1932 г.р.,*
«нечистом месте» в виде огонька, *[Информант_2 – сведения*
катящегося шара, простого человека. *отсутствуют] в д. Гаврильцево*
Алольск. вол., 2005 г.

058_Пуст_Черт

Мать тужила. Ня выйти было. Я ночавала в Бубнёве, с Бубнёва выскочила. Ну ни дороги, и лес, и вода. Стану ногой становиться – а там и воды никакой нету.

(*Это тебе так было, да?*)

Меня черти, наверно, водили, я их ня видела никого. Ну знаю. Дорога, ну, иду – не попасть, куда мне надо, прямо. Мене вправо, всё вправо! А вправо иду – в воду попадаю. Воды ня вижу, а...

(*Ты днем шла? Днем?*)

Не! Уже утро. Я вот в Рокоченó, где жила, эта, Липа – Ваньки-попа жёнка. Она в байню за веником уже на утре шла. А я, снежок-то небольшой был, перемочивши, переваливши. И я уже не в свою деревню, в Мáслово, попадала, а вдоль возера,

куль воды, а воды там никакой нет. Всё белое, мутное. Ну, черти водили! Ну вот, ни за руку, нигде. Не давали домой дойти.

(А как вы вышли?)

А вышла уже. Эта женщина идёт в байню, вот Ваньки-попа Липа, за веником, Ваньку собирае, рокочинская. Я спросила, говорю: «Милая моя...» Ну, а я ону ж тогда ня знала. Я говорю: «Какая это деревня?» А она говорит: «Рокочено». Я говорю: «А мне надо в Сватеево». А уже Сватеева там не было домов, ну, чтоб мне попасть в Маслово, и детей в школу отправлять – два мальчика вот тут учились, в Поддубьино. Она говорит: «Милая моя, так ты топерь идёшь? А ты где была?» Я говорю: «Я в Бубнове ночевала, на Пустошку – вот в этом Бубнове». И я говорю: «А мне не попасть в тую сторону, там воды много, возеро большое. Она мне рассказала, говорит: «У нас в Поддубье мужчина пасёт телят, – (а снежок небольшой был выпавши), – Гриша Левченков. – Ты-то не знаешь [обращение к соседке], а я его знала там. – И он, – говорит, – вот пошёл на скотник. Там их будет кормить. Ну, ступай, – говорит, – я постою под горою – на этот след. И тогда этот след выведе почти в Поддубье».

Хоть мне и круг был, вот этот след меня тока и спас. А так – нашёл в поле, по снегу.

[Соседка] Вот, кто-то водил!

Ну, я раз задумывала, не хотела семью развалить ещё.

[Соседка] Да-да-да.

Остались на ночь там. Ну, меня черти водили, это я хорошо знаю.

В1 3 Черт водит («путает», «таскает») по лесу, человек блуждает. Ср. А1 5 Леший водит человека.

Записано от Калязиной Клавдии Семеновны, 1926 г. р., [Соседка – сведения отсутствуют] в д. Середеево Васильковск. с/с, 2005 г.

059_Пуст_Черт

(Были ли у вас случаи, связанные с нечистой силой?)

Били ночью там, встречали черти. Были трубы положены, а они жили в трубах, ну, и они выходят на шоссе, встречают и пляшут перед человеком.

(А вот кто это видел?)

Ну, кто? Ну, кто? Мои бабушки видели!

(Бабушки видели?)

Да. Я своих бабушек помню, я с ним всё-всё, а это, всё нам рассказывают.

(А что они говорили?)

Вечером ни ходи, говорит, ночью там, там обязательно встретят черти, и перед тобой пляшут, и куда не надо повядут тебя.

(А куда они могли повести?)

А куда хочешь! Ане, куда задумают, туда и сведут.

(Не было таких случаев, что кого-то водили?)

Водили.

(А кого? Расскажите, пожалуйста, расскажите!)

Водили, мою бабушку водили, два дня заводили.

(А как? Куда они могли завести? Можете рассказать, как это произошло?)

Ну вот я... я уже вам точно горазд не скажу, всё забываю, девочки, мои миленькие.

(А вот как можете, расскажите!)

А с ним просто идёшь: «Пойдём, пойдём, говорит, туда, пойдём, пойдём туда!» И всё. «Пойдём с нам, ты ни туда идёшь! Пошли с нам, пошли с нам!» А они перед тобой пляшут.

(А бывало такое, что человек избавлялся от черта? Уходил от него? Бывали такие случаи?)

Они вядут и хвостом бьют под ноги.

(Под ноги бьют?)

Да, могли. Вядут и хвостом своим бьют. Под жилки.

(А вот интересно, зачем они хвостом бьют?)

А не знаю, вот уже ни... ни скажу.

(А вот можно было от него защититься?)

А они довя... довядут, покамест тебе конец дороги, это покамест на своё место придёшь, и бросют.

(И бросят?)

Бросют, ой!

(И уходят?)

Да!

(А как можно защититься от черта? Вот есть что-нибудь такое?)

Вот не магу я вам сказать ничего такого.

(Допустим, креститься, может?)

Дети, у нас маленьких, мы ещё не большие были, бабушки умерли. Нас ни интересовала это, что вас щас интересует, понимаете вот (неразб.). Мы, бывала, бабушка: «Вы там не ходите ночью и туда ни ходите и всё».

(А вот не знаете, например, увидишь черта и вот как от него защититься? Чего вот он боится?)

Не знаю, не знаю, не знаю!

(Может, молитвы? Может, креста?)

Не знаю, не скажу, врать не буду. А вот знаешь что, если он встретит тебя, он доведёт тебя до самого дому и будет под эты, под ноги, под жилки стებაь хвостом.

ВІ 3 Черти водят человека: пляшут, бьют хвостами под коленки, заставляя идти;

+Черти живут в трубах, положенных у шоссе.

Записано от Мусатовой Анны Степановны, 1932 г.р., в д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.

060_Пуст_Черт

(Про колдунью вы нам вчера много рассказывали.)

Ну, вот про колдунью моя мать рассказывала, и я вам онну историю расскажу.

Она... рыбой оны занимались, ловили рыбу. У их была будка сделана около озера, и специально каравулили сетки. Ну, старики посылали дятей. Дятей хто-то напугал, с озера вылез. Дети прибегли. Они заругались: «Во, как! Спугались!» – как обычно, старые. (неразб.) Ну вот, пошли самы каравулить.

То же сама так: вылезает кто-то с озера! Ну, это дело было, мать моя рассказывала! Я этого ж не знаю. Тоже, говорить, вылезает кто-то с озера. Ну, а мужчины же пожилые усё. Как шарне туды, в озеро, палкуй! А он и говорит с озера: «О! – говорит. – Жалко, что не попал!» – мужык-та. А он-то: «Попасть-то – не попал, но бок сломал!»

Это вот мать моя всё время рассказывала вот эту вот историю. Вот такие дела.

(А она рассказывала, как он выглядел?)

Дак они ня видели его с воды. С воды яво не видать было. Говорили там или что, но факт тот, что не видать. Это назывались раньше чэрти.

Вот такие дела. Ну, ешшо кого.

АП 9д Водяной/черт и рыбаки: лезет из озера на на берег, его прогоняют, швыр-ув нув палкой («Попасть не попал, но бок сломал!»). *Записано от Мартыновой Мариш Власовны, 1923 г. р., в д. Яшково Алольск. вол., 2005 г.*

061_Пуст_Черт

(Знаете ли вы истории, связанные с нечистой силой?)

[Д.Н.И.]: Порой, [односельчанин] говорит, сижу: вокруг стола много чертей! Вот я, говорит, сажусь есть. Да, говорит, настоящие черти – с рогами, хвостами. Ну, на самом деле

галлюцинировал; ну не знаю, что он. Испугался, наверное, удрал. Помнишь, он ещё бегал по деревне?

[М.Н.И.]: Психоз!

[Д.Н.И.]: Да, психоз.

(А вот как он описывал?)

Ну, описал, как вот действительно в книгах – рогатые, хвостатые, волосатые там. Все сидят, и каждый требует, чтоб ему тоже налил. Он, говорит, испугался, что их очень много. Ну, он-то был большой, деревенский, он удрал.

(Они ему ничего не сделали?)

Нет. Ничего. Он сразу их испугался, что их очень много, и удрал.

ВІ 126 К пьянице пристают черти: *Записано от Демидовой*
сидятся за стол, требуют налить им *Надежды Ивановны (Д.Н.И.),*
водки. *1956 г. р., Максимович Натальи*
Ивановны (М.Н.И.), 1952 г. р., в
д. Вербилowo Алольск. вол.,
2005 г.

062_Пуст_Черт

У лясу. У нас такая... называется место Тиновка. Ну, и там вообще глушь, болото, лес густой такой. Да, как бы непроходимый. И мы всё боялись тое место, что именно у том месте. Тиновка, да. Так что, девочки, допоздна не гуляйте! [Смеются]

А там и поют, и пляшут, и всё!

(Это русалки поют и пляшут?)

Черти. А что за черти – мы сами не знаем.

(На гумне?)

У гумне. Гумно. Или... правильно? Гумно, да?

(Говорили, что они там водятся?)

Да. Там, допустим, от зерно молотили... усё, а к ночи закрывали. И сарай близко-близко около дороги был. И вот всё там говорили, что черти. Боялись ходить.

ВІ 34 Черти водятся ночью в овине (в гумне): пляшут и поют. *Записано от Родченковой Прасковьи Афанасьевны, 1924 г. р., в д. Дракуново Алольск. вол., 2005 г.*

063_Пуст_Черт

(А про церковь про саму?)

А церков? Вот я смутно-смутно помню: меня мать тоже водила в церков, маленькую, вербиловскую. Хорошая была церков!

(А ночью в церковь можно ходить?)

Не-а, ночью не ходили. Я не знаю, не ходили ночью.

(Не рассказывали, что в церкви черти могут быть?)

У церкви? Нет.

(А вообще про чертей ничего не слышали?)

Да, слышала, что черти – было, скажут – вон в Бярёзовом болоте, как с Алóля идёшь – там болото такое – и говорят: вон черти в Бярёзовом болоте.

(А бывало, что с кем-то они шутили?)

Ну, пугали нас. А вот, нас пугали маленьких, что идите, идите, там черти у бярёз...

ВІ 34в Черти водятся в болоте;
ВІ 61*** Чертями пугают детей. *Записано от Бароновой Анастасии Харитоновны, 1936 г. р., в д. Вербилово Алольск. вол., 2005 г.*

064_Пуст_Черт

(А еще рассказывали что-нибудь?)

[Смеется] Разве чего вспомнишь!

(А встречались ли черти на чёрном мосту [на Черном мосту]?)

Тоже вот боялись, это нам всё говорили, что кто выходит там окыла Чёрного мосту, черти какие-то, – боялись того места. Ну раньше ж люди – сами знаете.

VI 34г Черти водятся под мостом / *Записано от Максименкова Петра Васильевича, 1930 г.р., в д. Кисели Алольск. вол., 2005 г.*

065_Пуст_Черт

(Известны ли вам какие-либо местные выражения? Выражения, характерные для этого района? Приметы?)

Ну, во когда ураганный ветер весной с повалкой деревьев, то местные говорят: «У чертей свадьба идёт!» Вот такое, значит.

Так. А ещё вот что было. Вспомнила я вот здесь по-местному. Ходили мы как-то за грибами. Нам, наверное, было лет по десять. И, знаете, такие сказки-страшилки, когда перед сном, в пионерских лагерях раньше, вот друг друга пугают.

И вот здесь девчонка нам рассказывала. Значит, будто бы молодёжь – парни с девушками – пошли в лес по грибы да и там задержались. Вышли уже из леса поздно. А на окраине деревни стоял пустой дом, давно-давно пустующий. Никто там не жил. И они идут. И уже сил не было. До деревни не дойдут: далеко ещё. Думают: «Остановимся в этом доме». Подходят поближе, а там свет горит. И они так удивились: «Там же никто не живет!» Заходят туда, а там народу! Свадьба, невеста, ну всё! Гулянье! Их приглашают так приветливо их: «Вы садитесь за стол!»

Они садятся за стол, значит, и один парень почувствовал, что что-то не то здесь. Не должно было быть здесь людей! И он незаметно роняет вилку на пол, чтоб наклониться и поднять её. И когда поднимает вилку, то видит, что у всех не ноги, а копыта.

Потом, как девчонка рассказывала, их нашли через три дня: мёртвые, никаких на теле не было изъянов, ничего. И только ужасающая ухмылка на лице. То есть испуг, страх. Вот такая была история, вот здесь, рассказывали.

VI 46* Чертова свадьба: черти справляют свадьбу – поднимается ураган; *Записано от Куренной Анны Геннадьевны, 1964 г. р., в д. Алоль Алольск. вол., 2005 г.*

VI 46* Чертова свадьба (на свадьбе у чертей): зайдя ночью в заброшенный дом, люди попадают на свадьбу чертей и погибают; спасается лишь один из них, уронивший на пол вилку и вовремя заметивший копыта у свадебников.

066_Пуст_Черт

(Скажите, а в чистый четверг черти гуляли?)

Не, не.

(А вообще слышали, чтобы про чертей что-нибудь рассказывали?)

Раньше мой дед ехал с мельницы. Ехал, видит: кто-то из леса выезжает. Выскочило два чорта, коня за шею, с места не спускают. Пока молитву поговорил и уехал.

(А он не рассказывал, как выглядели эти черти?)

Не. Говорить, я рад, что жив остался.

(А вот черти именно на мельнице живут, считается?)

Не, не. С какой оны, где..., а таперь нет таких.

(А чёрт назывался как-нибудь по-другому?)

Не, ня слышала.

(А чёрта можно было убить?)

[Смеется] Ня знаю.

(Он мог в кого-нибудь превращаться: в птиц, зверей?)

Ня знаю.

VI 50* Встреча человека с чертями в дороге: останавливают и не пускают коня;

+VI ба Черт боится молитвы.

Записано от Павловой Марии Егоровны, 1930 г. р., в д. Холюны Алольск. вол., 2005 г.

067_Пуст_Черт

Я была трусиха. Ну вот.

(А вот чертиком вас пугали? Нечистой силою?)

Пугалась, я пугалась, даже замужем была.

(А вот что вам рассказывали про чертов, почему вы так боялись?)

Да я сама ня знаю, говорила дьявчонка такая же, как я: «У нас чёрт живёт». А я говорю: «Ты видела яго?» – «Не». – «А чё ты...» – «А дядя Петька пришёл с гулянки, а чёрт сидит в углу!» Говорю: «А он что с им сделал?» – «А он как дал палкой, тросткой – трости железные, мужчины носили, парни, – как дал железной тросткой: га-га-га-га!»

А я бязу мимо ихного дома, боюсь: чёрт выскочит! Я боялась чёрта. Я пугливая была.

(А вот еще что-нибудь знаете про чертов, какие-нибудь рассказы? Или там про русалок что-нибудь вообще про нечистую силу. Обычно же говорят, что Ивана Купала день они...)

Вот на Ивана Купалов день тот, вот бывало, жнёшь рожь, и рожь вот так загибнут, таким колосам вот так вот место, и говорят: это колдун наколдовал. Это такие были разговоры. И вот, и обжинают этот кружок, не жнут. Это верили в это. Говорят, надо привясти попа и отчитать: это кто-то заколдовал.

Это был такой случай вот в нашей деревне. Ну и вот, как стали такие слухи говорить, тогда два мальчишка дома и говорят: «Маменька, сходи вон к той тётеньке, это мы, мы хотели пошутить! А поп приедет, будет молиться так, что-то какое-то будет наказание».

А кто так сжигал это место, возьмут, спичку подчирнут, сожгут и всё.

ВІ 50* Встреча человека с чертями,
черт ночью в доме: сидит в углу.

*Записано от Константиновой
Ольги Михайловны, 1908 г. р., в
д. Заречье Алольск. вол., 1994 г.*

Себежский район

068_Себ_Черт

(А вы не знаете таких историй разных с нечистой силой?)

Не знаю. Помню... помню: баба такая у нас такая была, Авдотья. Ну, она... Ну её считали: «Ай, она заговаривается». Так её считали.

Вот она пришла как-то к нам, эта Авдотья, и рассказывает: «Вот только легла спать, накрылась, уже стала засыпать – как прыгнул на меня кто-то, как начал вот так когтям драть меня! Пока эту “Воскресную” молитву прочитала, тогда перестал драть». Я ж говорю: «Так это, баба, наверное, кот!» – «Да не, это не кот, это какой-то на меня чорт навалился!»

ВІ 3в** Черт пугает: наваливается на человека ночью, дерет когтями. Ср.:
БІ 5в Домовой давит человека;
+ВІ 6а Черт боится молитвы.

*Записано от Холодёнков Лидии
Ивановны, 1940 г. р., в
д. Кузнецовка, 2006 г.*

069_Себ_Черт

А это, это просто это... сказки.

(А вы помните какие-нибудь истории про чертей?)

Про чёрта? [Смеется]

Папка, помню, рассказывал, что пьяный один мужик... Был стоял сруб, он без крыши, вот такой был сруб. И вдруг вот шёл этот мужик пьяный, и он потерялся, нигде его не найти. И

вот как он забрался в этот струб, и вот он говорил, что это его черти перебросили через этот струб туда, когда его нашли, уж кричать он стал. Там просто вот сруб срублено, крыши не было, ни дверей, ни окон. Вот как он туда перебрался. Но он говорил, что его черти туда перебросили. «Два мужука, – говорил, – схватили меня туда и перебросили, это черти...меня бросили».

А так я ничаво такого ня помню, про чертей. Вот всё.

VI 126 К пьянице пристают черти: *Записано от Бураковой Лилии Романовны, 1928 г. р., в д. Замостье Ленинск. вол., 2006 г.*
забрасывают в недостроенный сруб без окон, без дверей;
+VI 1а Черт является в образе обычного человека.

070_Себ_Черт

Давно-давно было, в том веке, наверно, не при мне было, черти водились, на супрядки приходили. А не знали, что черти, а поглядят: в их хвосты торчать. Сами как люди одетые. Как мальцы были.

Девки – в крик, всё похватили и вон из хаты.

Потом хату перекрестили, больше чертей не было.

VI 25 Парни-нечистые на *Записано от Павлюченко*
вечеринке/супрядке: девушки *Ефросиньи Васильевны, 1907*
замечают хвосты у кавалеров и *г. р., в д. Пустошка Бояриновск.*
убегают; *вол., 1991 г.*
+VI ба Черти боятся креста.

071_Себ_Черт

(Где черти водятся?)

В болоте, в болоте...

Ну вот, мама тоже рассказывала. Где она жила, там была такая большая деревня. Вот деревня на горке, а в низинке такой... ну мох назывался, омшари́на.

Ну и там один сват йихный пошёл там в гости. Ну и потом, когда уже он обратно ишёл, вдруг, говорит, встречают его: «Кум!» – «И-и, ребятки!» – «Ой, ты, кум, где был?». Вот там и там. «Ой, пошли, – говорит, – пошли ко мне ночевать, я тебя, – говорит, – доведу!» Он согласился, пошёл. Вот, говорит, привели, на печку положили, всё раздели, разули...

Он просыпается – а он лежит на камне: валенки под головой [смеется]. Говорит, ничего не понимаю! И вот он встал, и пьянка прошла. Вскочил, говорит, быстренько всё оделся. «Не могу, – говорит, – никак выйти». А в ихний деревне был очень большой собак, звали Лыской, и он его очень любил, этот собак, и он его любил. Вот, говорит, ходил-ходил, выбился из сил, потом как, говорит, закричал, заплакал: «Лы-ыска! Лы-ыска! – говорит. – Спасай меня!». И откуда ни возьмись этот Лыска пришёл. Он, говорит, ну, за полу его и вывел... этот собак его с этого с болота. А, говорит, когда вышли на дорогу, говорит: «Господи, я ж в своём болоте и положенный спать!»

Да, это уже мама рассказывала, на мамином веку, на моем веку.

(А чего боится черт?)

Креста боится чёрт, только молитвы, молитвы. Сразу надо креститься и всё, молитву читать, «Отче наш» он боится.

(А вот бывало, что черт человеку служил?)

Не, деточка, такого я не слыхала.

(А бывало, что упоминание о черте приводило к беде?)

Да, конечно, бывало. Вот особенно... сейчас-то нет, сейчас нет. Особенно вот в старые времена. И проклинали, и дети вообще плохие становились, и их парализовывало. Ну, раньше говорили, искажение, искажённые.

VI 57** Черт в облике родственника
() (кума) заводит человека, морочит:
ит человеку кажется, что он на печке
и т. п.).

+ VI ба Черт боится молитвы.

*Записано от Никитиной Марии
Афанасьевны, 1932 г. р., в
д. Литвиновка Ленинск. вол.,
2006 г.*

072_Себ_Черт

Стоить, бывало, скамейка кругом хаты. Колодочкой, где дрова режут, подпёрта была. Мама увидела, она не спала, что маленькие два чертёнка с колодки на колодку, как козлёнки, прыг да прыг, а потом и исчезли.

Бабка у нас на краю деревни жила, а теперь померла. Её лошадь жеребиться хотела. Вдруг – стук да стук! «Прихожу, – рассказывает, – а, как собака, чёрт поднялся – раз! в навоз, и нету ея!»

ВІ 50* Встреча человека с чертями, черти ночью в доме, во дворе: показываются, похожие на козлят / на собаку и исчезают. См. также: ВІ 1к
Черт принимает облик: к) собаки, щенка.

Записано от Леоновой Ефросиньи Осиповны, 1907 г. р., в д. Грудинино Бояриновск. вол., 1991 г.

073_Себ_Черт

Пошла я как-то поутру в хлев, корову в поле выгнать. Не успела я выйти из хаты, как кто-то мне на плечи сзади – прыг! Испугалась я и давай крест ложить, да молитвы читать, тут чёрт (думаю, что это он) и исчез.

ВІ 50* Встреча человека с чертями: утром при выходе человека из дома черт прыгает ему на плечи;
+ВІ 6а Черт боится молитвы.

Записано от Авсеенко Марии Афанасьевны, 1910 г. р., в д. Стояки Идрицк. с/с, 1992 г.

074_Себ_Черт

А раз matka послала ребятёнка в подпечек: «Лезь», – говорит. Ну и полез. А долго что-то. «Скоро ты там, чёрт тебя ухвати?»

И ухватил чёрт, ребятёнка не нашли.

VI 546 Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом. Ср.: БИ 1 Черт / леший забирает себе проклятых.

Записано от Павлюченко Ефросиньи Васильевны, 1907 г. р., в д. Пустошка Бояриновск. вол., 1991 г.

075_Себ_Черт

Каким веком было – не помню. Матка в бане мыла ребятёнка, ждала мужика – отдать. Высунула в дверь: «На ты, чёрт ты несчастный! Скоро ты, чёрт? Возьми ребёнка!»

Чёрт его и взял.

VI 546 Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом. Ср.: БИ 1 Черт / леший забирает себе проклятых.

Записано от Павлюченко Ефросиньи Васильевны, 1907 г. р., в д. Пустошка Бояриновск. вол., 1991 г.

076_Себ_Черт

(Скажите, а вы слышали что-нибудь про чертей?)

Ну, мне папаша рассказывал. Вот раньше ходили на гулянку. И вот один парень провожал девушку. И такое место было, домой шовши: лясок небольшой и там, около дороги, большой камень. И там всегда черти водились. А черти вообще ходят до двенадцати часов.

Вот парень девушку вёл, в общем, домой провожал. А черти их поймали, на камень посадили, разули, раздели. Но... потом пятах пропел, и черти ушли – нет! А черти только ходят до двенадцати часов. Как двенадцать часов, как петух пропел – так и черти пропали.

(Как они выглядят?)

Ну, как они выглядят! Наподобие, как человек. Тольки, говорит, рожки есть.

(А что-нибудь еще о чертях вы слышали?)

А больше не знаю.

(А о кикиморе, или лешем, или домовом, или ведьме что-нибудь слышали?)

Не знаю я про этих ведъм, не приходилось так никого. Про чяртей, было, часто рассказывали...

С гулянки парень девушку ведет, и где черти ходят. А люди уже знали, у каких мест есть черти. Да.

ВІ 57** черт заводит человека на камень, разувает, раздевает;	<i>Записано от Сковорода Любови Степановны, 1925 г. р., в</i>
+ВІ 6е Черт боится крика петуха; исчезает после первого крика петуха;	<i>д. Полозово Красноармейск. вол., 2005 г.</i>
+ВІ 1в Черт выглядит как человек с рожками;	
+Черти водятся у большого камня.	

077_Себ_Черт

(А была история, что на камень кто-то залез?)

Нет, я такого не слышала, чтоб на камень.

Я слышала, что в соседней деревне, говорят, вот там один мужчина шёл это с города, с Великих Лук. Он шёл в пьяном состоянии. И вот, говорят, шёл он, дошёл до колодца, а ему говорят – и он замёрз, зимой что ли, наверно, шёл – а ему и как. Это он сам рассказывал потом, что вот говорит: «Вот печка. Лезь туда, лезь в печку!». Понимаете? А он уже скоко там поднялся на колодец – а там глубокий колодец – увалишься! А тут уже кто-то подошёл, ну, за водой идёт, говорит: «Ты куда там, Андрей, ты что?» – «Ну, как я на печку лезу».

Так он уже, знаете, не в своём уме был от пьянства. Это сейчас мы так рассуждаем, что уже пьяный он не понимает, что делает. Ну а люди раньше говорили: «Ой, это его черти загнали туда!»

(А еще какой случай был?)

Не-а, вот уж не знаю.

ВІ 57** Черт заводит человека в опасное место, морочит (человеку кажется, что он на печке и т. п.).	<i>Записано от Ивановой Галины Александровны, 1942 г. р., в д. Горбуны Лавровск. вол., 2006 г.</i>
---	--

Усвятский район

078_Усв_Черт

Сват мой, моей сестры свёкр, ехав с Усвята у полночь. И как вышла на большаку к яму высокая-высокая девушка. У яго шапка на голове поднялась, и не чув, как свалилась. Ён коня стягать, а йна за возок ухватила. «Не въедешь!» – говорит. Тогда ён молитвы проговорив и перекрестився, и пропала йна.

VI 1a** Нечистая сила принимает *Записано от Киваловой*
облик: человека огромного роста / *Екатерины Тихоновны, 1895*
высокой-высокой женщины: *г. р., в д. Кивалы, 1977 г.*
встречается в дороге, угрожает;
+VI ба Черт боится молитвы, креста.

079_Усв_Черт

А вот еще раз картошку копали. Пошла я спросить, сколько накопили.

Стою облокотимши, вдруг идет мальчишка, как вроде Сережка [соседский мальчик]. Окликнула я его, а её по сараенку¹ по стенке – цап-цап лапами! Вроде как чёрт. Вскочил в сарай. Сено зашуршало, он туды бултыхнулся.

Я пришла домой и матери рассказала, а та говорит; «А там завсегда черти водятся!»

VI 1e Черт появляется в образе *Записано от Ловчей Анны*
знакового (мальчика): показывается и *Исаевны, 1914 г. р., в*
прячется в сарае в сено. *д. Каревино Калошинск. с/с,*
1981 г.

080_Усв_Черт

Лён, самосильно лён здесь растёт у нас...

¹ Сараенок (?) – сарай, где хранится сено.

Когда лён насадили в евню¹, мужик лёг спать. Стучатся в евню черти: «Пусти нас».

А лён деда хотел спасти и говорит чертям: «Мы не пустим. Нас в землю сыпали, мы росли, расцвели, потом нас за волосы таскали, в пучочки вязали, в евню сажали – мы там сохли. Потом прайником били, на поле расстилали; дождок, холод, голод – мы все молчали. Потом нас подняли, поставили, опять связали, опять в евню посажали, опять сушили – все косточки наши посохли. В машине косточки помяли. Потом нас крутили, волосики наши вили, на гвоздянку вешали, на катушки крутили. В воде мы лежали, на поле сушились, потом нас ткали, шили – иголками кололи, на деда рубаху надевали, так теперь вместе и ходим».

Так сказали – петух пропел, черти исчезли.

В1 6б, е* Черт боится: льна (защита от чертей – рассказ льна о своем «житии»); крика петуха. *Записано от Колушко Евдокии Кузьминичны, 1909 г. р., в д. Новая Деревня, 1977 г.*

081_Усв_Черт

Булыги и Синюги – семьи-пьяницы в деревне Волково. Была корчма около большака, торговал Свершевский. Этот пьяница Синюга, ещё корчма не закрытая была, удумал итить пить водку в корчму. Устрёл² его Булыга. «Не ходи, – говорит, – там никого нет, один борноваловский Белюсь и Жарчонок козодоевский³, и их выгоняет вон Свершевский».

¹ Ёвня, ёвня – ‘строение для сушки снопов, овин’: Ёвня, каласники, специальные помещёния – у них снапы сушат, лён мнут. Нев. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 10. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1994. – С. 104.)

² Устрénуть – ‘встретить, повстречать’. Ср.: *встрénуть* – ‘сойтись с кем-н. в пути, постречать’: Устрéли мы сь йим двых варавáтых мужыко́ф. Вл. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 5. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 72–73.)

³ Борноваловский, козодоевский – из деревень (соответственно) Борновалово, Козодоево.

А Синюга и говорит на него: «Ты врешь, ты не Булыга, ты чорт». А они были кумы. «Что ты, кум? Я тебе верно говорю» – «Нет, ты не верно говоришь, а ты чорт». Синюга говорит: «Если ты Булыга, то ты устоишь, а если ты чорт, то коло меня стоять не будешь», – и начал говорить «Воскресную» молитву. Стал Булыга отходить от него и ругаться: «Что ты говоришь молитву, думаешь, я не умею её говорить?», – а сам все отходит и меньшеет, и сделался на иголку, и не видно его стало, всё.

[Е.С.]: Провалился.

Тогда Булыга (это был чорт) придумал: сделал Синюге две дороги, обеи усажены красивым деревьям и все цветут. Но ён обсудил: «Пойду правой», – и зашёл в ета пропасть, там есть такие ямы – трясины. Завели его туда черти. Он кричал, когда ввалился в самую глубь. Там дерево стояло на краю. Когда ввалился, то на нём засмеялся черт, что никто так не смеялся, земля тряслась.

Петухи пропели, и чорт пропал. Синюга кричал: «Ретуйте»¹, и пришли волковцы и вывели его вон, сам он выйти оттуда не мог. Рассказывал сам Синюга.

ВІ 57** Черт заводит человека в опасное место, морочит: «раздваивает дорогу», сбивая с пути;	<i>Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р. (в беседе участвовала его жена</i>
ВІ 1е Черт появляется в образе знакомого;	<i>Ефросинья Семеновна – Е.С.), в д. Борновалово, 1977 г.</i>
ВІ ба, е Черт боится молитвы, крика петуха.	

082_Усв_Черт

Говорила жена Петрока Струкова Наташка. Её батька ехал из Софьянки (там живут латыши и есть латышские

¹ Ратовать/ретовать (?) – ср. в белорусском языке: ра́таваць – ‘спасать’. Ратуйце! – ‘Караул!’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 3 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 405.

могилки). Глядит, бежит с могилок баран, он ей: «Бар-бар-бар!»
И баран тоже: «Бар-бар-бар!».

Ввалился в деревню, и баран пропал, а так всё сзади бежал.

В1 Ии Черт/покойник является в образе барана, бежит за повозкой; человек приговаривает: «Бар-бар-бар!»; баран передразнивает: «Бар-бар-бар!»

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р., в д. Борновалово, 1977 г.

083_Усв_Черт

А).

А еще чёрт такое творил. Дойдёт человек до знакомого места, а дальше не знает, куда идти. Так и в деревню повернёт, не знает ничов, куда идти. И раза три вернется. И заночует в деревне.

Б).

Или пьяного черти на камень посадят, разуют, разденут. «Это печка», – говорят. А ён сидит и правда как на печке, пока не заколеет. Потом проснётся – иди, ищи свои вещи, сидит на камне, раздетый.

В).

Мёртвые ещё коров выпускают.

В1 3 Черт водит: человек не может найти дорогу в знакомом месте
Ср.6 А1 3а Леший водит: человек не может найти дорогу в знакомом месте

Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.

+В1 57** Черт морочит пьяного (человеку кажется, что он на печке)
+Покойник выпускает [забирает с собой?] корову из хлева.

084_Усв_Черт

Ему ещё происшествие. Ишёл пьяный из Усвят, хотел переночевать в волости, ему не дали, сторож выгнал.

С Усвят вышел, недалёк еврейское кладбище. Лёг отдохнуть, протрезвиться. Покрывл землю крестом и лёг на этот крест [перекрестил землю], и уснул. И начали его будить (ему так кажется, что его будють). Тогда и говорит, по-видимому, старший чёрт: «Ничов не будет, не подымете с земли, земля тяжела». А ён слышит: кругом его как овцы ходют, трава шумит, а никого не видит. Кругом ходют, а оторвать не могут.

А его бы затопили: около жидовских могил есть болотце. Было это ещё в старинные года, до войны.

Рассказывал ему Василь Струков.

ВІ ба Черт боится молитвы, креста: *Записано от Громова Федора*
пьяный ночует в лесу, *Дмитриевича, 1905 г. р., в*
предварительно перекрестив место, *д. Борновалово, 1977 г.*
на которое лег; черти хотят утопить
его в болоте, но бессильны поднять с
земли.

085_Усв_Черт

Сам человек никогда не задавится, это чёрт его толкает. Значит, смерть ему такая суждена, в петле.

Вот дед мой давился. Померли у него родители в 14 лет, оставили ему большое хозяйство, около тридцати голов рогатого скота. Одному с работой не справиться, и он людей нанимал. Выкосят – корову возьмут, пожнут – тоже корову возьмут. Так за два года и разобрали всё. Корова ревет, коню есть нечего. Надумал удавиться. Взял вожжи, влез на матицу; петлю на шею и прыгнул. Вожжи разорвались, а он все колени разбил. Потом он взял верёвку – это то уж не оборвётся – и пошёл опять в сарай. И опять верёвка перервалась. Решил он в

этот день больше не давиться. Коню и корове дал солому с крыши.

На следующий день он уже взял сыромятный недоуздок – уж этот-то не порвётся! Но только прыгнул с матицы, а недоуздок как соль (?) пополам. От четырнадцатилетнего мальчишки!

Плюнул он и решил: «Не буду давиться, а пойду жениться!» Пошёл к дядьке: «Хочу жениться, коль не удавиться!» Выбрали ему шестнадцатилетнюю девочку, а её мать сама за него пошла. А матери было 36 лет. Нажили они троих детей. Померла жена, опять он женился, и от этой жены ещё у него дочь была.

Помер мой дед в 98 лет, значит, не суждено ему было помереть так [‘в петле’].

В1 12а* Черт подталкивает к самоубийству человека, обмолвившегося о желании повеситься;	Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г.р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.
+Если не судьба – человек не повесится.	

086_Усв_Черт

Одна женщина жила бедно-бедно, детей у нее было много. Надоела ей бедная жизнь, решила она повеситься. «Соберу последнее зерно детям, сварю им и удавлюсь». Решила наделать круп ребятам и удавиться. Пошла на поле, легла на него и уснула. Видит – пришли к ней и всего нанесли: пироги, пряники. «Это всё твоим детям!» – «Детей-то здесь нет, надо снести им!» – и не пошла с ними. Просыпается – обложена сучьями, корягами. Это черти её звали.

В1 12а Черт подталкивает к самоубийству человека, помывшись о желании повеситься.	Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г.р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.
---	---

087_Усв_Черт

В петлю черти толкают.

Еще одна давилась баба. У нее было восемь невесток, в поле работали. Их надо было накормить, обед сварить и в поле снести. Смучилась она. Думает: «Дай удавлюсь». Она взяла мерку для зерна, зацепилась за что-то, влезла на мерку. Перекрестилась: «Господи, благослови» – и в петлю хотела. Вдруг ей кто-то как даст по затылку! Она с мерки свалилась, всё хайло об стену разбила, всю морду спихнуло. Пришли её невестки вечером с поля. Она и говорит: «Всё буду делать: и обед варить, и в поле носить». Это её чёрт за то, что «Господи, благослови» сказала.

ВІ 12а Черт подталкивает к самоубийству человека;
+ВІ ба Черт боится молитвы.

Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.

088_Усв_Черт

А вот ещё со мной было. Чистая правда!

Ходила я в поле. Потеряла там галошину. Пошла её искать. Вдруг в лесу что-то – ш-ш-ш! Ш-ш-ш! А деревья-то не колышутся, ветра нет! Потом что-то ка-ак шлёпнулось! Как-будто кто-то с дерева свалился. Ну, и дунула же я оттуда!

Прибегла домой и думаю: «Ну, ведь точно это черти на дерево сажали удавленника. Мужик у нас тогда удавился!».

ВІ 12а Черт подталкивает человека к самоубийству.

Записано от Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысая Гора Калошинск. с/с, 1981 г.

089_Усв_Черт

Война кончилась. Привезли меня из Ленинграда. Трудно было жить. А тут от меня незаконно отобрали всё, что я

наработала. Правда, оправдали потом, но это другая история. Так вот: ногу мне левую парализовало. Лежу и думаю – чем жить так, удавлюсь! Парнишка у меня из деревни жил. Говоря я ему: «Коля, привесь мне возле печки за слегу верёвочку! Я за неё держаться буду, как встать надо будет». Привесил он мне её.

Только я собралась давиться, гляжу, а в дверь мужики лезут! Три мужика в чёрных пиджаках и в белых рубашках, в жилетках. При черных галстуках, и носы у них огромные, синие. До того страшно! В дверь они лезут все вместе и все трое с одной ноги – с левой. Тут я так спугалась! И говорю: «Да воскреснет Бог и расточатся враги!» И сразу гляжу – нет никого! И подумала я: вот если б попозже сказала это, ну точно они бы меня в петлю всунули! Удавилась бы. А так вот живу до сих пор. Больше такого не делаю.

ВІ 12а Черт подталкивает к самоубийству человека, обмолвившегося о желании повеситься; *Записано от Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысая Гора Калюшинск. с/с, 1981 г.*
+ВІ 1а Черт является в образе обычного человека; внезапно появляется в доме;
+ВІ 6а Черт боится молитвы.

090_Усв_Черт

Когда я жила в Ленинграде в общежитии, жила со мной девушка одна. Забеременела она, а парень от неё отказался. Захотела она с горя отравиться. Отраву развела в склянке. Тока пить собралась и говорить: «Господи! Благослови Христос, что будет!»

И как так случилось, что выпал у ней пузырёк из рук, да так и рассыпался вдребезги! Так и распался! Вот как, милые мои! А парень к ней вернулся потом. Может, и сейчас живут где. Вот что Бог делает!

ВІ 12а Душа удуленніка, *Запісана ад Васільевай Пелагеі*
утопленніка, п'яніцы – *Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысяя*
сабласнасць чарга; *Гора Калашінск. с/с, 1981 г.*
+Молітва / упамінане Бога спасает
рэшыўшага на самоубійства.

091_Усв_Черт

Віцька, Панасёнка сын, убегав домов. Была гражданская война. С Невеля он шёл пешком, а идти ему надо было в Боброво. Ишёл ночью (днем нельзя – поймают, он дезертиром шёл).

Подошёл к Смолянским могилкам (там кладбище-то такое – одны цыгане и утопленники хоронятся). С кладбища с этого идёт лошадь путаная, прыгает, идёт за йим сзаду, не отстывает. Подходить к Вузкому¹, надо переходить через реку: боялся, сторожа поставлены на мосту. Рассмотрел: сторожов нет. Прошёл мост – лошадь не отстаёт, идёт сзаду. Видить: дело – дрень. Надо с деревни выходить – и ён [конь] сзаду идёт.

Он с деревни не вышел, а постучался к хозяину: «Люди добрые, пустите переночевать!» Когда он входил к хозяину на двор, то конь полез на крышу и в трубу.

Он лёг в коридоре. Когда петухи пропели, он устал и пошёл по кустам. Когда стал выходить от хозяина, то конь вышел из трубы, прыгнул с крыши и сцес².

Сам Ванька Кравцов говорил, даже божился, а то подумают, что ложь.

[Е.С.]: Тоже кто-то схованный³ шёл, ноги спутаны, чтобы не догнал.

¹ Деревня Узкое.

² Сцэзнуть – ‘исчезнуть’.

³ Схованный – ‘умерший не своей смертью, похорошенный’. Ср. в белорусском языке: пахавіць – ‘похоронить усопшего’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 2 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 954.

ВІ 13 Самоубийца / умерший не своей смертью в облике лошади ночью преследует путника, утром исчезает.

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р. (в беседе участвовала его жена Ефросинья Семеновна – Е.С.), в д. Борновалово, 1977 г.

092_Усв_Черт

В первый день Пасхи удавился мужик. А Егору он сдался¹, когда тот коней пас. Молодые жеребки побегли, залопотали через дорогу у овёс. Егор взял уздечку и побег за ними.

Видит: по дороге едет запряжен экипаж. Конь-то ён конь, а глянул на него – удушенник, бедно-бедно² глянул.

ВІ 13 Самоубийца служит лошадей у черта.

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р., в д. Борновалово, 1977 г.

093_Усв_Черт

Ночью к дому подъехали на конях. Зовут кузнеца подковать коней, а кузнец был Лытка. Он говорит: «Ночу [ночью] не пойду!» – «Что хошь возьми, только подкуй!»

Лытка согласился. Кует лошадей, глядит – а ноги людские. А черти говорят: «Ти узнаешь ты этих коней?» А это были удушенники и утопленники, черти на них ездили.

А заплатили Лытке – давали золото, потом оказалось уголье.

ВІ 13 Самоубийца служит лошадей у черта;

Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д.

+ВІ 30а Черт награждает золотом, которое превращается в угли.

Пахомовичи, 1977 г.

¹ Сда́ться – ‘почудиться, показаться’. Ср. в белорусском языке: зда́цца – ‘почудиться, причудиться; померещиться, показаться’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 1 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 1065).

² Здесь – ‘жалобно’.

094_Усв_Черт

Одна тётка пасла возле кладбища коней. Развела огонь, и сон её сморил. Вдруг слышит – конь бегеть. А тут были рядом две могилы – Хвилипп утоп, а Максим удувлися. Присмотрелась – конь как конь, а лицо-то Хвилиппа, а человек-то на нём – Максим-удавленник. Испугалась она и прочитала «Воскресную» молитву – всё исчезло.

VI 13 Самоубийца (грешник) служит лошады у черта
+VI ба Черт боится молитвы.
Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.

095_Усв_Черт

Шёл мужик домой. Пьяненький. Встретил кума, на тройке тот ехал. Сел мужик к нему на тройку. Едут, разговаривают. А кум спрашивает: «Знаешь ты, на каких конях едешь?» Тот говорит: «Знаю, кони как кони» А кум опять: «Вот этот, – на одного показывает, – утопленник такой-то. Вот этот – удувленик. Вот этот – тоже удувленик»...

Испугался мужик. Молитву прочитал. Очнулся. Смотрит – сидит на коряге. А ведь вёрст 10 проехал!

VI 13 Самоубийца (удавленник, утопленник) служит лошады у чёрта;
+VI 57** Черт в облике родственника, прикинувшись попутчиком, завозит человека далеко, морочит; спасает молитва.
Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.

096_Усв_Черт

Одной нашей женщине пришлось около Заголодья идти. На Козиньской горе это было. Идёт она от мамки ночью, поздно. Она не боялась никогда. Бывало, коней пасут, ляжет на могилку и лежит. Вот она рассказывала: «Иду. Бежит конь, молодой, хороший, и вожжи тянутся, хотела схватить за вожжи,

да не управилась, не успела схватить. А он заржал и побег на кладбище».

Пришла на работу и рассказывает. А у нас парень задавивши был. Поругался с матерью и задавился на дереве. Мы и разгадали ей, что это тот Лёшка, что это чёрт на Лёшке едет.

Коли молодой удавится, ну уж чёрт на нем и поедит!

В1 13 Самоубийца служит лошадю у *Записано от Лосевой Евдокии Сергеевны, 1902 г. р., в д. Удвяты, 1977 г.*

097_Усв_Черт

А вот ещё одна женщина сидела дома с ребёнком. Вдруг видит: по грязи – эт летом-то! – кто-то на санях едет. А погонщик кричить: «Ны! Ны!» А кони добрые! Все в пене, припотевши. Проехали.

Потом бабы собрались, она всем и рассказала про такое дело. А бабы говорят: «Так тут же недавно человек удавился! Это на нём черти и ездят».

Вот, девоньки! Это люди такие самотратцы¹ – сами себя тратят, губять. Вот на них черти и ездють.

В1 13 Самоубийца служит лошадю у *Записано от Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысяя Гора Калошинск. с/с, 1981 г.*

098_Усв_Черт

Жила семья. Муж, жена и маленький ребёнок у них был. В субботу пошёл мужик у баню, потом пришёл, лёг. Она пошла и ребёнка понесла, а ему говорит: «Приди потом за ребёнком». Вымыла ребёнка и кричит: «Ходи, ребёнка бери!» – «Иду!» Отдала, и не видела кому, а сама моется. Пришла домов, а в

¹ Самотратец – ‘самоубийца’.

люльке нет никого. «А ребёнок?» – «Не знаю» – «А ты не брал?» – «Нет».

А потом учуть¹: плачет, а не видать где.

В1 15 Черти крадут детей.

Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.

099_Усв_Черт

Тады слухай...

Перед войной Великой Отечественной это было. Тады ходили в посиделки со стари..., девки ходили. И черти ходили. Хвост за лавку и сидит. У нас бабы в веретёна пряли. У одной веретено завалилось и под лавку подкатилось. Девка стала доставать и увидела хвост.

Тогда и не знаю, что с твоей девкой стало, напугалась сильно.

В1 25 Парни-нечистые на посиделке; девушка видит чертей в истинном свете.

Записано от Киваловой Екатерины Тихоновны, 1895 г. р., в д. Кивалы, 1977 г.

100_Усв_Черт

Раньше девчата на посиделки собирались, пряли. А лавки коло стенок были. Приходят черти, как бы мальцы, на посиделки. Ены как мальчики подбирались. А девчата, пряхши, заметили, что тут что-то не так, глянули, а у них под лавкой хвосты спрятаны. Тогда все и поняли, что это черти. А они ходили и ходили. Личность точная вся выдает, как вы бы за каким парнем стреляли.

В1 25 Парни-нечистые на вечеринке/посиделке: омрачив девушек (приняв облик нравившегося девушке парня), сидят с ними,

Записано от Потапкина Александра Григорьевича, 1907 г. р., в д. Кивалы, 1977 г.

¹ Учуть – ‘воспринять слухом, услышать’.

девушки/девушка видит чертей в истинном свете.

101_Усв_Черт

Жили три невестки, а мужики ушли на войну. А у первой – ребёнок, девочка. У вечера сидят все и говорят: «Вот мы так сидим, сейчас пришли бы наши мужики к нам!» Только напомним, и приходят мужья. Сидят все за столом, весело!

Вдруг девочка уронила ложку. Мать нагнулась и видит под столом хвосты. Она схватила девочку и в амбар закрылась. А тех двоих невесток черти разорвали.

VI 25 Парни-нечистые на вечеринке: *Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.*
омрачив девушек, пляшут с ними, ребенок видит чертей в истинном свете и предупреждает сестру, черти гонятся за убегающими, разрывают не сумевших спастись.

102_Усв_Черт

(Скажите, а гадали все или каким-либо людям запрещалось гадать?)

Гадали все. Все гадали, все гадали... Только что некоторые магия белая, а другие, которые уж... (неразб.) знали, что колдовство какое-то, (неразб.) и чертей вызывали.

Все говорят, что жили девочки, ну красивые, бедные...(неразб.). И вот к йим пришли красивые-красивые парни. Они собрали стол, сели за стол, стали выпивать. Одна девочка – сестра – и заметила, что, мол, и она ей и моргала, и дёргала, что ничего не будем с этим парням иметь. А они такие красивые. А одна ложка свалилась, она под стол полезла, ложку ту достала и увидела хвост. А сестра всё равно, парень полюбился... и она (неразб.) с им, а эта девочка не стала, не пошла. Пошла, ну что, она с им лягла... у постель с етым, с парнем, етат чёрт взял её и разорвал на две части.

Вот правда было.

ВІ 25 Парни-нечистые на вечеринке: *Записано от Сергеенко Евдокии Михайловны, 1932 г. р., в п. Усвяты, 1977 г.*
омрачив девушек, пляшут с ними, ребенок видит чертей в истинном свете и предупреждает сестру; сестра не слушает и погибает.

103_Усв_Черт

Черти сидят на крыше и болтают ногами, когда девки на посиделки собираются.

Пришли однажды девки на посиделки, прядуть, песни поют. Мальцы наведались красивые однажды. А в это время веретено свалилось, просят девочку поднять, и мальцы кинулись поднимать, девочка нагнулась, хотела подать веретено, смотрит, а у мальцев хвосты длинные, и глаза сверкают. Стала няню звать, плачет, говорит: «Не мальцы это, а черти!»

Потом поймали черти девок и пооторвали груди им.

(Это слышала М. С. от своей прабабушки, когда еще была маленькой.)

ВІ 25 Парни-нечистые на вечеринке: *Записано от Захаровой Марии Сергеевны, 1902 г. р., в д. Бор, 1977 г.*
омрачив девушек, пляшут с ними, ребенок видит чертей в истинном свете; черти гонятся за убегающими, отрывают им груди.

104_Усв_Черт

Топил мужик рижку¹ и пёк картошку. Пришёл чорт, тягает из печки картошку и приговаривает: «Бок жжокся, бок – не». Мужик испугался, а чорт говорит: «Не бойся, я тебе ничего злого не сделаю, а давай пипками² меняться». А у чёрта пипка

¹ Рижка, рига – ‘постройка, предназначенная для сушки снопов зерновых перед молотьюбой, а также для просушки льна’.

² Пипка – ‘курительная трубка’. Ср. в белорусском языке: піпка – обл. ‘трубка’ (Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. – Т. 3 / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – С. 18.

подрос немного. А раньше у лесу копали ляды¹, пахали ячень, ячень лучше родился, как в огороде.

Малец говорит: «Будем ляды разрабатывать по горам, будут сильные заливны дожди». Уродился ячень страшный². А у людей, которые копали по низам, ничего не уродилось.

На другой год Колька говорит: «Будем копать по низам». Обратно хлеб ломится по лядам. А люди стали копать по горам – ничего не уродилось. Говорит хозяин хозяйке: «Сильно хороший малец, не откладывая рук работает».

Стала у той же деревне свадьба. Этого хозяина пригласили. Пришёл свадьбу смотреть и етый малец Колька. А хозяин заметил – стоять в угле и сильно плачь. Когда пришли они домой со свадьбы, хозяин говорит: «Почему ты так плакал на свадьбе, забравши в угол?» – «Ети люди – жених с княгиней будут жить слишком дружно и богато».

Ещё случилась свадьба у мужика с родни хозяина. Колька обратно пришёл на тую свадьбу смотреть и очень плясал. Никто родивши не видал такого плясуна. Хозяин и говорит: «Коля, ты на той свадьбе плакал, а на етой плясал, почему?» – «А ети молодые весь век будут биться и ругаться». (А ето ведь чорту на руку.)

Кончились три годы, надо его отправлять. Надо давать пирог на дорогу.

[Е.С.]: А как же, гостинца на дорогу всегда давали.

Хозяйка говорит: «Коля, иди принеси щепин со двора, чтобы хлеб лучше запёкся».

А ён в этот момент добег до болота, в болото слез, вырвал большую ель (в две тонны ёлка) и принес в хату. И не

¹ Ляда – ‘вырубленный под пашню <...> участок леса <...>’: Ляда сначала была лядиной, патам лес на ней парубили, сажгли, распахали, палучылась ляда. Вл. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 17. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 295).

² Страшный – ‘очень хороший, обильный’.

лезет ета ель у сени. Хозяйка глянула и улякнулась¹. А он пропал сразу. Он дал этим знать, кто он. Его батька – чорт отдал в работники за то, что он не сумел обмануть мужика, и мужик положил мех на колёсы.

[Е.С.]: В мехе был чёрт.

Рассказывал ему Петрок, сын Василя Струкова.

ВІ 31а (буква наша) Черт нанимается на работу: черт отдаёт чертенка в работники мужику, которого чертенок не сумел обмануть: чертенок даёт советы, где следует сеять – у мужика небывалые урожаи; отработав срок, чертенок демонстрирует нечеловеческую силу и исчезает;

+ ВІ 1а Черт является в образе обычного человека (старика, мальчика);

+ВІ 1у* Черт является в образе предмета;

+Черт на свадьбе: плачет, так как молодые будут жить дружно; веселится, так как молодые будут драться и ругаться.

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р. (в беседе участвовала его жена Ефросинья Семеновна – Е.С.), в д. Борновалово, 1977 г.

106_Усв_Черт

Раньше ходили молотить. И ходил мой дед. Ходил рожь сушить. И он лёг под колосником. А потом что? Дед взял, насадил в печку картошки, а сам заснул. А черти пришли. Пришли и тягают картошку. И говорят между собой: «Эта спеклась, а эта не! Эта спеклась, а эта не!»

¹ Влякнуться – ‘испугаться’: А я млода влякнулася и назат з вадбй вярнулася. [Песня] Себ. Жуки (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 4. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – С. 56).

Дед и думаеть: «Что мне теперь делать? Как бы они меня не задушили!» Он взялся Богу молиться, и они куда-то поделись, пропали.

Это было лет сто назад, ещё дед мне рассказывал.

ВІ 34 Черти водятся в риге; крадут из печи картошку, которую пек мужик;
+ВІ ба Черт боится молитвы.

Записано от Бондаревой Анны Павловны, 1907 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.

107_Усв_Черт

В одном доме жили муж с женой и их сын с женой, дом был разделен.

Помер мужик [т.е. сын], а жёнка осталась с тремя ребятами, один был очень маленький, еще грудной. Свёкор со свекровой так и жили за стенкой.

Вот спит она ночью и видит: идёт её муж прямо к ней, закидывает ногу и лезет к ней на кровать, а у неё на руке лежал ребёнок. Не знает она, что делать, не может кричать: всё онемело.

Вдруг, пришла ей мысль произносить «Воскресную» молитву. Говорить она не могла, а стала думать эту молитву. До половины додумала, а потом он как стоял, так и рухнул об пол.

Лежит она еле живая, руку вытащила из-под ребёнка. Вроде бы стала рука немного отходить. Вставать она боится, что ён рухнул коло кровати. А с кровати можно было шагнуть на лежанку, не становясь на пол. Она хотела зажечь лампу и поглядеть, есть ли кто. Встала, шагнула на лежанку, зажгла лампу, глядеть – а ещё нет 12 часов – на полу нет никого.

Это к ней приходив чёрт.

ВІ 49г ** Черт ходит к женщине под видом умершего мужа;
+ВІ ба Черт боится молитвы.

Записано от Трофимовой Варвары Петровны, 1926 г. р., в д. Борновалово, 1977 г.

108_Усв_Черт

Жил в Хмельках валёнщик¹ Виктор Сумарев. К нему привёз валить валёнки Платон, который жил на пустоши, на бывшей помещичьей земле. Привёз валить валёнки жене. Виктор звалил плохо, скоро развалились. Повёз валёнки назад. Сумарев валёнки не принял, начал ругаться, а Платон взял да закурил (а был некурящий) два раза прошёлся по хате, напускал дыму в хату и уехал.

В эту самую ночь пошёл Виктор у баню валить валёнки. А жёнка досмотрелась, что они обворован, у задней хате у сундуку вынесен всё.

Пошла за Виктором: «Ходи домой: у сундука всё вынесен, всё взят!» Оне посмотрели – у окон следу нет, окна целы. Хозяйка полезла под пол и нашла все эти вещи.

Привели людей – в чём его дело? Люди сказали: «Кто его мог занести?» А узнали на другую ночь. Когда вещи уложили опять у сундук, то вещи снова вынесли в подвал. Тогда они узнали, что у них находятся черти.

Тогда ён снова вещи в сундук, лёг спать коло сундука – и всё равно вынесли, а он не слышал!

Тогда ему сказали: раз замок не держит (и замок закрыт, а всё равно выбирают), возьми пояс, который был привязан у сёвалки (когда носили пасху святить, кладут в сёвалку различные продукты, к ней привязывают пояс, чтобы надевать).

Продел пояс в пробойник и цепик, а концы взял в руки (как бы замкнул). Черти не смогли сделать ничего, стали на него грозиться. Видеть он их не видит. Махают² в него колодками и клинами (чем валенки валяют). Потом они забрались на

¹ Валёнщик – ‘кто валяет валенки, сукно, войлок; валильщик’: Валёншчык и мне вон звалил валенки. Нев. Мисники (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 3. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – С. 22, 23).

² Маха́ть (чем) – ‘кидаться, бросаться’.

потолок¹, и когда идёт [Виктор] в хату, бьют оттуда клиньями и колодками.

Яму не верили, что это такое дело (не верили коммунисты – Архипов, Расколёт) [председатель колхоза и председатель с/совета]. Они были вооруженные. Когда яны пришли к ним ночевать, то начался грохот на чердаку, начали черти когда танцевать, хохотали, у хате огонь потушили. Расколот – цоп спички с кармана брать – коробка есть, а спички до одной выбраны. Им делать нечего, молву пускать не хотят, а по секрету говорили кое-кому.

Тогда Виктор перешёл к брату Карпе жить (ти дядька ему, ти брат – не припомню), то черти оторвали корове Карпа хвост. Карп выгнал Виктора. Черти стали бушовать в том дворе.

Сказали Виктору: «Надо попа привозить!» Поп приехал, провёл службу, молебен (зачертал, проклял – Ефр. Сем.). Чертей не стало. Винодóра (жена Виктора) видела: вышли цепочкой из бани, как собаки, гужом, чёрные, хвосты длинные, с предбанника выходили вон.

Поп на третий день помер. Было вроде бы так сделано – кто помóгет, тот сам помрётъ.

VI 50** Черти ночью в доме: разбрасывают по полу то, что убрано под замок в сундуки;

+ГП 136 Колдун из мести напускает чертей на людей;

+VI 6т** Черт боится пояса, который был привязан у севалки [решета], когда носили положенную в решето пасху святить;

+VI 6а Черт боится молитвы/молебна;
+Священник, изгнавший чертей/
разрушивший козни колдуна,
умирает.

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р. (в беседе участвовала его жена Ефросинья Семеновна – Е.С.), в д. Борновалово, 1977 г.

¹ Потолок – ‘чердачное помещение’.

109_Усв_Черт

Она – дочь Карпа и сестра Виктора. Там у Громова неточность.

Встали наутро – вся оде́жа разбро́сана. А в комнате не тревожено. Думали – воры. А потом стало вьявь – оде́жа с сундуков под пол подтянут. Деньги у щёлки затискают, новинки¹ все в хату переносят.

Смеркается – черти с коридора в хату переднюю заходят и там работают.

Один раз легли в хате. Мы с сестрами на полу, ба́тька – на лавке, брат с жонкой на кровати. Все взяли спички. Потом глядим – коробки в руках, а спичек нет. Ба́тька начал стучать, а черти из-за грубки² стали картошкой махать³.

Другой раз сёстры легли коло сундука. Вдруг сестра старшая закричит: «А-а-а! Кто-то в сундук залез!» А ему деваться некуда, так по нашим ногам и покатылся, тяжолый.

Стали людей сощить⁴. Раз были мы с братом у Усвят. Приехали – а дома знатец⁵ приведён. Мы все за столом седём, а на лавке много белья накатано⁶. На лавке лежало, а оказалось под кроватью, никто не видел, как переташили. А знатец убёг.

Старый поп дал воды, покропил – и пропали [черти]. А поп назавтра и умер, но он старый был, болен.

¹ Новина, новинка – ‘только что вытканый холст; дотканое полотно какого-н. размера’: Навинки ёта холст. Ба́ба атризáить дёсить мётраф. Кусо́к халста́, свёрнутай ф skut. Нев. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 21. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 361, 363).

² Гру́бка – ‘небольшая чугунная или кирпичная печка’: Замава́ть бес уру́пки навру́тна, задува́ет хату скрось шше́ли. Вл. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 8. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 43).

³ Маха́ть (чем)– ‘кидаться, бросаться’.

⁴ Соци́ть – здесь ‘искать знающих людей, знахарей’.

⁵ Зна́тец – ‘кто владеет способностью избавлять от недугов, причиненных нечистой силой, от порчи, сглаза и т.п.’.

⁶ Наката́ть – ‘нагладить’ (белье). Ср. ката́ть – ‘гладить с помощью каталки’: Я и сяча́с ката́ю бяльё, я ня гла́жу. Беж. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 14. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 40).

ВІ 50** Черти ночью в доме: *Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.*
разбрасывают по полу то, что убрано под замок в сундуки
+ВІ ба Чёрт боится молитвы/молебна; священник, изгнавший чертей/разрушивший козни колдуна, умирает.

110_Усв_Черт

Еще диво было в Хмельках [деревня в 2-х километрах от Пахомовичей]. Сумаровы валенки валяли. Сваляли один раз валенки плохие. Тот старик пришёл за валенкам. Значит так, пришёл тот старик за валенкам, прошёлся по комнате, закурил, говорит: «Ладно, плохие звалил!» – и ушёл.

Во было диво! Ходили чёртики. Все ходили сторожить. Сундуки замкнуть, навалють, лягут спать, а они придуть, всё раскидают. А огонь горить, а их никто не видит! А они и делают своё дело. Они стучают, не дают спать.

Позвали коммунистов с ружьями. Позвали, положили на сундук спать, а черти всё равно всё повыкидали.

Сколько годов мучились, не знаю. Во, не верють Богу! Позвали они попа из Узкого [деревня недалеко от д. Пахомовичи]. Тот молитву пропел, водой посвятил, и всё как рукой сняло, не стало чертей. А поп умер. Черти его задушили.

Что ни думайте, что ни говорите, а Бога в душе держите!

ВІ 50** Черти ночью в доме: *Записано от Бондаревой Анны Павловны, 1907 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.*
разбрасывают по полу то, что убрано под замок в сундуки;
+ГП 136 Колдун из мести напускает чертей на людей;
+ВІ ба Чёрт боится молитвы/молебна;
+Черти задушили священника.

111_Усв_Черт

Ехали его [человека, который чертей навел] сыны с Невля, сломалась у них телега. Постучались в дом к мужуку

ВІ 50* Встреча человека с чертями, черти ночью в доме: мучают больного;

ГП 24 Знахарь лечит людей: дает воды – болезнь проходит.

Записано от Шальной Марии Петровны, 1916 г. р., в д. Глазуново, 1978 г.

113_Усв_Черт

Другой мужик шёл домой «под этим делом», встретил кума. И пошли они с кумом домой. Так же мужик на печку полез и очнулся, когда до воды дотронулся. Смотрит – сидит он посреди большого озера на камне. (Камень там большой был – баню можно поставить.) Так и просидел он всю ночь, а утром рыбаки его подобрала. Говорят: «А где ж лодка твоя?» А он отвечает: «Нет у меня лодки, я с кумом по сухой дороге сюда дошёл».

ВІ 57** Черт в облике родственника (кума), прикинувшись попутчиком, заводит человека в опасное место, морочит (человеку кажется, что он на печке и т.п.).

Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с, 1981 г.

114_Усв_Черт

(А не слышали, леший тут никого не водил?)

Водил.

У нас было в Ходярово в Костюковом болонье. В октябре, в Покров, пожня была плохая, зыбучая, сырая, ольха большая, редкий кустарничек. Домой мужик шел и был выпивши, а тут откуда ни возьмись кум. Повел его кум в гости. Пришли: «Раздевайся, – говорит, – лезь на печку!» Жена кумова сапоги его взяла, сушиться поставила. А кум сидит на приступочке и смотрит. Мужик лезет на печку, а это он по коряге лез, да только не вверх, а вниз. А внизу-то болотина, он как холодной воды коснулся, так: «О боже ты мой!» сказал. А

как сказал это – сразу очнулся... Видит – сидит он в болоте, на коряге в воде, да еще и голый.

А1 1г Леший показывается людям в образе родственника (кума): заводит человека в опасное место, морочит (человеку кажется, что он на печке и т. п.); спасает поминание Бога. См.: В1 57** Черт (часто в облике знакомого), прикинувшись попутчиком, заводит (завозит) человека далеко, в опасное место, морочит (человеку кажется, что он на печке и т.п.); спасает молитва.

Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г.р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с, 1981 г.

115_Усв_Черт

Старые дед, баба рассказывали, и я слыхав.

В ночь у Усвят едут, никого не видають. А едут назад, и обычно гли барака стояла сосна и так метра в два сучья грубое. Мужики подвыпивши едут. И вот пьяных статуёв берут под руки: «Ходи-ходи дед, мы тебе на печку посадим!» И всодють черти мужика на сосну, говорят: «Держись во за этот шесток!» А ето ветья! А самы отбегуть, да «хы-хы!» А дед сидить-сидить, канаеть¹ да как грохнется об землю и убьется! А ены смеются. Отскочуть и – «ха-ха-ха!».

В1 57** Черт морочит (человеку кажется, что он на печке и т. п.); человек погибает;
+В1 2 Черт выдвет себя хохотом.

Записано от Поташкина Александра Григорьевича, 1907 г. р., в д. Кивалы, 1977 г.

¹ Канать – ‘находиться в состоянии полусна, дремать’ (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 13. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 458).

116_Усв_Черт

Был у нас старик Иван Трофимович. Пошёл ловить рыбу и поймал чёрта в топтун¹. Говорит ему: «Понесу домой!» А чёрт морщится. А тады говорит: «Отпущу!» А чёрт улыбается. И отпустил его.

ВІ 64*** Рыбак ловит черта в снасти. *Записано от Голубева Петра*
Ср.: АП 9а Водяной и рыбаки: рыбаки *Васильевича, 1905 г. р., в д. Бор,*
ловят водяного. *1977 г.*

117_Усв_Черт

Другой случай с этим же стариком.

Была в Михайленке корчма. Зашёл, выпил. Шёл ночью домой с лыжами по большаку. Догоняет его чуриловская барышня: «А! Иван Трофимович! Садись, повезу!» Сел. Везёт его. А он пьяный. А барыня долго везёт. Уже сосняк начинается. «Ну, куда ж она меня везёт?»

Потом дошло до сознания, водка-то прошла, и он видит, что он сам на лыжах далеко от деревни по мху идёт. Тут он перекрестился – и домой! Чудной старик. Охотник хороший был.

ВІ 57** Черт в облике знакомого, *Записано от Голубева Петра*
прикинувшись попутчиком, заводит / *Васильевича, 1905 г. р., в д. Бор,*
завозит человека далеко. *1977 г.*

118_Усв_Черт

А вот это было с моим дедом. Он рассказывал. Он человек такой был – никогда не врал. Дед мой был подрядчиком. Хороший был плотник, выпить любил, да поначальствовать.

¹ Топтун – ‘рыболовная сеть’ (Словарь русских народных говоров. – Вып. 44. СПб.: Наука, 2011. – С. 257.)

Шёл он как-то навеселе. А навстречу ему друзья его идут: «Здравствуй, Иван Васильевич! Давай покурим!» Дал он им копшук¹, трубку. Идут. Разговаривают. Тут они ему говорят: «Лезь на печку!» А это борона была. Лежала кверху зубьями. Дотронулся он до нее и обкололся. Тут он и говорит: «О, батюш, нечистая сила! О, Господи, помилуй!» И все пропало.

Пришел домой: ни трубки нет, ни табаку.

ВІ 57** Черти в облике друзей морочитчат (человеку кажется, что он на печке и т.п.); спасает молитва; +ВІ 1ш**Черти являются группой парней.

Записано от Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысяя Гора Каложинск. с/с, 1981 г.

119_Усв_Черт

Изусный² мой дед рассказывал. Был он в Узком. Выпил там со свояком. И зовет дед его: «Никанор, пойдем со мной!» А дед с Бубанина. «Не, завтра утром приду!» – и не пошел.

Только дед за километр зашел, слышит – кричит: «Кум Василь, постой, я раздумался, пойдём разом!»

Идут удвоих, разговаривают. Так и дошли до дедовой деревни. А в огороде был руцей, кладки положены. Дед говорить: «Иди наперед!» А тот ему: «Нет, ты наперед! Я тебя поддерживать буду». Идут, а он деда в воду спихнул и топить начал. Люди спасли. А это был не Никанор, а чорт, а Никанор не знал ничего.

ВІ 57** Черт в облике знакомого, прикинувшись попутчиком, заводит человека в опасное место, пытается погубить (утопить).

Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.

¹ Копшук – ‘мешочек для табака, кiset’: Вѣсыпь табак ф капшук. Кун. . (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 15. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 220).

² Изустный – ‘непосредственно передаваемый в разговоре, беседе’, «из уст в уста».

120_Усв_Черт

Рассказывал ему Василь Струков.

Возил он по деревням лыки продавать (что лапти плетут). А на етый раз вез у Невель старым Катерининским большаком.

Устал ноцу, рано (часов тогда мало у кого были), наверное, еще до 12-ти ночи. Проехал ён километр старым большаком от Колбек [его деревня], подъехал к зубуну¹.

Ехал, навстречу – молодежь, онны девки, мальцев не было, и говорят: «Дедушка, подвези нас». А ён сказал: «У меня и так воз тяжол». А ёны взяли и без спросу влезли на воз. Конь ни с места не пошел, не может воз стронуть с места. Тогда ён их начал сгонять, ругаться: «Откуда вы идете?» – «А мы девки – разьебанки идем с гулянки», – засмеялись и пошли.

[Е.С.]: Можа, были в положении и повесились или утопились. Раньше таких поп не провожал.

А конь пошел легко, как раньше.

ВІ 58** Черти/самоубийцы садятся в повозку, лошадь не может ее сдвинуть; сгоняет чертей/самоубийц ругань;

+ВІ 2 Черт/самоубийца выдает себя хохотом;

+ВІ 12 Душа удушенника, утопленника – собственность черта

+ВІ ш** Черти/самоубийцы появляются на дороге группой девок.

Записано от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р. (в беседе участвовала его жена Ефросинья Семеновна – Е.С.), в д. Борновалово, 1977 г.

121_Усв_Черт

Ехал мужик на лошади, видит – впереди идёт девка. Догоняет он ее, а она: «Дяденька, подвези!» – «А чья ты?» – «А я из Ольшутина» – «Садись». Села. Везёт ее, а конь весь в

¹ Зыбун – ‘топкое место, трясина’: Зыбун – идёш, такэй мох, становишиши и правáлиши. Н-Сок. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 13. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 128–131).

пёнках. Мужик и думает, что за чорт сидит, что коню не свезти?» Только подумал, девка «ха-ха-ха!» – и исчезла.

А там на дороге одонки¹ и ручей. Как едешь с Невля – Кляжская гора, с-под горы ночью хохот, не чувать², что деется. А мужик был с Халип [д. Халипы].

Это было еще до войны, я еще была в девках.

ВІ 1а Черт принимает вид обычного человека (девушки), просит подвезти, конь не может везти; *Записано от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи, 1977 г.*

+ВІ 2 Черт выдает себя хохотом;

+ВІ 34 Черти водятся в «нечистом» месте (под горой): ночью раздается хохот.

122_Усв_Черт

У Тотьки была книга. Ена с девкам читала и дочиталась! Как пошли черти скакать! Три штуки. Скок-скок – на лежанку, на печку! Ены: «Каравул!» – и тепло загасили, книжку кинyli. Как книжку кинyli, и черти пропали, а что за книжка была, я не знаю. Черти маленькие были и с хвостом.

ВІ 63*** При чтении колдовской книги появляются черти, книгу бросают – черти исчезают. Ср.: ПІ 31** Колдун колдует по книге («Черной магии»); *Записано от Киваловой Екатерины Тихоновны, 1895 г. р., в д. Кивальи, 1977 г.*

+ВІ 1в Черт является в образе: маленького хвостатого существа: появляются в доме прыгают на печку.

123_Усв_Черт

Бабушка меня пугала, что на току в рижке есть чёрт. Мне ж охота поглядеть. Прикинулась, что болит живот.

¹ Одонок, одонка – ‘стог сена, соломы округлой формы, сметанный вокруг одной жерди’: Сток иль адонка высóкий, кру́глый, ни то, што скирдá. Н-Сок. (Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 23. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 69).

² Чувать – ‘понимать, разуме́ть’.

Бабушка водила, водила меня во двор, надоело ей: «Что ты такое сегодня съела?» – «Не ходи ты, бабушк, со мной, я не боюсь». Понимала по часам, когда 12 часов будет, и пока я добегу, стрелки совместятся. И побежала не во двор, а в огород, да к току. Вот так ворота растворила (развела руками), а порог в рижке мне вот так (показала по поясу), я привалилась на него и зову: «Чёрт, чёрт, ходи сюда, глядеть тебя пришла!» Никто не откликается. Еще раз. Опять никто. И третий раз позвала, кто-то спрыгнул сверху и идёт ко мне. А у дядьки был кот, рыжий, Чёртиком звали. Я глаза зажмурила, гладить стала – щупаю, где роги. Рожок нет. Мягонький, хвост дальше. Он песню замурлыкал. Я его толк. Захлопнула двери и к бабушке: «Нет там никого, врешь ты всё. Кот там дядькин».

[Этот случай произошел, когда А.А.П. было не более 5 лет.]

В1 34 Черт водится ночью в риге.
Псевдобыличка.

*Записано от Паничевой
Анастасии Алексеевны, 1924
г. р., в д. Хлевище Каложинск.
с/с, 1981 г.*

124_Усв_Черт

В петлю черти толкают.

Ещё одна давилась баба. У неё было восемь невесток, в поле работали. Их надо было накормить, обед сварить и в поле снести. Смучилась она. Думает: «Дай удавлюсь». Она взяла мерку для зерна, зацепилась за что-то, влезла на мерку. Перекрестилась: «Господи, благослови» – и в петлю хотела. Вдруг ей кто-то как даст по затылку! Она с мерки свалилась, всё хайло об стену разбила, всю морду спихнуло. Пришли её невестки вечером с поля. Она и говорит: «Всё буду делать: и обед варить, и в поле носить». Это её чёрт за то, что «Господи, благослови» сказала.

В1 12а Черт подталкивает к самоубийству человека;
+В1 ба Черт боится молитвы.

Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.

125_Усв_Черт

Шёл мужик домой. Пьяненький. Встретил кума, на тройке тот ехал. Сел мужик к нему на тройку. Едут, разговаривают. А кум спрашивает: «Знаешь ты, на каких конях едешь?» Тот говорит: «Знаю, кони как кони» А кум опять: «Вот этот, – на одного показывает, – утопленник такой-то. Вот этот – удавленник. Вот этот – тоже удавленник»...

Испугался мужик. Молитву прочитал. Очнулся. Смотрит – сидит на коряге. А ведь вёрст 10 проехал!

В1 13 Самоубийца (удавленник, утопленник) служит лошастью у чёрта;
+В1 57** Черт в облике родственника, прикинувшись попутчиком, завозит человека далеко, морочит; спасает молитва.

Записано от Паничевой Анастасии Алексеевны, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с, 1981 г.

126_Усв_Черт

Пришёл к бабе красный чёрт, попросил поесть. У неё было 12 детей. А муж в город уехал.

Пока ходила она за первым блюдом, он ребёнка схватил, на крышу утащил и кровь высосал. Так он всех детей у неё перетаскал на крышу, пока она за едой ходила. А потом и саму её утащил и исчез.

Страшилка.
Красный черт-вампир губит семью.

Записано от Заряновой Светланы, 1971 г. р., в д. Каревино Калошинск. с/с, 1981 г.

ДУХИ ПРИРОДЫ И ДОМА В ДИСКУРСЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

ЛЕШИЙ в представлениях населения псковско-белорусского пограничья

По данным пятитомного этнолингвистического словаря, представления о лешем сильно развиты у русских, особенно на Русском Севере. В восточнобелорусских и восточнукраинских традициях они известны в меньшей степени и постепенно ослабевают к юго-западу восточнославянского ареала¹.

Псковско-белорусское пограничье, как известно, примыкает к восточнобелорусскому региону. В материалах псковского фольклорно-этнографического архива имеются 22 текста о лешем.

Леший в мифологии восточных славян – дух леса, хозяин леса, распорядитель его богатствами, покровитель лесных зверей и птиц. Материалы фольклорно-этнографического архива ПсковГУ, собранные на территории псковско-белорусского пограничья в 2000-ых годах, еще фиксируют бытование представлений о лешем как хозяине леса и подателе лесных благ, расположение которого можно снискать уважительным отношением и приношением при вступлении в его владения. При этом, как следует из текста, записанного в Себежском районе, для безопасности человека в течение всего времени пребывания в «чужом» пространстве (дорога, лес) и успешного достижения цели похода необходимо не только заручиться благосклонностью лесного духа, но и

¹ Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 3 / Под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 104–108.

оставаться под покровительством своего домового. Для этого на выходе из дома и при входе в лес произносятся соответствующие формулы-обращения, одна из которых – приглашение домового и лесного разделить с человеком трапезу, принять угощение: «(А скажите, домовый только вред может приносить или и пользу может?) О, не, не, о, какую пользу, ты что, ты что?! О [‘вот’]:

Домовой, домовый,
пойдём мы с тобой!

А потом в лес пришёл, что пришла в лес, так:

Лесной! Домовой!
Домовой, пойдём со мной!
Пошли!

Да, ну вот садишься есть, на куст кладёшь хлеба, кого там ложут:

Домовой! Домовой!
Давай ешь!
И лесной!

И тебе никого, никого не страшно, ни Боже упаси! Ягод наберешь много и всего и придешь хорошо!» (Себ. Птушкино 2006).

Представление о лешем – хозяине и хранителе леса, несмотря на современный колорит, сохраняется в рассказе о лешем, якобы наказавшем веселую компанию за неподобающее поведение в лесу (А1 34)¹: «*Леший – хозяин леса, так считается, он его оберегает, защищает.* У нас был случай, что поехали мы на природу, на речку купаться, развели костёр, накрыли, как говорится, стол. Вот. И пошли купаться. А когда вернулись, то обнаружили полный разгром! Костёр потушен, спичек не нашли, всё перевернуто, всё было со скатерти

¹ Здесь и далее в скобках дается шифр мотива по Указателям сюжетов-мотивов мифологических рассказов.

сдёрнуто! Ну, вряд ли это сделал кто-то из местных жителей, потому что мы всё-таки были одни. И мы так подумали, что *леший на нас поругался, потому что мы костёр оставили без присмотра*» (Нев. Рыкалёво 2008).

В основе другого рассказа той же информантки лежит традиционный мотив «Леший служит человеку, предупреждает об опасности: отгоняет с места, на которое падает дерево» (А1 14ж): «Мне рассказывал дедушка. Как-то женщина с ребёнком возвращались домой, и шли через лес. И началась гроза. Ну, женщина, естественно, ребёнка схватила и побежала быстрее в сторону деревни. И <...> вот как будто её остановило что-то, вот как зацепило! И вот она остановилась резко – и вдруг перед ними упало дерево! Ну, вот <...> защитил! Ведь если бы женщина дальше бежала и не остановилась, то их бы, наверное, убило!» (Там же).

След архаических представлений о лешем – хозяине и покровителе лесных животных и в то же время покровителе крестьянского стада, пасущегося в его лесных владениях или возле них (А1 17а), отложился, на наш взгляд, в нарративе, связанном с обычаями Егорьева дня в Пустошкинском районе. Покровительство крестьянскому домашнему скоту оказывается лешим в случае заключения договора между пастухом и лешим (А1 д). При этом по договору какое-то животное из стада может быть назначено в жертву. По народному поверью, если корову или овцу зарезал волк, значит, она ему была предназначена (леший, а в поздней традиции святой Егорий – волчий пастырь). Выбор, обрекающий скотину на съедение волком, как следует из текста, мог быть обусловлен нерасположением пастуха к ее хозяину, если последний в день первого выгона скота не одарил пастуха ритуальным угощением: «<...> Это у нашей и у той дядевне. Один всегда пас всей дядевне стадо, и как токо вот выгнали в поле, и яму как бы, значит, такое как бы закон: чтоб

принести ему пару яичек, пирога. И вот если не принесли, обязательно отдать того хозяина овцу волку! (Почему?) Рассярдился: *надо выкупать чтоб!*» (Пуст. Гаево 2005).

Единственный текст, записанный в 2009 году в Куньинском районе, содержит поверье о семье лешего: *«Раньше были лешие, <...> ну водились они, [у них] свои семьи были. [Рассказывали:] Бывало, придём [и слышим]: воют, исть хотят. Задержутся [люди] в делянке – назывались делянки, разрабатывались: пахали, озимую рожь там, сеяли зерно озимое – а они вот воють тама! Вот так рассказывали. Ну, это мне не приходилось, этого я не видела <...> (Так была у лешего семья?) У него было всё: жена, дети, все были. Они больше сидели в больших лесах, в излеске. А потом оттуда начинают проделки: плакать, выть!»* (Кун. Хмелево 2009).

Среди повествований о встречах человека с лешим, зафиксированных экспедициями ПсковГУ на рассматриваемой территории, главным образом представлены рассказы, развивающие различные варианты наиболее распространенного на всей территории восточных славян мотива «Леший водит/заводит/ морочит человека» (AI 5) и близкого к нему мотива «Леший пугает человека» (AI 6): «(Скажите, не было рассказов, что в лес кто-то пошел, и его леший там водил?) Говорили... Ну что? Заблудишься и никак не выйти, ни туда, ни туда. *Пока* ему уже [надоест]... *натешится этот леший*. Было, говорили» (Себ. Соврацино 2006); «А вот водить – один раз меня водил [леший]. В Авинище был, на лесовозе работал. И тоже так на дороге стал. Ну, как, от дороги немного отойдешь, ягоды пособираешь и обратно на дорогу. Вот минут 15 по дороге шёл по прямой (ну, чтоб не заблудиться – по прямой обычно идешь). На плантацию черники большую попал. И пока ходил-ходил, собирал, ну, примерно пошёл в ту сторону, откуда вышел. Через два с половиной часа только вышел на дорогу! 200

метров от своей машины! Где ходил – не знаю. *Кто меня куда водил?* <...> Вот идешь правильно. Знаешь, что туда надо идти. Идешь-идешь – до дороги никак не дойти!» (Пуст. Алоль 2005).

В современном рассказе о приключениях пассажирки «грибного» автобуса имплицитно присутствует представление о лешем, который «обходит» свою жертву, заключая ее в колдовской круг (человек бродит, вновь и вновь возвращаясь на одно и то же место), и о необходимости задобрить лесного «хозяина» подарком, чтобы его умилостивить. Повествование содержит любопытную деталь: заблудившаяся героиня внезапно видит лошадиный череп на столбе у лесной дороги и испытывает ужас. Известно, что маска лошади, в частности, лошадиный череп, надетый на палку или шест, используется в славянских народных обрядах в качестве символического воплощения различных демонических существ. Образ коня в общеславянской традиции амбивалентен. Конь выступает не только как воплощение плодородия, но и как воплощение хтонических сил и смерти, как медиатор между «тем» и «этим» светом¹. Леший, по народным верованиям, может принимать облик различных животных, не только лесных, но и домашних, и в частности коня. Упомянутая выше деталь (внезапно возникший у дороги – в традиционном сознании дорога – граница миров – столб с конским черепом) маркирует кульминацию повествования: после этого происходит благоприятный поворот в злоключениях героини рассказа, и отчаявшейся женщине «вдруг» открывается то, что было совсем рядом, но было от нее скрыто. Этот факт (внезапное «прозрение») в концовке повествования трактуется рассказчицей следующим образом: получивший «подношение» леший, вывел ее на правильный путь: «Как обычно городские

¹ Валенцова М. М. «Кобыла» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 517–520. – С. 519–520.

собираются на автобусе – и поехали! В лесу ходили вроде бы рядом. Ни одного гриба я, конечно, не нашла. Глянула – никого. Я: “Ау! Ау!” – никого! Она говорит: “*А я бегаю по кругу*”. <...> Действительно *леший*, – говорит, – *гоняет, гоняет!* Вдруг гляжу – дорога. Вышла, с дороги никуда не сверну. Вышла на дорогу – вот такой, – говорит, – палка вбита на краю дороги, здоровый столб, а на нем череп конский, огромный такой! Ну, я вообще, – говорит, – мне дурно, плохо! Я, – говорит, – туда по дороге. Не знаю, куда бежать? Обратнo? И вдруг, – говорит, – стою на дороге и вижу – вот он, автобус, ну, метров сто вот! В лесочке на другой дороге стоит. Я, – говорит, – как побежала, а там болото! И я, – говорит, – по болоту вот так на корячках! Лишь бы успеть до этого, этого... *Как же она вышла?* Потом, глядь по карманам, а сотки-то нету денег! Во, – говорит, – *я ему на ручку-то дала* (хлопает по ладони) – *он меня вывел!* Вот такая история» (Пуст. Алоль 2005).

Леший может «спрятать» от человека дорогу, дом, деревню: «Да, всякие случаи бывают. Вот *старик в Слухи ехал Федьку проведать. И целый день в лесу был, деревни не нашел.* Говорит: “*Хожу, хожу – нигде ничего не видно!*” А кто водил, не знаю!» (Нев. Боярское 1984). Обмороченный лесным духом, человек не может найти дорогу в знакомых местах (А1 5), не видит их, воспринимает как чужие. Молитва, упоминание Бога или пение петуха (А1 24) прогоняют наваждение: «Я даже сама была заблудивши, вот в этом вот лесочке (показывает на лесок в 300 м от дома). <...> Пошла за малиной, пригнали [коров] домой на полдня, пошла за малиной, набрала малины. Стала выходить. Выхожу: ай-ай-ай! (качает головой). *Дома какие-то большущие, какие-то горы... ничего [не узнать].* Я опять туда же, в лес. Ну, вот же: я собирала, вот же этот куст! Вот тут я набрала много малины! Опять выхожу – и опять... *Так три раза ходила туда и обратно, потом говорю: “Господи, да что это за*

наказание?” *И все: наш дом нормальный, и все нормально! <...>* А потом тоже с нашей деревни была баба Маша. [Говорит] на своего мужа: “Ты, Дема, полежи, я схожу сушинку срублю”. Ну и тоже пошла, ну, ссекла эту сушинку, на плечо – и пошла. “Выхожу, – говорит, – Господи, да что ж такое? *Какие-то дома, какие-то собаки лают чужие, какие-то люди ходят!*” Она опять туда, в этот лес. И тоже *так три раза*, потом, говорит, встала: “Ну, вот же этот пень! Вот же я срубала эту палку! *Господи*, да что это за наказание?” *Перекрестилась.* “*Выхожу, – говорит, – это ж моя деревня!*” Вот так... Тут что-то нехорошее, в этом болоте. А теперь, наверно, ушли все. (Как называют черта?) Так, леший, чёрт» (Себ. Литвиновка 2006).

Под действием наваждения («привиженья») родные с детства места принимают чуждые очертания: «И привижение было... При мне было привижение. Мы ходили в *Покров*, это осенью, в Ляниково, это пять километров, на гулянку *вечером* ходили. Летом только днем гуляли, а осенью вечером ходили. А оттуль, пока мы смеялись, соседка поехала с одним, он всех звал, никто не поехал, а она села и поехала по озеру, а мы пошли. Ну, *вот идем-идем, а где ни идем – все озеро, никак домой не попасть!* А 15 человек ишло нас, молодых! Пришли, а оказывается – *петух запел* – а мы коло амбаров Баландинских! *И не заблудивши, и озера нет!*» (Н-Сок. Глядково 1988).

В нарративах южной Псковщины власть лешего распространяется и на поле, и на болото, что, как известно, является следствием синтеза образов духов-«хозяев» (леший, полевик и пр.) и их функций в поздней мифологической традиции: «У нас была бабушка старенькая в деревне, она когда совсем уже стала старенькая и уходила вот на поле. Это поле... всегда говорили, что на этом поле кто-то водится. *Кого-то он [леший] на лошади завел: человек не мог приехать домой, долго плутал*; некоторые молодые даже уходили, вот заблудятся на

этом [поле]. А чё там блудить? Поле да и поле! По краям кусты, ну, посередине болотца были. Вот говорили, что вроде *там леший или кто там бродит*. Вот эту бабушку, значит, часто он туда зазывал. И все говорили, кто постарше говорили: “Это её вот *леший уводит, леший уводит, мол, к себе хочет в болото затащить!*” <...> Не случилось так, чтобы [человек] ушёл и пропал, а уходили – уходили, плутали! И плутали, причём, ладно в лес пошёл и заблудился, можно подумать, потерялся человек! Это поле! Как можно на этом поле заплутать? Но плутали. Сейчас потом его обработали, кусты эти все убрали, и вот не было такого случая, чтобы из-за лешего плутали, не живётся ему больше тут» (Н-Сок. Санталово 2006).

В Пустошкинском и Себежском районах записаны сходные варианты рассказов о лешем, обманом стремящемся погубить путника. Семидесятипятилетний информант на вопрос, знает ли он что-нибудь про лешего, убежденно заявляет: «А это, это и гад водил меня тут по лесу чытыри километра!» Развивая затем вариант сюжетного мотива «Леший заводит человека: человек слышит зовущий его голос, идет на него и оказывается в воде» (АI 5), информант находит нужным выразить сомнение, что дело в лешем, а не в состоянии подпития, в котором путешественник отправился ночью через лес. Но в конце концов примиряет обе трактовки причин злключения в пути, актуализируя мотив «Нечистая сила шутит шутки над пьяным» (ВI 57): «А водил вот [так: звал]: “Сюда! Давай сюда!” И я взади иду. Вода – и по воде иду, по лужьм. <...> Да. Тольки куда-нибудь хочешь свернуть – [опять]: “Иди сюда!” – кричат. (И вы идете?) А куда ты денешься? (А потом?) А потом я ни помню, как са мной было, понимаешь. Уж стало рассветать – *это ночью было дело – рассветать*. Ну, наверно, отошло – вскочил и домой! И я уже понял, что это ясное дело, что, ну, это то ли галлюцинация, то ли, там, чёрт.

Ну, это с пьянкой связына...» (Пуст. Кисели 2005). Сходный сюжет о приключении односельчанина, сопровождаемый скептическим комментарием информантки, записан в Себежском районе: «<...> шёл пьяненький он, здесь в колхозе работал. А у нас речка, а через речку подвесной мост. Ну, вот, шел и говорит: “И меня не на мост *ведет*, а *ведет через речку*”. *И зовёт меня кто-то и подает мне руку: “Иди, иди!”* “Я, – говорит, – уже забрёл до пояса, а потом дошло в голову: Что же я делаю! Куда я иду! Вот *кто-то меня вел!*” Ну, я думаю, это уже по пьяни было!» (Себ. Эпимахово 2006).

Другого рода «современные» сомнения, очевидно, навеянные кинематографом, телепередачами или художественной литературой, присутствуют в рассказе информантки 1964 г.р., о встрече в лесу с необычным зооантропоморфным существом. Информантка, как и ее подруга, сомневается, кто это был: пришелец из другого пространства и времени или *старичок-лесовичок*, но в конце концов склоняется к тому, что это был леший: «Это была истинная правда, история с моей дочерью. Ей было шесть лет, дочке моей младшей. Поехали по грибы. Дочка взяла маленькую собачку с собой. А мы ехали в большом таком фургоне. Все вышли, а младшая дочка говорит: “А я не пойду с вами никуда, я останусь в машинке!” Вот упёрлась! “Я останусь с маленьким собачком!” Ну ладно. И я вроде бы тут недалеко. Собирали, собирали мы грибы, а вот у меня душа не на месте. Ну, что-то, думаю, не то! Что-то не то! Подруга говорит: “Да вы чё? Если бы что-то, то она бы посигналила!” И тут как начала! Сигналы идут с машины. Ой! Я это ведро и бросила и бегом к этой машине. <...> “Кать! Катечка, ты что? Что ты нам сигналила?” – “А ничего, мам! Просто скучно было”. <...> Прошло, наверное, дня два, и та подруга, с которой мы по грибы были, её дети и моя Катя, и мы вот сидим вечером, чай пьём. Вдруг нам Катя

говорит: “Ой, мама! А знаешь, какого я *человечка* видела! Вот когда я вам сигналила!” Я вся покрылась мурашками, т.е. я чувствовала [тогда, в лесу], что что-то было не то! Вот она рассказывает: “Я сидела на заднем сиденье, и вот это вот папино окно, водительское, стекло почему-то стала паутина на нём и, – ну это я вам сейчас так говорю, – и листочки на ней прилипли. Откуда это взялось, я не знаю. И я стала это все смахивать”. И когда она смахнула эту паутинку с окна, она увидела, что *по дороге идёт человек маленький*. “Он, – говорит, – *меньше меня был, ну, может, с меня ростом*, мама. Шёл и на меня смотрел. У него были *длинные-длинные ногти!* И у него были *длинные-длинные волосы!* Но и была *лысина*. Он был *маленький и весь косматый* такой вот, одетый. И мне, – говорит, – так страшно стало! Я собаку прижала, – говорит, – вот так”. <..> И она говорит, он стал проходить вот так мимо машины. “*Шёл, шёл, шёл, шёл*, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге. *И он – хоп – и исчез!*” Я, конечно, в шоке сижу. Подруге говорю: “Ты представляешь! *Это же столкновение миров! Это он выпрыгнул* [из своего времени] *и к нам зашёл!*” А она: “Да ну! Да подь ты на фиг! Какое тебе столкновение?! *Старичок-лесовичок!*” А я так на нее смотрю: “Ты что?! Веришь в старичков-лесовичков?!” Она так: “Ну не знаю... Ну, не верю...” Я говорю: “Ну, так а что ты?” И мы с ней про миры. Такая ситуация. Прошло много лет, и я у дочери спрашиваю: “Кать, ты не выдумала?” Она говорит: “Мам, я до сих пор это помню, до сих пор. Помню его глаза, эти *длинные ногти, темные-темные волосы. Такой маленький человечек!*” <...>А вот я вчера у дочери спрашивала (много времени прошло) насчет того существа в лесу, уточнить, когда она в машине осталась, чтоб уточнить: ведь много времени прошло. Она говорит: “Ты что, мам! В какой одежде? *В шерсти он был! Весь в шерсти. И шерсть была темно-темно-каштановая!*”. Ну, руки

были не в шерсти, потому что пальцы она видела и ногти длинные. И только была вот здесь вот (показывает на макушку) *лысина*. В общем, темно-каштановый. Вот такой вот. Ну, видимо, *это леший был, а мы думали, что кто-то из другого времени*» (Пуст. Алоль 2005).

В Пустошкинском районе записаны тексты, развивающие мотив «Леший пугает человека, леший гонится за человеком, Леший шутит шутки/“озорует” над человеком». Характерен традиционный звуковой портрет лешего: «Моя мама Надежда Никитична <...>, а считай вот как 43, 40 лет как мамы у нас нет в живых <...> говорит: “В Герасимово ходили гулять, деревня богатая была, а моста не было, только две елки протесанные, река вниз шумела. Рядом озеро, сюда Гнилуша – река называлась Гнилуша. И вот, – говорит, – иду по полю, там, где был лес, онны пни оставши, не вижу никакво. Как приду на эту речку, на эти кладки, там и до дому меньше километра остается, где дедушка жил, – она сироткой росла, маленькая тоже оставши – вот, – говорит, – только что меня за подол не держа, не хватае, когда я только на эту речку дойду! *И идет, и свищет что-то, шум какой-то подымается!* Но, – говорит, – видеть – никого не вижу. *А такой страх нагоняя*, что, – говорит, – *волосы даже*, – говорит, – *подымаются на голове!* Вот прибежу домой...” А она папашку звала там “папка”, “тятка”, кто как звал, а она звала свово (он военный был, дедушка, 8 лет служил в Кронштадте, он такой был, как начитанный). Так вот она: “Папаш, так и так, – говорит, – только что меня, – говорит, – не держал меня за юбку или за платье!” А раньше одежду всё носили длинное, крепкое, вязаное, самотканое, не такое, как мы сейчас ходим, в тоненьких, стареньких, слабеньких. Ну, так вот она видеть – не видела, а таки были признаки и штуки. Ну, а кто там ходил в это время, и ветер подымался, и подсвистывал, и то, и другое? “Ну, – говорит, – я и бегу без задних ног домой!”

Бежу, рада, что откроют двери, и никто меня не троне, только пугает так. (Это в лесу, да?) Ага!»» (Пуст. Середеево 2005).

Пугает и озорует с человеком леший и в рассказах из д. Алоль. В основе повествования – характерное для белорусской традиции поверье о колтуне, который будто бы подбрасывают враждебные человеку мифологические существа: «А дочь моя рассказывала здесь. Она говорит: “Мам!” А у нас коров было много, и она гоняла их километра за полтора в поле. И здесь на повороте – мы с вами ехали прямо, а это вдоль реки – она говорит: “Не могу больше! Бежит, а *кто-то рядом* со мной *идёт*. Я, – говорит, – по дороге, а он по кустам! Чувствую, что на меня кто-то смотрит и идет наравне со мной. Я быстрее, и он быстрее, я замедляю шаг – это существо замедляет. Мурашки, – говорит, – по коже, не могу! Как только я (там такой перешеек есть) вышла на поле – он на поле не выходит. Так обратно я с такой скоростью бегу, чтоб только не чувствовать и не слышать своих шагов. Уже у нас не было коров потом, уже внук появился, и она ходила гулять туда. И она говорит: “Я пошла с Лешкой – было то же самое”. Т. е. идет кто-то рядом со мной. Больше я туда не хожу”. (Так а кто это был?) А кто его знает? *Леший!*» (Пуст. Алоль 2005); «(А с вами каких историй не случилось там, чтобы лешие были?) Пугали! [В.Г. Куренной]: За ягодами жена ходила, там *начали ветки трещать*. Вроде бы и лес небольшой – как вчистила оттуда! [А.Г. Куренная]: Я когда была маленькая, сюда приезжали отдыхать. И мы собрались в лес идти как всегда. Тётя Ася нас гоняла. Мы говорили всё: “Хотим в ягоды!”. Она говорит: “Хотите – идите!” Ну, мы и пошли. И вот... И вот я иду и чувствую (ну, девчонка маленькая), иду и чувствую, что-то вот здесь у меня печет, жгет вот в этом месте (приложила руку к груди), и говорю своей бабушке: “Бабушка, мне жарко! Можно я свитер сниму?” Уже домой пришли, отмучались всю дорогу. Она говорит: “Ну, давай

снимем!” И она снимает вот так (через голову), а вот здесь у меня прямо на груди вот *сбитый клок волос, колтун сбитый волос!* Ну, “колтун” мы называли в детстве. По цвету мы начали подбирать – чьи? Может, кто-то расчесывался? Никому не подошел! Вот откуда? Вот тогда тетя Ася сказала: “*Вот леший что наделал, а!*” Вот помню, что вот это она сказала: “*Что леший наделал – колтун сбил!*” (Пуст. Алоль 2005).

Облик лешего в мифологических рассказах псковско-белорусского пограничья достаточно традиционен. Однако в записанном в 2006 году в д. Литвиновка рассказе представленный в традиционно зооморфном образе леший снабжен «механизмом для передвижения»: «У нас один видал, ну, наверно, он с пьяных глаз: пошел в лес дрова рубить. И он прыгал, говорит, такой, как бык, с рогам и прыгал на пружинах [смеется]» (Себ. Литвиновка 2006). Лесной «хозяин» может показываться людям в антропоморфном образе: человек с длинными волосами и палкой на плече (Себ. Кузнецовка 2006 (А1 1е), белокурый мальчик в красной рубашке и синих штанах (Усв. Лысая Гора 1981); в зооморфном: *такой, как бык, с рогам;* и в зооантропоморфном виде: маленький человечек, весь косматый, весь в шерсти, с длинными-длинными ногтями и длинными-длинными волосами (Пуст. 2005); у него *волосы распущены* (Себ. Кузнецовка 2006); *длинные-длинные волосы* (Пуст. 2005); характерны динамические черты образа лешего: «пошли в ягоды, и там кто-то за кустами *бегал*, мол, волосы распущены и палка на плече. Это леший, говорят, леший» (Себ. 2006); «*Вдруг видит: мальчик такой бегеть <...> И бегеть прямо по этому лому, как кошка – легонько*» (Усв. 1981); «*прыгает на пружинах*» (Себ. Литвиновка 2006). Леший внезапно (*вдруг*) появляется и внезапно исчезает: («*Шёл, шёл, шёл*, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге» (Пуст. 2005). Есть тексты, отражающие представление о невидимости

лешего: «(А лешего можно увидеть?) Нет, *он не показывается!*» (Себ. Соврашино 2006).

В двух текстах, записанных в Новосокольническом и Усвятском районах в 80-х гг. XX в., отложилось архаическое представление об активизации лешего, как и прочей нечисти, в «пороговые», «переходные» периоды, к каковым народное сознание относит праздники. В приведенном ранее рассказе из Новосокольнического района о «привижении» дело происходит ночью в Покров (Н-Сок. 1988). В рассказе из Усвятского района – в Петров день, т.е. в период летнего солнцеворота, по народным представлениям, наиболее опасное время. В лесу герой, по-видимому, попадает прямо в логово лешего: «Отец мой охотником был. *В те времена люди в праздники в лес не ходили. А он пошел в Петров день. Вошёл он в лес, видит – корни всякие, сучья, пни – все выворочено и ломом, завалом таким валяется*». Внезапно появляется сам хозяин. Его образ маркирован характерными для представителей «иного мира» цветами: синий, белый, красный: «Вдруг видит: мальчик такой бегёт. *В красной рубашке, в синих штанах. Голова в его белая, курчавая*. И бегет прямо по этому лому, как кошка – легонько. Тут он вспомнил про Бога, да про Петров день, да пошел скорей домой».

Отразилось в рассказе и представление о том, что в «мире ином», к которому относятся и духи-«хозяева», по сравнению с «этим миром», все «перевернуто», и поэтому, в частности, съедобное «на этом свете», несъедобно «на том» и наоборот. Отсюда известный сюжет «Человек в гостях у лешего» (AI 19), след которого отложился в усвятском тексте: леший угощает гостя хлебом; хлеб лешего оказывается *губкой* («гриб чага») (AI 21): «Дома он матери все рассказал, а она ему говорит: “То был *лес-с-сосной* («леший»), *отводил бы тебя по*

лесу и кормил бы губкой, а ты бы думал, что это булка. Так что хорошо, что ушёл!»» (Усв. Лысая Гора 1981).

В восточнославянской традиции встречаются разные названия духа-«хозяина» леса. Некоторые локальные традиции содержат варианты названия мифического хозяина леса, в которых он предстает как персонификация самого леса: *лес, лес праведный, лес честной*¹. В подобных названиях, по мнению Н. А. Криничной, отразилось архаическое представление о фитоморфном облике или чертах облика лешего. Вышеприведенный усвятский текст дает вариант *лес-с-сосной* (Усв. Лысая Гора 1981). Название, по-видимому, связано с почитанием сосны как священного дерева в белорусской и южнопсковской традициях и архаическим представлением о лешем, который может являться в виде дерева или куста.

Повествования о духах-«хозяевах» природы и, в частности лешем, составляют немногочисленную группу в корпусе мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья из фонда псковского архива, что, по-видимому, свидетельствует о значительной деактуализации соответствующих поверий. Набор сюжетных мотивов, лежащих в основе зафиксированных текстов, невелик. Многие информанты или вовсе не могут вспомнить сюжеты о лешем, или их рассказы окрашены значительной долей скептицизма, или подчеркивают, что лешие водились раньше, а теперь их нет (*не живётся ему больше тут*). Нарративы о лешем и будто бы имевшем место вмешательстве лешего в деятельность человека, как правило, не содержат ничего фантастического, кроме явно или имплицитно присутствующего в них убеждения, что события, изложенные в повествовании, – следствие действий лешего, во власти которого оказывается всякий, вступивший в

¹ Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского севера. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 168 с. – С. 164; Логинов К. К. «Лес» и «лесная сила» в представлениях русских Карелии // Живая старина. – 2002. – № 4. – С. 2–4.

лесное пространство. Часто повествования ошутимо модернизированы. Тем не менее, архаическая основа в них все же сохраняется.

ВОДЯНОЙ в представлениях населения псковско-белорусского пограничья

Водяной – мифологический мужской персонаж, хозяин и покровитель водного пространства, злой дух, черт, обитающий в воде и топящий людей¹. В.И. Даль наряду с синонимическим рядом к слову *водяной* вводит в определение указание на локусы мифологического персонажа: *водяной*, водяник, водяной дедушка, нежить, нечистый, бес, сидящий в омутах и в бучилах, под мельницами². «Псковский областной словарь с историческими данными» дает следующее определение: *водяной* – ‘в народных поверьях – бес, живущий в воде’³.

В фонде псковского фольклорно-этнографического архива и картотеке «Псковского областного словаря»⁴ ЛАРНГ имеется 23 текста о водяном (соответственно 12 и 11).

Номинация духа-хозяина воды в народных повествованиях. Естественно, что тексты соответствующей рубрики картотеки ЛАРНГ содержат наименование мифологического персонажа: *водяной* (10 из 11), *водяной царь* (1). Все записи, кроме одной, содержащиеся в рубрике «Водяной» картотеки ЛАРНГ, фиксируют поверья, т. е. тексты,

¹ Левкиевская Е.Е., Усачева В.В. Водяной // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 1 / Под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 396–400. – С. 396; Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 82; Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 94.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. I. – М.: Русский язык, 1981. – С. 220.

³ Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 4. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – С. 81.

⁴ В работе использованы материалы отдела картотеки «Псковского областного словаря», собранные в экспедициях по Лексическому атласу русских народных говоров (ЛАРНГ).

представляющие собой готовое прямое суждение, в котором заключен «суммируемый коллективный опыт, общественное знание о мифологическом явлении, опирающееся на общую семантическую модель»¹: «А в воды водяной водится» (Себ. 2001); «Когда долго купаешься, водяной может утащить» (Нев. Стайки 2001); «Водяной царь мужикам сетки путайит» (Пуст. 2001). В них мифологический персонаж предстает как злой дух, обитающий в воде, хозяин водного пространства: «*Это хозяйева: водяной – в воде, домовый – в хате, леший – в лесу*» (Нев. Стайки 2001); «водяной царь» (Пуст. 2001). В одной из записей просвещенный информант присваивает водяному имя древнеримского бога морской стихии: «Водяной в воде жил, Няптун яво называют» (Н-Сок. Фефелево 2000).

Иную картину дают материалы фольклорного архива, в большинстве своем представляющие собой былички – повествования о контакте человека с мифологическим персонажем. Название *водяной* присутствует лишь в трех из 12-ти текстов (Усв. Борновалово 1977; Пуст. Алоль 2005; Пуст. Холюны 2005). В остальных семи рассказах либо используется наименование *нечистая сила*, либо дух воды отождествляется с чертом, именуется *роготым*, либо информант обходится неопределенным местоимением *кто-то* или вообще избегает какого-либо обозначения духа, обитающего в воде.

Такая неопределенность в обозначении мифологического персонажа может быть следствием различных причин, одна из которых – разрушение традиции, когда образ мифологического персонажа теряет четкие, определенные, «индивидуализированные», признаки и становится все более обобщенным, сохраняя «родовые» черты «нечисти вообще» или «растворяется» в образе черта². Неопределенность в обозначении мифологического персонажа (*кто-то*, *что-то*) может отражать неопределенность самого знания о том или

¹ Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 183.

² Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Индрик, 1995. – С. 153.

ином мифологическом явлении, отсутствие представлений о его дифференциальных признаках, может указывать «на когнитивную недостаточность, невозможность познания человеком глубинной природы данного явления»¹. Эта неопределенность могла быть следствием табуирования имени персонажа. Наконец, как показало исследование Е. Е. Левкиевской, кажущееся «нежелание» рассказчика как-либо обозначить мифологический персонаж заложено в жанровой природе былички², так как последняя, в отличие от поверья, отражает не коллективное знание, а представляет собою рассказ «о личной форме познания «иномирного», об «индивидуально переживаемом опыте такого контакта (даже если это не собственный, а чей-то чужой опыт, пересказанный со слов очевидца)»³. Информация, содержащаяся в быличке, преподносится не как готовое суждение, а в виде «картинки», содержащей характерные для местной традиции признаки мифологического события, по которым слушатель-носитель традиции безошибочно «читает» имя мифологического персонажа. Для повествователя нет необходимости «обозначать мифологические образы «прямыми именами», «достаточно указать, намекнуть, обозначив их через характерный признак или действие», чтобы знающий традицию слушатель соотнес этот признак или действие с именем мифологического персонажа⁴. В условиях диалога собирателя и информанта ситуация «повествователь – слушатель» как бы «переворачивается»: слушатель называет наименование мифологического персонажа, а рассказчик «выдает» соответствующую этому имени «картинку», содержащую узнаваемые признаки мифологического события.

Как бы информант ни обозначал сверхъестественный персонаж в своем повествовании, неизменным остается одно – связь этого персонажа с водой. Поэтому наряду с

¹ Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 201.

² Там же. – С. 177.

³ Там же.

⁴ Левкиевская Е. Е. Там же. – С. 203.

наименованием «водяной», говоря о текстах, в которых информант номинирует этот мифологический персонаж иначе или не номинирует никак, мы будем пользоваться понятиями «водяной дух», «мифологический персонаж».

Внешний облик водяного. Черты облика водяного хозяина в современных повествованиях представлены в трех текстах и являются общими для всей «нечисти». В нем отсутствуют признаки, маркирующие отнесенность этого мифологического персонажа к водной стихии, такие, как рыбий хвост, перепончатые лапы, зеленые, подобные речной тине, волосы и борода, блестящее, подобно рыбьей чешуе тело и пр.¹. Водяной – черный, голый человек²: «Видели старые люди, передавали. *В виде черного человека*. Его видел охотник один. Идет по лесу и вот там *сидит на кладках на озере такой черный, голый*» и вот так вот [качает ногой] *хлопает по воде*» (Кун. Зубово 2009). Либо это бородатый мужчина, который при появлении людей бросается в воду и исчезает (Усв. Борновалово 1977). Антропоморфен, судя по единственной конкретной детали, присутствующей в тексте, но лишен какой-либо определенности внешний облик водяного в следующем рассказе: рыбак, находясь в лодке, в воде «*чье-то* изображение видел». Этот некто, из воды тянет руки к рыбаку и манит его к себе (Пуст. Холюны 2005). Как и другие духи-«хозяева», водяной может быть невидим (Пуст. Алоль 2005).

Характерные звуковые проявления водяного. В рамках традиции представлены характерные звуковые проявления водяного: он *хлопает*/*«барабанит» по воде ногой*, он *говорит*, заманивая жертву в воду или предсказывая худые времена, *кряхтит*, парясь в бане³.

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – С. 275; Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект; Гаудеамус. 2004. – С. 329.

² <...> Идентичные черты образа водяного (антропоморфность, преобладание черного цвета) представлены в текстах из фонда Полесского архива Ин-та славяноведения РАН, см.: Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне. – С. 168.

³ Сводку звуковых проявлений водяного, представленных в мифологии славян, см.: Левкиевская Е.Е., Усачева В.В. Водяной. – С. 397; Виноградова Л. Н.

Локус водяного духа. Традиционные места пребывания водяного духа или проявления его деятельности. Это любые водоемы, обычно *река* (Усв. Борновалово 1977), особенно *омут* (*В омуту вадяной на дне сидит*. ЛАРНГ Нев. Самино 2001), *водоворот – вир* (Пуст. Холюны 2005), *озеро, пруд* (Н-Сок. Санталово 2006; Кун. Зубово 2009; вдающаяся в берег «ниша» – *заливчик* (Пуст. Алоль 2005); водяной появляется *на вывороченном пне – «на хреву»*, повалившемся в воду дереве (Нев. Боярское 1984); у *бани* (Усв. Борновалово 1977).

Набор связанных с водяным духом сюжетных мотивов в псковских материалах ограничен: АП 1 *Водяной показывается людям в образе* черного голого человека; мужика с бородой: при появлении человека/людей бросается в воду и исчезает; водяной невидим; АП 3 *Водяной топит человека*: затягивает купающегося в омут, устроив водоворот; придает утопленникам сидячее положение; АП 8 *Водяной наказывает за похвальбу*: топит; АП 9 *Водяной и рыбаки*: а) рыбаки ловят водяного: водяной попадает в рыбачью сеть, но отпущен рыбаком; д) Водяной пугает: показывается из озера и лезет на берег, его прогоняют, швырнув палкой (*Попасть не попал, но бок сломал!*); ж*) *Водяной вредит рыбакам*: путает сети; *Водяной манит рыбака*: зовет, побуждая прыгнуть с лодки в воду; *Водяной шутит над рыбаком и его помощницей-женой*: невидимый, поднимает женщину и ставит рядом с лодкой по горло в воде; АП 17 *Водяной сидит у воды/в воде на камне, коряге*: хлопает (*барабанит*) по воде ногами. *Водяной дух предсказывает/накликает худые времена* (*Год года хуже!*); *Водяной моется в бане*.

Наиболее многочисленны две сюжетно-тематические группы: «Водяной топит людей» (5 текстов), «Водяной и рыбаки» (6 текстов). В других текстах представлены мотивы «*Водяной парится в бане*: поддает, кричит; при появлении людей бросается в воду и исчезает» (1 текст), «*Водяной предсказывает/накликает худые времена* («*Год года хуже!*») (2 текста).

Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 128.

Водяной топил людей. В этой сюжетно-тематической группе рассказов водяной предстает злым духом, главная функция которого – топить людей. Это повествования о действительных случаях гибели людей на воде. Они, как правило, не содержат ничего фантастического, кроме явно или скрыто присутствующего в них убеждения, что трагические события – следствие действий водяного. Человек тонет не сам по себе, а вследствие козней водяного духа, «нечистой силы», обитающей в воде, которая устраивает водовороты в тихой, казалось бы, воде речного омута¹: «(А был там водяной?) А немножечко повыше, там есть две такие впадины, я сейчас скажу, в деревне нашей говорят, что там *вир*. *То есть захватывает воду и кружит*. Там погибли моя родная тетя и двоюродная моя тетя. Очень давно это было – в 1932 году. Мне просто рассказывали, что одной было 10 лет, а другой – 11. Они, значит, купались, и туда их просто затянуло. *Говорят, что там живет нечистая сила, и обычно там никогда не купаются*. <...> После этого там, говорят, был еще один случай несчастный – туриста там затянуло. *А там тихо, круговорот такой вот идет и затягивает туда человека*. Не обязательно, что это дети, даже был взрослый человек. И вот так вот с ним случилось» (Пуст. Холюны 2005).

Убеждение, что человек тонет по воле водяного духа, живо в сознании сельского жителя даже тогда, когда, казалось бы, он уже ничего не может рассказать о «хозяине» водной стихии. В ответ на вопрос собеседника-собирателя информант «подбирает» факт действительности, подходящий для трактовки происшествия как мифологического события, связанного с водяным: «(А слышали что-нибудь про водяных, русалок?) В этой местности их нету. Ни русалок, насчет этого все спокойно. (А истории, может быть, какие-нибудь слышали?) *Бывало, люди пропадали, тонули. В этой деревни один утонул, наверное, с этим связано*» (Кун. Зубово 2009).

¹ О связи в славянских традициях водяного с кручением, верчением, а водоворота с вихрем как проявлением деятельности нечистой силы см.: Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне. – С. 165–166.

В духе мифологической традиции интерпретируется реальный случай гибели подростка на воде в повествовании из Новосокольничского района. Ни упоминания водяного, ни слов, заменяющих название этого мифологического персонажа, таких, как «нечистый», «черт», «кто-то», в тексте нет. Представление о водяном, наказывающим за похвальбу и попытку проникнуть в его владения (по народному поверью, хозяин водной стихии пребывает в глубине водоемов), присутствует в нем имплицитно и проявляется в том, что текст звучит в ответ на вопрос собирателя о водяном, что повествование завершается, как это характерно для былички, назиданием-формулировкой запрета, в данном случае запрета похвальбы на воде. Гибель подростка, как следует из замечания рассказчицы, стала следствием несоблюдения им некоторой сформулированной в соответствующем запрете нормы поведения при проникновении в локус мифологического персонажа ¹: «А потом вот собольковский утопился *в пруду*. <...> В этом пруду <...> купались мальчишки. Купались, ну и давай закладываться! *Вот, говорят, никогда не закладывайся!* “А! Не, я нямножко!” – “А я дальше могу!” – “А я дальше могу!” *Вот закладываться, говорят, на воды никогда нельзя!* Ну. Ну вот, вот такой Лобанов, Витька Лобанов с Соболюков был, 16 лет яму: “А я переплыву!”, “А я дальше!», “А я дальше!” Вот “дальше”, “дальше”! И все, и улетел! И как нырнул, так и ня выскочил» (Н-Сок. Санталово 2006).

Мифологическое содержание зафиксированных в Усвятском и Новосокольническом районах **рассказов о сидящих на дне утопленниках** проясняется при сопоставлении с отмеченным на Ярославщине поверьем, будто бы «водяной имеет обыкновение приводить утопленника на дне в сидячее положение»²: «Вот когда человек утопнет, то *сидит под водой на корточках и разувишь, а обувь рядом лежит*. Девушка с

¹ Рассказы и поверья о нарушителях запретов исследовала Л. Н. Виноградова: Виноградова Л. Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 218.

² Власова М. Русские суевия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 105.

ярмарки шла, да с моста в речку прыгнула. Всю одежду на мосту оставила, и прыгнула. А потом нашли ее – *сидит на корточках и сапоги рядом стоят*. Женщина одна, с Новой Деревни, лет тридцати. Незамужняя. Говорит матери: «Мам, как надоело мне все, пошли в вирину!» Мать ей: «Дура!» А та ушла, да так и пропала. А потом нашли ее *в торфянике в яме. Сидит на корточках, разувшись, и рука поднята*» (Усв. Хлевище 1981); «Вот недавно девушка с парнем утонули. Так их и нашли – *сидят в воде* и глаза открытые. Так их жалко было!» (Усв. Лысая Гора 1981).

Согласно поверью, «настоящие» утопленники на дне обязательно сидят, а если утонувшего человека находят в другой позе, значит, он жертва преступления: «Если человек не своей смертью умер, то он или, раскинувшись в воде, лежит, или в другой какой позе, но только не на корточках» (Усв. Хлевище 1981).

Слушателем, «изнутри» местной традиции воспринимающим характерные для нее признаки мифологического события (сидячая поза утопленника в воде), последние «прочитываются» как свидетельство губельного вмешательства водяного в судьбу человека. Именно сидячая поза утопленницы вызывает ужас свидетельницы трагического события в рассказе из Новосокольнического района: «У нас девка втопилась на озере на Бологовским. Я почту носила. Она забеременела, а он не стал гулять больше, и всё. И вот она задумала утопиться <...> Мы почту разбираем, говорят: “Нюрка, Нюрка Заборовская утопивши!” Вот побегли. И тут вызван [водолазы] – нигде не найти! <...> А потом уже вот я ушла, уже поздно было, а Лиза такая у нас бригадир был в Рыбках и говорит: “Ой, Райк, хорошо, ты ушла! У меня, гврит, с тех вот пор *сердце как оторвалося*, гврит. *Как*, гврит, *страшна!* Яе, утопленника, в воде ня ищут, а она все равно *сидит там! Утопивши, а сидит!*” И вот, гврит, эти водолазы как закинули сети на пол-озера и, гврит, вот тянут, тянут, и кричат, что поймали, наверно. И вот тянут, *а ёна*, гврит <...> и *вот так*, гврит, *и сидит*, и так, гврит, и на берег так и вытянули в сети.

Ну, говорят: “Живая, живая!”. А она уже всё, окоченела. Вот» (Н-Сок. Санталово 2006).

Водяной и рыбаки. Среди текстов, зафиксированных экспедициями, как было сказано выше, большую сюжетно-тематическую группу (6 из 12) составляют повествования о водяном духе и рыбаках. Изображаемый вредоносным духом, водяной в рассказах этой тематической группы лишен ореола грозного властелина, от воли которого зависит удача и сама жизнь рыбака. В повествованиях о рыбаках и водяном последний безуспешно стремится утопить рыбака, заманив его в воду: «(А про водяных что-нибудь рассказывали?) Ну вот, водяные, рассказывал мужик один. Вы знаете, как ему верить? Он водку очень любил. Вот он, значит, говорит, что я пошел рыбу удить. И мне, значит, говорит, что от давай, давай, говорит, ныряй за мной, говорит, прямо вот так вот руки. Машет, машет, мол, иди, иди, иди ко мне! Ну, говорит, я все-таки не стал, говорит, с лодки прыгать <...> Ну, вот я не знаю, что это такое было, водяной или что это» (Пуст. Холюны 2005)¹. Водяной дух пугает промышляющих рыбной ловлей, показываясь из озера, и наказан рыбаками: «Мать рассказывала <...> Рыбой они занимались, ловили рыбу. У них была будка сделана около озера, там специально караулили сетки. Ну, старики посылали детей. Детей кто-то напугал, с озера вылез. Дети прибегли. Их заругали старые: “Во, как обычно, спугались!” – пошли сами каравулить. Тоже сама так: вылезает кто-то с озера! <...> Ну, а мужчины же пожилые все. Как шарне туды, в озеро, палкой! <...>”О! – говорит – Жалко, что не попал!” А этот ему из озера: “Попасть – не попал, но бок сломал!” Это вот мать моя все время рассказывала историю. <...> Это назывались раньше черти. Вот такие дела» (Пуст. Яшково 2005). Мотив «Водяной вредит рыбакам» представлен поверьем: *Водяной сетки запутывает; Водяной царь мужикам сетки путает* (ЛЯРНГ, Пуст. 2001). Водяной дух попадает в рыболовную сеть, но помилован рыбаком: «Был у нас старик

¹ Ср.: «Утопленники, они ж не сами тапятся, их гукает. Их з вады нечистый дух гукает: “Иди сюда, иди сюда!”». См. Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне. – С. 161.

Иван Трофимович. Пошёл ловить рыбу и поймал чёрта в топтун (это чем рыбу ловят). Говорит ему: “Понесу домой!” А чёрт морщится. А тады говорит: “Отпущу!” А чёрт улыбается. И отпустил его» (Усв. Бор 1977). Водяной шутит над рыбаком и его помощницей-женой: невидимый, поднимает женщину и ставит рядом с лодкой по горло в воде: «А случай был. Поехали мы с Тоней на рыбалку. А у меня лодка стояла там... такую нишу... и я туда лодку загонял, она шириной была метра полтора всего. И вот мы с рыбалки возвратились, туда загнал лодку я к одному берегу, а до другого полметра оставалось. Я повернулся – сетки собирал – а лодка у меня очень шаткая такая. Если б она [жена] упала, или что, пошатнулась – услышал [бы]. А так собираю сетки, а она за спиной там, у воде, булькает. Поворачиваюсь – она так по шею в воде. Ну, я, естественно, помог ей выйти. Спрашиваю: “Как ты туда попала?” А она: “Не знаю. Стояла-стояла, такое впечатление, что что-то подняло и рядом с лодкой поставило”. Вот и вся история. (А вот кто это был?) А вот кто? (А вы подумали, кто это был?) Понятия не имею – кто. Может – водяной, может – леший. Т. е. граница была. Хотя на воде в принципе уже! Значит, водяной, наверное» (Пуст. Алоль 2005).

Тексты о духе – прорицателе. Два из трех текстов, не входящих в рассмотренные выше сюжетно-тематические группы мифологических повествований, из Невельского и Куньинского районов, представляют собою варианты известного по неоднократным записям, опубликованным в научной литературе, сюжета о духе, предсказывающем/накликающем плохие времена («*Год года хуже!*»). Характерно, что, как бы ни назывался мифологический персонаж в рассказах, развивающих этот сюжет (водяной, русалка, леший, черт; в наших текстах – *рогатый, типа кикиморы*), он всегда связан с водой, находится на воде или у воды: «А вот еще было. Старик рыбу ловил. Сдалось ему, сидит кто-то на хряву (вывороченный пень), сидит и приговаривает: «Год года хуже! Хуже нет этого года!» Он как дал веслом, тот и поплыл! Может, это *рогатый*? Кто знает!» (Нев. Боярское 1984).

Для современного состояния традиции показательна реакция информанта из Куньинского района на вопрос собирателя. Прежде чем припомнить и воспроизвести сюжет о духе-прорицателе, для повествователя оказывается необходимым соотнести частное, «видовое», имя мифологического персонажа, обозначенное собирателем, с общей, «родовой», группой «нечисти». В ответ на повторную просьбу назвать конкретное наименование духа-«хозяина» следует неуверенное *типа кикиморы*: «(Вы слышали что-нибудь про лешего) Да, про этих, про *чертей*, про *бесов*. А ну что они тама по лесу бегают, что ходить нельзя туда. (А как в вашей местности называют хозяина леса?) Ну, наверно, *типа кикиморы*. Видели старые люди, передавали. *В виде черного человека*. Его видел охотник один. Идет по лесу, и вот там сидит на кладках на озере такой *черный, голый и вот так вот* [качает ногой] *хлопает по воде*: “А год от года хуже-хуже! Год от года хуже-хуже!”. И вот так вот барабанит. Вот это люди передавали» (Кун. Зубово 2009).

Водяной моется в бане. В Усвятском районе зафиксирован сюжет о водяном, моющемся в бане: «Коло городу проходила река, на берегу стояла баня коло реке. А в семье было много братьёв. Идут они вчетырех в баню. Подходят, послушают – кто-то парится у бане! Так поддает и крихтит – парится! “Что за чорт шумит?” – стали говорить. Выскочил мужчина бородатый из бани, стал за угол и смотрит. Они хотели его окружить и ловить. А он как прыгнуть – и в воду! Потом братья вяслом всё перепороли в том месте, куда прыгнул, и ничего не нашли. Видно, был *водяной*» (Усв. Борновалово 1977).

Итак, представленные в фольклорно-этнографическом архиве и картотеке ЛАРНГ нарративы о водяном составляют самую малочисленную группу в корпусе зафиксированных на территории псковско-белорусского пограничья повествований о духах-«хозяевах» природы. Ограничен набор связанных с мужским водяным духом сюжетных мотивов.

Большая часть из них развивает тему взаимоотношений водяного и рыбаков или отражает основную функцию водяного

– топить людей. При этом в мифологических рассказах совершенно отсутствуют мотивы, характеризующие водяного как подателя удачи или неудачи на рыболовном промысле. След такого представления содержит зафиксированное в Пустошкинском районе поверье о водяном, путающем рыболовные сети. Скупы представлены мотивы, характеризующие внешний облик и повадки водяного.

Если тексты-поверья четко обозначают имя-индификатор мифологического персонажа (*водяной, водяной царь*), то в мифологических повествованиях (быличках) образ водяного значительно размыт, наименование *водяной* в них чаще отсутствует (или появляется после побуждающих вопросов собирателя), что обусловлено жанровой спецификой былички как двучленного высказывания, «полнота и законченность которого в равной степени создаются и говорящим, и слушающим»; первые создают типологически адекватную «картинку», содержащую характерные для данной традиции признаки мифологического события, последние «отождествляют» «картинку» с возможным именем-идентификатором мифологического персонажа¹. Наименование *водяной* вытесняется общим обозначением духов-«хозяев» как «нечистой силы», заменяется словами *черт, рогатый*, эвфемизмами *что-то, кто-то*. Такая неопределенность в обозначении мифологического персонажа обусловлена различными причинами, одна из которых – разрушение традиции, проявляющееся в общей тенденции, вследствие которой образы духов-«хозяев» в народных представлениях все более теряют свои специфические черты, становятся все более обобщенными.

Меняется отношение повествователя к сообщаемому. Если для «канонических» текстов о встрече человека с мифологическим существом характерна ссылка рассказчика на свидетеля и участника события, в частности имеющая назначение убедить слушателя в правдивости повествования, в действительности, реальности происшествия, то в настоящее

¹ Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 177.

время все чаще повествователь, ссылаясь на источник информации, дистанцируется от него. В современном рассказе о водяном ссылка на свидетеля может сопровождаться сомнением в том, что источник заслуживает доверия: *«Ну вот, водяные... Рассказывал мужик один. Вы знаете, как ему верить? Он водку очень любил»* (Пуст. Холюны). Е. Е. Левкиевская небезосновательно предполагает, что изменения в отношении к сообщаемому со стороны самого носителя традиции, когда «рассказчик, хотя и владеет определенным знанием традиции, но “отстраняется” от него, себя с ним не соотносит», произошли в XIX – н. XX вв., о чем свидетельствует большая доля зафиксированных в это время текстов¹. Конечно, при оценке масштаба указанного явления необходимо учитывать, что, по-видимому, в немалом числе случаев такое «отстранение» является следствием неорганичных для бытования мифологических рассказов условий, возникающих в ситуации «информант – собиратель». Далеко не всегда беседа с респондентом складывается так, что мифологический текст «всплывает» в ней естественно, спонтанно. Стремление рассказчика «отстраниться» от традиционного знания и даже скепсис по отношению к последнему может быть средством «самореабилитации» информанта, опасющегося выглядеть «темным человеком» в глазах малознакомого «просвещенного» собеседника.

РУСАЛКА в представлениях населения псковско-белорусского пограничья

Введение. В фонде фольклорно-этнографического архива и картотеке ЛАРНГ имеются 38 разноплановых в жанровом отношении текстов о русалках: поверья и мифологические рассказы, рассказы об обрядовых и

¹ Там же. – С. 161.

необрядовых инсценировках «явления русалки», рассказы об обычае запугивать русалками детей, воспоминания информантов о детских впечатлениях.

Из 38 текстов о русалке собственно мифологическими рассказами являются 9. Это былички – повествования о якобы действительно имевших место случаях встреч рассказчика, его родственника или знакомых с мифологическим персонажем. В них в кратком или более или менее развернутом виде представлены следующие сюжеты и сюжетные мотивы: Русалки выходят из воды, ходят по земле (АШ 3); щекочут жертву (АШ 9а*); озоруют над встречными людьми: путают им волосы (АШ 9б*); Русалка расчесывает длинные волосы, сидя на камне у дороги (АШ 4); Русалки заманивают парня или девушку, утаскивают в воду, топят (АШ 26); Русалки щекочут человека до смерти (АШ 9); Видеть русалок наяву/во сне – не к добру: человек видит танцующих русалок на берегу озера и вскоре умирает (АШ 24а); Русалка показывается в образе бегущей по ржи женщины с распущенными волосами (АШ 26); Русалки кричат в лесу после заката солнца; Человек в лесу хитростью спасается от русалки: просит ее придержать дерево и защемляет руки русалки в его расщепленном стволе.

В трех текстах, из Себежского, Пустошкинского и Новосокольнического районов, сам рассказчик выступает в роли очевидца и участника событий: «Видела русалку. С женщинами ходила за хряпой и видела, как русалка пробегала во ржи. Волосы распущенные, но не голая» (Себ. Руково 1991); «Я пошла за хлев дома, и только я стала – и ко мне навстречу идти женщина, голая, высокого роста, волосы длинные, белые. Я закричала <...>» (Н-Сок. Демяхи 2004); «Да мне самому пришлось эту русалку встретить!» (Пуст. Вербилово 2005).

В других текстах информанты, ссылаясь на молву, свидетелей, участников событий, от которых услышали о

встрече с мифическим духом воды, все же дистанцируются от них, снимая с себя «ответственность» за достоверность сообщенных сведений: «Говорят, видели. От правда или нет, я же не знаю! Говорят, что видовали русалок этих» (Пуст. Гаврильцево 2005); «Вот моему мужику казалось, что русалка из воды выходит, вся в белом» (ЛАРНГ, Усв. 2001).

Из всего разнородного материала складывается некоторая картина представлений населения районов псковско-белорусского пограничья о русалках в период от 1920-х до 2000-х годов.

Происхождение русалок. По своему происхождению русалки – «заложные» покойники: утонувшие / утопившиеся / утопленные девушки, женщины, утонувшие дети (Пуст. Гаврильцево 2005; ЛАРНГ, Нев. 1991) или проклятые: «Раньше людей проклинали всяко... Вот человека проклянут, и он куда-то уходит... А русалка это, не русалка, я ж не знаю...» (Себ. Литвиновка 2006).

Внешний облик русалок варьируется. Русалка – красивая, очень красивая, высокая девушка, женщина, седая старуха. В семи рассказах отмечены «рыбьи» черты в облике русалки: «очень красивые девчонки, но все равно у них ног нет, у них хвосты, как у рыбы» (Усв. Усвяты. 2005); «Русалки в ваде жили, яны с хвастам были, а галава человечья» (ЛАРНГ, Н-Сок. Фефелево 2000); «Русалка и есть полурыба-получеловек, хвост рыбий, а сама как чалавек» (Там же); «русалка з галавой девушки, а нок нет, тока хвост» (ЛАРНГ, Пуст. 2001). Не исключено, что в представлении о рыбьих атрибутах русалки не обошлось без влияния кинематографа: «Ну, русалку показывали, ты же видела в кино. У них ног нет, а у них хвост, плавники такие. Без ног, руки есть, а ног нет, плавники, плавают в воде» (Великие Луки 2001). Длинные распущенные волосы русалки могут быть черными (Пуст. Холюны 2005), белыми, русыми,

шаклатыми ‘всклоченными’, подобными волнующейся колосающейся ржи. Чаще всего русалки нагие. Но могут быть одеты в белую (ЛАРНГ, Усв. 2001) или, судя по описанию ряженой русалки в купальском обряде, красную одежду; по одному из рассказов русалки одеты в сарафаны (Пуст. Холюны 2005).

Доминирующей чертой внешнего облика женских мифологических персонажей, на что справедливо указывает Л.Н. Виноградова, является преобладание белого цвета. Из других цветов в одеянии или облике женских мифологических персонажей, в частности русалки, отмечается черный и красный¹. Красный цвет как отличительный признак дедушки – женского персонажа, обитающего в воде, представлен в северо-русской быличке: «Я дедушуху видела в децьве. Шли мы, а в реке што-то красное сидит, копошыцца – дедушуха!»².

Звуковые проявления русалки. Русалка *шумит*, *шаркает* во ржи (Себ. Мацково 2002), издает тонкий звук: «*и-и-и!*» (Н-Сок. Санталово 2006), может кричать разными, в том числе птичьими, голосами. Широко известный запрет, находясь в лесу, отзываться на зов чужого голоса³, особенно после заката солнца, в зафиксированном в Пустошкинском районе повествовании связывается с русалкой: «<...> русалки кричат там от у нас в лесу <...> если оглянешься назад, то нехорошее тебя или там за тобой сразу или задушат тебя или что. Нельзя глядеть назад» (Пуст. Дракуново 2005).

Следы поверий о зооморфном облике мифологических персонажей, уходящие корнями в эпоху архаических тотемистических верований, обнаруживаются в консервативной

¹ Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 38.

² Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров. – М.: Индрик, 2018. – С. 35.

³ Виноградова Л.Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – С. 218.

традиции ряжения, где одним из самых универсальных «костюмов» является шуба, вывернутая мехом наружу. Таков облик «русалки» и «домового» в нарративе, иллюстрирующем обычай «полохать» непослушных детей, инсценируя «явление русалки» во ржи (Себ. Мацково 2002).

Локус русалок. В большинстве мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья, содержащих упоминания о местонахождении русалок (всего 29 текстов), локус русалки – суша (19 текстов), чаще всего ржаное поле (12 из 19 текстов). Пребывание в ржаном поле – наиболее яркая из характерных черт русалки в народных повествованиях псковско-белорусского пограничья. Наряду с распущенными длинными волосами оно является несомненным, а иногда единственным признаком русалки: «(А про русалок что-нибудь знаете?) Ну, кто-то где-то говорил. По ржи, говорят, русалки, а лично никто не видел» (Себ. Птушкино 2006); «Гаварят, русалки у воде. Враки! Яны у ржи бувають, пууають» (ЛАРНГ, Нев. Ушаково 2001); «Я гаварила табе. У поли тольки русалки, людёф пугали» (ЛАРНГ, Нев. 2001).

Локусом русалки может быть также конопляное поле (1 текст): «Русалка конопляная, она пробежит мимо тебя – и ты чихать начнешь» (ЛАРНГ, Нев. Стайки 2001)¹; лес (3 текста), дорога (1 текст) (Пуст. Вербилово 2005). Преобладание «ржаного» локуса над другими, по-видимому, обусловлено архаическим поверьем о русалках как существах, будто бы способствующих вегетации и урожайности хлебных злаков.

¹ Ср. с наблюдениями Л. Н. Виноградской о характерных локусах русалки в представлениях населения Полесья: «Решительное большинство свидетельств называло жито, поле, коноплю». <...> «Русалки водятся у любом жити, у лесе – не, у реки – не... Опрочь жита, их нигде не можна бачить» (Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 153).

Подобное поверье еще фиксировалось в Полесье в 1970-х–1980-х гг.¹

Неизменно связываемые народным сознанием с образом «наземной» русалки черты – внешность (распущенные/вздохмаченные волосы, нагота, высокий рост), динамичность (внезапное появление, быстрое передвижение, мгновенное исчезновение при появлении людей), локус (ржаное поле): «Говорили, что русалки во ржи бегают. Что-нибудь такое, волосы [у кого-нибудь распущены – скажут:] “Как русалка во ржи!” – вот так говорили, а что за русалка, я не видывала»; «<...> и ко мне навстречу идет женщина, голая, высокого роста, волосы длинные, белые. Я закричала, <...> и она исчезла, остался только по ржи след <...> Она исчезла, а куда – неизвестно» (Н-Сок. Бояки 2004).

Водоемы, а также берег реки, озера, пруда как локус русалки представлены в 11 тестах. Оба характерные для русалки локуса обозначены в повествованиях, зафиксированных в Невеле и Куньинском районе: «Русалки – они и в воде, и на земле» (Невель 2007); «Русалка щикочит, ани и на суше, визьде ани. Даже видьли: вьлоса распущены, голая» (ЛАРНГ, Кун. Лазорево 2001).

Функции русалок. Русалки выходят из воды: «Вот моему мужику казалось, что русалка из воды выходить, вся в белом» (ЛАРНГ, Усв. 2001); заманивают приблизившихся к водоему девушек или парней, «ухватывают и утягивают в воду и топят» (Усвяты 2005); гуляют, озорничая над встречными: «Говорят, что видовали русалок этих <...> По-моему, они выходили днем. Вот гуляют и все! А это оказывается русалка.<...> Понятно, они такие были хулиганки, не боялись.

¹ «У жыти русалки грають, танцують, щоб цвило, щоб урожай быў (ПА Волын. Поворск)» (Там же. – С. 380; Виноградова Л.Н. Русалка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 497).

<...> Как говорят, что они встретятся с кем-нибудь и, говорят, что в волосах заплетали какие-то х...ны, что ей потом не расплести. Хулиганили!» (Пуст. Гаврильцево 2005); танцуют на берегу, заманивают мужчину – «они его так утанцовывают, утанцовывают» (Пуст. Холюны 2005); душат: «Говорят, что одному мужику явилася у белом платье, он спужался русалки; она вышла из воды. Вроде, как домовой жмёт, так и русалка» (ЛАРНГ, Усв. 2001); щекочут до смерти: «Русалка щикочит, они и на суши визде. Даже видели: волоса распущены, голая. Щикочит человека да смерти»; «Русалка поймает – защикочит. Русалки – это которые утоплиницы» (ЛАРНГ, Нев. 1991).

Время активности русалок. В указанный период еще фиксируются представления о сезонной приуроченности активности русалок: «Вясной ходить русалка. Зазывает тебя, кричит, штоб вот аткликнулась. Аткликнися – заболейшь» (Н-Сок. Козлово)¹. «После Троицы у нас неделя была, так мы звали Русальной» (ЛАРНГ, Кун. 2001); «Русальная неделя перед Иваном за неделю. Все говорят, что русалки бегают в рожь, узлы завязывают» (ЛАРНГ, Нев. Стайки, Туричино 2001). След представлений о связи русалок с вегетацией ржи содержит рассказ из Невельского района: русалки бегали по полю, «когда рожь уже была выколосовавши» (Невель 2007).

Уже упоминались сведения из Усвятского и Себежского районов о купальских обрядах, имитирующих появление у купальского костра и изгнание «русалки». В Пустошкинском районе записан текст об особой опасности русалок на Ивана Купалу (Пуст. Холюны 2005).

По народным поверьям русалки активизируются в «пороговое», «переходное» время, к которому не в последнюю очередь относится время летнего солнцеворота. «Пороги»

¹ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. – Т. II. – Псков; СПб.: ОЦНТ, 2002. – С. 181.

суточного цикла – поздний вечер, закат солнца, ночь. В одном тексте упоминается день как время, когда «гуляют» русалки (Пуст. Гаврильцево 2005). К сожалению, запись не содержит данных, позволяющих судить, идет ли речь о каком-либо «переходном» моменте светлой части суток, когда можно встретить русалку (например, полдень).

Одна из записей содержит след архаического представления о «положительных» функциях русалок, стимулирующих урожай злаковых. Известно, что в народном сознании роса – средоточие плодоносящего начала, в сакральное время обретающая особую магическую силу благодатного воздействия на урожайность злаков, молочность скота¹. Ведьмы «скрадывают» росу, русалки «приводят» ее на поля: «Русалки по полям бегают. Где прабигут – там раса» (ЛАРНГ, Нев. Самино 2000).

Однако в современной традиции псковско-белорусского пограничья представления о положительном воздействии русалок на урожай в основном утрачены. Русалка воспринимается как вредоносное существо. Образ русалки по многим признакам (за исключением тех, которые народная традиция связывает с русалкой как собственно водяным духом²) сливается с образом ивановской ведьмы-закликухи³: те же распущенные, часто всклокоченные волосы, нагота, быстрота

¹ Виноградова Л.Н. Русалка. – С. 471.

² В литературе отмечены имеющие место в локальных традициях, в частности в белорусской (Брест), факты, когда, в случае, если ведьма соотносится с купальским периодом, она приобретает «не свойственные ей признаки, в частности, локализацию в воде и сезонность. Говорили, что нельзя купаться до Яна Купалы, так как в это время купается “чаровница”, ведьма в воду “нассала” (Брест), “ведьма утянет в воду” (Брест), “чаровницы живут в воде” (Великопольша) и др.» (Агапкина Т.А. Демоны как персонажи календарной мифологии // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М.: Индрик, 2000. – С. 212–243. – С. 214).

³ Л.Н. Виноградова отмечает, что особенно много данных, свидетельствующих о смешении образов русалки и ведьмы, получено в тех пунктах Полесья, где период пребывания русалок на земле относят к купальскому циклу (Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 162)

передвижения и локус в его наземном варианте (те и другие «бегают» во ржи), крики в поле, в лесу, на болоте, пребывание в поле во время цветения и колошения ржи. Русалке приписываются функции ведьмы: «Все говорят, что русалки бегают в рожь, узлы завязывают» (ЛАРНГ, Нев. Стайки, Туричино. 2001); «Русалки у во ржи у поли жили, закручивали ее. Если женщина сожнет – порча на её и хозяйство, хворь нападала» (ЛАРНГ, Усв. 2001). Схожи обрядовые действия, связанные с народными представлениями о русалках и ведьмах-закликухах, портящих ржаное поле. Ср. обычай в ночь на Иванов день прогонять ряженных «закликух» в Себежском районе¹.

Такое совмещение образов русалки и ивановской ведьмы («русалка это и есть ведьма»²), приводит к размыванию характерных черт русалки, в частности, сезонности образа. Так, именуемый русалкой персонаж в забавном рассказе о соседях, отвадивших мешавшего им спать кузнеца работать по ночам, действует в полночь на Масленицу.

Выводы. Итак, анализ материалов приводит к заключению, что в указанный период отразившиеся в них представления населения псковско-белорусского пограничья о русалке включают в основном весь комплекс характеристик, отличающих юго-западный тип русалки, одной из зон распространения которого является Белоруссия: 1) женская ипостась; 2) календарная приуроченность активизации русалок (троицко-русальский, купальский период); 3) принадлежность к

¹ О локальных типах русалки см.: Виноградова Л.Н. Русалка. – С. 496.

² Е.Е. Левкиевская предполагает, что изменения в отношении к сообщаемому со стороны самого носителя традиции произошли в XIX – н. XX вв.: «Хотя у рассказчиков осталась общая установка на достоверность сообщаемой информации, однако в современной традиции существует довольно большая доля текстов, из которых видно, что рассказчик, хотя и владеет определенным знанием традиции, но “отстраняется” от него, себя с ним не соотносит (что, в частности, проявляется в обилии обобщенно-личных конструкций типа: “Говорят, что...”» (Левкиевская Е.Е. Мифологические персонажи в славянской традиции. –С. 161).

категории «заложных покойников»; 4) появление в злаковом поле, в лесу, реке – у воды и в воде; 5) щекотание. Зафиксирован также один из наиболее характерных для северного типа русалки мотив расчесывания ею длинных волос.

Однако, в современной традиции русалка может утрачивать сезонную приуроченность, сливаясь в своей «наземной» ипостаси с образом ивановской ведьмы-закликухи, а затем и ведьмы вообще, активизирующейся, по народным представлениям, не только летом, в период летнего солнцеворота, цветения и колошения ржи, но и в другие годовые «переходные» праздники: «(В какие дни ведьмы и колдуны особенно опасны?) А они опасны *в любой праздник*. Особенно вот этот Иван» (Пуст. Яссы 2005).

Есть записи, фиксирующие такое состояние традиции, когда в сознании информанта русалка не только традиционно идентифицируется как ведьма, но границы понятия «русалка» расширяются до понятия «нечисть вообще», теряя какую-либо определенность: «(Кто такие русалки?) Ой, русалки! Вот я говорю вам, что говорили, что раньше выходили из воды русалки. Русалки, ведьмы вот эти, лешие там, чудо какое-то там выходило, в перьях, как говорится. И все. А что они, не понимаю» (Пуст. Дракуново 2005).

Наряду с «каноническими» повествованиями о встрече человека с мифологическим персонажем, в реальность которой рассказчик верит и стремится убедить в этом собеседника, обычна ситуация, когда повествователь дистанцируется от источника информации (молвы, свидетеля, участника событий), выражая сомнение в его правдивости или прямо выказывая скептическое отношение к существованию мифологического персонажа.

Материалы диалектного и фольклорного архивов ПсковГУ, отразившие представления населения псковско-

белорусского пограничья о русалке в период с 1920-х по 2000-е годы включительно, неоднородны в жанровом отношении. Наряду с собственно мифологическими повествованиями и поверьями ценным источником для изучения народных представлений и прагматики мифологического текста являются также рассказы, свидетельствующие о традиции «запугиваний» детей русалками, о детских впечатлениях, вызванных «запугиваниями», о необрядовых инсценировках «явления русалки», о купальском обряде «изгнания русалки». В частности, учет и изучение разножанровых материалов, составляющих тематическую группу повествований о русалках, позволяют сделать некоторые наблюдения над путями освоения младшим поколением локальной мифологической традиции и представленной в ней картины мира.

ДОМОВОЙ в представлениях населения псковско-белорусского пограничья

Сплошное обследование мифологической традиции на территории псковско-белорусского пограничья фольклорными экспедициями ПсковГУ не проводилось. Тем не менее, при всей спорадичности записей, они сделаны во всех районах южной Псковщины, что позволяет составить некоторое представление о характере традиции, бытующей на этой территории, в частности, поверий и рассказов о домашнем духе.

В материалах архива имеются 69 текстов поверий и рассказов о домовом. Кроме того, 27 текстов – в картотеке «Псковского областного словаря с историческими данными» (ЛАРНГ).

Номинация домашнего духа. На всей обследованной территории домашний дух именуется по месту его обитания, главным образом *домовой* (Вл., Кун, Нев., Н-Сок., Пуст., Себ.,

Усв.), *домовый* (Нев. 2001). В Усвятском районе однократно зафиксированы наименование *домовой-дворовой* и замена имени мифологического персонажа при обращении к нему именем собственным: «Его называли *домовой-дворовой Порфей Дорофеевич*» (ЛАРНГ, Усв. 2001). В примере из Куньинского района дано название домового по конкретному локусу его обитания в доме: «Пра *запечнава дамавова* мне дет рассказывал» (ЛАРНГ, Кун. 2001). В единичных текстах представлены названия *домовик*: «*Домовик* в каждой хате должен быть» (Себ. Грудинино 1991); «*дамавой* живёт дома, *барабашка* тожэ. Это ж *дамовик*» (ЛАРНГ, Кун. Лазарево 2001); *домовёнок*: «Вот одна бабка мне говорила правду-неправду, что к ней *домовёнок* приходил <...> в человеческом облике росточку маленького» (Кун. Волково 2009). Наряду с наименованием по месту обитания бытует наименование домашнего духа по его статусу – *хозяюшко* (Пуст. Алоль 2005), *хозяин*: «У нас ы *дамавой*, и *хозяин* назовут» (ЛАРНГ, Нев. 1991).

Домовой есть в каждом доме. Повсеместно распространено поверье о том, что домовый обязательно должен быть и есть в каждом доме: «*Домовой* в каждом доме есть. В каждом доме должен домовый жить» (Себ. Лойно 2002); «В каждом доме свой *домовой*» (Себ. Литвиновка 2006); «*Домовик* в каждой хате должен быть» (Себ. Грудинино 1991); «*домовой*, в каждом доме есть *домовой*» (Нев. Иваново 2008); «*Домовой* живет в каждом доме» (Усв. Пахомовичи 1977); «Без *домового* квартиры не бывает <...> Они везде и каждом доме есть» (Вл. Великие Луки 2006).

Домовой – хозяин в доме и требует признания себя в качестве такового. Чтобы наладить отношения с домовым, говорят: «“Ну, *кто хозяин в доме? Домовой – хозяин в доме!*” А если хочешь разозлить, вот скажи: “Я хозяин дома!”– и найдешь

бардак!» (Себ. Саврашино 2006). Входя в дом после долгого отсутствия, с домовым здороваются: «Вот эта бабка, бабка... из... приезжает [на лето]. Она говорит: «Как прииду в дом: “Здравствуй, хозяин!” – “А какой у тебя тут хозяин?” – “Домовой!” А чего она так называла: “Здравствуй, хозяин?” Бабка эта считала, что в каждом доме есть домовый. – “Здравствуй, хозяин! Я приехала!”» (Себ. Емельянцево 2005); «Леший – это хозяин, царь леса. Водяной – в воде, домовый – в хате» (ЛАРНГ, Нев. 2001).

Дух дома. По зафиксированному в Себежском районе тексту домовый – дух-«хозяин», «закрепленный» за конкретным домом: «(Его можно забрать в новый дом?) – Нет, он остается в старом. <...> Он хозяин не твой, он хозяин дома» (Себ. Саврашино 2006).

Мы не располагаем репрезентативным материалом, позволяющим заключить о степени распространенности поверья, что при переезде в новый дом семья расстается с остающимся в старом доме домовым и переходит под покровительство нового домового – «хозяина» новой хаты. Обратим внимание на некоторые моменты, указывающие на наличие таких представлений. По рассказу из Куньинского района, в первую ночевку новоселов в новом доме домовый приходит «селиться» и «знакомиться» (Кун. Кривицы 1993). По тексту из Невельского района, к моменту появления в новом жилище новоселов домовый уже находится в новом доме, и от его расположения зависит судьба тех, кто собирается в нем жить: «Домовой, как говорится, есть в каждом доме. (И что он делает?) Ну, даже, допустим, мы выстроили свою эту хатёнку. Пришли, привели сначала котенка, положили, ввели в дом, а потом сами стали жить. И у меня мысли такие были, я все время боялась, все боялась! Ну, как говорят, как примет домовый, так и будешь жить в своем доме. Домовой – это есть, это уже не

скроешь. *Домовой – это счастье твое или твое несчастье*» (Нев. Невель 2008).

У домового просят разрешения войти в новое жильё и покровительства: «Мы, говорит, переезжаем сядовня! А вот... а тётка ейная говорит: *“Ты хоть не надумайся так шагать, ды не попросивши у домового! <...> Ты перьва вот открой дверь, да и скажи: “Ну, хозяин-домовой! Разряши зайти да пожить, да чтоб ня плохо!”* Ну вот. *Ну и тогда вот иди через порог. И перва надо кошку пустить, когда заходишь. <...> Это кто знает, а кто не знает, так шагай и говори: «Господи, благослави меня, помоги мне, Господь!»* И всё» (Н-Сок. Санталово 2006) «(А домовые не вредили?) *Если любит хозяев, будут жить хорошо*» (Себ. Пустошка 1991). При входе в новую хату проводят ритуал испытания отношения мифического «хозяина» дома к будущим жильцам. *«Надо, чтоб домовой любил тебя.* Сперва надо кошку вкинуть: кошку полюбя, кошка перейде, значит, порог, в дом пойде – это будет хорошо. Кошка с дома – лучше не ходи, а то всего это: и крыс будет, и лягух будет!» (Себ. Птушкино 2006).

Дух-покровитель и опекун семьи. В других текстах домовый предстает не столько как дух-«хозяин» постройки, сколько как дух-покровитель и опекун семьи, проживающей в доме, а в случае переезда последней вместе с ней переселяющийся в новое жилище. В Себежском районе записан рассказ о домовом, подыскавшем после уничтожившего дом пожара новое жильё для своего хозяина-погорельца. Благополучное разрешение трагической бытовой ситуации воспринимается рассказчицей как свидетельство вмешательства домового, опекавшего семью: «В общем так. Была семья такая, две комнаты, сейчас я расскажу: сын, мать, сын Коля и мать. Сын уже больше сорока лет. <...> Теперь, *дом сгорел, домовый нашел сразу дом себе,* вот. Сразу на станции, одна женщина

<...> помёрла. Сразу же он туды пришёл. Никаких причин не было, никаво. Тут поговорили, тот дом, тую квартиру, отдали ему [погорельцу]» (Себ. Птушкино 2006).

По материалам южной Псковщины фиксируют положительное отношение к домовому и его присутствию в доме. В Себежском, Пустошкинском, Усвятском районах встретились тексты, содержащие утверждения, формулы, комментарии, в которых домовый предстает как персонаж, соотносимый со святыми и Богом: «Ф каждам доме есть *дамавой, хазяин дома. Он жы такой, как Иисус Христос и Бох, свитой.* Фсигда, када идёш куда, праси йиво: “Хазяин мой, идём са мной, памаги мне.” Он фсигда памагаит, можыт и в акошка пастучять, можыт и хату пиривинуть, сильней фсех» (Пуст. Ореховно 2011); «*А домовой – всегда твой хозяин в доме <...> переселялися куда-нибудь, <...> ты всегда зовешь его с собой: “Мой домовой, пошли со мной, и будь в моем доме, как Господь на престоле!”*» (Усв. Усвяты 2005); «И если с дома войдешь: “Домовой, пойдём со мной!” Или: “Домовой, оставайся!” Вот так, как ты скажешь, в общем. *Одним словом, все с Богом, с Богом, с Богом только, без Бога никаво!..*» (Себ. Птушкино 2006)¹.

Двойственность образа домового в народных поверьях. Чаще же образ домового в поверьях двойствен. Если в приведенных выше примерах статус домового в его отношениях с человеком очень высок, почти приравнивается к Богу и святым, то по другим текстам он, хотя и необходим и обязательно есть в каждом доме, но это нечистый дух, черт,

¹ Восприятие домового как имеющего отношение к божественной, а не нечистой силе отмечено в поверьях Полесья, Нижегородчины. Ср.: «Ун як человек, ун тоже в Бога веруе» (ПА, Берестье); «У кожном доми есть хазяин. Гасподь яго бярегэть» (ПА, Семцы) (Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 277); «Дедушка домовый и топеря живет... Он святой ведь, дедушко» (Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – С. 9).

который давит человека по ночам и который исчезает при пении петуха, упоминании Бога или произнесении молитвы: «Дамавы давили *на начам*, душит тебя *чорт*, дамавой душит» (ЛАРНГ, Н-Сок. Фефелево 2000); «Построили нам у колхозе дом, и вот ночуем у нём первую ночь. А мне бабы говорили, что *приходит у первую ночь домовой знакомиться да селиться*. Ну, а я молода еще была, не верила. Ну вот, легли мы спать. Вдруг слышу: кто-то в доме ходит <...> Вдруг что-то тяжелое, мохнатое <...> мне на руку кладется. Ну, я знала, что делать надо. *Молитву читать начала, а тут и петухи пропели, и не стало никого*. Вот так я и познакомилась с домовым» (Кун. Кривицы 1993).

Наличие домового в доме не обязательно и нежелательно. На той же территории записаны тексты, по которым наличие домового в доме необязательно и нежелательно; домовый относится к разряду нечисти, которая при некоторых условиях может *звестись* в доме: «У нас в доме завелся *домовой*» (Пуст. Гультия 2004); «[Домовые] *водились где-то*» (Кун. Татуи 1983).

Домовые водятся в неосвященном доме¹, у некрещеных людей или если среди членов семьи есть некрещеные: «...в Вальки в нашей ходили домовые по хате, пока перехрестились» (ЛАРНГ, Себ. 2001); «Вальки нашей девка, пока яна не перекрестилась [не крестилась] <...> так ходил по хате. Вот идет – слышит: двери хлопают <...> И вот тады она поехала перекрестилась, как сделали церковь в Себеже. Вот когда поп появился. Так она перекрестилась, и не стало. (И он исчез?) Да, исчез. А дом построенный, а не побрызганный водой. Не освященный. Считали даже, к Гале приехала дочка, а ей надо покреститься и мальчика покрестить. Вот тады поехала, перекрестилась в Себеже тут» (Себ. Казинка 2000); «Раньше

¹ Подобное поверье отмечено на Вологодчине (Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 140).

говорили: *домовой, домовой!* <...> *Это черт*, говорит, надо его окраплять святой водой <...>, побрызгают – вот и никакой, и изгоняют как бы это *злого духа*, или *домового*» (Себ. Горбуны 2006).

В Невельском районе зафиксировано поверье, что *домовой водится у плохих людей*: «Усяко бывает, и яны *есть дамавые усякии*, но у мене тако не было. У *плахих людях*» (ЛАРНГ Нев. Ушаково 2001)¹.

Домовой – вредоносный дух, пребывающий вне дома.

По зафиксированной в Себежском районе формуле запугивания детей, *домовой – злой дух*, находящийся вне дома, бродящий по улице по ночам и похищающий детей: «Вы не уходите никуда, сидите дома, потому что *ночью ходят домовые и вас на улице схватят и унесут!*» (Себ. Кузнецовка 2006)².

Домовой – дух-«хозяин» природного локуса. Наконец, в тексте из Усвятского района, домовым именуется не имеющий отношения к какому-либо строению дух-хозяин водного локуса: «Тапучее место было, так называлася. И там жив водяной *домовой*» (ЛАРНГ, Усв. 2001); «А потом в лес пришёл, что пришла в лес, так: “*Лесной домовой, домовой, пойдём со мной, пошли!*” Да, ну вот садишься исть, на куст кладешь хлеба, каво там ложут: “*Домовой, домовой, давай ешь, лесной!*” – и тебе никаво, никаво не страшно, Боже упаси! Ягод наберешь много и всего, и придешь хорошо! (Это есть такой лесной *домовой*?) Да лесной. И если с дома войдешь [‘уйдешь’]: “*Домовой, пойдём со мной!*” Или: “*Домовой, оставайся!*” Вот

¹ Ср.: по данным Института славяноведения РАН, «представление о появлении домовика лишь в тех домах, где жили колдуны и ведьмы, где люди не верили в Бога, не молились, или в необжитых новых домах, в заброшенных строениях» зафиксировано в Гомельской области Белоруссии и становится преобладающим по мере продвижении на запад Полесья (Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 277).

² Сближение домового с приходящим извне вредоносным духом и резко негативную оценку его Л. Н. Виноградова отмечает как главную особенность поверий в западных и частично центральных районах полесской зоны (Там же. – С. 278).

так, как ты скажешь. В общем, одним словом, все с Богом, с Богом, с Богом только, без Бога никак!» (Себ. Птушкино 2006).

Домовой – ходячий покойник. В тексте, записанном в Себежском районе от одного и того же респондента, домовый в одном случае – дух дома, у которого просят и получают покровительство и чье покровительство приравнивается к Божьей помощи, в другом – хозяин леса («лесной домовый»), оберегающий и щедро наделяющий дарами леса угодившего ему человека¹. От того же информанта записан текст, в котором домовый – дух, появляющийся в доме после смерти родича, ходячий покойник, большой грешник, в течение сорока дней тревожащий родных, так как над ним не произвели всех полагающихся обрядов: «(А про домового что-нибудь знаете?) Ну что про домового... что про домового... я счас скажу, скажу про домового, сейчас расскажу! Вот, даже я про своё опять расскажу. Большая в нас семья, помёр наш дедушка, помёр дедушка, ну, а брату вот, Петру, ён любил его горазд. Все, там гумно называлось, а на гумне молотили рожь, холодно уже было. А они натопят тёпло и молотили рожь. <...> Приходит – в нас оставлен был Петро дома маленький, еще он одеваться, никак не умел – приходит. “Петя, – старший спрашивает, – а кто ж тебя одел?” – “Меня дедушка надел!” А дедушка помёрши был, раз, дедушка помёр: надел! Ну и вот, встанет ночью: кидает кто-то по дому костки, только летять, только гремать! А дед не был, значит, *не проведен* [не отпет], *толком не помянут* и, видимо, *сильно грешник*. И все костки как возмется [кидать]! А то столы [двигает]. Никто ж [кроме него] не ходил! – Ну, кто ходил сегодня? – Ни ходити никто сегодня: послушаем, что [будет] сегодня. Опять: то столы отдвигает, то что! Один

¹ Ср. с данными ПА: «Хиба ж юн только сидить ў доми? Есь хатние домовики, и полеwie, и луговие». Ср. также формулы запугивания детей: «Не ходите ў лес, где ў лясу, на лугу дамавой стоит», «не хадите до воды – там дамавы» (Там же. – С. 280).

дедушка наш, вот это вот знаю <...> сорок дней прошло и кончилось» (Себ. Птушкино 2006)¹.

Облик домового. На территории псковско-белорусского пограничья бытуют поверья как об антропоморфном, так и о зооморфном облике домового и о его способности представлять и в той, и в другой ипостаси.

Домовой появляется в облике *старика, старичка* (Нев. Кун.); *мужчины* (Себ., Нев.); *здоровенного плечистого мужчины* (Н-Сок.), *мужчины огромного роста* (Усв.): *маленького мужичка* (Нев., Усв., Кун.). В зооморфной ипостаси домовый является в виде *кота/кошки* (Н-Сок., Усв.). Соответственно, по поверью, домовый и питается из одной чашки с котом (Усв. Усвяты 2005). Домовой подобен козе: «Домовик в каждой хате должен быть. *Ен такой, как коза. Золовка моя его видала. Она только хотела в хлев войти, а домовик и прыг на чердак, как коза!*» (Себ. Грудинино 1991); может показываться в облике *змеи* (Кун.), *гадюки* (Вл., Поречье).

Из пяти упоминаний, касающихся цветовой гаммы домового, в двух цвет домового серый («кошка серенькая», «серый уж» – Н-Сок. Санталово 2006; Кун. Хмелево 2009), в трех – черный: «слышу, ко мне лезет *большой черный кот*» (Усвяты 2005); «Приползла гадюка, *черная*» (Вл. Поречье 1994); «Мужчина небольшого роста, а одевши такая э... тибитейка такая кожаная и... и одёжа кожаная. *Чёрная одёжа, чёрная.* Такая, немножко чуть она *блестит*, какая-то такая она» (Пуст. Мясово 2005). Черный цвет, блеск, как известно, в народных повествованиях маркируют иномирность мифологического персонажа, указывает на его нечистую природу.

¹ Ср. с данными ПА: «Вот умре хто з сямьи, – здаецца, шчо ў хате ходіць домовік. Свячоной вадой хату кропят, маком абсыпаюць. Домовікі ў старыннае врэмя ходілі с таго свету, пужалі» (Там же. – С. 279).

Если в поздней записи, 2005 г., домовый – вполне современного вида мужчина, то в рассказе, записанном в 1981 г., имеется довольно подробное описание домового как маленького мужичка в традиционной русской крестьянской одежде. К сожалению, какие-либо цветовые характеристики в нем отсутствуют: «Один мужик из Боровицы рассказывал, а ему тогда лет 8 было, что видел домового. *Мужичок в лапоточках*, в обористом пиджаке, сермяге, в опояске, с бородой, с усами, в шапке, в оборках (лапти такими оборками подвязывали). Не нагинаясь, под амбар полез, такой маленький был. А амбар тогда на столбиках строили» (Усв. Хлевище 1981).

Представления о способности домового являться как в антропоморфном, так и в зооморфном образе, четко отразились в повествовании о будто бы имевших место двух встречах рассказчицы с домовым. Последний в одном случае приходит в образе огромного мужчины в кирзовых сапогах «нечеловеческих размеров», во втором – в виде серенькой кошки (Н-Сок. Санталово 2006). В другом повествовании домовый после пожара сначала ходит по пожарищу («*кто-то ходил*, я понимаю шаги»), а затем, свернувшись клубком, лежит на родном пепелище в облике змеи/ужа (Кун. Хмелево 2009).

Распространено представление о том, что *домовой невидим* (Себ., Пуст, Нев., Усв.). Но его можно увидеть на Пасху: «Если на Пасху в 12 часов лезть на чердак, то увидишь [домового]. Я тоже хотела лезть, а потом забоялась: вдруг удавит?» (Себ. Пустошка 1991).

В Невельском районе зафиксирован рассказ о домовом, обладающем *способностью в одно и то же время быть видимым для одних и невидимым для других* (Нев. Рыкалёво 2008).

Звуковые, тактильные и динамические проявления домового. Если домового нельзя увидеть, то его можно

услышать или ощутить. Ночью в доме слышатся шаги домового («Ну, а потом раз сюда! [показывает на шею] <...> я раз! [отмахивается рукой] – и <...> что-то такое – шмяк! и шлеп-шлеп-шлеп!» (Себ. Литвиновка 2006); «Тожа домовый беспокоеть, шлёпает» (ЛАРНГ, Усв. 2001); «шаги здоровенные: топ, топ!» (Усв. Удвяты 1977); домовый хлопает дверями: «Ничего, ничего он не делал, так ходил по хате. Вот идет, слышит: двери хлопают» – Себ. Казинка 2000), скрипит половицами: «Вдруг слышу: кто-то в доме ходит <...> Я глянула: нет никого, дети спят все. <...> Тут я легла, лежу, слушаю. Опять половицы скрипеть начали» Кун. Кривицы 1993), прыгает: «Домовой <...> раз даже слышу, слышу так: скок-скок! Кто-то прыгает» (Нев. Иваново 2008), гремит посудой («Даже могут ночью слышать, как посудой грохочет домовый» (Великие Луки 2006), стучит: «У кого что. И стучали, и всё такое» (Себ. Лойно 2002); «Бываит и стучат дамавыи ночью» (ЛАРНГ, Пустошка 2002), поднимает «стукотню», разъезжая на коромысле: «Мама рассказывала: заночевала где-то у богатых людей. В коридоре вдруг стукотня раздалась. Спрашиваю: “Девки, что это?” А они: “Спи!” А это домовый – сел и до 12 часов ездил на коромысле и в стенку ударился» (Кун. Татуи 1983); гремит ведрами: «стучица визде, стучица, за печке, ходит па печке, на печке, на печку забираица, па каридору ходит <...> лежу, слышу: па каридору ляп-ляп вёдрыми! Прямо вёдрыми! Вот как человек вот вёдрыми, берёт вот ведро, стучит вёдрыми» (Пуст. Мясово 2005 1); «Всю ночь, говорит, то-то вёдрами колышит, то-то ещё что» (Пуст. Мясово 2005), поет, воет: «любит пошалить, вечером постучать, погременуть чем-то там, песни попеть, повыть» (Нев. Рыкалёво 2008), плачет: «Ходили домовые плакали. Перейдешь в другое место, вот я купила другой дом, а в том доме он плачет» (Кун. Хмелево 2009), сопит: «А мама говорит: “Нет, это не кошки!”»

Тоже говорит: “Вот даже *сопение* вот такое”» (Пуст. Холюны 2005), говорит: «*говорит так картаво: брлоу-брлоу!*» (Усв. Бор 1977), отвечает: «к худу» или «к добру» он появился; скидывая одеяло с человека, не спросившего у него разрешения ночевать, приговаривает: «Не! Ты спать не будешь! Я тебе спать не дам!» (Себ. Березка 2006).

Тактильные проявления домового выдают его потустороннюю природу и, как правило, связаны с его зооморфной ипостасью: «*Домовой... Ну, мой свояк, сестры моей муж, <...> он спал на койке [смеется]. И один раз [домовой] <...> говорит, в ноги, ноги, ноги! Холодный, холодный, холодный!*» (Себ. Литвиновка 2006); «Видать-то Дарка не видела никого, а рукой нащупала: *хохлатый, холодный*» (Усв. Бор 1977): «Вдруг что-то *тяжелое, мохнатое, а шерсть как у ентой собаки, мне на руку кладется*» (Кун. Кривицы 1993); «Баба рассказывала, как она спала, в общем, и *ее кто-то там потрогал*, она пощупала – *что-то такое мягонькое*, ну а потом оно *спрыгнуло*, что-то и *пошло прямо так, и дверь открылась*» (Себ. Казинка 2000).

Недовольный домовый может ударить человека, отчего у последнего остается синяк – «*пять пальцев черные-черные... ладошка*» (Себ. Литвиновка 2006). Эта же деталь – остающийся у жертвы от пощечины домового синяк в виде отпечатавшейся ладони – присутствует в рассказе, записанном в Невельском районе (Нев. Рыкалёво 2008).

Как и другие духи-«хозяева», **домовой обладает способностью неожиданно появляться и внезапно исчезать**: «дал пощечину *и исчез*»; «он подходит и так *с порога* идёт тихонечко-тихонечко и вот к кровати пришёл, *и я его больше не видела. Знаю, что вот тут был, стоял* [показывает рукой на изголовье кровати]» (Пуст. Мясово 2005).

Локус домового. Домовой живет в доме/хате, в хлеву, в амбаре, во дворе. В доме его локусы – локусы предка и хозяина: это печь (на печи, за/под печью), углы дома, порог, подпол, чердак, сени, крыльцо. В двух вариантах локус домового – под кроватью, под кроватью главы семьи: «у нас была такая *печка* <...> И вот она [женщина] <...> *легла на эту печку отдохнуть*. [Домовой ее] хлоп – по крестцам, говорит: “*Ты что на мое место улеглась?*”» (Себ. Литвиновка 2006); «говорят, что *под печкой живет*» (Усвяты 2005); «*За печкой* домовой жыл, ходил по ночам нас будил» (ЛАРНГ, Нев. Стайки 2001); «и вот он ко мне приходит, стучица визде, стучица, *за печке*, ходит *на печке*, *на печке*, *на печку* забираица <...> Я за печку залезла – никак там нету!» (Пуст. Мясово 2005); «только хотела в *хлев* войти, а домовик и прыг *на чердак*» (Себ. Грудинино 1991); «Если на Пасху в 12 часов лезть *на чердак*, то увидишь [домового]» (Себ. Пустошка 1991); «*И на пыталку* стучит, *на чирдаке* стучит» (Пуст. Мясово 2005); «Видишь, говорят, когда дом строят, *на четырех углах* там ложат какие-то копейки, это *чтобы для домового что-то там находилось*» (Великие Луки 2006); «он подходит и так *с порога* идёт тихонечко-тихонечко» (Пуст. Мясово 2005); «(Где именно живет домовый?) Говорят, *на чердаке*. – <...> Иные домового кормят *с крыльца* кашей. Я не наблюдала, но так-то слышала. И постоянно старые оставляли горбушки, корки, где-нибудь *за печкой* складывают туда корки» (Кун. Зубово 2009); «пряла бабушка и потеряла веретенки *под пол*, а там кто-то схватил» (Пуст. Ночлегово 1994); «*У хати ён* и есть *дамавий*, и *за печькай*, и *у синях*, и *у подпали*» (ЛАРНГ, Нев., 2001) «Гаварят, што есть *дамавийи пат краватью*» (Пуст.) (ЛАРНГ, Пустошка 2002); «*Дамавой* ниизвесна, где живет: *можа* и *за печкой*, *можа* и *на чирдаку*, а *можа* и *у деда под кроватью*» (ЛАРНГ, Нев. Городище 2001). В Усвятском районе на вопрос о названии домового по месту его обитания в доме: в

печи, в подполе, на чердаке – последовал ответ: «Всё одно, *езде* домовый» (ЛАРНГ, Усв. 2001); в Невельском: «А *езде* дамавый хадил. Проста. Ня тольки ж у хати жыл» (ЛАРНГ, Нев. 2001); «У хати ён и есть дамавый, и *за печькай*, и у синях, и у подполи» (ЛАРНГ, Нев. 2001); «Домовой живет во всем. Не только в доме. *Во дворе, и в хлеву, и в доме, и в огороде* – он все охраняет» (Усвяты 2005). В поисках еды (намолотой муки) домовый «ходил *по амбарам, по сусекам*» (Пуст. Дракуново 2005).

Время активности домового. Домовой активен вечером, ночью до полуночи / в полночь / после полуночи/ с 12 до трех-четырёх часов утра / всю ночь: «(А когда его можно увидеть?) Ну, обычно *по вечерам. В ночное время*, кому как придется» (Кун. Зубово 2009); «<...> домовый – *сел и до 12 часов ездил на коромысле*» (Кун. Татуи 1983); «(А в какое время дня лучше увидеть домового?) О-о-о! *Это только после 12 ночи. Или в полночь, в 12. Только ночью!*» (Пуст. Дракуново 2005); «<...> Он с двинаццати до трех-чтырех часов ходит всё» (Пуст. Мясово 2005); «там *всю ночь*, говорит, то-то ведрами колышит, то-то ещё что» (Пуст. Мясово 2005); «Бываит и стучат дамавыи *ночью*» (ЛАРНГ, Пустошка 2002); «За печкой домовый жил, ходил, *по ночам* нас будил» (ЛАРНГ, Нев. Стайки 2001); «Дамавые давили *на начам*» (ЛАРНГ, Н-Сок. Фефелево 2000). В одном тексте активность домового календарно приурочена: *в полночь на Пасху* (Себ. Пустошка 1991).

Основные функции домового. *Домовой – заступник и покровитель семьи, дома, крестьянского хозяйства:* «На то, что он и есть, обороняеть, этот охраняеть» (Усвяты 2005). *Домовой заботится о благополучии скота:* «Домовой скотину любить, охраняеть, оберегаеть» (Усвяты 2005); «Он должен скотину охраняеть, чтобы ничего не случилось со скотиной» (Себ. Литвиновка 2006). Для того, чтобы водился скот, купленное животное поручают домовому: «Вот тебе, хозяйюшка,

мохнатый зверь на богатый двор. Вот, корми, рукавицей гладь!» (Пуст. Алоль 2005). Отдавая корову под покровительство домового, ему оставляют хлеб и соль: «Его называли *домовой-дворовой* Порфей Дорощеевич и говорили ему: “Порфей Дорощеевич! *Попаси мою коровушку* (у хлеве когда скотина), а я тебя награжу!” То хлебом, то солью наделяють. У Пасху надо соль и так, чтоб освятить хлев» (ЛАРНГ, Усв. 2001).

Но домовый, по поверью, *может* и *мучить скотину*, если его «расстроят». Это может быть следствием козней колдуна/ведьмы: «Домовой живет в каждом доме, но домового расстраивают (кто-то подделает так, чтобы домового рассердить, расстроить) и тогда он может корову сосать или корову катать [т.е. корова валяется с боку на бок]» (Усв. Пахомовичи 1977). Домовой ночью мучает лошадей, наутро хозяева находят их беспокойными, «с ночи запутаны волосы, грива» (Кун. Зубово 2009). Чтобы утихомирить домового, следует обратиться к «знающим людям»: «Единолично жили ранчи. Корову пойдет доить в хлев. Говорить, как кто-то бьется вот так [показывает на спину руками], спускаить с ее кожицу. Ну, просто все вот так сдираить! Потом у матери мать поехала в Дубневичи. Там мужчина *знал. И вот отделали*. Это уж моя бабушка поехала, матери мать. И тогда стали только жить хорошо. Вот как было раньше» (Вл. Поречье 1994).

Домовой – покровитель крестьянского хозяйства: «Домовой живет во всем. Не только в доме. Во дворе, и в хлеву, и в доме, и в огороде – он все охраняет <...> охраняет и скот, и в огороде все охраняет. Да и все» (Усвяты 2005); «А домовый – всегда твой *хозяин в доме* <...> домовый *оберегаить и огороды, и во дворе, и скот*» (Там же). И не только охраняет, но *способствует урожаю* в огороде: «[Когда картошку сажают] просють: “Помоги, то же самый, обороться, помоги, *народи!*” Чтоб сохранил и не пускал бы никого в огород <...>» (Там же).

В тексте, записанном от жительницы п. Усвяты, функция покровителя и охранителя крестьянского хозяйства увязывается с оборотничеством домового: «(А другое название домового есть?) *Оборотень*. Он *тогда* [т. е. приняв соответствующий облик] охраняет и скот, и в огороде все охраняет. Да и все» (Усвяты 2005); «(Скажите, а вы знаете что-нибудь об оборотнях? Кто такие оборотни?) *Оборотень* – это добрый *домовой*, который оберегает и огороды, и во дворе, и скот. Это самый хороший оборотень» (Там же)¹. Записанный в Великолукском районе рассказ отразил представление, что исполняющий функции покровителя крестьянского подворья и всего хозяйства мифологический персонаж (в тексте он не номинирован) имеет/принимает змеевидный облик. Поэтому нельзя убивать змею во дворе, без нее разоряется крестьянское хозяйство, разрушаются семейные отношения: «Приползла – на хуторе мы жили – *приползла гадюка на двор*. Никогда не було гадюк и не видали! Приползла гадюка, *черная*. Ету гадюку вбили, а ее бить не надо было! У нас сдохла лошадь, корова, собака и овечка – о, сколько подохло! И потом, бывало, – отец к матери, а оне невблизь» (Вл. Поречье 1994)².

В Себежском районе зафиксирован текст, по которому домовому приписываются функции банника «(А вот есть хозяин в бане или еще где-нибудь? Или только один домовый?) Ну, в

¹ У русских существует поверье, что днем домовый выглядит как змея, а ночью – как хозяин дома (Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 339).

² Ср. с полесским поверьем: «Вин <домовый уж> ў каждой хате живэ, но ёго не бачым. Кажуть, що як ты яго забьешь, то табе будить ў доме не шыховаты, несаслыво ў доме будэ, неспокойно... У нас одын забыў, то ўся скотына виздыхла» (Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 275); по данным «Славянских древностей», образ змеи домашней как ипостаси домового распространен на западе и юго-западе русской традиции <...> главной функцией змеи домашней является охрана скота (Левкиевская Е.Е. Змея домашняя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 2. / Под. общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 339). Поверье, что «дворовые похожи на змею» отмечено в Нижегородском Поволжье (Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. – С. 9).

деревне, наверно, домовой, это ж евоное хозяйство: хлев, вот если скотина <.... Так самый в бане все. Это все евоная работа...» (Себ. Литвиновка 2006). Подобно баннику, домового первым приглашают париться в новую баню: «*Ў бани, как по-нову баню топить – домового звали париться*» (Н-Сок. Бор 2003).

Домовой любит порядок и лад в семье: «Мне бабушка рассказывала, что он в каждом доме есть, и он разный. Бывает добрый, бывает злой» (Нев. Рыкалёво 2008). «Домовой любит очень, если в доме все хорошо, лады, хороша семья. И домовой очень дружит с этой семьей. Если плохая семья – плохо живут, и домовой не любит <...> Злой домовой тогда, когда злые хозяева» (Усвяты 2005).

Дух-«хозяин» дома наказывает за беспорядок в доме и на подворье, за брань, сквернословие, пьянство: разбрасывает немытую и неубранную посуду, хозяйственный инвентарь (Нев. 2008), ссорит нечистоплотных супругов; ночью душит пьяного (Себ. Литвиновка 2006), лишает места проживания за сквернословие: «<...> она его заругала матом. Это Валя Дорошкина у нас, заругала матом. Ну и все, на этом кончилось. Она укрылась, он ушел. Она утром встает, и ее выгоняет хозяйка с квартиры. Вот как домовые делают!» (Великие Луки 2006).

В Невельском районе записана оригинальная версия повествования, основанного на широко распространенных мотивах-поверьях «Домовой любит, чтобы в доме был порядок», «Домовой наказывает за беспорядок в доме», «В доме, где нет порядка, домовой ссорит жильцов». Внимание рассказчика сосредоточено на «технологии» организации духом-«хозяином» семейной ссоры, что обычно остается вне поля зрения носителей мифологической традиции: «Живет у нас в деревне семья, женщина не очень чистоplotная, грязно, редко

когда убираются. А муж у нее работает. И вот однажды приходит с работы *и видит у себя в доме мужчину*. Ну, он сразу *к жене*, что, мол, изменяет, скандал был, конечно, большой. *Та даже не поняла, о чем он говорит*. На следующий вечер приходит, видит: опять у них в доме мужчина! На третий день, когда он пришел домой, подошел к этому мужчине и ударил его, а тот ему дал пощечину *и исчез*. А он наутро, когда проснулся, увидел, что на лице у него остался отпечаток, прям синяк, прям синяк как пятерня что ли. И вот они поехали к бабке, и она сказала, что *хозяин обидел домового*» (Нев. Рыкалёво 2008). Очевидно, такая разработка сюжета «Домовой наказывает людей» отражает современную тенденцию, когда на передний план выступает стремление рассказчика к занимательности повествования. Последнее приобретает черты сказки, что, в частности, проявилось в композиции, построенной на характерном для сказки приеме утращения¹.

Домовой предсказывает. Домовой невидим и, в общем, не беспокоит человека, но показывается или проявляет себя каким-либо иным образом (ходит, скрипит половицами, гремит ведрами, стучит в окна, в углы или потолок дома, чаще же всего наваливается на спящего, душит, давит его) перед каким-то важным для семьи событием, Тогда у домового надо спросить, и он ответит, «к добру или к худу» его посещение. Мотив «Домовой *вестит* [предсказывает событие]» – один из самых популярных на обследованной территории. Как правило, речь идет о событии трагическом: несчастье, смерти, увечье, болезни или другой беде. Реже – о счастливом: «Дарка рассказывала. Война кончается, и присылают ей письмо, что погиб ее сын. Спит она однажды на лежанке, чувствует: плюхнулся кто-то ей на

¹ О пополнении сказочного фонда за счет мифологических повествований см.: Площук Г. И. Псковское «лицо» народной сказки // Народные сказки Псковского края: Монография. В 2 ч. – Ч. I: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Площук. – Псков: Логос, 2016. – С. 515–516.

грудь. А сначала по хате прошлюпал: шлюп-шлюп! Вдруг кто-то ей будто подсказал: спрашивать надо о сыне! Видать-то Дарка не видела никого, глаз не открыть ей было, а рукой нащупала: хохлатый, холодный, и говорит так картаво: “Брлоу-брлоу!” *А война кончилась, и вернулся сын ее домой!*» (Усв. Бор 1977).

По некоторым текстам **дух-«хозяин» жилья обнаруживает свое присутствие, если он недоволен жильцами:** «Домовик считался как хозяин дома. Если ему что не понравится, то он может и зло причинить. А так домовик спокойный, и не увидишь яго» (Себ. Грудинино 1991)¹; *«приходил ко мне ночью. Я болела, болела сильно, мне плохо было. И вот он ко мне приходит, стучица визде <...> Я ни знаю, что я ему плохое зделыла? Он никогда ни ходил! Никогда он ни ходил!»* (Пуст. Мясово 2005).

Домовой выживает жильцов из дома. Зафиксировано поверье, что если домовой обнаруживает свое присутствие в доме, то это знак, что дух-«хозяин» невзлюбил жильцов и раньше или позже выживет их из дома: «Говорят, когда домовой ходит – это я слышала – что впоследствии всё равно житья никому не будет – он выселить их постепенно. (А как он выживает?) Самая плохая жизнь, и человек сам бросает этот дом» (Кун. Сопки 2004). Повествования о домовом, выживающем жильцов из дома, популярны на всей обследованной территории.

Домовой шалит, пугает. В четырех текстах из разных районов (Себ., Нев., Пуст., Кун.) – записи сделаны от информантов 1942, 1964, 1980 годов рождения – проявления домового представлены как вполне безобидное желание пошалить, попугать, пошутить над человеком (Нев. Рыкалёво

¹ Ср.: полесское поверье: «Ў каждом двару свой хазаин. Если яво обидишь, то он цилу ноч буде стукать ў доме и не дават спатъ» (Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 276).

2008), он может украсть какую-либо вещь и потом подкинуть на то же место: «Пропадало, бывает, то одно, то другое, а говорят, это, да, говорят, домовый был» (Пуст. Дракуново 2005); «[Домовой] есть, ей-Богу есть! (А почему вы так думаете?) Ай, ну честное слово! Иной раз ищешь что-нибудь – ни за что не найти! Вот знаешь, что сюда ложила, и нету! Через некоторое время там же найдешь, где искал» (Себ. Саврашино 2006); «мог украсть кладку яиц» (Кун. 2009).

Выводы. Таким образом, по материалам фольклорно-этнографического архива, на обследованной территории псковско-белорусского пограничья преобладает тип домового, в основных своих признаках близкий типу русского домового. К стержневым характеристикам последнего относят: 1) антропоморфный облик; 2) обязательное пребывание в каждом доме и положительная оценка со стороны хозяев (соответственно, приглашение домового с собой при переезде в новый дом), 3) генетическая связь с умершим предком, 4) роль высшего авторитета, опекуна хозяйства, помогающего семье (опекающего скот, предсказывающего будущее и т. п.) или наказывающего за непочтительное с ним обращение¹.

В материалах южной Псковщины антропоморфный облик домового наиболее представлен. Однако достаточное количество текстов содержат указания и на зооморфный облик домового духа (кот, коза, лохматое, шерстистое существо), в двух текстах – терратоморфный (Вл., Кун.). Именно со змеевидной ипостасью связано поверье о духе-покровителе, без которого невозможно хозяйственное и семейное благополучие, в материалах из Великолукского и, есть основания полагать, Усвятского районов².

¹ Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – С. 273.

² По наблюдениям Е. Е. Левкиевской, в той части восточнославянской традиции, на которой известен антропоморфный образ домового – мифологического покровителя

На обследованной территории при преобладании общерусского типа домового, нередко в одних и тех же населенных пунктах и даже в записанных от одного и того же респондента повествованиях (Себ. Птушкино 2006) общим названием *домовой* объединены по сути разные мифологические персонажи»:

- дух-опекун, обязательно живущий и необходимый в каждом доме, от расположения которого зависит счастье или несчастье жильцов дома;
- злой дух, приходящий извне, пребывание которого в доме не только не обязательно, но и нежелательно;
- пребывающий вне дома злой дух, похищающий детей;
- ходячий покойник, великий грешник, навещающий после смерти свой дом;
- не связанный с домом или каким-либо строением хозяин природного локуса.

ЧЕРТ в представлениях населения псковско-белорусского пограничья

Черт – самый распространенный и самый сложный персонаж славянской и европейской народной мифологии, сформировавшийся в результате взаимодействия церковно-книжной традиции, где черт – противник Бога, воплощение абсолютного зла, и архаических представлений о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве¹.

дома, параллельно существует зооморфный образ (ужа или ласки), который частично обладает теми же функциями, что и антропоморфный персонаж (чаще всего по отношению к скотине) (Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/levkilevskaia1.php?rubr=Reader-articles>).

¹ Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 5. / Под общ. ред. Н.И. Толстого.– М.: Международные отношения, 2012. – С. 519–527. – С. 519.

Исследователи говорят о трудностях изучения образа черта, «расплывающегося» во множестве «разновариантных образов»¹, пересекающегося в своих свойствах и функциях с другими персонажами славянского мифологического пантеона. Н. И. Толстой указал на необходимость изучения диалектных разновидностей народных поверий в разных этно-культурных зонах славянского мира². Такое исследование было осуществлено в фундаментальном труде – этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Этот подход позволил вычленил набор основных функций, характерных для каждого из различных персонажей народной демонологии и, в частности, для черта, увидеть, что в народной демонологии черт, с одной стороны, является воплощением нечистой силы вообще, а с другой – персонажем, обладающим набором специфичных для него свойств³.

Повествования о черте составляют самую большую группу среди мифологических рассказов и поверий из фонда фольклорно-этнографического архива ПсковГУ, собранных на территории псковско-белорусского пограничья – 124 текста.

Номинация. На рассматриваемой территории, наряду с названием *чёрт/черти*, бытуют также и такие наименования, как *бес/бесы, нечистый/нечистые, нечистая сила, недобрник, сила неземная, сила нечеловечья, сатана*. Псковский областной словарь приводит также наименования *нечистик* (Усв., Нев., Пуст.), *нечисть* (Нев., Кун.)⁴. Персонаж может не называться, а

¹ Виноградова Л. Н. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 60–61.

² Толстой Н. И. Заметки по славянской демонологии: Каков облик дьявольский? // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2, испр. – М.: Индрик, 1995. – 512 с. – С. 250–269.

³ Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 519–527.

⁴ Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 24. – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 293, 295.

обозначаться местоимениями *тот, он, кто-то*. Номинация может быть и нулевой, когда мифологический персонаж никак не обозначается, а его имя «прочитывается» из характерных для него функций и мифологических ситуаций.

Внешний облик. В мифологических рассказах и поверьях пограничья черт обычно имеет зоантропоморфный вид. Обязательная деталь облика черта – рога/рожки: «черти с рожками» (Кун. Сопки 2004); а также хвост и копыта. По этим признакам черта можно узнать в любом его облики: «– (Как они выглядят?) – Ну, как они выглядят! *Наподобие, как человек. Только, говорит, рожки есть*» (Себ. Полозово 2005); «И он незаметно роняет вилку на пол, чтоб наклониться и поднять ее. И когда поднимает вилку, то видит, что у всех не ноги, а *копыта*» (Пуст. Алоль 2005); «уронила эту, веретяно, да полезла яво искать. Она, говорит, глянула под скамейку – и *хвосты* под скамейкой!» (Кун. Жижица 2007).

Черт оброс шерстью, у него *рука лохматая* (Себ. Литвиновка 2006). Как и другой нечисти, черту свойственны огненные признаки. У черта сверкающие глаза: «А в это время веретено свалилось, просят девочку поднять, и мальцы кинулись поднимать, девочка нагнулась, хотела подать веретено, смотрит, а у мальцев хвосты длинные, и *глаза сверкают*. Стала няню звать, плачет, говорит – не мальцы это, а черти! Потом поймали черти девок и пооторвали груди им». (Это слышала информант от своей прабабушки, когда еще была маленькой) (Усв. Бор 1977)

По наблюдениям Л. Н. Виноградовой, в центральных и западных районах Полесья, а также в западноевропейском и западнославянском фольклоре наиболее распространенным среди идентифицирующих признаков черта в его антропоморфной ипостаси является «необычный для крестьянской среды наряд, костюм, характерный для этнически

или социально “чужого” либо странствующего человека (шляпа, трость, военный мундир с металлическими пуговицами, городская одежда “пана”)). На Житомирщине «эффемистической заменой слова черти являются термины *капелюшники* (от *капелюх* – шляпа) или *прыкостюмленные*»¹. В рассказах псковско-белорусского пограничья костюм нечистого остается, как правило, вне поля зрения повествователя. Лишь в двух быличах из Усвятского района черти одеты в одной – в «парадные» «городские» костюмы – «в *черных* пиджаках и в *белых* рубашках, в жилетках, при *черных* галстуках» (Усв. Лысая Гора 1981); в другой черти являются в «больших шапках барашком» (Усв. Глазуново 1978). В остальных, также единичных, случаях, когда упоминается одежда черта, она не имеет иноэтнических, иносоциальных признаков или оттенка «щегольства», указывается лишь цвет одеяния в обычной для нечистого цветовой гамме: как правило, черный, реже белый.

В записанном от молодой информантки (1980 г. р.) повествовании отразилось представление о **разноногости черта**. В облике красавца-мужчины он ходит под окошком девушки. Принадлежность «красавца» к сонму «нечистых» выдают следы его ног – один человеческий, другой от копыта: «А вот поутру, когда она вышла на улицу, пошла за водой, она увидела, что под окном, где стоял мужчина вот этот, как будто два следа, один вот от ступни нашей, а второй след был как будто вот копытце. Так что вот такие случаи» (Нев. Рыкалёво 2008). Поверья о разноногости черта присутствуют в польской, словацкой и полесской мифологической традиции: «согласно польским и словацким поверьям, лошадиное копыто бывает лишь на одной ноге черта, а вторая имеет обычную ступню, поэтому он всегда хромяет. В полесских рассказах мужик

¹ Виноградова Л. Н. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 60.

распознает черта в лихом вознице: «у пана одна нога – киньский копыт, а другая – курьяча нога»¹.

Псковскими экспедициями такой признак черта как «птичьи» ноги на территории Псковской области, включая псковско-белорусское пограничье, не зафиксирован.

К популярным относится такой специфический именно для черта сюжет, как «Парни-нечистые на посиделках». Наиболее часто встречается вариант, где спрятавшийся под лавку ребенок/девушка, наклонившаяся за оброненным веретеном, обнаруживают, что у незнакомых парней, явившихся на посиделку, есть хвосты или копыта или и то, и другое вместе. Девушка/девушки убегают, черт/черти ее преследуют, девушка спасается/погибает: «Раньше ходили на посиделки. Пошла одна баба и увязался за ней маленький ребенок. Пришли туда, бабы занялись делом, а ребенок забился под лавку. Потом он и говорит: “Мам, а мам, а у нас мальцы хвостатые сидят!” Она схватила его и бежать. А черти за ней. Еле убежала» (Кун. Суворово 1983).

Черти **безобразны**: *лицо волосатое, рот грибатый* (Нев. Мисники 1987), *носы у них огромные, синие* (Усв. Лысая Гора 1981).

Иногда рассказчики представляют черта **в виде небольшого зооморфного существа** «<...> сидит черт под кустом. *Росту небольшого, с рожками – рожки маленькие, хвост длинный, тонкий, на концу с кисточкой пушистой. И лапками эта животина зовет меня к сябе*» (Кун. Подовалово 1993); «Винодóра видела: *вышли цепочкой из бани, как собаки, гужем, черные, хвосты длинные, с предбанника выходили вон*» (Усв. Борновалово 1977).

¹ Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 521. См. также: Виноградова Л. Н. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 61.

Рост. В большинстве текстов черт имеет обычный, а чаще маленький рост: *Черти маленькие были и с хвостом* (Усв. Кивалы 1977). В единичном случае черт имеет огромный рост: «Влез какой-то мужик до потолка, в чёрной одежде <...> ён, чёрт, приходил» (Усв. Борновалово 1977).

Способность к перевоплощению. Как и в других регионах, на территории пограничья распространено поверье, что черт может принимать самые различные образы: **человека** (старика, мужчины, мальчика, ребенка с хвостом, женщины, попутчика, парня/парней, косцов на лугу, знакомого/знакомой, друга/друзей, родственника/родственницы: свояка, кума, мужа, отца, дочери); огромного мужчины; **животного** (козленка, собаки, щенка, зайца); **предмета** (мешка с зерном, клада – кувшина с деньгами; копны сена); **последовательно принимать ряд образов:** кошки, лошади и копны, которая «вдруг поехала по двору, проехала и в конце так и провалилася, будто не было ничаво» (Кун. Никольское 1983).

В цветовой гамме, характерной для этого мифологического персонажа, преобладает черный цвет, реже – белый, синий и другие цвета: «он такой косматый и лохматый, *черный* (Невель 2007); «<...> *черный* [человек], *зубы белые, глаза черные, та[к] и свярлит* [глазами]!» (Вл. Шелково 1997); «<...> и как бы перед ним *маленький такой зайчик белый*. <...> Этот зайчик полез на него. Пока лез на него, и хвост, и рога появились. Да!» (Кун. Трубицы 2004); «Смотрю: *щенята, штук шесть. Красивые, чёрненькие, мордочки узенькие, облоухие*. Сидят и все на меня смотрят. Я испугалась. А сзади как [‘будто бы’] *пламя!* <...> Есть *бесы, есть!*» (Нев. Доминиково 1985)». Огненное свечение, по народным представлениям, выдает иномирную природу персонажа, здесь – щенков-бесят.

Звуковые, динамические и тактильные проявления нечистого. По материалам псковского фольклорно-

этнографического архива, собранным на территории псковско-белорусского пограничья, черт **обладает речью**. Являясь человеку, разговаривает с ним, прикидываясь попутчиком, приглашая «на печку» погреться, призывая к суициду, толкая на преступление и т. п.

Он может проявлять себя **стуком**: «Бабка у нас на краю деревни жила, а теперь померла. Ее лошадь жеребиться хотела. Вдруг – *стук да стук!*» «Прихожу, – рассказывает, – а, как собака, чёрт поднялся – раз! в навоз, и нету ея!» (Себ. Грудиного 1991); выдает свою природу нечистого **хохотом** и мгновенно исчезает: «И вот <...>: “Ходи-ходи дед, мы тебе на печку посадим!” И всдюють черти [подвыпившего] мужика на сосну, говорят: “Держись во за этот шесток!” – а это ветья! *А самы отбегутъ, да “хы-хы!”* А дед сидить-сидить, канаеть [‘дремлет’, ‘клюет носом’] да как грохнется об землю и убьется! А ены смеются. *Отскочуть и – “ха-ха-ха!”*» (Усв. Кивалы 1977); толкнув человека на преступление, хохочут, хлопают в ладоши и исчезают (Кун. Сопки 2004); черт смеется, заведя пьяного в трясину и исчезает при пении петуха: «Когда [он] ввалился, то *засмеялся черт*, что *никто так не смеялся: земля тряслась! Петухи пропели, и черт пропал*» (Усв. Борновалово 1977).

Нечистый появляется перед человеком, произнесшим матерное слово, заводит в болото и исчезает при упоминании Бога: «Вот сосед с Бугаёвки, Роман, *пьяный шёл, поматюгался. Кум и присатанился*: «Кум, здорово!» – «Здорово!» И пошли. И завёл в болото. Стали переходить канаву – и досочка была – а он [Роман] спотыкнулся да Бога и вспомнил. *Кум и исчез!* Один он остался. Одумался, посидел и домой пошел» (Нев. Боярское 1984).

Мгновенное исчезновение черта может сопровождаться гулом: «Я иду дорогой, а он идет по кустам.

Забегает под куст, садится и опять зовет мяня, манит лапками. Я выломил палку и заругался. Палкой я вдарил по дороге и не видел, куда он делся. *Только гул был слышен в кустах!*» (Кун. Подовалово 1993).

В ряде сюжетов **черт невидим и проявляет себя только звуками: музыкой, голосом:** «И вдруг увидел, что на дороге лежал камень. И открылась музыка. Он стал плясать. Потом услышал голос: “Садись на печку!”» (Нев. Мисники 1987); **грохотом:** «<...> Лягли, но ня спим. И вдруг *как пошел грохот по усему дому!* Двери усе замкнуты, а к нам как *будто кто ломится. И табуретками грохочет, как будто усе переворачивается у доме* <...> От и ня знаю, *какие черти* к нам приходили» (Кун. Никольское 1983).

В дом умирающего колдуна нечистая сила врывается **ветром, бурей:** «Еще у нас был колдун Давыд. <...> когда он умирал, <...> поднялась буря, и вырвало окна, двери вырвало в хате» (Кун. Пухново 2002)

Хронотоп черта. В научной литературе отмечено, что, в отличие от других мифологических персонажей, черт не лимитирован в пространстве и времени. Он преследует людей в любое время суток, в любое время года и в любом месте¹. То же можно сказать и о локусе и времени появления черта в мифологических рассказах из фонда ПсковГУ. Черт *ходит среди людей* (Кун. Татуи 1983); **живет в доме рядом с людьми:** «Говорила девчонка такая же, как я: “У нас черт живет!”. А я говорю: “Ты видела его?” – “Не-е, *а дядька Петька пришел с гулянки, а черт сидит в углу!*”» (Пуст. Заречье 1994); пребывая вне жилого пространства, черти появляются в доме, где человек помыслил о самоубийстве (Усв. Лысая Гора 1981).

¹ Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 522.

В большинстве из рассказов хронотоп черта представлен временем и пространством, обладающим в народной традиции статусом «пограничных», «переходных», «пороговых», связанных с «иным миром». **Локусами черта являются хозяйственные постройки: баня** (Нев., Себ., Кун) **рига, гумно, ток/ токовня:** (Усв., Кун. Пуст., Нев., Кун.), **сарай-сеновал:** (Н-Сок.); **конюшня** (Себ.); **заброшенные или недостроенные дома.** В пустующем доме черти справляют свадьбу (Пуст. Алоль 2005); появляются *у недостроенного дома* без крыши, без окон, без дверей и забрасывают в сруб пьяного (Себ. Замостье 2006); черти присутствуют *в храме даже* во время церковной службы и убегают в момент общего исполнения прихожанами «Отче наш» и «Воскресной» молитвы (Кун. Сопки 2004). Черт появляется на кладбище/у кладбища (Пуст. Шумихи 2005).

Природные локусы черта: болото (Себ., Пуст.), лес (Себ., Пуст.), лесная опушка (Пуст.), лесная глушь (Пуст.), «бездонная» яма в лесу (Н.-Сок.), речной омут, озеро (Пуст.). В записи из Невельского района информант выразил **общее представление о характере места пребывания черта:** (А где он водится?) *Во тьме какой-то там, где темно, где сыро.* (Невель 2007).

Один из наиболее часто встречающихся локусов нечистого – **путь-дорога**, в традиционном сознании связывающая «тот» и «этот» мир. Чаще всего дорожный локус предстает в сочетании с другими локусами, обладающими в традиционном мышлении статусом переходных, связанных с «иномирным» пространством: **гумно у дороги:** «А там и поют, и пляшут, и всё! Черти. У гумне. Гумно. – <...> Сарай *близко-близко около дороги был*» (Пуст. Дракуново 2005); – **дорога, гора, межа:** «Я как-то раз ишёл от Гурьяна. Выпили, конечно, мы с ним хорошо. Подошел к *Мухиной горы. Дорога шла прямо*

в гору. С одной стороны – кусты ольховые, а с другой – *крутая межа*. Я поглядел у кусты – сидит черт под кустом» (Кун. Подовалово 1993); **дорога, лесная опушка**: «Мой дед ехал с мельницы. Ехал, видит: *кто-то из леса выезжает. Выскочило два черта*, коня за шею, с места не спускают, пока молитву поговорил и уехал» (Пуст. Холюны 2005); **ночь, дорога, болото, кладбище**. «Иномирный» характер кладбищенского докуса может быть подчеркнут указанием на его иноэтничность: «Ишёл пьяный из Усвят, хотел переночевать в волости, ему не дали: сторож выгнал. С Усвят вышел, *недалек еврейское кладбище*. Лёг отдохнуть, протрезвиться. Покрыл землю крестом и лёг на этот крест [перекрестил землю], и уснул. И начали его будить (ему так кажется, что его будють). Тогда и говорит, по-видимому, старший чёрт: “Ничов не будет, не подымете с земли: земля тяжела!” А ён слышит: кругом его как овцы ходют, трава шумит, а никого не видит. Кругом ходют, а оторвать [от земли] не могут. *А его бы затопили: около жидовских могил есть болотце*. Было это ещё в старинные года, до войны. Рассказывал ему Василь Струков» (Усв. Борновалово 1977)

Отчетливо проступает связь нечистого с пограничными докусами в рассказах о встрече с чертом в местах «переходов» (мост, мостик, кладка, брод) через водное пространство, овраг, канаву, топкое место: «Тоже вот боялись, это нам всё гаварили, что *кто выходит там оқыла Чёрныва мо́сту, черти какие-то, – боялись то́ва места*» (Пуст. Кисели 2005). **Плачущим ребенком черт возникает у мостика/кладок и жалобно просит**: «*Перенеси меня дяденька, через эти кладки! Я не могу пройти*», – и едва не топит человека в воде. Два варианта этого сюжета записаны в одной и той же деревне (Пуст. Дракуново 2005); **черным человеком откуда ни возьмись** появляется вблизи **перехода через ручей** (Вл. Шелково 1997); **у речки,**

при мостике-кладках через нее, появляются черти и в рассказе о пьянице, легшем отдохнуть, прежде чем перейти через речку: «Это было действительно. Это было не в Репище, но репицкая женщина рассказывала. Там речка у них была, а через речку кладки. Вот мужик пьяный шёл домой, и через эту речку ему надо было переходить. Он перекрестился и лёг. “Я, – говорит, – полежу. Я сейчас идти не могу, а полежу, а потом пойду”. Ну, вот он и лег. Только лег, а они около него ходят кругом: “Бочка наша, а печать не наша! Бочка наша, а печать не наша!” Вот он тогда вскочил, и похмелье прошло, и всё, и убежать! А черти-то его ходили кругом. Бочка – это то, что он пьяный. Бочка ихняя, а что крест, он перекрестился, печать – это не ихнее, они его взять не могут» (Нев. Стрельниково 1996); неожиданно появляется черт ночью **на мосту** в виде белого зайчика, вскакивает на идущего через мост человека, принимает свой настоящий вид и всю ночь до утра катается на нем верхом (Кун. Трубицы 2004); выскакивает из-под моста и мстит бабе-повитухе за то, что освободила от власти нечистого его жену – девушку, проклятую родителями, накинув на нее крест, и за то, что баба, помазав глаз колдовским снадобьем, обрела способность видеть этим глазом чертей: «Идут домой, а черт выскакивает из-под моста, торк бабе в глаз! А баба же видеть одним глазом чертей! “Это, – говорит, – за то, что мою жонку отобрала!” Она [освобожденная от проклятия] стала жить и с ребёнком [среди людей], а баба и осталась без глаза. Вот и весь рассказ» (Кун. Слепнёво 1996).

В ряде текстов, записанных в Куньинском, Невельском, Себежском районах, **локус черта/чертей маркируется большим камнем**: «Камень был большой у нас, и все говорили, что там черти, мол, водятся <...> Как подхожу к камню, меня тянут – отдохни!» (Н-Сок. Коровкино 2004); «Шёл дед с толоке. Поймали черти. [Смеется] Завяли яго на горку. Там

больший лежал камень. Открыли яму музыки. И он танцевал. Прежде был пьяный. Потом стали его садить на камень на печку: «Дед, садися, на печку. Садися, дед, на печку – погрейся (Нев. Мисники 1987); камень у ручья: «Ну, он назывался Крутой Ручей, там. И там раньше боялись люди ходить: что б ни делалось, играли в гармонь. Ну, вот шёл дядька один, посадили ево на гармонь на камень и заставили ево в гармонь играть – и он играл. Потом он сапоги потерял – разули ево. Ну, всё – пошёл, всё на месте: сапоги лежать, а их – никаво там нету. И на этом на ручью, тоже привидения делаются. Ну, говорили, что нечистый дух ходил там» (Кун. Трубицы 2004); «И такое место было, домой шёвши: лесок небольшой и там, около дороги, большой камень. И там всегда черти водились. <...> Вот парень девушку вёл, в общем, домой провожал. А черти их поймали, на камень посадили, разули, раздели» (Себ. Полозово 2005);.

В Усвятском районе зафиксирован текст, где **локусом черта является дерево**: «<...> там есть такие ямы – трясины. Завели его туда черти. Он кричал, когда ввалился в самую глубь. Там *дерево стояло на краю*. Когда ввалился, то на нем засмеялся чёрт, что никто так не смеялся: земля тряслась! Петухи пропели, и чёрт пропал» (Усв. Борновалово 1977).

Черти появляются **в социально или этнически чужеродном локусе**. В одном из рассказов (инф. Точинова Е. И., 1916 г. р.) чертовщина происходит в барском доме и на барском дворе: *ночью грохочут по всему дому, ломятся в дверь; по двору сама собой едет копна; от и ня знаю, какие черти к нам приходили; так усю ночь и глаза не сомкнули, боялися* (Кун. Никольское 1983). Социальная чужеродность локуса усилена этнической чужеродностью (*А барин тот яврей был, были у няго дочки, Ханка и Фрида*). И социальная, и этническая чужеродность, как известно, в

традиционном сознании предполагает отнесенность к иному, нечистому миру.

Временем наибольшей активности чертей являются суточные и годовые «пороги», а также «переходные» этапы жизненного цикла человека. В течение суток черти активны ночью, до полуночи, в полночь, с полуночи до трех-четырёх часов; с двух до четырех часов, ранним утром, поздним вечером, «до петухов»: «А черти только ходят *до двенадцати часов*. Как только *двенадцать часов*, как *петух пропел*, – так и черти пропали» (Себ. Полозово 2005); «А потом услышать: петуны запели *у в двенадцать часов*, чёрт уже проваливается и всё!» (Пуст. Шумихи 2005); «*Петухи пропели*, и чёрт пропал» (Усв. Борновалово 1977); («<...> Он [нечистый] постучал им *в три часа* – они видели, и рога видели» (Кун. Трубицы 2004); чертова свадьба (сюжет «Черт женится на девушке-самоубийце») – с 2-х ночи до 4-х часов утра (Кун. Трубицы 2004). «Пограничный» характер хронотопа черта (раннее утро, на выходе из дома) представлен в тексте, записанном в Себежском районе: «Пошла я как-то поутру в хлев, корову в поле выгнать. Не успела я выйти из хаты, как кто-то мне на плечи сзади – прыг! Испугалась я, и давай крест ложить, да молитвы читать, тут чёрт (думаю, что это он) и исчез» (Себ. Стояки 1992).

В трех рассказах явление черта людям приурочено календарно. В повествовании из Куньинского района на известный сюжет о парнях-нечистых на посиделках четко отражено народное представление об опасности святочного периода как времени активности черта: «<...> Особенно это всё происходило на *Святках*. Вот *Святые вечера* они называются. Вот на этих *Святках* собирались. И супорядки вот эти. Они назывались супорядки. И вот эти супорядки собирались. Где-то хозяин богатый, что-то он, надо яму сделать. Вот на эти супорядки только были, вот, на *Святках*, на святых вечерах. Вот

на этих святых вечерах да и рассказывали, что притчей бывало, вот, предостаточно. И чёрт ходил после двенадцати. Приходили хлопцы, садились на скамейки. Каждый кавалер к своей даме садился. Ну и видят же. (Ну пришёл бы ка мне мой хозяин покойный, придёт и садится рядом со мной. Разговаривает, я пряду, он меня там подщакотывает) Ну вот. А была (вот это мама моя рассказывала), а была такая штука. Женщина. Она очень была любопытная. Ну, вернее, ещё тогда она девушка была. Это женщина, теперь уже можно назвать. И говорит. А ей же вот интересна, усё ж говорить, што это к ним ня ихнии мальцы ходют, а ходют жа черти, после двенадцати. Она говорить, вот как будто уронила эту, веретяно, да полезла яво искать. Она говорит, глянула под скамейку, и хвосты под скамейкой [смеется]. Говорит, отпрыгнула оттуда, ой, быстро, и ушла! И ушла. Вообще ушла. Никому ничаго не сказала. <...> А назавтра надо опять эта супрядка, это, началась, опять начали они прясь. Это у *Святки* скока там, *десять, двенадцать дней, две недели Святки*. Ну вот. И говорит: “Вы идите, а я токо до двенадцати. Я ухожу сразу домой”. А чаго? Расскажи, Аксинья, расскажи! Ну, вот она и начала им рассказывать. Ох, как эти, молодежь эта перепугалась, Божья Матерь! Как двенадцать, все по домам, больше прясь ня будут. И ня стали ходи... Вот была одна вот супрядка» (Кун. Жижица 2007). В рассказе из Великолукского района нечистый в образе путника **в Новогоднюю ночь** стучит в окно, а потом врывается в дом через запертые двери, лезет на чердак; от его шагов трясется потолок и подвешенная к нему лампа (Вл. Дедково 1994); Сюжет «Черти заводят пьяного на “печку»-камень» в тексте, записанном в Новосokolьничском районе, **отнесен к Иванову дню**: «А лето было, на Иванов день, наверное» (Н-Сок. Коровкино 2004).

Как сказано выше, черти активны в **переходные, пороговые, моменты жизненного цикла человека**. В человеческом облике черт «гуляет» на свадьбе, ему известно будущее молодоженов. Нечистый плачет, зная, что молодой паре суждено жить в совете и любви, радуется и пляшет, предвидя, что молодые всю жизнь *будут биться и ругаться* (Усв. Борновалово 1977)

Черти могут погубить невесту: «А раз *свадьбу* черти гуляли, были как люди, никто и не видал, что черти. Все разошлись, гармонист домой пошёл, а невесту задавленной нашли: черти задавили» (Себ. Пустошка 1991); покончившая с собой на собственной свадьбе девушка, насильно выдаваемая замуж за нелюбимого, тут же оказывается на свадьбе черта в качестве его невесты и становится его женою (Кун. Трубицы 2004)

Функции, сюжеты, мотивы. В мифологической традиции псковско-белорусского пограничья происходит известный и по другим регионам процесс: черт вытесняет духов-«хозяев» различных локусов, принимая на себя их функции; при этом часто образ приобретает множественность. Ряд функций и признаков свойственны как черту, так и другим персонажам народных мифологических рассказов.

Как любая нечисть, **черт боится** молитвы, особенно «Воскресной», упоминания Бога, креста, крестного знамения, пения петуха.

Подобно домовому, черт **пугает ночью** (Кун. Никольское 1983; Вл. Дедково 1994); **душит сонного**: «Кричит дедушка, на печке лежит и кричит, задыхается, не может. Ох! <...>, потом начал “Верую” читать. Я яво: “Дед, дед!” <...> “Ой! внученька, – говорит, – меня сейчас чуть сатана не задушил!”» (Вл. Шелково 1997); **выживает человека, не дает ему спать**: «В доме у меня тожа были нечистики, *спать не*

давали» Усв.¹; «Дедушка мой в полночь ходил в сарай спать: как 12 часов, так чёрт начинает к себе одеяло тянуть. Он к себе, а он к себе, чёрт к себе, а дед к себе. Дед приходит: “Машенька, не могу там спать!” Потом он палку взял. Забирает палку с собой в постель. Лежить дед, а чёрт тянет одеяло. Он палкой: “Что, бес, попал?” – “Не попал, не попал!” И не спал там дед больше» (Н-Сок. Струги 1988);

Подобно ходячему покойнику, черт приходит к вдове в облике ее мужа (Себ. Литвиновка 2006); «А Дунька говаривала, что когда Коляка помер: “Страшно мне, сплю в одной комнате, а другую закрываю. Ён, – говорит, – чую, там, где печка, ляпает, стук, кашляет. Хоть бы в эту хату не пришёл! А раз на кухне, как посуду перебирает”. Такое бывает, <...> духом идёт. – (А как это, духом идет?) – Значит *недобриком*. *Не человек – недобрник*» (Нев. Боярское 1984). К тоскующей в разлуке с отцом дочери черт является в облике отца, ребенок погибает: «Мать работала на ферме, а девочка одна дома оставалась. А потом стали говорить уже бабушке: “К вашей Вале кто-то ходит, она выйдет на сугроб зимой и стоит на сугробе босая”. Она стала у ей спрашивать: “Валя, кто к тебе ходит?” <...> – “Папа ходит ко мне каждый день”. – “Нет папы! Вот как он придёт к тебе, ты забеги к нему назад и погляди, что у него на заду”. Она (Валя) так и сделала. Пришёл он. Она забежала ему назад, а в его хвост, он с хвостом! Она тогда: “Папа, а почему у тебя хвост?” И он как хватил – и всё, и хату раскрыл, и убежал. С тех пор больше он не стал ходить. А она всё равно скучала по нём, ждала его, и всё равно выходила на этот сугроб. В конце концов простудилась, заболела и померла» (Нев. Стрельниково 1996).

Вытесняя **банника**, черт принимает на себя его функции: **наказывает за несоблюдение банного этикета, за**

¹ Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – С. 294–295.

появление в бане в неурочное время: «В баню, бывала, ни хади ночью. (А почему?) (неразб.) явица (неразборчиво) веникам бьёт. (А кто это был?) А ни знаю. (Не припоминаете, может, как он выглядел? Никто не рассказывал?) Ани выглядят чёрно.<...> Все говорят вот, что черти, то и баня, только чёрном. (А не было случаев, что они кому-то появлялись?) Появлялись в баню. Эта старым, а не нам» (Пуст. Кисели 2005).

Общим для черта и другой нечисти (банника, лешего) является мотив **«Черт забирает отданное ему неосторожным словом. Похищает ребенка»:** «Баню топили. Тагда яна и говорить. Взяла яна, пошла дятё эта, рябёнка мыть: “Чёрт, приходи за ряб`нкам. В баню! Долго раз ня будь, а приходи!” Ну. Яна яще не помыла реб`нка, приходит: “Скоро ты, ай не?” Яна на яво, а ён на ее. А она говорить: “Сейчас!” Ну, справила рябёнка, надела и отправила, отдала. А это ня ен был, а черт. Приходить после мужик: “Ну, памыла ты?” – “А ты ж брал!” – “Када я брал? Я ня брал!” Чёрту и отдала. Вот как!» (Кун. Наумово 2007).

Черт не может похитить ребенка, если на нем надет крест, а если нет крестика – уведет: «Бывали случаи, когда дети пропадали, если чёрта вспомнят. Так одной женщине надо было корову доить, а дети есть у нее просили, а она на них: “Надоели вы мне, пошли вы к чёрту!” Подоила корову, пришла, смотрит: пропал ребёнок! Пошёл мужчина какой-то рыбу ловить на речку и слышит голос человеческий, не то визгает, не то плачет. Испугался мужик, побежал за людьми, приходят они, и нашли этого мальчика. Спрашивают: “Что ты здесь делаешь, как попал сюда?” А он говорит: “С дедушкой жил”. <...> Кого с крестом, не брал, а кто без креста – уведёт» (Кун. Татуи 1983).

Забирает корову у хозяйки, выругавшей корову: «И когда выгоняли коров в поле, и стоило сказать на корову: “Ухвати тебя черти!”, и корову эту к вечеру уже домой не

пригонят. И будут её искать хоть неделю, хоть две, но пока не найдут человека, который может отколдовать. Когда найдут человека, который может отколдовать, тот человек приведёт на то место, где стоит корова. Хотя они по этому месту десять раз ходили, но коровы не видели» (Вл. Великие Луки 2006).

Черт вытеснил гуменника / овинники / рижника / токовника (см. раздел «Локус черта») (Пуст. Дракуново 2005; Нев. Боярское 1984; Доминиково 1985; Кун. Гуляево 1983).

Подобно **водяному**, черт **пугает рыбаков**, показывается из воды, лезет на берег: «<...> вылезает кто-то с озера! <...> Это назывались раньше черти» (Пуст. Яшково 2005); попадает в снасти рыбака (Усв. Бор 1977).

Подобно **лешему**, черт «**водит/заводит**» человека, заставляя его плутать: «Я ночевала в Бубнове, с Бубнова выскочила: ну, ни дороги! И лес, и вода! <...> Ну, знаю – дорога, ну, иду – не попасть, куда мне надо, прямо. Мне вправо, все вправо! А вправо иду – в воду попадаю. <...> И я уже не в свою деревню, в Маслово попадала, а вдоль озера, вдоль воды, а воды там никакой нет. Все белое, мутное. Ну, черти водили! Ну вот, ни за руку, нигде: не давали домой дойти!<...> Ну, меня черти водили, это я хорошо знаю» (Пуст. Середеево 2005).

В разработке мотива «**Мифологический персонаж “водит/заводит” человека**» в рассказах о черте есть своя специфика. Преимущественно с чертом связан вариант мотива «**Черт водит**», в котором нечистый, приняв облик знакомого, друга, родственника, обморачивает пьяного, разувает, раздевает, **предлагает погреться на «печке»**, в действительности оказывающейся большим камнем, прорубью, колодцем, деревом, нависающим над омутом, лежащей вверх зубьями бороной, могилой на кладбище и т. п. Спасает человека молитва, упоминание Бога, пение петухов. Подобные сюжеты записаны во всех семи районах. Только в одном тексте, из

Усвятского района, версия мотива «**Черт заводит человека на «печку»**» связывается с образом лешего (Усв. Хлевище 1981).

К. Е. Корепова заметила, что, в мифологических рассказах Нижегородского Поволжья черт, в отличие от лешего, не столько «водит» человека, сколько «носит» и «возит»¹ Это наблюдение справедливо и для псковско-белорусского пограничья. Черт в облике родственника (кума)/друга предлагает себя подвыпившему в провожатые, а очнувшись, тот обнаруживает себя на камне посреди озера: (Усв. Хлевище 1981; Н-Сок. Струги 1988). Нечистый нагоняет человека в пути, предлагает подвезти, и человек оказывается далеко от дома: «Другой случай с этим же стариком. Была в Михайленке корчма. Зашёл, выпил. Шёл ночью домой с лыжами по большаку. *Догоняет его чуриловская барышня: “А! Иван Трофимович! Садись, подвезу!” Сел. Везёт его. А он пьяный. А барыня долго везёт. Уже сосняк начинается. “Ну, куда ж она меня везёт?”* Потом дошло до сознания, водка-то прошла, и он видит, что он сам на лыжах далеко от деревни по мху идёт. Тут он перекрестился – и домой!» (Усв. Бор 1977).

В Пустошкинском районе зафиксирован необычный вариант мотива «**Черт заводит человека**», лежащий в основе текста, по-видимому, предназначенного для запугивания детей. Черты, появившись перед человеком, пляшут перед ним и бьют своими хвостами по ногам, против воли заставляя идти, куда они его направляют: «<...> они выходят на шоссе, встричают и пляшут перед человекам. <...> Я своих бабушук помню, это всё нам рассказывают: “Вечарам не ходи, говорит, ночью там там обязательно встретит черти, и перед тобой пляшут, и куда ни надо повядут тебя”. <...> Водили, мою бабушку водили, два дня заводили <...> “Пойдём, пойдём, говорит, туда, пойдём, пойдём

¹ Корепова К. Е. Черт, бес, дьявол, нечистая сила // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Составители: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – С. 106.

туда и всё! Пойдём с нам, ты ни туда идёшь! Пошли с нам, пошли с нам!» – а они перед тобой пляшут. Они вядут, хвостом бьют под ноги. Вядут и хвостом своим бьют. А они довядут, покамест тебе конец дороги, это, покамест на сваё места приведут и бросют. (И бросят?) Бросют, ой! У нас малиньких, мы ещё небальшие были, бабушки умирали. <...> бывало, бабушка: вы там ни ходите ночью и туда ни ходите и всё» (Пуст. Кисели 2005) В другом тексте, записанном от того же информанта, подобным образом ведет себя волк при встрече с человеком: «А вот знаешь что, если волк встретит тебя, он доведёт тебя да самого дому и будет под эты, под ноги под жилки стебать хвостом» (Пуст. Кисели 2005).

Образ черта, «секающего хвостом по ногам» девушку, встретился также в рассказе о святочном гадании, записанном в Усвятском районе. Очевидно, более архаичный вариант: волк в ряду образов, предвещающих скорое замужество (**Гадания сбываются: девушка видит во сне своего будущего мужа**): «Четвёртого декабря был праздник Виденье [Введение Богородицы во храм]. И что приснится в эту ночь, это и сбудется. Нужно на ночь сказать слова:

Виденье во храм,
Сведи меня туда.
Какая моя судьба?
Может, суженый приснится.

Ей приснилось, что чёрт по ночам сикаёт ей хвостом. Я ноги убираю, а он всё махает. А на следующий день жених мой пришёл.

И вообще, коли чёрт тискает девушку, жених в этот год будет, и коли конь кусает, хочет стоптать, боишься его, это тоже к хорошему»¹.

¹ Записано от Беловой Ефросиньи Павловны, 1907 г. р., в д. Пестюхино Усвятск. р-на Пск. обл. в 1981 г.

Специфичные для черта функции и свойства. Вместе с тем черту свойственны специфичные только для него функции.

Только черт выступает в народной мифологии как дух-искуситель, стремящийся заполучить душу человека¹. По наущению чертей, дочь совершает тяжкий грех убийства отца, с которым она судится из-за имущества: «Вот идёт однажды в лесу – встретила двоих, двоих мужчин... “Ну, зачем ты?” Она: “Вот так и так, иду, говорит, с суда, и не присудили ничего”, – говорит. “А чего ты? Ты его возьми да придуши!” – “А как? Он же здоровый – я не могу с ним справиться, ничего!” – “Ну, говорит, мы тебе поможем!” Вот пришли домой – он спит. Они его придушили подушкой, потом в сарай взяли и повесили. Взяли на верёвку, только повесили – сразу раздался хохот, в ладоши захопала. Женщина смотрит: одна осталась – никого кругом нет. Значит, это *нечистая сила* ей помогала» (Кун. Сопки 2004).

Только черти **подталкивают человека к суициду**. По зафиксированному в Куньинском районе поверью, **Бог отдал самоубийц в распоряжение нечистого**: «Спорился бог с чёртом. Бог говорит: “Никак не справиться с людьми!” А чёрт: “Дозволь мне руководить, я распределю: которого да куда”. Вот он и стал руководить [теми], которые давятся» (Кун. Татуи 1983).

Черти суют в петлю человека, решившегося на самоубийство: «А вот ещё со мной было. Чистая правда! Ходила я в поле. Потеряла там галошину. Пошла ее искать. Вдруг в лесу что-то – ш-ш-ш! Ш-ш-ш! А деревья-то не колышутся, ветра нет! Потом что-то ка-ак шлёпнулось! Как-будто кто-то с дерева свалился. Ну, и дунула же я оттуда!

¹ Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 5. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 524.

Прибегла домой и думаю: “Ну, ведь точно это черти на дерево сажали удушенника!” Мужик у нас тогда удушился» (Усв. Лысая Гора 1981). Особенно настойчиво **черти склоняют к самоубийству человека, обмолвившегося /помышляющего о желании свести счеты с жизнью:** «Ну, был у нас такой случай – это никакая не выдумка, а только правда. У меня... У нас в деревне жил мой крестный со своей женой, с семьёй. У него было трое детей. Жили они очень дружно. Во время Финской войны он погиб. Жена осталась с тремя детьми и... Жили они очень дружно... Она очень переживала и потом говорит... Думала про себя всё время, что я не буду жить, зачем мне жить? Детей определяют: его сестра возьмёт маленького, ну, а эти как-нибудь... В детдом определяют или что. *И вот однажды... Она сама рассказывала лично, говорит:* “Лежу я, не сплю – ничего, глаза открыты, думаю... И мне подходят и говорят: “Чего ты лежишь? – ты обещаешь – иди! Там вот несколько не больно будет, и мы тебе поможем! Всё”. Ну и она потом спохватилась, сразу, говорит, я молитву встала, прочитала, перекрестилась – все куда-то исчезли дружки. И так она осталась жива. (А описывала она их?) Да, черти с рожками, со всеми» (Кун. Сопки 2004); «Одна женщина жила бедно-бедно, детей у неё было много. Надоела ей бедная жизнь, решила она повеситься: “Собери последнее зерно детям, сварю им и удулюсь!” Решила надеть круп ребятам и удушиться. Пошла на поле, легла на него и уснула. Видит – пришли к ней и всего нанесли: пироги, пряники. “Это всё твоим детям!” – “Детей-то здесь нет, надо снести им!” – и не пошла с ними. Просыпается – обложена сучьями, корягами. *Это черти ее звали*» (Усв. Хлевище 1981).

В традиционном народном сознании уживаются противоречивые представления. С одной стороны, к самоубийству человека толкает черт, с другой стороны, все предопределено тем, что человеку на роду написано: «Сам

человек никогда не задавится, это черт его толкает. Значит, смерть ему такая суждена, в петле»; «Вот дед мой давился. Померли у него родители в 14 лет, оставили ему большое хозяйство, около тридцати голов рогатого скота. Одному с работой не справиться, и он людей нанимал. Выкосят – корову возьмут, пожнут – тоже корову возьмут. Так за два года и разобрали всё. Корова ревёт, коню есть нечего. Надумал удавиться. Взял вожжи, влез на матицу; петлю на шею и прыгнул. Вожжи разорвались, а он все коленки разбил. Потом он взял верёвку – эта-то уж не оборвется! – и пошёл опять в сарай. И опять верёвка перервалась. Решил он в этот день больше не давиться. Коню и корове дал солому с крыши. На следующий день он уже взял сыромятный недоуздок – уж это-то не порвётся! Но только прыгнул с матицы, а недоуздок пополам! От четырнадцатилетнего мальчишки! Плюнул он и решил: “Не буду давиться, а пойду жениться!” Пошел к дядьке: “Хочу жениться, коль не удавиться!” Выбрали ему шестнадцатилетнюю девочку, а её мать сама за него пошла. А матери было 36 лет. Нажили они троих детей. Померла жена, опять он женился, и от этой жены ещё у него дочь была. Помер мой дед в 98 лет. Значит, не суждено ему было помереть так» (Усв. Хлевище 1981).

Практически повсеместно на территории псковско-белорусского пограничья зафиксированы **рассказы о самоубийцах, служащих лошадей у черта**. Люди узнают в лошади, везущей ночью воз, своего односельчанина-самоубийцу: «Одна тётка пасла возле кладбища коней. Развела огонь, и сон её сморил. Вдруг слышит – конь бегеть. А тут были рядом две могилы – Хвилипп утоп, а Максим удавился. Присмотрелась – конь как конь, а лицо-то Хвилиппа, а человек-то на нём – Максим-удавленник. Испугалась она и прочитала “Воскресную” молитву – всё исчезло» (Усв. Хлевище 1981); «В

первый день Пасхи удавился мужик. А Егору он сдался, когда тот коней пас. Молодые жеребки побегли, залопотали через дорогу у овёс. Егор взял уздечку и побег за ними. Видит: по дороге едет запряжён экипаж. Кон-то ён конь, а глянул на него – удушенник, бедно-бедно [‘жалобно’] глянул» (Усв. Борновалово 1977); «А моей маме привиделось. Дома, у нас изба была через сени, а там, коло кладбища вроде, задавился он там или кто вбил, мужчину мечихановского. А она всё под окном, бывало, спит. Ну, в окно глядит; кто-то поехал, целый мешок белым накладено на воз, а как раз дождь прошёл, что след был бы. Через несколько минут, говорит, этот поехал обратно. Назавтра пришли поглядеть – нет никакого следа! Привиделось в окно: “*Это, – говорит, – Петька привиделся, который задавился*”. (Это на нем что ли возили?) Да. *Вороний конь, такой большой, привиделось*» (Н-Сок. Глядково 1988)

Записанный в Усвятском районе текст содержит рудимент древнего погребального обычая, когда покойника в любой сезон года везли только на санях: «А вот ещё одна женщина сидела дома с ребёнком. Вдруг видит: по грязи – эт летом-то! – кто-то на санях едет. А погонщик кричить: “Ны! Ны!” А кони добрые! Все в пене, припотевши. Проехали. Потом бабы собрались, она всем и рассказала про такое дело. А бабы говорят: “Так тут же недавно человек удавился! Это на нем черти и ездят!” Вот, девоньки! Это люди такие *самотратцы* – сами себя тратят, губять. Вот на них черти и ездють» (Усв. Лысая Гора 1981); «Одной нашей женщине пришлось около Заголодя идти. На Козиньской горе это было. Идёт она от мамки ночью, поздно. Она не боялась никогда. Бывало, коней пасут, ляжет на могилку и лежит. Вот она рассказывала: “Иду. Бежит конь, молодой, хороший, и вожжи тянутся, хотела схватить за вожжи, да не управилась, не успела схватить. А он заржал и побег на кладбище”. Пришла на работу и

рассказывает. А у нас парень задавивши был. Поругался с матерью и задавился на дереве. Мы и разгадали ей, что это тот Лёшка, что это чёрт на Лёшке едет. *Коли молодой удавится, ну уж чёрт на нём и поедит!*» (Усв. Удвяты 1977).

Этот, характерный только для мифологических рассказов о черте мотив, в бытовании может быть представлен и в «чистом» виде, и в сочетании с другими мотивами. Так, в зафиксированном в Усвятском районе тексте сюжет **«Черт завозит человека в болото»** осложнен мотивом **«Самоубийца служит лошадей у черта»**: «Шёл мужик домой. Пьяненький. Встретил кума, на тройке тот ехал. Сел мужик к нему на тройку. Едут, разговаривают. А кум спрашивает: “Знаешь ты на каких конях едешь?” Тот говорит: “Знаю, кони как кони!” А кум опять: “Вот этот, – на одного показывает, – утопленник такой-то. Вот этот – удушенник. Вот этот – тоже удушенник”... Испугался мужик. Молитву прочитал. Очнулся. Смотрит – сидит на коряге. А ведь верст 10 проехал!» (Усв. Хлевище 1981). В основе сюжета о кузнеце, которого черти ночью упростили подковать «лошадей», а в действительности удушенников и утопленников, лежат два поверья: о самоубийце – лошади черта и о дарах нечистого: «Ночью к дому подъехали на конях. Зовут кузнеца подковать коней, а кузнец был Лытка. Он говорит: “Ноцу [ночью] не пойду!” – “Что хошь возьми, только подкуй!”. Лытка согласился. Кует лошадей, глядит – а ноги людские. А черти говорят: “*Ти узнаеш ты этих коней?*” *А это были удушенники и утопленники, черти на них ездили*».

Дары, плата, угощение нечистого, как и других персонажей народных мифологических рассказов, на самом деле оказываются углем, навозом и т. п. и, наоборот, уголь оказывается золотом: «*А заплатили Лытке – давали золото, потом оказалось уголье*» (Усв. Пахомовичи 1977).

К популярным относится такой специфический именно для черта сюжет, как «Парни-нечистые на посиделках». Наиболее часто встречается вариант, где спрятавшийся под лавку ребенок / девушка, наклонившаяся за оброненным веретенном, обнаруживают, что у незнакомых парней, явившихся на посиделку, есть хвосты или копыта, или и то, и другое вместе. Девушка/девушки убегают, черт/черти ее преследуют, девушка спасается/погибает: «Раньше ходили на посиделки. Пошла одна баба и увязался за ней маленький ребёнок. Пришли туда, бабы занялись делом, а ребёнок забился под лавку. Потом он и говорит: “Мам, а мам, а у нас мальцы хвостатые сидят!” Она схватила его и бежать. А черти за ней. Еле убежала» (Кун. Суворово 1983).

В Куньинском районе записана бывальщина о нечистом и девушке, познакомившихся на посиделках. Парень-нечистый каждый раз провожает девушку с посиделок и исчезает; она решается проследить, куда он уходит, идет за ним и видит, как он в церкви гложет покойника; в ответ на расспросы парня-нечистого упрямо отрицает, что видела его в церкви; у девушки поочередно умирают отец и мать; старушка советует, как избавиться от нечистого: «Когда будет спрашивать, что видела, ты ему скажи: “Видела, дьявол: падлу глодал!” – и кинь ему в лицо вот это!» И дала ей ещё что-то в руки. Вот и всё» (Кун. Ново-Троицкое 1983).

Другая бывальщина, также записанная в Куньинском районе, содержит комплекс мотивов, характерных для сюжета о бабе-повитухе, принимавшей роды у жены черта: проклятую матерью девушку черт забирает себе; баба принимает роды у жены черта; черт предлагает повитухе выбор вознаграждения: золото или уголь; она выбирает уголь, который оказывается золотом; баба накидывает крест на проклятую, она с ребенком остается жить у людей; баба мажет снадобьем чертей глаз и

обретает способность видеть этим глазом ранее невидимых для нее чертей; черт выкалывает ей глаз (Кун. Слепнёво 1996).

В Усвятском районе зафиксирован известный сюжет «Черт в работниках», включающий четыре основных эпизода: 1) черт принимает образ предмета, мешка с зерном, чтобы измаять мужика напрасными усилиями поднять этот мешок на подводу, смекалистый мужик справляется с этой задачей и таким образом посрамляет черта; 2) в наказание старый черт на три года отдает молодого мужику в работники; каждый раз предвидя, каким будет летний сезон, **чертенок дает советы крестьянину, где следует сеять, – тот всегда имеет хороший урожай**¹; 3) черт на свадьбе: **на одной свадьбе плачет, так как молодые будут жить дружно, на другой – пляшет и поет, так как молодые «будут всю жизнь биться и ругаться»**; 4) по истечении срока службы черт демонстрирует необыкновенную силу и мгновенно исчезает: «Кончились три годы, надо его отправлять. Надо давать пирог на дорогу (а как же, гостинца на дорогу всегда давали!). Хозяйка говорит: “Коля, иди принеси щепин со двора, чтобы хлеб лучше запёкся!” А ён в этот момент добежал до болота, в болото слез, вырвал большую ель (в две тонны елка) и принес в хату. И не лезет эта ель у сени. Хозяйка глянула и улякнулась [испугалась]. А он пропал сразу» (Усв. Борновалово 1977).

Другие, характерные для черта мотивы. **Черти мучают больного**: «Болела я, и матка сходила к колдуну (сейчас он уже умер), он дал воды и сказал, <...>, чтобы никого не звала ночевать. А у меня был малец [сын]. Только я легла и глаза закрыла и слышу: хата открылась и закрылась. Малец лежал у стене, а я увидела чертей: хвосты большие, черные, шапки

¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. – Л.: Наука, 1979. (СУС 981=АА 981* Почему перестали убивать стариков: вопреки приказанию убивать стариков один сын прячет старика-отца в погреб; во время голода старик выручает сына советом; с тех пор стариков не убивают).

большие барашком, бягуть на койку (всего их было 5), один схватил за горло, а другой – нож и говорит: “Зарежу!” А я говорю: “Дайте Романа дожидаться с войны!” И так они пять раз в ночь приходили, измучили мене всю. И я никому не говорила. Утром свекровь пришла, а я вся черная. А колдун пришел к ночи [на другой день], и я рассказала, как было. И спросил, не тронули ли меня потом. “Нет”. А он сказал: “Значит, жить будешь!” Это добыльно [верно], я не вру» (Усв. Глазуново 1978).

Черти служат колдуну/ведьме: колдун «читает такие стихи, на которые является нечистая сила, он тогда задает нечистой силе, чтоб плохое, допустим, какому-то там соседу сделать плохо, так он называет этого соседа имя, и как бы посылает эту нечистую силу, чтобы она плохо делала. Вот потому он и колдун» (Невель 2007). Стремясь заполучить душу колдуна/ведьмы, исполняют их волю, но при этом постоянно требуют «работы», и мучают, побуждая вредить людям (Усвяты, 2005), особенно в периоды годовых «переходов» (Иванов день, Святки, Масленица и др.); мучают умирающего колдуна/ведьму и по их смерти забирают душу: «и она всё, помреть, её на куть положить. А е обратно черти стянуть, и их, чертей, и не видать. А всё равно е стянуть, и она вот опять катается, валяется, опять живая. Е обратно положут на куть. А потом уже сказали, что надо разобрать на печке потолок, положить туда конский хомут, и тогда черти туда ее потянуть, в этот хомут. Вот только тогда ена, ее похоронили» (Усв. Усвяты 2005; Борновалово 1977).

В ночь на Иванов день черт отнимает волшебный цветок папоротника у добывшего его человека (Н-Сок. Струги 1988), *черти, нечистая сила мешают человеку завладеть кладом* (Нев. Рыкалёво 2008)

Черт предсказывает/показывает человеку его будущее во время гадания: «Считалось, что, гадая, зывают

чертей, поэтому опасались гадать» (Усв. Церковище. 1979). Черт опасен и может погубить гадающего или навредить ему: «На Святки гадали, и на Рождество, и на Крещение. Всяко гадали. Вот, помню, я еще маленькая была, так девки гадали. Была Фроська такая. Залезла она с зеркалом на избу, а черти вылезли да столкнули ее. Свалилась на землю – сени были без досок, пол земляной – ды как закричить: “Черти столкнули!” А сама я не гадала, что помню, то и сказала (Кун. Встеселово 1991). В то же время в Усвятском районе записан вариант повествования об одном из самых распространенных девичьих гаданий – гадании сном, в котором черт включен в синонимичный ряд являющихся в сновидении образов (суженый – черт – конь), предсказывающих будущее замужество: «Четвёртого декабря был праздник Виденье [Введение Богородицы во храм]. И что приснится в эту ночь, это и сбудется. Нужно на ночь сказать слова: “Виденье во храм, сведи меня туда, какая моя судьба!” Может *суженый* приснится. Ей приснилось, что *черт по ночам сикает ей хвостом: я ноги убираю, а он все махает!* А на следующий день жених мой пришел”. И вообще, *коли черт тискает девушку, жених в этот год будет, и коли конь кусает, хочет стоптать, боишься его, это тоже к хорошему*» (Усв. Пестюхино 1981)

В единичной записи черт представлен **доброжелательным и заботливым** по отношению к человеку персонажем: он будит заснувшего возле железнодорожного пути пьяного, в облике кума заботливо провожает его до дома и исчезает: «Дядюшка пьяный ходил да и лёг около линии. А он подошёл к нему и говорит: “Кум, чего ты лежишь? Пошли домой!” Поднял голову и пошёл. К дому подходит, видит: нет никого! И куда кум девался?» (Кун. Татуи 1983).

СЕМЬЯ И ДЕТИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (НА ФОНЕ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В материалах, записанных на территории псковско-белорусского пограничья, как и в общеславянской традиции, детская тема в той или иной мере присутствует практически во всех сюжетно-тематических группах рассказов и поверий о мифологических персонажах: о духах-«хозяевах» природных и домашних локусов, о русалках, чертях, проклятых, «знающих» людях, ходячих покойниках.

I. Детская тема в рассказах и поверьях о духах природного пространства

1а. Детская тема в славянских рассказах и поверьях о лесном духе

Поверья о генетической связи лешего с некрещеными или обмененными младенцами. В славянской традиции существуют поверья о происхождении лешего, как и иных духов-«хозяев» природных локусов, из проклятых людей, некрещеных или обмененных детей. По южнорусским поверьям, наряду с другими характерными для этого мифологического персонажа звуковыми проявлениями, леший **плачет, как маленький ребенок** [Левкиевская 1999б: 105]¹. Подобное представление зафиксировано также в Гомельской области Белоруссии: «[О лешем.] Иде по лесу и, як дитя, плачэ» (1986. С. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл.) [Виноградова 2020а: 341, № 3].

¹ В данном разделе в квадратных скобках даются ссылки на литературу, представленную списком в конце текста.

Поверья о похищении лешим некрещенных и проклятых родителями детей. В севернорусской традиции леший похищает еще некрещеных младенцев, и они становятся его детьми (рус. вологод.); леший забирает к себе ребенка, если мать неосторожно прокляла свое дитя – *облешакала* (обругала словами «понеси тебя леший») (с.-рус.). Похищенных проклятых детей леший заботливо укладывает спать под елку и кормит пищей, которая была оставлена хозяевами без благословения (рус., в.-укр.) [Левкиевская 1999б: 105].

Женские лесные духи и дети. В Смоленской области, соседней с Псковской, и ряде русских ареалов существуют представления о *лесовихе* / *лесовухе* или *лешачихе* – жене лешего [Добровольский 1891: 88–90, №№ 22–24]. В севернорусских поверьях в лесу могут существовать самостоятельные женские демонические существа: лешачихи, боровухи, заманивающие к себе мужчин [Черепанова 1996: 33, №№ 155–160; Виноградова 2020а: 346]. Лешачихи имеют детей, которых колышут в люльках, подвешенных к сучьям деревьев [Левкиевская 1999б: 108].

В Брестской области зафиксирована формула, которую обычно произносили, когда, возвращаясь с полевых работ, отдавали детям остатки еды, которую брали с собой в поле: «Баба лесная дала ж вам хлеба, яечко йишчэ» (1987. С. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.) [Виноградова 2020а: 343, № 14].

Запугивания детей лешим. В народной традиции широко распространена практика устрашения детей различными мифологическими персонажами с целью добиться исполнения соответствующих запретов, в частности запрета одним ходить в лес, где их якобы подстерегает леший: [Пугали детей:] «Не ходи ў лес, шоб леший не унёс» (1985. С. Старые Боровичи Щорского р-на Черниговской обл.) [Виноградова 2020а: 355, № 29].

16. Детская тема в рассказах и поверьях псковско-белорусского пограничья о лесном духе

Материалами, собранными на территории псковско-белорусского пограничья, поверья о происхождении лешего и, в частности о генетической связи лешего с похищенными до крещения или проклятыми родителями детьми, о «детском» плаче лешего, о женской ипостаси лесных духов, а также формулы утращения непослушных детей лешим не зафиксированы. Детская тема так или иначе представлена в трех из 22-х записанных текстов в рамках традиционных мотивов «Леший является/показывается человеку, принимая облик человека, родственника, женщины, птицы, вихря и т. п.» (А1 1) и «Леший служит человеку» (А1 14).

а) Лесной дух является человеку в образе ребенка (мальчика). Мифологический персонаж маркирован характерными для представителей «иноного мира» цветами: синий, белый, красный, и особой «невесомой» динамикой: «Отец мой охотником был. В те времена люди в праздники в лес не ходили. А он пошел в Петров день. Вошел он в лес, видит – корни всякие, сучья, пни – все выворочено и ломом, завалом таким валяется¹. Вдруг видит: мальчик такой бегёт. В красной рубашке, в синих штанах. Голова в его белая, курчавая. И бегеть прямо по этому лому, как кошка – легонько. Тут он вспомнил про Бога, да про Петров день, да пошел скорей домой <...> То был лес-с-сосной»² (Усв. Лысая Гора 1981).

¹ Представление о выворотне, т. е. вывороченном с корнем дереве, как о результате деятельности нечистой силы является общеславянским [Виноградова 2020а: 352].

² Концовка рассказа содержит поверье о том, что в «мире ином», к которому относятся и души-«хозяева», по сравнению с «этим миром», все «перевернуто», и поэтому, в частности, съедобное «на этом свете» несъедобно «на том» и наоборот. Отсюда известный сюжет «Человек в гостях у лешего» (А1 19); след которого отложился в усвятском тексте: леший угощает гостя хлебом; хлеб лешего оказывается «губкой» [‘гриб чага’] (А1 21): «Дома он матери все рассказал, а она ему говорит: «То был лес-с-сосной [‘леший’], отводил бы тебя по лесу и кормил бы губкой [‘гриб чага’], а ты бы думал, что это булка. Так что хорошо, что ушел!» (Усв. Лысая Гора 1981).

б) Леший показывается ребенку в облике маленького зоо-антропоморфного существа, проходит мимо, глядя на ребенка, мгновенно исчезает: «Вот она [девочка, оставленная матерью-грибницей в лесу в машине] <...>, что по дороге идёт человек маленький. “Он, – говорит, – меньше меня был, ну, может, с меня ростом, мама. Шёл и на меня смотрел. У него были длинные-длинные ногти! И у него были длинные-длинные волосы! Но и была лысина. Он был маленький и весь косматый такой вот, одетый. И мне, – говорит, – так страшно стало! <...> Шёл, шёл, шёл, и я вот так на него смотрю, как он уходит по дороге. И он – хоп! – и исчез!” <...> Ну, видимо, это леший был» (Пуст. Алоль 2005).

в) Леший спасает от гибели мать и дитя. Поверье о способности лешего услужить человеку (А1 14) лежит в основе рассказа, записанного в Невельском районе. Благополучное разрешение реальной опасной для человека ситуации в лесу воспринимается носителем мифологической традиции как следствие вмешательства лешего: якобы он удерживает женщину-мать от губельного шага: «Мне рассказывал дедушка. Как-то женщина с ребенком возвращались домой, и шли через лес. И началась гроза. Ну, женщина, естественно, ребенка схватила и побежала быстрее в сторону деревни. И <...> вот как будто ее остановило что-то, вот как зацепило! И вот она остановилась резко – и вдруг перед ними упало дерево! Ну, вот <...> защитил! Ведь если бы женщина дальше бежала и не остановилась, то их бы, наверное, убило!» (Нев. Рыкалёво 2008).

В восточнославянской традиции встречаются разные названия духа-«хозяина» леса. Некоторые локальные традиции содержат варианты названия мифического хозяина леса, в которых он предстает как персонификация самого леса: *лес, лес праведный, лес честной* [Черепанова 1983: 164; Логинов. 2002: 2]. В подобных названиях, по мнению Н. А.Криничной, отразилось архаическое представление о фитоморфном облике или чертах облика лешего [Криничная: 239]. Вышеприведенный усвятский текст дает вариант *лес-с-сосной*. Подобное название, по-видимому, связано с почитанием сосны как священного дерева в белорусской и южнопоповской традициях и архаическим представлением о лешем, который может являться в виде дерева или куста.

2а. Детская ипостась водяного духа в славянских поверьях

В славянской традиции представления о «детской» ипостаси водяного связаны с поверьями о генезисе и оборотничестве водяного духа. Для западнославянской традиции, и прежде всего польской, а также западной части Полесья, на восточнославянско-польском пограничье, характерно поверье о том, что водяные духи – это утопленники, случайно утонувшие или утопившиеся люди; дети, умершие некрещеными, убитые или проклятые своей матерью, плод утонувшей беременной женщины. Такие дети растут в воде до семи лет, а потом становятся водяными демонами [Левкиевская 2020б: 300, 311].

С подобными поверьями связаны представления об облике водяного как маленького ребенка. В польской традиции образ «маленького, 4–6-летнего ребенка, иногда голого, иногда в белой, красной рубашке или красной шапочке, является одной из наиболее частотных ипостасей водяного демона» [Левкиевская 2020б: 311]. В западной части Полесья бытует представление о водяном, который выглядит как ребенок с рожками (1982. Заболотье Малоритского р-на Брестской обл.) [Левкиевская 2020б: 312, № 23]. У восточных славян водяной в виде ребенка встречается sporadически, в частности в Харьковской губ., в Шенкурском у. Архангельской губ.» [Левкиевская 2020б: 311].

Детская ипостась водяного может быть проявлением оборотничества мифологического персонажа. В славянских традициях бытуют представления, по которым водяной может принимать антропоморфный и зооморфный облики; превращаться в различные предметы: камень, дерево, колоду, бревно, яблоко, плывущее по воде; представлять в качестве атмосферных явлений: в виде пара над водой и лесом, вихря. В

карпато-украинской, польской, словацкой традициях водяной способен оборачиваться ребенком, школьником (пол.) [Левкиевская, Усачева: 397].

26. Черты облика водяного хозяина в современных южнопсковских повествованиях

Такие повествования представлены скупо: всего лишь в трех текстах, в которых водяной дух, как это характерно для восточнославянской традиции, имеет антропоморфный облик: это черный голый человек, сидящий на мостике и хлопающий по воде ногами (Кун. Зубово 2009); некто, тянущий руки из глубины и манящий к себе рыбака (Пуст. Холюны 2005); бородатый мужчина, который при появлении людей бросается в воду и исчезает (Усв. Борновалово 1977). Как и другие духи-«хозяева», водяной может быть невидим (Пуст. Алоль 2005).

Представления о «детской» ипостаси водяного духа, связанные как с поверьями о генезисе домового, так и с поверьями о его оборотничестве, псковскими материалами не зафиксированы.

Водяной топит детей. По славянским поверьям, человек тонет не сам по себе, а по воле водяного – злого духа, основная функция которого – топить людей. Наибольшей опасности стать жертвой этого персонажа подвергают себя те, кто купается в запрещенное время, когда водяной особенно активен (в полдень, полночь, после захода солнца, в ночь на Иванов день, в Ильин день и после Ильина дня и т. д.), или неправильно ведет себя на воде (смеется, ругается и пр.), купается вблизи жилища домового, каким, по народным поверьям, являются омуты и водовороты. По рассказам, записанным в Гомельской области, водяной особенно часто забирает себе маленьких детей [Левкиевская 2020б: 320, № 49].

Детская тема в рассказах южной Псковщины о водяном возникает как вариант наиболее распространенного в

общеславянской традиции сюжетного мотива «Водяной топит людей». *Это повествования о действительных случаях гибели людей на воде.* Они, как правило, не содержат ничего фантастического, кроме явно или скрыто присутствующего в них убеждения, что трагические события – следствие действий водяного, «нечистой силы», обитающей в воде, которая устраивает водовороты в тихой, казалось бы, воде речного омута¹: «(А был там водяной?) А немножечко повыше, там есть две такие впадины, я сейчас скажу, в деревне нашей говорят, что там *вир*. *То есть захватывает воду и кружит*. Там погибли моя родная тетя и двоюродная моя тетя. Очень давно это было – в 1932 году. Мне просто рассказывали, что одной было 10 лет, а другой – 11. Они, значит, купались, и туда их просто затянуло. *Говорят, что там живет нечистая сила, и обычно там никогда не купаются.* <...> *А там тихо, круговорот такой вот идет и затягивает туда человека*»² (Пуст. Холюны 2005).

В духе мифологической традиции интерпретируется реальный случай гибели подростка на воде в повествовании из Новооскольнического района. Трагедия, как следует из замечания рассказчицы, стала следствием несоблюдения им некоторой сформулированной в соответствующем запрете нормы поведения при проникновении в локус мифологического персонажа³: «<...> В этом пруду <...> купались мальчишки.

¹ О связи в славянских традициях водяного с кручением, верчением, а водоворота с вихрем как проявлением деятельности нечистой силы см.: [Левкиевская, Усачева: 165–166; Левкиевская 2020б: 303].

² Убеждение, что человек тонет по воле водяного духа, живо в сознании сельского жителя даже тогда, когда, казалось бы, он уже ничего не может рассказать о «хозяине» водной стихии. В ответ на вопрос собеседника-собираателя информант «подбирает» факт действительности, подходящий для трактовки происшествия как мифологического события, связанного с водяным: «(А слышали что-нибудь про водяных, русалок?) В этой местности их нету. Ни русалок, насчет этого все спокойно. (А истории, может быть, какие-нибудь слышали?) *Бывало, люди пропадали, тонули. В этой деревне один утонул, наверное, с этим связано*» (Кун. Зубово 2009).

³ Рассказы и поверья о нарушителях запретов исследовала Л. Н. Виноградова [Виноградова 2006: 218].

Купались, ну и давай закладаться! Вот, говорят, никогда не закладывайся! “А! Не, я нямножко!”– “А я дальше могу!” – “А я дальше могу!” Вот закладаться, говорят, на воды никогда нельзя! Ну. Ну вот, вот такой Лобанов, Витька Лобанов с Собольков был, 16 лет яму: “А я переплыву!”, “А я дальше!», “А я дальше!” Вот “дальше”, “дальше”! И все, и улетел! И как нырнул, так и ня выскочил» (Н-Сок. Санталово 2006).

Другие мотивы, связанные с детской темой. Такие бытующие в славянской традиции мотивы как «Водяной подменяет детей», «Водяной становится крестным детей почитающих его рыбаков» псковскими экспедициями в районах псковско-белорусского пограничья не зафиксированы. Не отмечены и записанные в различных славянских ареалах свидетельства о практике запугиваний детей водяным, чтобы они не ходили купаться. На обследованной территории с этой целью в качестве мифологического персонажа-устрашителя, как правило, используется имя русалки.

3. Детская тема в поверьях о происхождении русалки

Русалки – души умерших детей. Для всех славянских традиций характерно убеждение, что русалки – души умерших людей и прежде всего девушек, женщин, детей. Распространено поверье, что русалками становятся умершие некрещеные младенцы; в соседней с Псковской Смоленской области – души некрещеных и мертворожденных детей; в Житомирской области Украины полагают, что русалками становятся души девочек, родившихся и умерших на Троицкой неделе: «Як девочка на Троицу родилась и умерла – то уже законна русалка» (ПА, житомир., Вышевичи) [Виноградова 2009: 497]. В севернорусской традиции бытует представление о русалках – душах проклятых при жизни своими матерями детей [Виноградова 2009: 497]. Поверья о русалках – проклятых детях записаны в Псковской области: «<...> русалки бегают, волосы

распущены, когти большие – это матери детей проклинали» (Оп.) [Лобкова: 27]; проклятое дитя, «голая девочка, плавает в озере; чтобы ее вернуть, нужно набросить ей на шею нательный крест» (Г.д.) [там же].

По южнопсковским материалам, русалки в представлениях населения псковско-белорусского пограничья – *утонувшие / утопившиеся / утопленные девушки, женщины, утонувшие дети* (Пуст. Гаврильцево 2005; ЛАРНГ, Нев. 1991) или *проклятые*: «Раньше людей проклинали всяко... Вот человека проклянут, и он куда-то уходит... А русалка это, не русалка, я ж не знаю...» (Себ. Литвиновка 2006).

Специалисты отмечают противоречивость представлений о внешности русалок: «в одной и той же местности они могут описываться как молодые красивые девушки, обнаженные или в белых одеждах; как девушки-покойницы, похороненные в свадебном наряде (в венках, с фатой на голове), как косматые, безобразные с отвисшей (или железной) грудью бабы» [Виноградова 2009: 497]. Могут русалки выглядеть и как маленькие дети [там же], что очевидно связано с представлениями о генезисе русалок из утонувших и проклятых детей.

Облик русалок в псковских материалах *также варьируется: русалка – красивая, очень красивая, высокая девушка, женщина, седая старуха. В семи рассказах отмечены «рыбьи» черты в облике русалки. Однако поверья о «детском» облике русалок не зафиксированы.*

Вредоносные функции русалок в отношении детей. По славянским поверьям, объектом преследования русалок чаще всего становятся женщины и дети. На Русальной неделе русалки ходят по деревням, заходят во дворы, похищают детей: <...> «косы распущены, цыпки висять, гола. Хопить детей и ў жыто унесе! Кудлата, як ведьма». Русалка может убить ребенка, дав

ему свою железную грудь: «Ребят, бывало, пужаешь: русалка придет вот с железными грудьми, даст тебе сиську ту, ты будешь сосать и памрешь!» (рус. смолен.) [Виноградова 2009: 496], или защекотать: «ребёнка шалокчит – вроде играет, мнет под собою...» (орлов.). Широко бытуют формулы запугивания детей: «Не ходите по житу, русалка вас заловит!» (смолен.) [Там же: 497].

а) Рассказы об обычае запугивать детей. Усвоение культурного наследия и, в частности, мифологической картины мира, юным поколением происходило прежде всего в рамках семейной традиции, а также в общении со сверстниками; существенную роль играла обрядовая жизнь сельской общины, свидетелями и участниками которой наряду со старшими были дети, подростки, молодежь.

Одной из уходящих вглубь веков форм бытования мифологической традиции, передаваемой от старшего поколения к младшему, были, очевидно, так называемые «запугивания». Прагматическая «педагогическая» составляющая «запугиваний» обусловила устойчивость этой формы и в условиях современной деактуализации мифологических представлений. Повествования, представляющие собой или включающие в себя более или менее развернутые сообщения о том, что взрослые пугали детей русалками, составляют наиболее многочисленную группу в корпусе содержащихся в фонде псковских текстов о русалках. В таких текстах, как правило, выражается скептическое отношение к существованию русалок.

Традиционные мотивы, отражающие представления о русалке, в этих повествованиях предваряются, заключаются или сопровождаются утверждениями, что разговоры о русалках – выдумки, страшилки для непослушных детей и молодежи, чтобы они не топтали посевы, самовольно не купались, а

купаясь, не заплывали далеко: «(Слышали что-нибудь про русалок, водяных?) А! *Это сказки!* Бывало, бабки говорят: “Не ходи на речку, не ходи на озеро, а то русалки схватят!” *Ну, пугали, чтобы на озеро не ходили*» (Кун. Жижица 2009); «Ну, как говорили: в тихом омуте черти водятся. *Всегда говорили: “Не купайтесь, девки, в омуте: там всегда русалка какая-нибудь сидит, да затащит куда-нибудь!”* Ну, такое. А вообще-то это уже, как говорится... *Конечно, это неправда*» (Себ. Исаково 2005); «Это просто вот *выдумка* народная такая *пустая темных людей* <...> Это так люди выдумают и пугают людей. <...> Раньше было ж в каждого свой участок, может, чтобы там не тягался никто» (Себ. Птушкино 2006). Тем не менее, в рассказах о запугивании детей отношение к существованию русалок и «предупреждениям» взрослых не всегда однозначно скептическое: «Мама пугала: посеет рожь, скажет: “Вот пойдете, пойдете в рожь, там вас русалка утянет!” А что это за русалки были, кто их знает?» (Себ. Литвиновка 2006); «Пугали нас маленьких, вот таких, что русалки, русалки кричат там от у нас в лесу! И кто запоздает поздно, именно вот солнце за лес как закотится, тогда кричат русалки. Ну, точно: я слышала [крики русалок в лесу]!» (Пуст. Дракуново 2005). В такие запугивания вплетались поверья, мотивы, сюжеты, свойственные как мифологическим рассказам о русалках, так и другим тематическим группам рассказов о мифологических персонажах, а также иным жанрам народной прозы. В Куньинском районе зафиксирован текст о запугивании детей русалками с включенным в него поверьем о папоротнике – «русалкином гребне»: «Ребят полохали русалками, мы их не видели ни разу. Ну, мол, бегаешь какая-то русалка, бегаешь там по полю! А кто ее видал? А никто. Вот такой у нас папоротник рос в кустах. Говорять, это русалкины гребни назывались. Русалки расчесывались этим гребням. Такой папоротник широкий, это я

помню, бывало, там, в кустах, он рос» (Кун. Секутьево 1996). В другой текст-запугивание включен мотив ушедшего под воду храма, характерный для легендарных преданий: «Бабушка мне рассказывала. У нас здесь такое место есть, что берег... мы ходим туда купаться. И вот она нас запугивала, что, говорит, вы никогда, особенно на Ивана Купалу, не ходите купаться поздно, потому что там, говорит, русалки не только детей увлекают, говорит, но они даже вот сумели так сбалансировать, что даже церковь туда ушла! Маленькая церквушка!» (Пуст. Холюны 2005).

б) Занимательные истории о мифологическом персонаже, преподносимые ребенку в форме былички – повествования о действительно случившемся. Те же прагматические цели укрепить в ребенке веру в существование мифологического персонажа и реальной возможности встречи с ним, если окажешься в неурочном месте в неурочное время, очевидно, преследовала и записанная в Куньинском районе занимательная история, преподнесенная ребенку как действительно бывшая. Ее герой – дедушка рассказчицы, будто бы хитростью избежавший перспективы быть до смерти защекотанным русалкой. Повествование представляет собою вариант распространенного в мировом фольклоре сказочного сюжета о дровосеке, защемившем лапу мифического существа в дереве и тем спасшимся от него. Интересно, что, при всей фантастичности сюжета, восьмидесятилетняя информантка не сомневается в достоверности якобы случившегося с ее дедушкой происшествия: «Когда мы еще жили, назывался хутор Травино, участок был, и *мой дедушка* пошел осину повалил, пошел делать корыто, во старинные года, дедушка-то мой. “Делаю, – гарит, – я корыто – бежить, волосы распутивши, женщина, говорит [дедушка], так ко мне. А я говорю [ей]: “Поддержите тут рукой!” Я, – говорит, – раз! топор вытянул, ей

руки и прижало. А это, оказывается, русалка [была]! Так он оттуда и ушёл от этой русалки. Она б его зашекотала, замучила деда» (Кун. Хмелево 2009).

в) Воспоминания о детских впечатлениях, связанных с «запугиваниями». В материалах псковского архива по южному пограничью имеются тексты-воспоминания информантов о детских впечатлениях, вызванных подобными «страшилками»: «Я русалок боялась в детстве маленькая. А вот все говорили: “Русалка ходит, русалка!” – “Где? ” – “Во ржи русалка!” А как рожь по обе стороны – рожь-то хорошая росла – так и боишься: где-нибудь была русалка! Я была трусиха» (Пуст. Заречье 1994).

Текст-воспоминание, записанный в Невельском районе, передает особенности детского эмоционального восприятия предостережений взрослых. Ребенок познает мир и усваивает «уроки» взрослых играя. В игре дети реализуют и закрепляют мифологическое знание, пропуская традиционные мотивы и образы сквозь призму детского воображения. Созданный этим воображением захватывающе яркий, прекрасный и одновременно жуткий образ русалки, одухотворяя, таинственно преобразует в детском сознании окружающий привычный ландшафт, заставляя в игре пережить «тайную прелесть ужаса»¹ от ощущения непосредственной близости таинственного волшебного существа: «Родилась я в 1934 году, в мае, 5-го мая, и жила с родителями в деревне Куличи. В деревне мы с ребяташками играли в русалок. Нам казалось, что русалки водятся во ржи, когда рожь ветер качал, когда она выколосовавши уже, ветер когда был, и рожь волнами такими ходила, и нам это казалось, что это там русалки бегут, и мы боялись русалок, убегали домой, закладывались на крюк <...> Нам

¹ «Но тайну прелесть находила / и в самом ужасе она» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).

рассказывали родители про русалок, они у в озере, если будешь ходить к озеру, они могут зазвать, и уто... утонуть можно тогда, за ними пойти и утонуть. <...> Пугали нас так, что русалки, они в воде, они и на суше. Ну, на суше мы вот представляли себе, что они во ржи бегают такие: с длинными косами, и казалось, что вот они бегут, и рожь вот так вот качается. <...> такие девушки, красивые, высокие, с длинными красивыми волосами. <...> жили они как бы вот в озере. <...> Это так детей пугали, потому что нянек не было у детей дома сидеть, родители работали на поле <...> если ты непослушный, не слушаешься родителей, что тебе наказали, значит, они тебя схватят и у в озеро занесут, утопят [смеется]! <...> Ну, вот мы представляли себе такую девушку, во ржи, <...> и когда рожь уже была выколосовавши, и когда ветер дует, то она ходит волнами такими, как на море волны, а нам это казалось, что это русалка во ржи так, и волнами волосы развеваются» (Невель. 2007).

г) Рассказы об инсценировках «явления русалки» (необрядовое ряжение). По Псковской области и, в частности на территории псковско-белорусского пограничья, записаны тексты, свидетельствующие о практиковании внеобрядовых инсценировок «явления русалки». По воспоминаниям информантов, такие инсценировки устраивались в различных прагматических целях. К инсценировкам прибегали как к средству борьбы за дары леса с конкурентами-жителями соседних сел: «<...> ходили бояковские [из д. Бояки] в малину, вот Гривой звали кусты и канава была, кусты, кусты! <...> Орехов было стоко много! и этой... и малины! Вот бояковские ходили. А наши бабы <...> вот тут жали, и [бояковские] бабы [идут] кучей, кучей! <...>. Я, говорит, раздеюсь голо-наголо, – а волосы в ней такие большие были – ну, я, говорит, как их на грябенку начихвостила, так нашоклатила, что всё! <...>Ну вот, идут! Идут! А я, говорит, так: “И-и-и-и!” [тоненько] Раз! Раз! По

ржи. И какая-то завидела: “Ой, бабы, русалка! Ой, лихонько мое!” А онна была беременная. Вот тая бегла, бегла, говорит, грох об землю: “Бабы, не бросайте меня! Бабы, бабы, за мной русалка бяжит!” А я: “И-и-и-и!” – как завижжу, рукам как замахаю, тряпки взявши¹. А волосам как тряхнула, тут у меня так наделано! Ой, как побегли, как побегли, выбегли сюды, говорит, повалились на дороге, пока эту дожидали, а эта онно всё: “Не бросайте! Караул! Не бросайте! Меня поймают!” Выбегли: “Провались эта малина таперь, что мы сюды пойдём!” А я, говорит, сижу: “А, гады, вот больше не пойдёте!” А то мы ближние, нам некогда сходить, а они с Бояков, черт принес сюда! [Смеется] Вот и русалки какие были!» (Н-Сок. Санталово 2006).

По записи из Великолукского района «маскарад» с русалкой был устроен, чтобы отвадить кузнеца, мешавшего соседям спать, работать по ночам: «У Масленицу в самую ж у эту <...> А мужчина все, бывало, и до 12, и позже – все куёт. <...> А они надумались: пойдём, говорят, Коваленку напугаем да Ярошенка! Ну ладно. Одели ж эту – раньше ж верили русалкам, русалки были – одевают халат белый, а волос же раньше не стригли, волос до пояса, кругом вот так обчешутся, идуть: халат и волосы. <...> Ни лица, ничего нет². <...> Она как пришла, тот [помощник кузнеца] вытянул железо с огня, а красное на наковьль [положил], а этот [кузнец] намахнулся молотком его разбить, <...> как держал вот так молоток, [так] и застыл, и не мог ударить по железу! Испугался <...> [Мы испугались тоже:] Как счас дать по головы Соньке молотком, так и убьеть! Ну, ладно, она тогда задом-задом аттули ушла.

¹ Ср.: «У два часа дня ходить по жыту, платочками махають. Во ўсёму белому. Вумершие, которые утопяцца» [Виноградова 2000: 376].

² Обычай, распуская длинные волосы, закрывать волосами лицо или глаза ряженой «русалки» – деталь, символизирующая невидимость и слепоту персонажа загробного мира, – зафиксирован в Полесском обряде «проводы русалки» [Там же: 172] Русалки – «з доўгими волосами, якія закрывалі вочы» [Там же: 373].

[Договорились:] – “Давай будем глядеть, что этот кузнец будеть делать?” Рано утром поглядять: [у кузнеца] поють попа, поють дьякона, а [кузнец] отрубил кол осиновый, среди кузницы вбил» (Великие Луки 2001).

И, наконец, как о распространенном явлении респонденты сообщают об инсценировках взрослыми «явления» мифологического персонажа с целью добиться послушания от детей: «Ну, вот, бывало, ребята бегали, а [нрзб. во ржи?] прятались, а потом кто-то крикнет: “Ох, русалка шумит!” Значит, бежишь там [один в одну сторону], другой в другую сторону, и говорить – русалка! А это старики пугали ребят, чтоб они не бегали по ржи: “Там русалка поймает, русалка защекочет! Она защекочет!” И потом мы боялись ходить и бегать по ржи: русалка защекочет! Так старики пугали нас, чтоб не топтали рожь, а то мы бегали» (Вл. Токолово 2001); «Ну, какие там русалки! Это просто ходили пугать <...> Ребята так и есть ребята – играли, ну и домой, бывало, нас никак не дозовутся. Целым дням бы там играли! Так вот, папка надел шубу, вывернул, да по етой иржи как зашаркает! <...> напугал нас, и с тово больше мы не пошли» (Себ. Мацково 2002).

Инсценировка и восприятие «явления русалки» представителями одной и той же мифологической традиции «материализуют» жанровую особенность былички как двучленного высказывания, «полнота и законченность которого в равной степени создаются и говорящим, и слушающим». <...> Первые создают типологически адекватную “картинку”, соответствующую семантической модели, «известной в данной традиции, и обладающую необходимым количеством релевантных признаков, необходимых для правильного “опознания” воспринимающими “картинку”. Последние “отождествляют картинку” с возможным именем-идентификатором мифологического персонажа» [Левкиевская

2006: 177]. Как внешний вид и поведение «артистов», так и реакция тех, для желаемого воздействия на которых разыгрывалось «явление русалки», обусловлены традиционными представлениями о локусе, внешнем виде, характерных поведенческих и звуковых проявлениях мифологического персонажа, средствах защиты от него, с одной стороны, и, очевидно, практикой обрядового ряжения, с этими представлениями связанной, с другой.

2) *Мифологические повествования-воспоминания о происшествиях, случившихся в детстве.* Усвоение ребенком набора признаков, определяемых локальной традицией как характерных для мифологического персонажа (хронотоп, внешность, функции, характерные действия, любимые занятия, акустические и динамические проявления), при наличии сходства с одним из главных или совокупности признаков в реальной ситуации, обуславливает восприятие этой реальной ситуации юным носителем традиции в мифологическом ключе, «безошибочное опознание» имени-индексатора мифологического персонажа и вызывает соответствующую поведенческую реакцию. Так, «убедительным», исключаящим иное толкование, признаком русалки для рассказчика является такое занятие как расчесывание волос в «пограничных», «переходных» между этим и «иным» миром местах, к каковым в народном сознании относится, в частности, дорога: «Мне самому пришлось эту русалку встретить! <...> Я с ребятами завозился там, около школы, где гуляли, и при[от]стал. Маленько на дорожку взобрался: сидит старушка седая и чешет волосы. У меня волосы дыбом поднялись, и я мимо этой старушки как дал! Сразу догнал свое стадо! Да. А что это за старушка была? Вот мне даже сейчас... я стал говорить ребятам, никто не верить, говорить, никого не видали. “Иди ты на ...!” – говорить. А я же сам видал эту старушку своим глазами!

Маленькая старушка, больше я никогда [ее] не видал, и мне не могло присниться, я не пьяный был. (А как она одета была?) Одетая... какая была одежда... Тут и разглядывать! Я как дал дёру, так и ребят догнал! (А почему вы ее испугались?) А потому что она сидит седая и расчасывает! Это было [мне], не знаю, лет четырнадцать. Это я сам видал и сейчас помню это» (Пуст. Вербиллово 2005).

Закат солнца, лес, воспринимаются ушедшей по ягоды и запозднившейся в лесу девочкой как мифологический хронотоп, а разнообразные лесные голоса как акустические проявления пребывающих поблизости опасных мифологических существ: после заката солнца в лесу кричат русалки и погубят оглянувшегося на их крик: «Пугали нас маленьких, вот таких, что русалки, русалки кричат там от у нас в лесу! И кто запоздает поздно, именно вот солнце за лес как закотится, тогда кричат русалки. Ну, точно: я слышала [крики русалок]! Или от боязни мне было прислышавши? [Русалка] Может [кричать] всяким разным голосам. <...> Ну как бы они б тебя догнали там или что-то сделали или с тобой что-то случилось такое, если оглянешься. И так я домой прибегла с ягод, чернику собирала, с лесу. Слышала или мне от боязни от такое было? Голоса всякие разные: от там птицы, люди. Говорили, что люди. Это от старых людей было слышала» (Пуст. Дракуново 2005).

д) Семейное предание как источник представлений о мифологических персонажах. Источником усвоения ребенком мифологических представлений могло быть передаваемое из поколения в поколение семейное предание. Повествование В. П. Садовниковой является таковым, усвоенным ею от обеих родных бабушек, семейным преданием – быличкой о встрече ее бабушки с русалками и трагических последствиях этой встречи. В основе повествования – поверья о том, что русалки заманивают и губят мужчин (выходят из воды и

«утанцовывают» человека), что увидеть русалку – не к добру. Рассказчица колеблется от сомнения в реальности существования русалок (*может быть, это сказка*), встреча с которыми ее бабушка якобы преопределила его скорую смерть, к стремлению утвердить достоверность трактовки реального печального события как следствия встречи со сверхъестественными существами (*мой дед Иван видел вот эту русалку. Но он никогда не пил, ни что*). Танцующие на берегу озера русалки в ее повествовании – то ли явь, то ли «такое видение», то ли сон: «<...> Ну, я хочу сказать, что бабушка, в общем-то, после такого сна недолго прожил, он очень недолго прожил. <...> скоро-скоро как-то вот он умер после такого видения» (Пуст. Холюны 2005).

II. Детская тема в рассказах о духе жилья

Облик домового в поверьях псковско-белорусского пограничья. На обследованной приграничной территории преобладает тип домового, в основных своих признаках близкий типу русского домового. Однако, при преобладании общерусского типа домового, нередко в одних и тех же населенных пунктах и даже в записанных от одного и того же респондента повествованиях общим названием *домовой* объединены по сути разные мифологические персонажи: 1) дух-опекун, обязательно живущий и необходимый в каждом доме, от расположения которого зависит счастье или несчастье жильцов дома; 2) злой дух, приходящий извне, пребывание которого в доме не только не обязательно, но и нежелательно; 3) ходячий покойник, великий грешник, навещающий после смерти свой дом; 4) пребывающий вне дома злой дух, похищающий детей; 5) не связанный с домом или каким-либо строением хозяин природного локуса.

По наблюдениям Е. Е. Левкиевской над диалектными особенностями распространения антропоморфного облика домового на восточнославянской территории, «в русской традиции, где статус домового с точки зрения носителей традиции весьма высок, домовый предстает в облике взрослого или пожилого человека. Лишь спорадически на русской территории и на востоке Белоруссии фиксируется облик домовика как взрослого человека маленького роста (пинез., арх, олонец., кадник. вологод., воронез., витеб., гом.). На территории украинско-белорусского Полесья, начиная с территории Сумской области, появляются представления о домовом как о маленьком мальчике, хлопчике» [Левкиевская 2000: 104]: *хлопчык маленьки* (Киевск.) [Левкиевская 2020а: 37, № 7]; *таки пацан, хлопчык. Мужыцьким таки дитятэм показваўса, хлопчыком* (Брестск.) [Левкиевская 2020а: 75, № 128]; *хлопчык таки ў красной шапочце, неўэлики, мо годикоў п'ять-шэсть* (Киевск.) [Левкиевская 2020а: 75, № 129]. Исследователи полесской мифологической традиции полагают, что «на представление о домовике как о хлопчике, ребенке, повлиял достаточно распространенный в полесской традиции аналогичный облик черта и водяного духа» [Там же: 37].

В материалах по псковско-белорусскому пограничью антропоморфный облик домового наиболее представлен. Дух жилья появляется в облике *старика, старичка* (Нев. Кун.); *мужчины* (Себ., Нев.); *здоровенного плечистого мужчины* (Н-Сок.), *мужчины огромного роста* (Усв.). В ряде текстов домовый предстает в облике *маленького мужичка* (Нев., Усв. Кун.), способного, например, не нагибаясь, пройти под сараем (Усв.). Представления о «детской» ипостаси домового материалами псковского архива не зафиксированы.

Домовой опекает ребенка. При распространенности восприятия домового как покровителя и хранителя семьи,

представление о домовом как опекуне детей в русской мифологической традиции не выражено особо. Исключение составляет Русский Север, где было принято отдавать новорожденного под покровительство мифологического хозяина, для чего старшая женщина в семье произносила соответствующий приговор (арханг.) [Левкиевская 2020а: 112; Левкиевская 2001; 469]. В белорусском и украинском Полесье о внимании домового к детям упоминается лишь в двух селах: «Кажут, ён [домовик] выходит к детям и с детьми разгавариваит» (Гомельская обл.) [Левкиевская 2020а: 113, № 230]; «Я була малая, колыхаў мене домоўы и куклу даўаў» (Киевская обл.) [Левкиевская 2020а: 113, № 231].

Авторы и составители «Народной демонологии Полесья» указывают еще на один текст из Волынской обл., в котором упоминается, что домовик присматривает за ребенком (*дытыну глядыць*), но обращают внимание, что в этом тексте домовик описывается не как домашний покровитель, а как дух-обогатитель, находящийся в услужении хозяина дома и исполняющий разную домашнюю работу [Левкиевская 2020а: 112].

В материалах по южной Псковщине домовый, опекающий ребенка, представлен одним текстом. Однако и в нем домовый предстает не как дух-покровитель семьи, а как дух, появляющийся в доме после смерти родича, «ходячий покойник», большой грешник, в течение сорока дней тревожащий родных, так как над ним не произвели всех полагающихся обрядов; вместе с тем он проявляет заботу о младшем члене семьи, своем маленьком внуке, и по отношению к нему выступает как дух-опекун: «(А про домового что-нибудь знаете?) Ну что про домового... что про домового... я сейчас скажу, скажу про домового, сейчас расскажу! <...>. Большая в нас семья, помер наш дедушка, помер дедушка, ну, а брату вот

Петру, ён любил его горазд. Всё, там гумно называлось, а на гумне молотили рожь, холодно уже было. А они натопят тепло и молотили рожь. <...> Приходит – в нас, оставлен был Петро дома маленький, ещё он одеваться никого не умел – приходит. “Петя, – старший спрашивает, – а кто ж тебя одел?” – “Меня дедушка надел!” А дедушка помёрши был, раз, дедушка помёр: надел! <...>» (Себ. Птушкино 2006)¹.

Домовой похищает детей. В русской традиции домовой, подобно черту и лешему, способен обменивать новорожденных детей [Левкиевская 2000: 121], похищать некрещеных младенцев (в доме, где есть некрещеный ребенок, нельзя ночью тушить огонь, чтобы домовой не украл дитя (в.-укр.) [Левкиевская 1999: 123]. Существуют поверья о том, что домовой вступает в половую связь с женщинами; прижитые от такой связи дети исчезают раньше, чем их успевают окрестить, и обитают за печкой и в подполье [Там же: 123].

Сюжеты о похищении, подмене домовым проклятых и некрещеных детей, о детях домового, рожденных от связи с женщиной, псковскими экспедициями на обследованной территории не зафиксированы.

В Полесье бытует обычай запугивания детей домовым, похищающем непослушных: «От если дитя расплачеца, [говорили:] “Засни, бо домоўик приде, забярэ тебе”. То пугало» (Брест.). [Левкиевская 2020а: 70, № 104]. В зафиксированной в Себежском районе Псковской области формуле запугивания детей, домовой – злой дух, находящийся вне дома, бродящий по улице по ночам и похищающий детей: «Вы не

¹ Ср. с данными Полесья: «Вот умре хто з сямьи, – здаецца, шчо ў хате ходіць домовік. Свячоной вадой хату кропят, маком абсыпаюць. Домовікі ў старыннае врэмя ходілі с того свету, пужалі» [Виноградова 2000: 279].

уходите никуда, сидите дома, потому что ночью ходят домовые и вас на улице схватят и унесут!» (Себ. Кузнецовка 2006)¹.

III. Детская тема в повествованиях о черте

Повествования о черте составляют значительную группу в корпусе мифологических рассказов и поверий из фонда псковского архива, собранных на территории южного пограничья – 124 текста. Детская тема присутствует в 21-ом из них. Эта тема чаще всего возникает как вариант мотивов, характерных для поверий и рассказов о черте.

Детская ипостась черта

В славянской традиции детская ипостась нечистого, как и других мифологических персонажей, связана с представлениями о генезисе и оборотничестве черта.

Ребенок и генезис черта. В славянской традиции распространены представления о том, что бо́льшая часть персонажей нечистой силы произошла из «нечистых» покойников. Такая концепция происхождения ряда демонических существ, как установили исследователи, является преобладающей для мифологической традиции Полесья [Виноградова 2020: 556]. Вариантами представлений о генезисе черта из «заложных» покойников являются поверья о детях, умерших некрещеными [Там же: 557]. По верованиям населения Западной Украины, «з нехрещеної дитини [после ее смерти] робит сі злий дух»; украинцы Закарпатья верят, что ребенок, умерший некрещеным, в течение семи лет обречен быть чертом и перестает быть им, если вынужденная скитаться душа такого ребенка будет окрещена символически кем-нибудь из людей [Там же].

¹ Сближение домового с приходящим извне вредоносным духом и резко негативную оценку его Л. Н. Виноградова отмечает как главную особенность поверий в западных и частично центральных районах полесской зоны [Виноградова 2000: 278].

Поверья о происхождении чертей из умерших некрещеными детей материалами псковского пограничья не зафиксированы.

Единичным текстом представлено известное в русской традиции поверье, что черт может родиться от сожительства женщины с нечистым; при этом родившийся **чертенок становится обычным ребенком**, если на его мать накинуть нательный крест и тем избавить от проклятья. В основе повествования лежит известный русской мифологической традиции мотив «Баба принимает роды у жены черта». Сюжет рассказа представляет собою сочетание ряда характерных для поверий о нечистых мотивов: ВП 1 Черт забирает проклятых; ВІ 8а Женщина родила черта после сожительства с чертом; ВІ 10 Баба принимает роды у жены черта; ВІ 30 Чёрт награждает углем, который оказывается золотом; ВІ 29 Человек мажет снадобьем чертей глаз; когда черти узнают об этом, они глаз выбивают + ВП 13 Проклятого освобождают от заклатья, надев на него крест: «Была матка с дочкой. Матка такая «спокойная» была! Прокляла дочку! Ну вот. А как прокляла, стала та с чертями водиться. И жил чёрт с ней... И она оказалась в положении от чёрта. И прошло... было это, токомней называлося. Ну вот, надо ж рожать! <...> Вот она чёрту и говорит: “Давай, чёрт, поезжай за бабой!” – “А где?” – “А там-то!” Приезжает чёрт: “Ой, бабонька, скорей, жёнке рожать надо!” <...> привёз он. А она и говорит, эта девка: “Бабонька, я проклята, чёрт у меня будет!” Эта баба чертёнка приняла <...> А девка ей говорила: “Спасите меня, бабонька, отсюда!” Она говорит: “А как?” – “А так: будешь в церкви, как запоют молитву, все [черти] побежат вон, а я сзади одна пойду после и понесу этого своего ребёнка, чертёнка. А ты накинь на меня крест!” Вот она и пошла. Эти все как запели, эти все вон, идёт она, шаклатая такая. А бабка эта как была, так раз – и накинула

ей! А та, говорит, *сразу же стала видеть*: “Ой, – говорит, – как стало легко!” *Сразу же стала человеком*. Идут домой. <...> Идут домой, а черт выскакивает из-под моста, торк бабе в глаз! А баба же видеть одним глазом чертей: “Это, – говорит, – за то, что мою жёнку отобрала!” Она [освобожденная от проклятия] стала жить и с ребёнком [среди людей], а баба и осталась без глаза. Вот и весь рассказ» (Кун. Слепнёво 1996).

По-видимому, сюжет восходит к комплексу «переходных» обрядов, к которым, в частности, относятся свадебные и родильные обряды. Роженица, новорожденный мыслились как лиминальные, нечистые существа, и подвергались обрядовому удалению. «Проклятая» обитает в «токовне» – месте, относимом народным сознанием к «пороговым» локусам, открытым для контактов с обитателями иного мира. Внешним выражением лиминальности персонажа, пребывающего вне социума (прежний социальный статус утрачен, а новый еще не приобретен), его соотнесенности с «иным» миром, является такая черта облика как распушенные, встрепанные волосы, а также слепота проклятой, прозревающей лишь с избавлением от проклятия и вследствие этого освобождением от власти нечистого и возвращением в мир людей. С избавлением матери от проклятья становится человеком и чертенок – ее родившийся от нечистого младенец.

Черт принимает облик ребенка. В мифологических рассказах и поверьях южной Псковщины черт обычно имеет зоантропоморфный вид. Обязательная деталь облика черта – рога/рожки, а также хвост и копыта. По этим признакам черта можно узнать в любом его облики. Как и в других регионах, на территории псковско-белорусского пограничья распространено поверье о безграничных способностях черта к перевоплощению. Нечистый может принимать самые различные образы и, в частности, представлять в облике ребенка.

В деревне Дракуново Пустошкинского района записаны два близкие варианта одного сюжета, в котором в «пороговом» локусе – у мостика/кладок через речку/ручей – черт вдруг возникает перед путником в облике плачущего ребенка лет пяти и жалобно просит: «Перенеси меня, дяденька, через эти кладки! Я не могу пройти!» – и едва не топит человека в реке. Человек замечает у «ребенка» хвост, читает молитву и спасается: с криком «А, догадался!» черт бросается в реку, уплывает и исчезает. (Пуст. Дракуново 2005).

Варианты сюжета бытуют и в других территориальных традициях. В представлении жителей Полесья черт морочит человека, обернувшись *дитём малым*, плачущим на мосту, чтобы напугать прохожих (Житомир) [Виноградова 2020: 511, № 160]. Бес в облике ребенка, плачущего под мостом, – один из часто встречающихся в украинских подольских быличках мотивов [Виноградова 2020: 541].

По общеславянским поверьям, черт способен являться человеку в образе родственника, знакомого. В повествовании, записанном в д. Каревино Усвятского района черт принимает вид деревенского мальчика, сына соседки рассказчицы. Его природу нечистого выдают цепкие лапы, с помощью которых он мгновенно взбирается на стену сеного сарая и скрывается внутри него: «А вот ещё раз картошку копали. Пошла я спросить, сколько накопили. Стою облокотимши, вдруг идёт мальчишка, как вроде Серёжка [соседский мальчик]. Окликнула я его, а ён по сараенка по стенке – цап-цап лапами! Вроде как чёрт. Вскочил в сарай. Сено зашуршало, он туды бултыхнулся. Я пришла домой и матери рассказала, а та говорит; “А там завсегда черти водятся!”» (Усв. Каревино 1981).

Мальчиком из бедной семьи по имени Колька, отданным отцом крестьянину в батраки, предстает черт в зафиксированном в Усвятском районе варианте известного в

русской традиции сюжета «Черт в работниках». Занимательный рассказ-бывальщина, построенный на поверьях о черте, по-видимому, рассчитан на детское восприятие или предназначен развлечь взрослую аудиторию. Невероятные, носящие сказочный характер события «привязаны» к знакомой слушателю местности. Черт принимает образ предмета, мешка с зерном, чтобы измаять мужика напрасными усилиями поднять этот мешок на подводу; мужик все-таки справляется с этой задачей и таким образом посрамляет черта. В наказание старый черт на три года отдает молодого мужику в работники. Живя у крестьянина, «мальчик» обнаруживает свою сверхъестественную природу даром предвиденья («“Будем ляды разрабатывать по горам: будут сильные заливы дожди”. Уродился ячень страшный [‘хороший’]! А у людей, которые копали по низам, ничего не уродилось. На другой год Колька говорит: “Будем копать по низам!” Обрато хлеб ломится по лядам! А люди стали копать по горам – ничего не уродилось»); необычным поведением на деревенской свадьбе (плачет на одной, предвидя, что молодые «будут жить слишком дружно и богато», и пляшет на другой: «А эти молодые весь век будут биться и ругаться»), а в развязке повествования небывалой скоростью передвижения, демонстрацией невероятной для человека силы и мгновенным исчезновением (Усв. Борновалово 1977).

Черт посещает тоскующего по отцу ребенка. В Псковской области и, в частности, на территории псковско-белорусского пограничья, как и в других регионах, бытуют мифологические рассказы о черте, являющемся к тоскующему по родственнику человеку (чаще всего к вдове) в облике покойного (мужа). Ничего не подозревающую женщину спасает от грозящей ей смертельной опасности сведущая, обычно старшая, односельчанка, открывающая тоскующей глаза на

истинное положение вещей. Зайдя, по ее совету, сзади визитера или наклонившись, вдова обнаруживает у него хвост или/и копыта. Разоблаченный нечистый мгновенно исчезает и больше не появляется.

В зафиксированной в Невельском районе версии этого сюжета «взрослый» герой заменен «детским», а традиционное повествование о последствиях нарушения запрета слишком предаваться тоске о покойном преобразуется в рассказ о страданиях ребенка в ситуации распада семьи. Маленькая девочка горюет по покинувшему семью отцу. К тоскующему ребенку начинает являться нечистый, принимающий облик любимого ею папы. Обнаружив на сковородке конский навоз, омраченным сознанием девочки воспринимаемый как гостинец от «папы», бабушка убеждается, что внучка контактирует с существом из «иноного» мира, где, по народным представлениям, все наоборот: золото – уголь, уголь – золото, экскременты – угощение и т. п. Бабушка избавляет внучку от посещений незваного гостя традиционным для мифологических рассказов о черте-«ходячем покойнике» способом: с ее помощью ребенок обнаруживает у пришельца несомненный признак черта – хвост; пришелец разоблачен как нечистый, после чего бежит и больше не появляется. Избавление от нечистого – традиционная благополучная развязка сюжета. «Детская» версия сюжета завершается гибелью девочки. Для привязанности маленького ребенка к родному отцу очевидное для взрослых – не аргумент. Дочка продолжает выбегать босая на сугроб, каждый раз надеясь, что папа придет снова, и, так и не дождавшись, «в конце концов простудилась, заболела и померла» (Нев. Стрельниково 1996).

Черт похищает ребенка. Общим для черта и другой нечисти (банника, лешего) является мотив похищения ребенка мифологическим персонажем. Черт забирает отданное ему

неосторожным словом: «Баню топили. Тагда яна и гаварить. Взяла яна, пашла дятё эта, рябёнка мыть [и говорит мужу]: “Чёрт, приходи за рябёнкам в баню! Долго раз ня будь, а приходи!” Ну. Яна яще не помыла ребёнка, приходит: “Скоро ты, ай не?” – “Сейчас!” Ну, справила рябёнка, надела и отправила, отдала. А это ня ён был, а чёрт! Приходить после мужик: “Ну, памыла ты?” – “А ты ж брал!” – “Када я брал? Я ня брал!” Чёрту и отдала. Вот как!» (Кун. Наумово 2007).

Черт пугает детей: показывается из воды, лезет на берег: «Мать рассказывала <...> Рыбой они занимались, ловили рыбу. У них была будка сделана около озера, там специально караулили сетки. Ну, старики посылали детей. Детей кто-то напугал, с озера вылез. Дети прибегли. Их заругали старые: “Во, как обычно, спугались!” – пошли самы каравулить. Тоже сама так: вылезает кто-то с озера! <...> Ну, а мужчины же пожилые все. Как шарне туды, в озеро, палкой! <...> “О! – говорит – Жалко, что не попал!” А этот ему из озера: “Попасть – не попал, но бок сломал!” Это вот мать моя всё время рассказывала историю. <...> Это назывались раньше черти. Вот такие дела» (Пуст. Яшково 2005).

Чертом пугают детей. Подобно лешему, черт «водит» человека, заставляя плутать. В Пустошкинском районе зафиксирован вариант мотива «Черт водит человека» (ВІ 3), лежащий в основе текста, судя по комментариям информантки, предназначенного для запугивания детей с целью добиться их послушания: черти, появившись перед человеком, пляшут перед ним и бьют своими хвостами по ногам, заставляя против воли идти, куда они его направляют: «Ани выходят на шассе, фстричают и пляшут перит чилавекам. <...> Я сваих бабушык помню, эта фсеё нам рассказывают: “Вечером не ходи, говорит, ночью там обязательно встретит черти, и перед тобой пляшут и, куда ни надо, повядут тебя!”<...> Водили, мою бабушку водили,

два дня заводили <...> “Пойдём, пойдём, говорит, туда, пойдём, пойдём туда – и всё! Пойдём с нам, ты ни туда идёшь! Пошли с нам! Пошли с нам!” – а они перед тобой пляшут. Они вядут, хвостам бьют под ноги. Вядут и хвостам своим бьют. А они довядут, покамест тебе конец дороги, это, покамест на своё место приведут и бросют. (И бросят?) Бросют, ой! У нас малиньких, мы ещё небольшие были, бабушки умерли. <...> бывало, бабушка: “Вы там не ходите ночью и туда не ходите!” И всё» (Пуст. Кисели 2005)¹.

Дети в повествованиях о суициде. Черт выступает в народной мифологии как дух-искуситель, стремящийся заполучить душу человека. Функция искусителя выделяет черта среди всех демонологических персонажей [Березович, Виноградова: 524]. Только черти подталкивают человека к суициду. Особенно настойчиво они склоняют к самоубийству человека, обмолвившегося/помышляющего о желании свести

¹ В другом тексте, записанном от того же информанта, подобным образом ведет себя при встрече с человеком волк, в отличие от чертей направляющий путь человека к дому: «А вот знаешь что, если волк встретит тебя, он доведёт тебя да самого дому и будет под эти, под ноги, пад жилки, стებაь хвостом» (Пуст. Кисели 2005). В Усвятском районе записан вариант повествования об одном из самых распространенных девичьих гаданий – гадании сном, в котором черт, секущий девушку хвостом по ногам, включен в синонимичный ряд являющихся в сновидении образов (суженый – черт – конь), предсказывающих скорое замужество: «4 декабря был праздник Виденье [Введение Богородицы во храм]. И что приснится в эту ночь, это и сбудется. Нужно на ночь сказать слова: “Виденье во храм, сведи меня туда, какая моя судьба!” Может суженый приснится. Ей приснилось, что чёрт по ночам сикаёт ей хвостом: “Я ноги убираю, а он все махает! А на следующий день жених мой пришёл”. И вообще, коли чёрт тискает девушку, жених в этот год будет, и коли конь кусает, хочет стоптать, боишься его, это тоже к хорошему» (Усв. Пестюхино 1981).

Такое присвоение одной и той же функции (сечь хвостом по ногам) как волку, так и черту, в русле славянской традиции, где волк – один из центральных и наиболее мифологизированных персонажей, в символике которого определяющим является признак «чужой», вследствие чего он может соотноситься с «чужими», приходящими извне: с женихом, мертвым, предком, ходячим покойником-вампиrom и пр. В Полесье волк во сне означает для девушки жениха и предвещает ей приход сватов. У чехов *wik* ‘волк’ – эвфемистическое название черта; дьяволом, злым духом считают волка македонцы. Волк знаясь с нечистой силой (с.-рус.). С другой стороны, волки уничтожают или устрашают нечистую силу: черт боится волка (серб.). [Гура 1995: 412–413].

счета с жизнью. Нечистые являются во сне отчаявшейся женщине – многолетней матери, измученной бедностью, и стараются укрепить ее в мыслях о суициде. Ни на минуту не покидающая мать забота о детях отводит беду, не дает совершить непоправимое: «Одна женщина жила бедно-бедно, детей у нее было много. Надоела ей бедная жизнь, решила она повеситься: “Соберу последнее зерно детям, сварю им и удавлюсь!” Решила наделать круп ребятам и удавиться. Пошла на поле, легла на него и уснула. Видит – пришли к ней и всего нанесли: пироги, пряники: “Это всё твоим детям!” – “Детей-то здесь нет, надо снести им!” – и не пошла с ними. Просыпается – обложена сучьями, корягами. Это черти ее звали» (Усв. Хлевище 1981).

Вместе с тем в традиционном народном сознании уживаются противоречивые представления. С одной стороны, к самоубийству человека толкает черт, с другой стороны, все предопределено тем, что человеку на роду написано: «Сам человек никогда не задавится, это чёрт его толкает. Значит, смерть ему такая суждена, в петле»: «Вот дед мой давился. Померли у него родители в 14 лет, оставили ему большое хозяйство, около тридцати голов рогатого скота. Одному с работой не справиться, и он людей нанимал. Выкосят – корову возьмут, пожнут – тоже корову возьмут. Так за два года и разобрали всё. Корова ревет, коню есть нечего. Надумал удавиться. Взял вожжи, влез на матицу; петлю на шею и прыгнул. Вожжи разорвались, а он все коленки разбил. Потом он взял верёвку – эта-то уж не оборвется! – и пошёл опять в сарай. И опять верёвка перервалась. Решил он в этот день больше не давиться. Коню и корове дал солому с крыши. На следующий день он уже взял сыромятный недоуздок – уж это-то не порвется! Но только прыгнул с матицы, а недоуздок пополам! От четырнадцатилетнего мальчишки! Плюнул он и

решил: “Не буду давиться, а пойду жениться!” Пошел к дядьке: “Хочу жениться, коль не удавиться!” Выбрали ему шестнадцатилетнюю девочку, а ее мать сама за него пошла. А матери было 36 лет. Нажили они троих детей. Померла жена, опять он женился, и от этой жены еще у него дочь была. Помер мой дед в 98 лет. Значит, не суждено ему было помереть так» (Усв. Хлевище 1981).

Ребенок разоблачает «парней»-нечистых. К популярным на территории псковско-белорусского пограничья и всей Псковской области, а также известным в других регионах относится такой специфический для черта сюжет, как «Парни-нечистые на посиделках» (ВІ 25): явившиеся на вечеринку черти, омрачив девушек, пляшут с ними. Нечаянно или намеренно уронившая веретено ищет его на полу и обнаруживает у пришельцев хвосты и копыта, бежит, спасается / погибает от преследующих чертей. В двух, зафиксированных в Усвятском и Куньинском районах, вариантах роль разоблачителя «нечистых» принадлежит ребенку: «Раньше ходили на посиделки. Пошла одна баба и увязался за ней маленький ребёнок. Пришли туда, бабы занялись делом, а ребёнок забился под лавку. Потом он и говорит: “Мам, а мам, а у нас мальцы хвостатые сидят!” Она схватила его и бежать. А черти за ней. Еле убежала!» (Кун. Суворово 1983).

IV. Дети в поверьях о проклятых людях

Тематическую группу записанных на территории псковско-белорусского пограничья повествований о проклятых (22 текста) составляют разнородные в жанровом отношении нарративы: поверья, былички, рассказ этиологического характера, сказка-бывальщина, сказка. Все тексты объединяет лежащее в основе сюжета представление о силе проклятья, которое, по народному поверью, имеет негативные последствия

для проклинаемых и для проклинающих. В большинстве повествований разрабатываемая соответственно законам жанра тема проклятых так или иначе касается детей.

По представлениям сельского населения псковско-белорусского пограничья, как это характерно и для общерусской традиции, проклятия бывают намеренные и нечаянные.

1. Преднамеренные проклятья

В материалах псковского архива имеются три повествования о проклятии, произносимом с целью нанесения вреда. Согласно двум из них, при намеренном проклятии, словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий, сопровождается ритуалом, призванным усилить магию проклятия. В третьем тексте содержится лишь сообщение о факте преднамеренного проклятия и его последствиях, вербальная формула проклятия и описание сопровождающего ее ритуала опущены. К детской теме имеют отношение два рассказа: о последствиях преднамеренного проклятия в адрес молодоженов и в адрес беременной женщины.

а) Бездетность как следствие проклятия. В традиционном народном сознании многодетная семья воспринималась как норма, отсутствие детей – как тяжелая аномалия, следствие вмешательства злых сил. В быличке, записанной в Невельском районе, словесная формула проклятия, имеющего целью негативное воздействие на чадородие молодых, сопровождается ритуальным действием, в основе которого лежат характерные для народной традиционной культуры представления о связи дерева с человеком, его телом, категориями жизнедеятельности, судьбой и т. д.) [Агапкина: 60].

Так, в известной народной балладе обращенная злой свекровью в рябину невестка обращается к мужу, готовому по совету матери срубить вдруг выросшее в поле деревце: «Не рябинушку секешь, | Секешь свою молодую жену, | А что веточки

– то наши деточки»). В свадебной традиции Локнянского района, входя в дом жениха, молодые проходят между связанными верхушками березками, чтобы иметь много детей. По комментарию информантки, чем больше листьев у березок, тем больше будет детей у новобрачных [Площук 2000]. В быличке: «Помню, жила у нас в доме женщина, Бандурова звали, Анастасия. Все называли ее колдуньей. Может, это и правда. Вот пример: свадьба была у Толика, соседа нашего. Отец Толика и тётка Настя вечно ругались. Вот она и решила через сына насолить отцу. Как только молодые на крыльцо вышли, чтобы регистрироваться ехать, как она залезла на березу и топором сучки рубить стала! Обрубилa все – это чтоб у них детей не было. А было ей уже за 90 лет! И правда, долго у них не было детей. Она ещё и приговаривала: “Да чтоб вовек у вас детей не было! Не видать тебе внуков! Не видать!” Сколько врачей прошли! Потом к гадалкам ходили, ездили! А им в ответ: “Это вам сделано!” Пока одна бабуля сглаз не сняла. Одна дочь только и родилась» (Нев. Бойково 2000).

б) Последствия проклятия в адрес беременной женщины. Самые трагические последствия для судьбы будущего ребенка наступают, если проклятию подвергается беременная им мать. У ожидающей двойню молодой женщины в рассказе, записанном в Себежском районе, есть все предпосылки для счастливого материнства и семейного благополучия: «А вот там жила девушка молоденькая с Себежа. Интересная, хорошая, любимая!» Проклятие «поганого человека» в ее адрес приводит к трагедии: «<...> вот такие люди поганые <...> Они проклянуть, и потом семейную жизнь и беременность... Ой, есть поганые люди, ой, поганые! <...> [Ее] свекор женился на чужой женщине и в Росе, рядом, всё рядом, рядом, в Росе. И тая женщина сильно прокляла эту девочку Нину, прокляла. А она беременная ходила, <...> двойня была.

<...> И что получилось? Родила безо время, <...> неживого ребёнка сразу одного мальчика, второй живой остался, живой остался второй. А второй оказался рак кишек в его <...> А как хотел он жить! Маленький, водичку [заговоренную] даже пил, как понимал! Я говорю, ну, разрушенья кишки в маленького, даже съисть никого, ты понимаешь?! Он умер» (Себ. Птушкино 2006).

2. Непреднамеренные проклятия

Основная часть повествований о родительском проклятии (19 из 22) – былички о последствиях непреднамеренного проклятия. Неумышленными являются проклятия, высказанные без желания причинить вред; по сути речь идет о приравненной в народном сознании к проклятию «черной» (с упоминанием нечистой силы) брани, неосторожно, сгоряча брошенной в раздражении или гневе. Непреднамеренные проклятия никогда не сопровождаются ритуальными действиями.

а) Условия, при которых реализуется случайное проклятие. Известно, что по народным представлениям, отразившимся в разных локальных традициях, действительно не всякое неосторожно произнесенное злое слово. Все зависит от того, кто, где и когда его произносит. «Отношения участников коммуникативной ситуации должны быть изначально неравными, один из них должен обладать властью и контролем над другим. Этому условию отвечают прежде всего отношения “родитель – ребенок”, а также соответствующая им пара “хозяин – скотина”. Механизм действия проклятия при этом можно описать как передачу находящегося под контролем более высокого по статусу в руки нечистой силы» [Кушкова].

Имеют значение locus и время произнесения «черного слова», особенно в форме отсылки/пожелания. Опасен хронотоп, имеющий в традиционной культуре статус

«порогового», контактного для мира человеческого и мира нежити. Таковы ночь, баня, подпол, подпечек: «*В бане ночью ругаться, ходить нельзя.* Одна мыла своего ребёнка, ругалась: “Как б тебя черти ухватили!” Пришла дочка яе. Она и дает ей ребёнка. Чего доругалась: сделалась как дочка! А та приходит домой и спрашивает: “А где ребёнок?” – “Так я уж отдала тебе!” – “А когда?” А кому отдала? Нигде нет!» (Нев. Боярское 1984).

Выбранный «черным словом» находящийся в подпечке / в подполе ребенок попадает под власть нечистой силы и исчезает: «А раз матка послала ребятёнка *в подпечек*: “Лезь”, – говорит. Ну и полез. А долго что-то. “Скоро ты там, *чёрт тебя ухвати?*” И ухватил чёрт, ребятёнка не нашли» (Себ. Пустошка 1991); «А пекла баба блины. Сковоронник провалили... ребёнок под пол как-то. Яна: “*Лезь под пол, чёрт, за сковоронником!*” Так мальчик и пропал» (Нев. Бойково 2000).

По поверью, черт не может похитить ребенка, если на нем надет крест: «Кого с крестом, не брал, а кто без креста – уведет!» (Усв. Пахомовичи 1977).

б) Последствия непреднамеренного родительского проклятия для судьбы ребенка. Персонажи большинства рассказов о случайном материнском проклятии – дети определенной возрастной категории: младенцы в люльке и маленькие дети, еще не включенные в трудовую деятельность крестьянской семьи. Ситуация, порождающая случайное проклятье, – младенец надоедает плачем, маленький ребенок мешает матери работать [Трушкина: 32].

По народным поверьям, непреднамеренное, брошенное в запальчивости родительское проклятие может иметь тяжелые последствия для судьбы ребенка. «Черное» слово лишает ребенка счастья, отнимает здоровье и жизнь: «Раньше старики всё говорили: “Лучше побей ребёнка, чем худым словам назови: *счастье отнимаешь!*”» (Нев. Щербино 1979). Проклятый

ребенок *болеет-болеет* и умирает: «<...> его судорога сводит, он плохо говорит, у его памяти никакой нет, плохо кушает и со временем он умирает. Это надо обязательно искать такую бабку, которая заговаривает. Вот заговоры делают, заговаривают от этого всего... от проклинания» (Себ. Литвиновка 2006); «(И что тогда с таким [проклятым]?) Ну, болеть [будет] и помрѐ» (Себ. Птушкино 2006). Если ребенок постоянно болеет – это, по убеждению носителей традиции, следствие того, что ребенка проклинали родители: «Ну, мать, говорит, своего дитѐнка прокляла. (И что случилось?) Что получились... болел всю-всю жизнь ребѐнык. Ну. Это, говорит, всё материнское проклятие» (Пуст. Кисели 2005).

По народным представлениям, проклинать ребенка – грех и проклинавший будет отвечать на том свете перед Богом: «(А матери потом что?) А что матери становица? Матери ничего ни становица. Мать на том свете будет отвечать Богу» (там же).

в) Неосторожное слово. «Подменьши». По сути, в основе всех повествований о непреднамеренном проклятии лежит представление о последствиях неосторожного нарушения запрета на «черную брань» (упоминание нечистой силы). «Черная брань» в форме раздраженного обращения, недоброго пожелания или «отсылки» приводит к неожиданным, нежелательным для бранимого и бранящегося последствиям: проклятие реализуется мгновенно – ребенок тут же исчезает: «Каким веком было, не помню. Матка в бане мыла ребятѐнка, ждала мужика, отдать. Высунула в дверь: “На ты, чѐрт ты несчастный! Скоро ты, чѐрт? Возьми ребенка!” Чѐрт его и взял» (Себ. Пустошка 1991); «Бывали случаи, когда дети пропадали, *если чѐрта вспомнят*. Так, одной женщине надо было корову доить, а дети есть у неё просили, а она на них: “Надоели вы мне, пошли вы к чѐрту!” Подоила корову, пришла, смотрит: пропал ребѐнок!» (Кун. Татуи 1983). «Баню топили. Тогда яна и

говорить. Взяла яна, пошла дятё это, рябёнка, мыть [и говорит мужу]: “Чёрт, приходи за рябёнкам в баню! Долго раз ня будь, а приходи!” Ну. Яна яще не помыла ребёнка, приходит: “Скоро ты, ай не?” – “Сейчас!” Ну, справила рябёнка, надела и отправила, отдала. А это ня ён был, а чёрт! Приходить после мужик: “Ну, памыла ты?” – “А ты ж брал!” – “Када я брал? Я ня брал!” Чёрту и отдала. Вот как!» (Кун. Наумово 2007).

Только с младенцами связан известный мифологический сюжет о «подменьше». Подменьш – подложенный нечистой силой взамен похищенного ею из люльки неосторожно проклятого родителями младенца чертенок, чурка, веник и т. п., которые принимают облик ребенка; подменьш не растет и в течение многих лет мучает ни о чем не догадывающихся родителей малыша непрерывным криком. Обычно повествование завершается избавлением от подменьша. Сюжет может развиваться двояко. От подменьша избавляет: а) «знающий человек», понимающий и открывающий людям истинную природу «подменьша», например, топором ударяет мнимого младенца, подменьш принимает свой истинный вид (полена). Для этой версии пол ребенка, очевидно, не имеет значения и обычно не уточняется; б) во втором случае неосторожно проклятый в люльке младенец – всегда девочка. Проклятая живет у черта до брачного возраста, вступает в брак, является к родителям и избавляет их от «подменьша», разрубив его топором, после чего «подменьш» принимает свой настоящий вид (полена) / исчезает. По данным словаря «Славянские древности», представления о подменьше наиболее широко известны в западноевропейской демонологии, в поверьях западных славян, а в восточно-славянской традиции распространены на Русском Севере, в северо-западных областях Белоруссии и в карпато-украинской зоне [Виноградова 1999: 98–99].

Записанный в Невельском районе сюжет о подменыше относится ко второму типу. В невеличской версии сюжета о *проклённые* рассказчица подчеркивает идею Божьего наказания родителей, проклявших свое дитя: проклятого ребенка, девочку, подменяют и воспитывают до брачного возраста не черти, а ангелы. Ангелы уносят девочку с собой, подменив ее чертенком. Измученных родителей избавляет от подменыша посетившая их через 20 лет дочь-невеста, ударив топором крест-накрест по порогу (Нев. Лобок 1987).

Повествование представляет собой один из образцов переходной жанровой формы¹. Свойственный бывальщине о подменыше сюжет завершается невнятно представленным мотивом, характерным для сказок типа СУС 313С (*Чудесное бегство*), заканчивающихся эпизодом «Забывтая невеста»² (Нев. Лобок 1987).

Локус проклятых – пространство, воспринимаемое традиционным сознанием как «нечеловеческое», соотносимое с «иным миром» или рубежное с ним. Оно может быть названо или не названо, но при этом подразумевается: проклятого забирает к себе мифологический персонаж. В текстах из Невельского и Куньинского районов в качестве природных локусов проклятого указываются **лес** и **река/берег реки** – в традиционной культуре последний рубеж, преодолев который, человек попадает в иное пространство и оказывается во власти нечистой силы.

¹ Жанровые реализации и переходные между классической сказочной и мифологической моделью формы повествований о детях, отданных нечистой силе, исследуются Ю. С. Соловьевой [Соловьева].

² В тексте, записанном в Себежском районе, эпизод «Забывтая невеста» с запретным поцелуем контаминирован с сюжетом «Невеста из бани» (парень женится на проклятой девке). Рассказчица идентифицирует свое повествование как сказку (Себ. Ульяновичина 2006). Взаимодействие близкой к сюжету о подменыше тематической группы быличек и сказок о проклятой невесте исследуется в статье К. Е. Кореповой [Корепова: 291].

Из леса выходят проклятые навстречу человеку просить креста в надежде избавиться от проклятья и вернуться в мир людей¹: «Петька рассказывал. Пасёт он коней, а из лесу к нему три девки выходят, надеты как обычно, плачут, молят: “Дай нам крёст! Мы прокляты. Нас выпускают раз в год. Вот нам осталось час здесь быть!” Не дав он крёст, побоялся. Они так и ушли, пропали» (Нев. Щербино 1979). В лесу на верхушке дерева оказывается проклятое по пустяковому поводу дитя: «Дарья, соседка моя, рассказывала. Видела в лесу на верхушке дерева дитя сидит и приговаривает: “Моя матка меня прокляла за кусочек теста!”» (Нев. Щербино 1979). Еще один текст, содержащий мотив проклятого матерью за комок теста ребенка, записан в Себежском районе: «А вот и говорили ещё раньше, раньше, ещё молодая была. “Прокляла меня мать за комок теста!” Ещё раньше это говорила. (И что тогда с таким человеком?) Ну, болеть [будет] и помрёт» (Себ. Птушкино 2006).

У реки слышится плач в сердцах выбранного матерью черным словом и вдруг исчезнувшего ребенка. Мифологический персонаж, во власти которого оказывается проклятый ребенок, в этом повествовании предстает в облике старика, что обычно и для других локальных традиций: «<...> Пошел мужчина какой-то рыбу ловить на речку и слышит голос человеческий, не то визгает, не то плачет. Испугался мужик, побежал за людьми, приходят они, и нашли этого [проклятого] мальчика. Спрашивают: “Что ты здесь делаешь, как попал сюда?” А он говорит: “С дедушкой жил”. <...>» (Кун. Татуи 1983).

Похищенный нечистым вследствие неосторожного слова родителей ребенок оказывается в параллельном, «тонком», мире, соседствующем с человеческим, но невидимом для человека: родители слышат детский плач, но самого ребенка не

¹ Сюжету об исчезновении проклятого в лесу с последующими событиями его лесной жизни и возвращения в мир людей посвящено исследование А. Н. Кушковой [Кушкова].

видят: «Жила семья. Муж, жена и маленький ребенок у них был. В субботу пошел мужик у баню, потом пришел, лег. Она пошла и ребенка понесла, а ему говорит: “Приди потом за ребенком!” Вымыла ребенка и кричит: “Ходи, ребенка бери!” – “Иду!” Отдала, и не видела кому, а сама моется. Пришла домов, а в люльке нет никого. “А ребенок?” – “Не знаю” – “А ты не брал?” – “Нет!” А потом *учуть* [‘слышат’]: *плачет, а не видать, где*» (Усв. Пахомовичи 1977).

Случайное материнское проклятие распространяется на внуков. Родительское проклятие распространяется и на потомство проклятого. В Куньинском районе записано повествование на известный в русской мифологической традиции сюжет «Баба принимает роды у жены черта» (VI 10; VII 15). Вследствие порожденного дурным характером матери проклятия дочь попадает во власть нечистого, и оказывается «в положении от черта». Она плачется на судьбу приглашенной принять роды повитухе («Бабонька, я проклята, черт у меня будет!»), молит о спасении («Спасите меня, бабонька, отсюда!»). Из текста следует, что рождение чертенка у женщины обусловлено не столько сожителем с чертом, сколько является следствием материнского проклятия. В традиционном народном сознании проклятый, которого нечистый уводит в мир нелюдей, тоже становится нелюдью (о чем в быличке свидетельствуют в частности «шаклатость» и слепота проклятой женщины)¹, и рожденный проклятой ребенок – так же нежить (чертенок). Проклятая становится человеком и прозревает при переходе из мира нелюдей в мир людей, что происходит в момент освобождения от проклятия; одновременно с избавлением женщины от проклятия и ее переходом в мир людей снимается проклятие и с ее

¹ О слепоте как одном из двух важнейших семантических узлов граничной зоны см.: Неклюдов: 135.

новорожденного младенца, он становится обычным человеческим ребенком: «идет она, *шаклата* такая. А бабка эта как была, так раз – и накинула ей [крест шею]! А та, говорит, *сразу же стала видеть*: “Ой, – говорит, – как стало легко!” *Сразу же стала человеком*. <...> Она [освобожденная от проклятия] стала жить и с ребенком [среди людей]»¹ (Кун. Слепнёво 1996).

Происхождение кукушки и кукования вследствие материнского проклятия. Поверье о необратимых последствиях материнского проклятия, лежит в основе бытующих в разных (в том числе псковских) локальных традициях этиологических повествований о кукушке-проклятой матерью дочери или сыне. В славянской традиции известны этиологические легенды, в которых «кукушкой становится дочь, проклятая больной матерью за нежелание принести ей воды (болг. пловдив.), или сама больная мать с горя, что дети не подали ей воды (бел. гомсл.)» [Гура: 36–37]. Подобное повествование записано в д. Асташково Себежского района. Текст объясняет происхождение особенностей болотистой местности в окрестностях деревни: «Мать заболела и просила пить, но дети заигрались. Мать сделалась кукушкой и полетела по болотам. Дети заплакали и побежали следом. Они себе все ноги изрезали, [но мать так и не вернулась]. И вырос красный мох» (Себ. Асташково 1991) [Легенды: 219, № 225]. Поверья о кукушке-проклятой дочери, записаны экспедицией Фольклорно-

¹ По-видимому, сюжет восходит к комплексу «переходных» обрядов, к которым, в частности, относятся свадебные и родильные обряды. Роженица, новорожденный мыслились как лиминальные, нечистые существа, и подвергались обрядовому удалению. «Проклятая» обитает в «токовне» – месте, относимом народным сознанием к «пороговому» локусам, открытым для контактов с обитателями иного мира. Внешним выражением лиминальности персонажа, пребывающего вне социума (прежний социальный статус утрачен, а новый еще не приобретен), его соотносительности с «иным» миром, является такая черта облика как распущенные, встрепанные волосы, а также слепота проклятой.

этнографического центра Санкт-Петербурга в Новосокольническом и Печорском р-нах [НТКПО: Т. I: 400, № 15; Т. II: 179]. Поверье о кукушке – проклятом матерью ребенке – зафиксировано экспедициями в Палкинском и Пыталовском районах Псковской области: «(Почему кукушку называют проклёнышем?) Яная [мать] ругается на дите и го[вори]т...Проклятый уже, няшчасный дятё» (Пыт. Максимково 1999) [Легенды: 219, № 235. См. также: №№ 230; 232; 234, 236]. Из содержания единственного записанного в Себежском районе этиологического повествования о происхождении кукушки и ее кукования трудно заключить о возрасте проклятого сына. Рассказ представляет собою версию, включающую в качестве причины материнского проклятия мотив пропажи ключей, отмеченный также в Сербии, белорусском Полесье и на Смоленщине [Гура 2004: 36]. В отличие от бытующих в названных регионах повествований, в которых ключи теряет или крадет у брата сестра, в наказание за что и превращается в кукушку [Там же], в себежской версии пропажа ключей оказывается мнимой, и тем более трагичными выглядят необратимые последствия брошенного в гневе злого слова. И проклятый матерью сын, и его мать превращаются в кукушек. Кукующая кукушка – это горяющая мать, неустанно напрасно зовущая проклятого ею по ничтожному поводу сына. Поверья об обоюдной силе родительского проклятия являющегося, по народным поверьям тяжелым грехом перед Богом и преступлением по отношению к ребенку, известны в восточнославянской традиции¹. «Говорила мама моя, что у матери был сын, Якуб звали этого сына. Ну, и сын как бы, я не знаю, ушел он куда-то, двери закрыл, а ключ куда-то положил. И мать не могла этот ключ найти. И когда мать пришла домой – ключа нет! Ну, раньше, говорят, что можно было проклясть

¹ См., например: П. И.: 42–43.

человека, вот, примерно, что она начала его клясти, что, «чтоб ты провалился, ты куда-то от меня делся!» Ну и вот, и он якобы, вот этот вот Якуб, превратился в кукушку. А когда она посмотрела, куда они все время ключ клали, – ключ на месте. Она вышла и начала его звать, что, мол... и вот она и кукует: «Ку-ку, ку-ку!». Она и говорит: «Якуб, ключ тут, ключ нашелся!»¹. А он уже все! Вот так вот получилось... это кукование. Ну, так мама говорила, правда это – не правда... Особенно я не читала таких» (Себ. Литвиновка 2006) [Легенды: 221, № 228].

Младенец, проклятый в утробе матери. Псковский архив не располагает записями мифологических повествований о младенцах, проклятых в утробе матери, таких, как, например, бытуют в Ульяновской области (в результате проклятия плод в чреве матери превращается в головешку, женщина рождает головешку) [Трушкина: 27]. Единственный имеющийся в нашем материале текст, содержащий мотив проклятого в утробе ребенка, представляет собой версию знаменитой благодаря Аксакову сказки «Аленький цветочек». Народные представления об истоках счастья и несчастья в человеческой судьбе нашли яркое воплощение в этой русской сказке, где идея разрушительности злобы, зависти, коварства и противопоставленной им всепобеждающей, преображающей силы любви, благодарности, верности воплощается в соответствии с жанровыми канонами волшебной сказки: чары колдуньи, обратившей красавца-царевича в безобразное чудище, разрушены, герои обретают заслуженное счастье. В записанной в соседнем с Новосokolьническим Локнянском районе версии сюжета «Аленький цветочек» источник страданий героя, причина его отталкивающей внешности и злключения не в

¹ Ср. с расшифровкой кукования в смоленской версии сюжета о проклятии за утраченный сестрой ключ: серб.): «С тех пор кукушка неустанно зовет брата: “Маак-сим (или: Я-куб), вяр-нись! Клю-чи знайш'лись!”» (смолен., ЭО 1894/3:89). [Гура 2004: 36].

кознях злой ведьмы, а в том, что его мать «прокляла, когда [он] еще в утробе был» (Локн. Исаково 1982) [Сказки Псковской области: 96–97, № 30]. Текст сказки не дает возможности судить, идет ли речь о непреднамеренном, случайном, проклятии или о проклятии будущей матерью нежеланного ребенка. Включенный в концовку сказки мотив проклятого в утробе младенца вводит ее в одну сюжетно-тематическую группу с существующими в восточнославянской традиции бывальщинами о злключениях людей, еще до рождения проклятых матерями, и избавлении их от проклятия. Такова бывальщина, в которой еще до рождения проклятого своей матерью и вследствие этого уже взрослым уведенного нечистым в подводный мир мужа спасает только любящая, готовая на самопожертвование жена. Попытки отца и матери выручить его из-под власти нечистого остаются безуспешными, т. к. родители не готовы ради спасения сына прыгнуть в прорубь, что, не задумываясь, совершает жена: «Другъ мой сердечной, закон неразлучной! Теперь я отъ тебя не отстану! <...> Ты въ воду, и я за тобой!» [Афанасьев: 315–316]. Бывальщины о проклятых в утробе матери публикует В. И. Даль в своем труде «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» [Даль 1994: 377, 421].

V. Семья и дети в мифологических рассказах о «знающих людях»

В корпусе мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья повествования о «знающих» людях (обладающих сверхъестественным магическим знанием) составляют наиболее многочисленную группу (323 текста).

Колдуны и судьба молодой семьи.

Колдун/колдунья и свадьба. Заметное место среди записанных на исследуемой территории мифологических

повествований о «знающих людях» занимает тематическая группа рассказов «Колдун/колдунья и свадьба». Это известные в общерусской традиции рассказы, развивающие мотив «Колдун/колдунья портит свадьбу», «Колдун охраняет свадебный поезд», «Соперничество колдунов на свадьбе». В единичном варианте, записанном в Шалаховском с/с Пустошкинского района, представлен сюжетный мотив «Колдун губит мужика, не спросившего у него разрешения жениться».

1. ***Колдун санкционирует образование новой семьи.*** Пережитки архаических представлений об исключительном праве колдуна санкционировать образование новой семьи, о жестокой каре, постигающей дерзнувшего пренебречь соизволением колдуна, о способности колдуна «отмерять» жизненный срок вступающему в брак отложились в единичной записи, сделанной в Пустошкинском районе: «У моей бабки брат в Миронове, у него трое детей, померла женка. Надо жениться. В Миронове жил колдун. Он [брат бабки] привел жену без разрешения колдуна. Колдун сказал: “Женился, а жить не будешь! Вот тебе срок!” И как ни просил, а колдун говорит: “Не могу!” Мужик отжил три месяца и помер» (Пуст. Шалахово 1985).

2. ***Колдун/колдунья портит свадьбу.*** По народным поверьям, во власти колдуна находится судьба вновь образующейся семьи. От расположения колдуна зависит здоровье и хозяйственное благополучие новобрачных: «<...> Были колдуны, мы сами знали этих колдунов. Они были, и к ним обращались по-хорошему. А если к ним обратишься по-худому, тады они тебе наделают худого вреда» (Кун. Хмелево 2009); «Вообще, если молодые знали, кто умеет заговаривать, – их всех приглашали на свадьбу обязательно, чтобы они не обижались и не портили свадьбу. Слышно в округе очень много случаев “порчи” невесты. Чаще всего она вскоре после свадьбы

начинала очень болеть и чахла, нельзя было понять, чем именно она больна» (Себ. Томсино 1985); «Рассказывала моя тетья. <...> называется деревня здесь такая... Александрово. Щас ее нет. <...> был такой случай. В общем, всех пригласили, а *эту* бабу-колдунью забыли. <...> Она говорит: “Ну, ладно, – говорит, – посмотрим!” И у них буквально через неделю начались неполадки. Вот сначала у них умерла там корова, вот она рассказывала. Потом, значит, кто-то заболел, потом у кого-то туберкулез. А потом в конце концов у этой молодой женщине, которая выходила замуж, отнялись ноги. И потом, значит, стали искать: ну, в чем причина, в чем причина? И какая-то старая женщина вот этой сказала, говорит: а мы же говорит, Акулину-то не пригласили! *Вот поэтому колдун, колдун! Колдуна не пригласили, вот такая она сделала*» (Пуст. Холюны 2005).

Наибольшее распространение, как и в других регионах, имеют рассказы, содержащие версию мотива «Колдун, режет колдунья, портит свадьбу за то, что его/ее не пригласили на свадьбу» (ГП 6), в которой колдун/колдунья магически воздействуют на свадебный поезд: ломаются колеса, кони не могут сдвинуться с места, встают на дыбы, погибают, не могут преодолеть обрядовый «рубеж»: въехать/выехать из ворот невесты, въехать с молодыми в ворота дома жениха, распрягаются на бегу, оказываются впряженными в телегу хвостами вперед; колдун/колдунья превращает участников свадебного поезда/свадебных коней в волков/медведей ¹,

¹ Такая разновидность «порчи» свадебного поезда как превращение колдуном поезжан/лошадей свадебного поезда в волков /медведей, которую устраняет *знатец*: снимает порчу – люди снова обретают свой настоящий облик, связана с древними представлениями о браке как смерти и новом рождении молодых в новом качестве, в качестве супругов и родителей. Она являет собой рудимент тотемистического варианта руководимой колдуном обрядовой имитации путешествия молодых в мир мертвых, представляемый архаическим сознанием как царство зверей (и, соответственно, обретения молодыми и участниками свадебного поезда зооморфного облика), и возвращения оттуда (и, соответственно, обретения ими человеческого облика вновь). Архаичный вариант с превращением поезжан в волков, пребыванием их в лесу (в

останавливает свадебный поезд и заставляет жениха петь до потери голоса и изнеможения¹. Как заметил В. А. Лобач, «чаровник магическим образом наказывал виновных не столько с целью навредить – главной задачей урока, который преподавал колдун, являлось восстановление его реноме и непоколебимого авторитета в рамках сельского сообщества» [Лобач: 177–178]. Обычно рассказ завершается тем, что у колдуна просят прощения, приглашают на свадьбу, подносят угощение, он снимает свое колдовство, и поезд благополучно следует дальше.

Однако известно, что если во время свадьбы происходит какой-то беспорядок со свадебным поездом: распряглась/споткнулась лошадь, сломалась оглобля, опрокинулась повозка с молодыми – это воспринимается носителями традиции как негативный прогноз будущего молодых. Истоки такого восприятия лежат, по-видимому, в актуализирующейся в обрядовой ситуации символике дороги как пути, связывающем «тот» и «этот» свет, в архаическом свадебном обряде – как опасного пути молодых в «иной мир» и уже в новом качестве будущих супругов и родителей оттуда. В свете этих представлений «шутки» колдуна над свадебным поездом – грозное предупреждение о возможных последствиях пренебрежения обычаем приглашать на свадьбу «знающего» человека.

3. Колдун охраняет свадебный поезд. Некоторые тексты доносят представление об обережных функциях колдуна в свадебном обряде. В этих рассказах мотивировка «порчи»

обрядовой ситуации «лес»=«иной мир») и рудиментами представлений о способе возвращения им человеческого облика см: «А однажды нагадали на свадьбу всех волкам. Они в лес, прыгали-прыгали через пёнушки; придут из лесу, просят поесть, завоют, а собаки залают, сзади хватъ за ногу – и дыра в шкуре. Ладно! Вот пошли прыгать через пни и плакать-плакать! Ну как прыгнет – так шкуру и сдел! А где кусила собака, шерсть оставши. Околдовывали их...» (Н-Сок. Глядково 1988).

¹ Кун. Кадосно 2009, Хмелево 2009; Н-Сок. Вяз 1988; Глядково 1988, Шевельки 2004, Бояки 2004; Пуст. Шалахово 1985, Дракуново 2005, Холуны 2005; Себ. Полозово 2005; Усв. Пахомовичи 1977.

свадьбы обидой чаровника на проявленное неуважение к его статусу отсутствует, а магическое воздействие стремятся осуществить «чужие» колдун/ведьма с целью погубить молодых во время следования свадебного поезда или расстроить свадьбу. Во избежание таких последствий «надо обязательно колдуна брать на свадьбу» (Пуст. Дракуново 2005); «Другой раз и брать [колдуна], потому что ездешь же по деревням, и брать: колдун колдуну разница, некоторые знают больше, чем другой. Никак не расколдовать! <...> (На долгое время могли заколдовать?) Пока не расколдуешь» (Кун. Кадосно 2009). Знатец, «свой человек», осуществляет магическую защиту молодых и всех участников свадебного поезда от вредоносного воздействия: «Выходила одна девушка замуж. Жила она не так далеко, где-то за Руковым. Точно не знаю где. Колдун поймал свою курицу и наговорил, чтобы, когда поедут молодые, бросить курицу. Лошади подумают, что это медведь, встанут на дыбы и разобьют молодых. А “свой человек” молодых узнал об этом, ему все рассказал другой колдун. Поехали молодые, а как стали подъезжать к этому месту, “свой человек” взял дубину и поехал вперед. А колдун не знал, что это ехали не молодые, взял да и бросил курицу под коня, еще до того, как поехал “свой человек”. А курица, раз наговоренная, то и стояла. Дядька слез с коня, убил курицу и этой курицей ударил по морде колдуна. И молодые поехали, ничего с ними не случилось» (Себ. Руково 1991). В тексте, записанном в Великолукском районе, знатец, охраняя свадебный поезд, наказывает колдунью за попытку испортить свадьбу: у ведьмы, бляевшей из окна, чтобы свадьба разбежалась, как козы, вырастают невидимые рога; три дня, пока «гуляет» свадьба, колдунья не может вытащить свою голову из окна. Помилованная колдуном на четвертый день, она больше не решается портить свадьбы (Вл. Захарово 1999).

4. Колдун/колдунья программирует репродуктивное здоровье молодых, рождение детей/бездетность: «Ну, это так, рассказывали из старины. И так, бывало, другой раз и не житьев невеста с женихом. И расходятся. А то больными делаются» (Н-Сок. Глядково 1988). В упоминавшемся выше рассказе, записанном в Невельском районе, колдунья, враждовавшая с соседом-отцом жениха, обрекает молодоженов на бездетность, для чего с заклинанием «*Да чтоб вовек у вас детей не было! Не видать тебе внуков! Не видать!*» обрубаёт ветви берёзы; снимает проклятье знахарка (Нев. Бойково 2000).

VI. Колдуны и дети

1. «Знающие» люди провидят судьбу ребенка: «Вот про эту же женщину болтали, про *бабушку*, которую говорили. У нас там была женщина, у неё был ребенок. Я до сих пор помню, звали того мальчика Витенька. И вот эта бабушка сказала: “Он у тебя не жилец!” И она так расстроилась, стала ругаться на нее! А потом, значит, получилось так: она работала дояркой. И летом солнце рано встает, и она, чтобы ребенок спал... Она все окна закрыла, занавесила, чтобы солнце не будило. И, ну не знаю почему, на стол поставила свечку. Мальчик, она только ушла (обычно спал очень долго), а тут видно проснулся. Залез на стол, на этот, уронил эту свечку. Два годика ему было. Загорелось всё, окна занавешаны... И, действительно, ребенок погиб. И вот это тоже бабушка предсказала. Потом, вообще, с ней не общались – боялись» (Себ. Дмитрово 2006).

2. Ребенок – возможный наследник «тайного» знания колдуна. По народным поверьям, ведьма/колдун обязательно должны передать свое умение другому человеку, иначе смерть колдуна будет мучительной. Как и по всей России, в мифологической традиции псковско-белорусского пограничья

бытует поверье о трудной смерти колдуньи/колдуна: «А вот когда она умирала, тогда мне лет шесть было, ей было очень трудно умереть, и у нее прямых наследников не было и детей не было. И ей, как говорят, колдовство свое некому было передать, и она очень долго мучилась, пока, вот, как у нас называется, не разобрали потолок. Разобрали несколько потолочин, и она умерла» (Себ. Исаково 2005). Тайное знание передается либо: а) по наследству в семье от старшего к младшему: мать-колдунья перед смертью передает свое умение дочери, *«молодые, от батьки научатся»* (Себ. Казинка 2000); б) тайное знание передается от старшего к младшему, независимо от отношений родства. В рассказе, записанном в Себежском районе, ведьма пытается обучить заговорам девочку-соседку. Последняя должна перенять знание при одном условии: из уст в уста, не записывая на бумагу: «Ну, все на нее говорили, что она колдунья. <...> Вот, помню, мою сестру учила. Здесь мы картошку сажаем, а она сестру учила: “Иди сюда, я тебе поговорю, вот!” Та слушала: “Не, бабушка, я не запомню, дай запишу!” – “А, не! Тада иди, иди как хочешь!”» (Себ. Горбуны 2006).

3. Колдуны вредят ребенку приемами контактной магии. Большинство текстов о «знающих» людях, записанных на территории пограничья, иллюстрируют народное представление об основной функции ведьм и колдунов – магическим воздействием причинять вред людям, их здоровью, благополучию, хозяйству. Как и взрослые, дети подвержены воздействию чаровников. В этих повествованиях последние добиваются вредоносного результата с помощью различных способов контактной магии. Один из них – подбросить на дорогу заговоренный предмет, соприкосновение с которым наводит на ребенка «порчу» [Попов: 29]. Распространенный вариант колдовских «подкладов» в русской традиции –

серебряные монеты: «А мой внучек стал вдруг дергаться. Он говорит, что я не хочу, а меня как будто кто-то подталкивает. Водили к бабке, а она сказала, что он или поднимал платок с серебряными монетками или ногой задел, когда бегал. Видать кто-то подбросил. <...> Водили к бабке его, так она его и заговорила» (Н-Сок. Насва, 1990); в другом также распространенном в славянской традиции варианте ведьма достигает негативного воздействия на человека, заколдовав одежду; надев ее, девочка-подросток совершает суицид: «У нас... от, ходили мы у школу. Ходила с колдуновой семьи [девочка] и Стешка Маркова. Они очень дружили, были подруги. Менялись одеждой, обувкой своей. Дажа. От одной, которая не колдунова девка. Тая красивая была девка. Не любила свою одежду, ни сама себя не любила, ничто не любила, а любила именно этой девки, своей подруги. И она брала от нее, надевала. В седьмой класс ходили мы. И эта подруга, колдуниха эта, жива, а эта повесилась у петле <...> И в ней, в ее рубахе, у ей туфли были одета, уже которая задавилась. Ну, тут от мы говорили, что сумела, *сделала на рубахе, на одежде на этой*» (Пуст. Дракуново 2005).

VII. Знахари и дети

Детская тема в повествованиях о «знающих» людях из фонда псковского архива представлена главным образом поверьями и рассказами о лечении детских болезней, большинство из которых, по народному поверью, возникают вследствие сглаза, испуга и пр.

В материалах из районов южной Псковщины содержатся сведения о лечении бессонницы и ночного крика у младенца,

родимчика¹. (Кун. Жижица 2007), грыжи, патологии развития яичка (Пуст. Середеево 2005), укуса змеи. Знахарем/знахаркой применяются заговоры, наговоренные соль, вода, лук, чеснок, лечебные травы, приемы контактной и, для обеспечения сексуального здоровья в будущем, симпатической магии: «Она пошепчет, так что там дась: чеснок дась, лúчинку, листы какие. Но она их в руках своих пошевелия, наговорить, и говорит: “Ты будешь прикладать!” Я опеленываю его, или трусики, в трусики клала. Помогало. С ейных слов» <...> У Леньки коса хозяина была. Травы косил. Вот она говорит: “Ты приди, своим рукам... (мои руки так поддерживала в своих руках, эта бабушка Фрося) распряги эту косу, выбивай клин, где бабка. Распрягай эту косу!”. Ну, я распрягаю своими руками косу эту, палку положу, а клин (там клин-то какой – забивается где, ну, кольцо одевается) <...> а вот этот клин <...> прикладаем туда к самому яичку, где в 2–3 раза [больше, чем норма]. Вот куды уходя? <...> я его спеленю. (Прямо с этим клином?) Да, и опять, скоко раз там она мне – три–четыре раза. (Да, но, но над этим клином она что-то?..) Да-да, чтоб работало! И мне листы дадены, даны листы, все помогали. А вот врачи не помогали, не помогли» (Пуст. Середеево 2005).

При лечении соблюдается известный в восточнославянской традиции магический ритуал, совершаемый в сакральное («пороговое») время, в сакральном локусе. Чтобы избавить малыша от бессонницы и непрерывного крика, над младенцем произносят заговор, держа ребенка перед челом печи, затем выносят его на утреннюю и вечернюю зори: «Будет спать!» (Нев. Рукавец 1987); на утренней и вечерней зорях умывают из реки из положенного на воду решета: «Произносили шепотом, ну, типа молитвы что-то читали. Вот.

¹ Родимчик. 1. разг. ‘болезненный припадок у маленьких детей, сопровождающийся судорогами и потерей сознания’. 2. перен., разг. ‘подобное состояние, возникающее от испуга или от неожиданности’ [ru.wiktionary.org/wiki/родимчик].

Вот моего сыночка Васю, вот, бабушка отговаривала тоже, от грыжи, и он перестал так кричать, а то он кричал день и ночь. А потом, после того как я трижды сходила к бабе Адарье, которой уже, царствие небесное, нет на этом свете, он лучше стал себя чувствовать.<...> Она, вот, говорила: “В следующий раз, следующий раз приходи на вечерней заре, допустим, ко мне, или на утренней заре!” Вот. Допустим там, надо умыться и пойти на речку, положить на воду решето и вот с решета вот этим водой, умываться, опять на вечерней заре или на утренней заре. Вот» (Пуст. Гультия 2004).

Сообщается также о дистанционном лечении знахаркой последствий укуса змеи у ребенка способом, обычно, по народным поверьям, практикуемом колдунами для нанесения вреда – насылания порчи, болезни, смерти [Попов]. Исцеление передается «по ветру», для чего знахарке достаточно знать имя, цвет глаз и волос пострадавшего: «И я вот тоже с горлом лежала в больнице. [У] одной мальчик пять лет тоже был укусан, так вы верите у него, так он был весь распухши, что страшно была! <...> я вот стала говорить этой Польке, чтоб к Наде. <...> Она, говорю, *по ветру передает*. Давай, говорю, позвоним моей золовке, у нее телефон, она к Наде ходит, и что Надя скажет: или приезжать, или как? Вот она к ней ходила, рассказала. “Пусть точно дадут, какие глаза, волос, и звать как”. И вы верите – всё! <...> И всё прошло» (Н-Сок. Вяз 1988).

VIII. Сглаз и дети

Словарь «Славянские древности» определяет сглаз как один из видов магического вредоносного воздействия на человека, его хозяйство, его работу, на животное, растение, урожайность и пр. В отличие от «порчи», при которой вредоносный результат достигается различными способами контактной магии, «сглаз осуществляется исключительно

нематериальными способами воздействия и не обязательно злонамеренно» [Левкиевская 2009: 597]. У всех славян сглаз осмысливается прежде всего как магическое воздействие через слово¹ и как воздействие взгляда, зрения. Наиболее подвержены сглазу люди, находящиеся в «переходном» состоянии, и прежде всего дети, особенно в младенческом возрасте [Левкиевская 2009: 599; Левкиевская 2016: 23]. Ребенок, которого сглазили, становится беспокойным, теряет сон, беспрестанно плачет, заболевает и может умереть.

По наблюдениям К. К. Логинова, в народной традиции русского населения южной Карелии «сглаз», в отличие от других видов детской «порчи», – «всегда результат визуального контакта. Он бывает случайным, редко – преднамеренным, когда человек, зная свою способность “сглазить”, специально приходит посмотреть на младенца» [Логинов].

Судя по псковским материалам, в мифологической традиции псковско-белорусского пограничья понятие «сглаз» шире, чем «нанесение вреда взглядом», и включает в себя представление о «порче», причиненной взглядом, словом, похвалой, а иногда идентично понятию «колдовство».

1. Непреднамеренный сглаз

Обретение «плохого взгляда» в младенчестве.

Недобрая минута. Сглаз может быть следствием врожденного свойства взгляда человека, о котором он сам может и не знать: «Это тоже такое бывает – *сглазу* называется, тоже вот. Но тут *это* как бы не *колдовство*, не знаю, к чему это можно приравнять. Это взгляд такой. Вот посмотрел человек, даже, может, даже и не думал ничего, не заказывал никакую нечистую силу, а взгляд у него такой плохой, и после как ушел, сразу начинает или человек, или скотина чахнуть, заболевать» (Невель

¹ Об этом свидетельствуют славянские названия сглаза с корнем *рек- /реч- /рок-* – ‘говорить’, в частности, русское: *урок, уроки* и пр. [Левкиевская 2009: 597].

2007); «У меня у самой в Кременцах жила, женщина придет, поговорит у коляски с этой [показывает на дочь], маленькая была, и так она уйдет, эта женщина, а эта криком кричит – и все!» (Себ. Саврашино 2006).

По поверью, вредоносное свойство взгляд человека приобретает в младенческом возрасте, если мать ребенка, отлучив его от груди, потом сжалилась и возобновила кормление: «Вот уже тот ребенок и будет, *плохой взгляд* у него будет, плохой, он будет всех... как бы сглаз у него будет получаться. Вот это с истари знали, и терпели матери, если ребенок плачет. И хотелось бы дать грудь, но не дают: будет плохой взгляд, *сглазу* получаться будет. Тогда такому человеку одно проклятье посылают» (Невель 2007)¹.

Сглазить может и обычный, не обладающий особым взглядом, доброжелательный человек. Причиной сглаза может быть высказанная похвала, восхищение, хорошее пожелание, если они прозвучали в «недобрый час» – моменты в сутках, когда колдуны способны подслушать высказанное или только промелькнувшее в мыслях человека и навредить: «Это, это сглаз. Это есть такая вот <...> в сутках или девять или девяносто даже секунд, не минут, а секунд. Вот пойдет такая секунда. У меня у самой лично было <...> Я родила мальчика, <..> ему было, ну, може, месяца три, где-то так. И пришли ко мне брат с женой, с невесткой моей. А я его выкупала <...> Надела ползунки, положила. И вот он и рукам, и ногам мелить, как, ну, ребенок. Ну а брат стоит и говорит: “Погляди на него, мать, как у него руки да ноги работают!” И пошли они, посидели и пошли. А, Боже мой, как поднялась температура у мальчика! Я его закрутила даже в одеяло, и там Коровино, деревня

¹ Подобное поверье широко бытует у южных славян, у русского старообрядческого населения Литвы, в Украинском и Белорусском Полесье (Брестск., Гомельск., Волыньск., Ровенск., Житомильск., Черниговск. обл.) [Левкиевская 2009: 599; Левкиевская 2016: 54–60, №№ 141–169].

тоже, понесла к бабке. А она в поле была. Я в поле <...> говорю: так и так! Она говорит: “Ну, пойдём, пойдём!” Пришли к ей, <...> и она стала вот так пальчиком кругом вот этой одной [сисечки – ‘набухшего соска’], кругом другой. Гляжу – а я стою ни живая, ни мёртвая! – гляжу на губы: на губах улыбка появилась. Господи, ой-ой, девочки мои, всего нагляделись, всего! Да, да! Есть такая не минута, а именно секунда¹. Это вот ты подумал в такую секунду, что-нибудь даже хорошее, не плохое, даже хорошее, а которые черные маги, так они там чёрт знает что натворят, они ж по книжке. Книги всякие есть по магии этой чёрной» (Нев. Иваново 2008).

2. Преднамеренный сглаз

Способность сглазить умышленно, злонамеренно в поверьях и рассказах населения Псково-Белорусского пограничья приписывается главным образом женщинам-колдуньям. Поверья о необычайной вредоносной силе взгляда колдуньи записаны в Себежском, Пустошкинском, Куньинском районах. Даже мимолетная, случайная встреча с ведьмой грозит бедой и неудачей². Колдунья намеренно ищет встречи с человеком, подвергая его вредоносному воздействию: «Вот бабка [показывает на переходящую улицу старушку], на нее говорят – колдунья. Вот так и ходит зимой и летом! Так и ходит! <...> И если ее вот кто встретит, идет на рыбалку, примерно, или куда там, в лес – лучше вернись, говорят: удачи не будет! Она идет – вот так, вот так! И по сторонам смотрит. Она вот так прямо голову не несет – вот щас обратите внимание!» (Пуст. Вербиллово 2005). Особенно опасны встречи с колдуньями в канун праздника: «На Ивана [закликухи] <...> если идуть

¹ Автору приходилось слышать в Усвятском районе Пск. обл., что такое мгновение бывает за секунду до полудня и полуночи.

² «Считалось, что наиболее велика опасность получить сглаз <...> в дороге (ср. з.-рус. название всех болезней, полученных в пути, – *встрешные*), а также в результате прихода в дом постороннего» [Левкиевская 2009: 599].

навстречу, то стараются дорогу перейти, чтоб идти по твоей стороне» (Себ. Бояриново); «(Когда колдуны особенно опасны?) На любой праздник. – <...> Ани были привыкши всё колдовать. Их, ихнии встречи были вредны: если фстретил чилавека, э, если эйный глаз палажил на тибя, ты иди и лажись, охай и кричи!» (Пуст. Кисели 2005); «Дочь и зять одной женщины прошли мимо колдуньи – ночью не могли спать: их колотило, выворачивало руки и ноги. Мать прочитала молитву от сглаза, они сразу заснули, наутро все прошло» (Кун. Жижица 1996); «Одна корова не дошла даже до дома – разорвалось брюхо: прошла мимо колдуньи»¹ (Там же). Записанное в Куньинском районе повествование о сглазившей ребенка похвалой женщине завершается эпизодом, обнаруживающим ее причастность к клану колдунов: « <...> И щас помню, такая Дашка была с Ольховца. У них был Юра, большой сын, и она [колдунья] так к нему подойдуть: «Ой, какой маленький, так быстро уже ходит, не успел вывалиться – уже пошел!» И на ноги [Юра] сел! Хорошая была бабка, говорит: “Смотри, что та Дашка делает!” Там [в Ольховце] такая груща была, [эта Дашка] *волосы распустивши по этой груще бегае понизу*. Груща – это поляна» (Кун. Кадосно 2009).

3. Лечение сглаза у детей

Повествования о сглазе обычно завершаются рассказом о лечении его последствий. Для врачевания приглашают бабу-знахарку/знахаря к ребенку, а чаще ребенка доставляют к знахарке. Представленные в материалах псковского архива способы, применяемые для снятия сглаза, лечения различных болезней, укуса змеи и пр. в основном одинаковы для детей и взрослых и известны в других традициях. Это приемы, имеющие очистительную семантику (умывание, мытье,

¹ Поверье о смертоносном взгляде ведьмы (если ведьма следит за полетом ласточки, то ласточка мертвая падает на землю) отмечено в Брестской области [Левкиевская 2016: 139, № 461].

обтирание, спрыскивание наговоренной/святой водой): «Я знаю, еще была девчонкой, с матерью жала, такая была баба [похвалила:] “Жнет, что старуха!” Меня мать чуть привела домой, все! Вот разломило: и худо, и спать хочется! Вот она говорит: “Не ложись, пойду к Катьке, соседке!” Она воды дала, попила я, помылась, и все прошло» (Себ. Саврашино 2006); это заговоры (*шепотки, стишки, молитвы*). В качестве средства избавления от последствий сглаза используется святая вода, моча: «Вот от сглазу – святая вода, конечно. А ещё вот, говорят, я слышала, что когда глазят, надо рубашку, ну вот, своей мочой, и лицо, лицо так потереть» (Нев. Иваново 2008).

В качестве способа снятия последствий сглаза в Куньинском районе зафиксирован прием, который известен у славян как обережный [Левкиевская 2016: 101]. Проведя рукой по своим ягодицам или гениталиям, мать затем той же рукой проводит по личику грудничка: «В 1989 г. родился у меня ребенок. Мальчик, пока маленький был, часто боялся сглазу. Как кто посмотрит чужой на него, так потом капризничает, плачет, болеть начинает. Так бабка моя меня научила, как от этого избавиться. Надо правой рукой крест-накрест слева направо провести по себе по низу живота, по детородному органу, и так же три раза слева направо по личику ребенка, а потом три раза сплунуть через левое плечо. И все это повторить трижды. После этого ребенок, действительно, успокаивался»¹ (Кун. Каськово 1999).

¹ Ср.: «Защитными свойствами наделялись также зад и гениталии человека. Поэтому, чтобы уберечься от сглаза, выходя из дома, предписывалось подержаться за свой зад или гениталии (в.-слав., з.-слав.), а потом этой рукой провести себя или ребенка по лицу и произнести фразу типа: «*Як гузэця неўрочлыва, так иш ты неўрочлыў*» [КА, иваново-франков., Головы] или «*Как ты [задница] у меня неглазливая, такая бы и я неглазливая была*» (рус., Поп РНБМ: 188) [Левкиевская 2009: 601].

IX. Испуг и дети

По мифологическим поверьям славян, испуг – «болезненное состояние и вызывающий его дух или существо. В украинских поверьях «при испуге “лукавый” входит в человека под самое сердце и передвигается по жилам» [Усачева: 424].

Имеющиеся в материалах, собранных на территории псковско-белорусского пограничья, повествования о болезнях, вызванных испугом, и их лечении (4 текста) представляют собой рассказы-воспоминания женщин о приключившемся с ребенком и воспоминания взрослых о пережитом в детстве испуге.

В Туричинской волости Невельского района записан текст, содержащий указание на бытование в данной локальной традиции представления о тождественности испуга сглазу и, подобно последнему, его особой опасностью для детей: «Сглаз – это испуг, это первое. Сглаз, особенно детям маленьким, это неугодное. Ну, а сглаз, может быть, говорят так, что человек охнеть – даже лес сохнуть» (Нев. Черёмуха 2008).

Лечение последствий испуга у детей. Следствием испуга бывают припадки, ребенка «трясет, колотит», он заболевает, поднимается температура и пр. Для лечения последствий испуга обращались к бабкам-знахаркам.

Есть указание на то, что лечение, сопровождавшееся заговорами, происходит в сакральном локусе: ребенка кладут на шубу, расстеленную над входом в подполье, под матицей и произносят заговор. При этом, если ребенок (а в других повествованиях и взрослый) заснул во время или сразу после совершения над ним лечебного ритуала, это трактуется как признак успешности лечения. При этом в версии М. Г. Игнатьева, жителя д. Пухново Куньинского района, для полного излечения ребенка, заболевшего от испуга, необходимо исполнить любую его просьбу, какой бы неприемлемой она ни

казалось: «Вот однажды бабка, бабку позвали одну, она пришла; да как раз, где пол открывался, на этой матицы... ай, подвалины постелила шубу, положила меня и заговор стала шептать надо мной. И в это время я и заснул. А она и говорит матери: “Вот как проснется, и будет он у тебе что-то просить – давай ему обязательно, не отказывай!” Вот. Ну вот, я проснулся, а еще была война не кончавши, да... И мало что было у нас. И я начал просить. И что ж вы подумаете что? “Давай водки!” У нас была переселенка такая из-под Велижа. Она достала бутылку водки, белой... Ну, мне это, распоили. Я эту бутылку выпил, дали, конечно, не за раз ее, а помаленьку. И все равно я, все равно прошу: “Дайте водки, дайте водки!” Меня уже в школе все знали, что, смеялись коло мене, что я водки прошу.

Вот тогда оно, было это дело в Троицу. Пошли на кладбище, у нас ходют на кладбище поминать. И мать повела меня с собой. Вот, говорила: “Возьму грех на душу: живой будет – так живой, а умрет – ничто́ ему мучиться!” И, как обычай – приглашают к кладбищу помянуть, наливают стопочку, там полстопочки, и мать сама не пьет, а отдает мне. Вот. И она подсчитала, где-то выпил я коло литра. А потом она меня принесла, приволокла там как-то домой. Это километра три было. Вот. И с тех пор до сегодняшнего дня я и понятия не имею, что такое трясет, что колотит, что прочее... Вволю напоила! Вот если б она тада дала мне литр за раз, а то бутылку выпить за раз, может, у меня и тада прошло» (Кун. Пухново 2002).

Из приемов лечения последствий испуга в наших материалах обозначены также следующие:

а) заговоры, сопровождавшиеся **омовением**: «Таня (в Трубицах). Вот она заговаривает... с испугу ребеночка помыть. Когда спугается ребенок, моить, заговаривает ребенка» (Кун. Савченки 2002);

б) **разрывание одежды** на больном ребенке. Подобный прием характеризуют как одну из различных манипуляций с одеждой, к которым прибегали славяне для избавления от последствий испуга. На Западной Украине «разрывали ее спереди», в Моравии «разрывали рубашку и закапывали ее под водостоком, чтобы она сгнила, или пускали по воде». В севернорусской традиции разрывание одежды применяется как прием символического уничтожения с г л а з а [Левкиевская 2009: 600]. Подобный прием (разрывание одежды, сопровождавшееся заговорами) выявлен как практиковавшийся в Невельском районе Псковской области: «Расскажу, как я в 9 лет заболел с испугу. Была война, вот. Немцы нам поменяли коня, таково... Ну, хорошего взяли, а нам отдали с желваком, раненый конь. Вот мы на нем поехали за сеном. Федя, братейник мой, это везли им, и тетка моя. Ну, уложили это сено и поехали. А была канава, и положено в канавине камня, переезжать чтобы было. Так было не переехать. Ну, стали переезжать, и полетел воз, а я был на возу, и меня накрыло сеном. И вот я в воду упал, и меня сеном накрыло. Ну, потом меня тут вытянули из-под сена. <...> и скоко там время прошло, и заболел я. Начало меня трясти. <...> Ну, как припадочный стал. Вот. *Матери советовали рвать рубашки в это время. Мать рвала рубашки и прочее, заговóры там делали*» (Кун. Пухново 2002);

в) **лечение пеплом**. Как бытующие в Гомельской области и на Волыни отмечают способы лечения испуга пеплом – субстанцией, на которую народное сознание переносит свойства огня, очага и которая широко применяется в народной лечебной магии: больному дают съесть или выпить пепел с водой, водкой; купают человека в воде с пеплом, прикладывают пепел к телу и пр. [Усачева: 668]. «С дымом или ветром изгоняли различные болезни, бросая или оставляя на открытом месте пепел из домашнего очага или от сожженной одежды

больного, льняных волокон, которыми измеряли больного (бел., укр.)». Указаны три варианта лечения испуга пеплом: на Гомельщине с пеплом ссылают болезнь на ветер: «если ребенок испугался, то брали из печи пепел и просеивали через решето на заслонку: *“ветер раздуе и усю балеэнь унясе”*» (ПА, гомел.); в Житомирской области больного поят водой с пеплом или купают в воде с пеплом [Плотникова: 668].

В повествовании, записанном в Невельском районе Псковской области, представлен последний вариант лечения последствий испуга (купание в воде с пеплом). Невельский текст ценен подробным описанием магического лечебного ритуала и необходимого, по народным представлениям, для излечения больного распознавания виновника испуга. В основе ритуала – представление об очистительной, целебной силе огня домашнего очага и магии чисел 3 и характерной особенно для лечебной практики славян цифры 9 («утроенное» 3)¹: «Вот у меня такой случай в детстве бывал: я очень боялася, это, если кто-то кричит на меня, ругается: всё! Я заболеваю, у меня даже температура. Ну, мама прибегнула вот к такому, ну как бы это, как от колдунов, вот, чтобы лечить вот такое. И был такой случай, что мама сама, это самое, меня наказала таким мягким пояском, который плетеный из ниток – красненьких, зелененьких и синеньких, был такой цветной поясок, и мама меня как бы ударила етым пояском, я вдруг как бы вот заболела, у меня стала температура большая, а докторов в деревне не было. Ну, у мамы был такой способ лечить меня, как бы заговор, и раз она знала, что я такая – всего боюсь и болею после, общем, печку она всегда выметала помелом, а помело – это, знаешь,

¹ «Число 3, символизирующее развитие и завершенность процесса, полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершить то или иное магическое действие»; число 9 «также часто фигурирует в магических текстах и ритуалах (особенно лечебных), где используются 9 камешек. 9 щепок. 9 угольков и т. п.» [Толстая: 544–545].

наломанные ветки от сосны на... Ну, как тебе сказать, на кол, кол, ну понятно, на чепельник привязанный, и потом это выметали печку чисто, раньше и хлеб пекли в печке, так садили на под, на этот, на кирпич, и всегда у мамы была печка чисто выметена, дрова наложены и все, потому что надо *зола однодневная* для лечения.

Ну и вот, когда такое случилось со мной, что после поясочка я заболела, мама брала этот пепел, который у печке, уже вытопивши печка, пепел оставши там, и вот этот пепел она просевала: наставила три сита наоборот, кверху дном, одно на одно три сита, теперь золу она щепочками отмеряла: три кучи делала по девять щипков, так. И потом эту золу через сито пропускала три раза. Вот три кучки сделала по девять щипков и всю эту золу на эти ситы, которые кверху дном стоят, три раза просевала, да, через три сита. Теперь воду грела и тоже мерила три раза по девять кружек там таких, ну любых, побольших, наверно, надо было. Отмеряла воды тоже так же: три раза по девять кружек наливала воды, сыпала эту золу и *мыла меня всю этой, с головы до ног*, а потом эту воду процеживала, ну, на тряпку, и там оказалось шерстинки от этого поясочка – и зелененький, и красненький, и синенький. Мама сразу узнала, что она сама меня заставила заболеть, вот, ударила меня этим пояском. Мне, конечно, не было больно, потому что он мягкий, но от страха, вот, я, наверно, заболела. Вот такое лечение было, и я поправлялась сразу же» (Невель 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хорошо известно, что одной из важнейших особенностей фольклора является его вариативность. Тем ценнее оказываются собрания текстов, отражающих состояние фольклорной традиции одного региона. Сбор, систематизация и публикация мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья вносит свой весомый вклад в общую систему представлений о духовной культуре восточных славян.

Как показало исследование мифологических рассказов южной Псковщины, система мифологических персонажей и их атрибуты в целом характерны для других исследованных регионов. Вместе с тем опубликованные псковские материалы отражают черты локальной традиции и вписываются в псковско-белорусский континуум.

Как и в общерусской традиции, детская тема в большей или меньшей степени присутствует во всех сюжетно-тематических группах мифологических повествований, собранных экспедициями ПсковГУ на территории псковско-белорусского пограничья (о лешем, водяном, русалках, домовом, черте, проклятых людях, «знающих» людях, о сглазе и испуге). Как правило, она возникает в качестве варианта одного из ряда традиционных мотивов, составляющих характеристику мифологического персонажа в локальной мифологической традиции. В корпусе текстов о проклятых людях, которым располагает псковский архив, рассказы о проклятых детях преобладают. Заметное место детская тема занимает в повествованиях о «знающих людях» (ведьмах, колдунах, знахарях), о сглазе. Исключительно с детьми связаны рассказы о последствиях и лечении испуга.

Представления о «детской» ипостаси мифологических персонажей, в славянской традиции связываемые с поверьями

об их генезисе (из детей, умерших некрещеными, утонувших, проклятых при жизни своей матерью, мертворожденных) и способности к оборотничеству, в псковских материалах отражены слабо. Имеются скудные сообщения о происхождении русалок из утонувших женщин, девушек, детей, проклятых людей (Нев., Пуст., Себ.). Сведения о генезисе лешего, водяного, черта, домового отсутствуют.

Мотив «Мифологический персонаж имеет/принимает облик ребенка» не встречается в нарративах о водяном, русалках, домовом, но отмечен в рассказах о лесном духе и о черте. Образ лешего – белокурого мальчика в красной рубашке и синих штанах – отмечен рядом признаков, относимых сознанием носителей мифологической традиции к иномирным персонажам: цветовая гамма (красный, синий, белый), невесомость, связь с «выворотнем» («легонько, как кошка, бежит по бурелому») (Усв.).

Черт показывается женщине в облике мальчика – сына соседки (Усв.), подростком-батраком предстает в варианте известного в русской традиции сюжета «Черт в работниках» (Усв.). В близком к популярному в Украинском Полесье сюжету черт принимает облик маленького плачущего ребенка, просящего путника перенести его через мост (Пуст.).

Также представлены мотивы: Леший показывается ребенку в зоантропоморфном облике, проходит мимо, мгновенно исчезает (Пуст.); водяной дух / черт пугает детей, показываясь из воды (Пуст.); ребенок встречает русалку, расчесывающую волосы на камне у дороги, переживает испуг (Пуст.).

Одним из распространенных является мотив «Мифологический персонаж похищает / подменяет детей». В восточнославянской традиции этой функцией наделены леший, водяной, русалка, домовый, банник, черт. В материалах по

псковско-белорусскому пограничью рассказы о похищении детей духами природы, жилья и домашних построек отсутствуют. Функция похищения детей приписывается главным образом черту и представлена поверьями об особой уязвимости младенца в период до крещения, о неосторожно проклятых матерью младенцах и маленьких детях (Кун.). Мотив похищения детей русалками присутствует как формула запугивания детей для предотвращения нарушения ими запрета бегать по ржаному полю (Нев., Н-Сок., Кун., Пуст., Себ.), ходить в лес (Н-Сок., Пуст.), купаться (Нев., Пуст.).

Тексты, содержащие мотив запугивания детей русалками, составляют наиболее значительную группу нарративов о русалке. Как о распространенном явлении респонденты сообщают об инсценировках взрослыми «явления» мифологического персонажа («русалки») с целью добиться послушания от детей. Сведения о запугивании детей иными мифологическими персонажами единичны. В одном случае в формуле устрашения детей с целью добиться соблюдения запрета в неурочное время выходить из дома похитителем детей назван домовый; при этом он выступает не как домашний, а как пребывающий вне дома бродящий ночами по улице вредоносный дух (Себ.). В другом в качестве персонажей-урашителей представлены черти, будто бы бьющие своими хвостами по ногам допоздна загулявших детей и уводящие их далеко от дома (Пуст.).

Водяной / русалка топит детей за неправильное поведение на воде / у воды: хвастающихся умением нырять, плавающих в омуте (Н-Сок.), самовольно купающихся (Кун., Себ.), купающихся в неурочное время (поздней порой накануне Иванова дня) (Пуст.) – мотив, представленный в псковском собрании.

В повествованиях о суициде – черт доводит до гибели тоскующего в разлуке с отцом ребенка, являясь к нему в облике родителя (Нев.); черт подталкивает к самоубийству многодетную мать; ребенок оказывается тем, материнская забота о ком преодолевает давление со стороны нечистых, подвигающих отчаявшегося человека к суициду, удерживает от греха самоубийства (Усв.) – черт выступает в народной мифологии как дух-искуситель, стремящийся заполучить душу человека. Записанная в Усвятском районе история о решившемся на самоубийство подростке – один из бытующих в Псковской области рассказов о неудавшемся суициде, иллюстрирующих свойственное традиционному сознанию убеждение в предопределенности судьбы человека, в частности суицида, где власть нечистого ограничивается тем, что человеку «на роду написано» («Сам человек никогда не задавится, это черт его толкает. Значит, смерть ему такая суждена, в петле») (Усв.).

В специфическом для такого мифологического персонажа, как черт, популярном в общерусской традиции сюжете «Парни-нечистые на посиделках» роль разоблачителя «нечистых» наряду с другими принадлежит ребенку, который, забившись в уголок, обнаруживает хвосты, копыта, замечает сверкающие глаза явившихся на посиделки парней (Кун.).

Опекунские функции мифологического персонажа в отношении ребенка в повествованиях по южнопсковским районам представлены текстах о лешем и домовом. Благополучное разрешение реальной опасной ситуации в лесу толкуется респондентом как следствие вмешательства лешего, будто бы спасшего мать и дитя от гибели при падении дерева (Нев.).

При преобладании представления о домовом как покровителе семьи в нарративах, собранных на территории

южной Псковщины, покровительство домового детям, как и в общерусской традиции, не выражено особо. Детская тема в рассказах о домовом представлена текстом, в котором домовому присвоена функция духа-опекуна ребенка. Однако обозначенный этим именем-идентификатором мифологический персонаж описывается в тексте не как домашний покровитель, а как «ходячий покойник», посещающий свой дом в течение сорока дней, тревожащий родных, так как над ним не произвели всех полагающихся обрядов, и вместе с тем проявляющий заботу о младшем члене семьи, своем маленьком внуке (Себ.).

Тема семьи, материнства, детей занимает заметное место в рассказах псковско-белорусского пограничья о проклятых людях. Разнородные в жанровом отношении нарративы: поверья, былички, рассказ этиологического характера, сказка-бывальщина, сказка – тексты в основе сюжета которых лежит общеславянское представление о силе проклятья, имеющего негативные, часто необратимые последствия для проклинаемых и для проклинающих. Бездетность, рождение мертвого младенца или гибель новорожденного в мифологической традиции осмысляются как следствие злонамеренного проклятия в адрес молодоженов, беременной женщины (Нев., Себ.).

Основную часть (19 из 22) повествований о родительском проклятии, записанных в районах псковско-белорусского пограничья составляют былички о последствиях случайного проклятия – «черной» (с упоминанием нечистой силы, особенно в форме отсылки: «Черт тебя ухвати!») брани, неосторожно, сгоряча брошенной в раздражении или гневе в адрес надоевшего плачем младенца или мешающего матери работать маленького ребенка для его последующей судьбы (Нев., Себ., Усв.). В их числе и известный мифологический сюжет о «подменьше» (Нев.). Выбранный «черным словом»

ребенок попадает под власть нечистой силы и исчезает (Кун., Нев., Себ.).

Локус проклятых – места, которые в традиционной народной культуре осмысляются как рубежные, открытые для контактов с обитателями иного мира: река / берег реки (Кун.), лес (Нев.), верхушка дерева (Нев.), гумно («токовня») (Кун.), подпол (Нев.), подпечек (Себ.); проклятый ребенок может находиться поблизости от родителей, но оставаться для них невидимым («плачет, а не видать, где») (Усв.).

Как в общеславянской традиции, в представлениях, отразившихся в мифологических повествованиях псковско-белорусского пограничья, «черное» слово лишает ребенка счастья, отнимает здоровье и жизнь: (Нев., Пуст., Себ.); проклинать ребенка – грех и проклинавший будет отвечать перед Богом на том (Пуст.) и этом свете (Нев.). Известное в восточнославянской традиции поверье об обоюдной силе родительского проклятия, являющегося, по народным поверьям, тяжелым грехом перед Богом и преступлением по отношению к ребенку, лежит в основе зафиксированного псковскими экспедициями на пограничной территории варианта распространенной у славян этиологической легенды о происхождении кукушки и кукования, в котором и проклятый по ничтожному поводу сын, и его горько сожалеющая о недобром слове мать превращаются в кукушек (Себ.).

«Черное слово» матери отдает дочь во власть нечистого; с избавлением женщины от проклятия известным в общерусской традиции способом (на проклятую накидывают нательный крест), рожденный ею от такого сожительства *чертенюк становится обычным ребенком* (Кун.).

Текст, содержащий мотив проклятого в утробе матери ребенка, представляет собою версию знаменитой благодаря Аксакову сказки «Аленький цветочек». Включенный в концовку

сказки мотив проклятого в утробе младенца вводит ее в одну сюжетно-тематическую группу с существующими в восточнославянской традиции бывальщинами о злключениях людей, еще до рождения проклятых матерями, и избавлении их от проклятия.

В корпусе мифологических рассказов южной Псковщины о «знающих» людях существенную часть составляют тексты, в основе которых лежат народные поверья о роли колдуна/ведьмы/знахаря в судьбе семьи и ребенка¹.

Таким образом, учет и изучение разнородных в жанровом отношении архивных материалов по псковско-белорусскому пограничью позволили сделать ряд существенных наблюдений над вовлеченностью детей в мифологическую сферу, путями освоения младшим поколением локальной мифологической традиции и представленной в ней картины мира.

¹ Повествования цикла о «знающих» людях входят в часть 2 данной монографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Дерево // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 60–66.
2. Айвазян С. Г. Указатель сюжетов русских быличек // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 191 с. – С. 165–182.
3. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – Т. III. – М.: Индрик, 1994 – 840 с.
4. Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. / Пад рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
5. Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Черт // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 5 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 519–527.
6. Валенцова М.М. «Кобыла» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 517–520.
7. Виноградов В. В., Громов Д. В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 6. – С. 125–143.
8. Виноградова Л. Н. Залом // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 262–263.
9. Виноградова Л. Н. Лесной дух // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX

- века. – Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с.
10. Виноградова Л. Н. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 60–61.
 11. Виноградова Л. Н. Подменыш // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 4 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 98–103.
 12. Виноградова Л. Н. Русалка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 495–501.
 13. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Залом // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 262–263.
 14. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
 15. Виноградова Л. Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – 399 с.
 16. Виноградова Л. Н. Черт // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с. – С. 460–701.

17. Виноградова Л. Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – Вып. 10. – М.: Индрик, 2006. – С. 214–235.
18. Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 672с.
19. Гура А. В. Волк // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 1 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – 575 с. – С. 412–418.
20. Гура А. В. Кукушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5. Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 36–40.
21. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера. 1994. – 480 с.
22. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981.
23. Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 305–321.
24. Корепова К. Е. Банник, нечистая сила в бане // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007 – 496 с. – С. 56–57.
25. Корепова К. Е. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) // Рябининские чтения – 2011: материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск:

- Гос. историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы», 2011. – 563 с. – С. 291–294.
<http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1339.html>
26. Корепова К. Е. Черт, бес, дьявол, нечистая сила // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост.: К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю.М Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – 496 с. – С. 106– 108.
27. Корзонайте Э. Музыкант на свадьбе повесившейся: взаимодействие фольклорного текста и народных обычаев // Балто-славянские исследования XV. Сборник научных трудов. – М.: Индрик, 2002. – 688 с. – С. 516–529.
28. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект; Гаудеамус. 2004. – 1008 с.
29. Кушкова А. Н. Крестьянские рассказы о родительском проклятии (по материалам Новгородской, Псковской и Вологодской областей) // Folklorica/ Journal of the Slavic and East European Folklore Association. Vol. XI.2006. – P. 5078. // URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-176699.html>
30. Левкиевская Е. Е. Водяной дух // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с. – С. 299–336.
31. Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический

- сборник Исследования и материалы. М.: «Индрик», 2001. – 496 с. С. 432–476.
32. Левкиевская Е. Е. Домовик // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с. – С. 21–163.
33. Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 120–124.
34. Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 3/ Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 104–108.
35. Левкиевская Е. Е. Мифологические персонажи в славянской традиции: I. Восточнославянский домовый // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М.: Индрик, 2000. – 400 с. – С. 96–161.
36. Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. – М.: Индрик, 2006. – 559 с. – С. 150–213.
37. Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. – М. Индрик, 1995. – С. 153–172.
38. Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/levkilevskaja1.php?rubr=Reader-articles>

39. Левкиевская Е. Е. Сглаз // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 812 с. – С. 21–158.
40. Левкиевская Е.Е. Змея домашняя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 2. / Под. общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 339–341.
41. Легенды Псковской области: Монография. В 2 ч. – Ч. I: Народные христианские легенды, легенды-«былички»: Тексты. Комментарии. Исследование / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. А. Юрчук, подгот. текстов Л. А. Юрчук, И. В. Казаков. – Псков: ЛОГОС, 2019. – 360 с.
42. Лобач В. А. Колдуны и ведьмы в народных представлениях витебско-псковского пограничья XX – начала XXI в. // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее / Сб. материалов III Международной научной конференции 27–29 сентября 2018 года в г. Пскове / Под ред. Н. В. Большаковой, А. Г. Разумовской. – Псков: ЛОГОС, 2020. – С. 166–181.
43. Лобкова Г. В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 224 с.
44. Логинов К. К. «Лес» и «лесная сила» в представлениях русских Карелии // Живая старина. – 2002. – № 4. – С. 2–4.
45. Логинов К. К. Феномен детской «порчи» в современной лечебной магии русских южной Карелии // Рябининские чтения '95: Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»). Сборник

- научных докладов. – Петрозаводск: Музей-заповедник Кижы, 1997. – 432 с.
46. Логинов К.К. Лес и «Лесная сила» // Живая старина. – 2002. – № 4. – С. 2–3.
 47. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О. А. Черепанова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 212 с.
 48. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007 – 496 с.
 49. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
 50. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. / Авт. проекта, сост., научн. ред. А. М. Мехнецов. – СПб.; Псков: Изд-во ОЦНТ, 2002. Т. I. – 688 с. Т. II. – 816 с.
 51. Народные сказки Псковского края: Монография: в 2 ч. – Ч. I: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Площук. Составители: Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Площук. – Псков : ЛОГОС, 2016. – 618 с.
 52. Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (к исследованию семантики мифологического мотива) // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 133–140.
 53. П. И. Сила родительского проклятия по народным рассказам Харьковской губернии П. И., с заметкою Н. Я. // Этнографическое обозрение. – 1889. – Кн. III / Под ред. Н. А. Янчука. – М., 1889. – С. 41–53.

54. Плотникова А. А. Пепел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 3 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 666–670.
55. Плошук Г. И. Дерево в свадебном обряде Псковской области // Псковский край: Культура, образование, история. – Псков: ПГПИ, 2000. – С. 188–243.
56. Плошук Г. И. Поверья о «заломках» и «пережинах» как источник реконструкции архаических черт купальского обряда // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – Вып. 3. Псков: ПсковГУ, 2013. – С. 59–72.
57. Плошук Г. И. Псковское «лицо» народной сказки // Народные сказки Псковского края: Монография. В 2 ч. – Ч. I: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плошук. – Псков: Логос, 2016. – 618 с. – С. 515–553.
58. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 103 с.
59. Попов Г. И. Русская народная медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. – СПб., 1903 // URL: booksite.ru/fulltext/bytmed/index.htm.
60. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–28 / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. – Л./СПб.: Изд-во ЛГУ /СПбГУ, 1967–2020. (издание продолжается)
61. Самоубийца // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова,

- Е. Е. Левкиевская. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2012. – 800 с. – С. 401–465.
62. Сказки Псковской области / Под. ред. Г. И. Площук. – Псков: ПГПИ, 2004. – 620 с.
63. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.
64. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, (1995, т. 1; 1999, т. 2; 2004, т. 3; 2009, т. 4, 2012, т. 5).
65. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–51 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–2019. (издание продолжается)
66. Смоленский этнографический сборник. – Ч. 1 / Сост. В. Н. Добровольский. – СПб., 1891. – 716 с.
67. Соловьёва Я. Ю.. Народная проза о детях, отданных нечистой силе (сюжетный состав и жанровые реализации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012.
68. Толстая С. М. Число // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 5/ Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 544–547.
69. Толстой Н. И. Заметки по славянской демонологии: Каков облик дьявольский? // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2, испр. – М.: Индрик, 1995. – 512 с. – С. 250–269.
70. Трушкина Н. Ю. Проклятый ребенок в сказочной прозе Ульяновской области // Традиционная культура: Научный альманах. – Т.3. – № 4 (8). – 2002. – С. 24–37.

71. Указатель сюжетов и мотивов // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Составители: К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. – СПб.: Тропа Троянова, 2007. – 496 с. – С.471–484.
72. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 401 с. – С. 305–320.
73. Усачева В. В. Испуг // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 424–426.
74. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского севера. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 168 с.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Список информантов представлен по южным районам Псковской области с указанием номерного шифра текста.

Великолукский р-н (Вл.) *Захаренкова Мария Михайловна*: 001_Вл_Домовой, 003_Вл_Черт; *Козлова Мария Ивановна*: 002_Вл_Русалка; *Маркова Анна Максимовна*: 002_Вл_Черт, 004_Вл_Черт; *Парфенова Вера Петровна*: 002_Вл_Домовой; *Садовникова Анастасия Павловна*, *Кортышева Екатерина Ивановна*: 001_Вл_Русалка; *Фадеева Мария Николаевна*: 001_Вл_Черт.

Куньинский р-н (Кун.) *Абенкова Евгения Викторовна*: 006_Кун_Черт, 016_Кун_Черт; *Агафонова Анна Прохоровна*: 003_Кун_Русалка; *Бурмистрова Александра Дмитриевна*: 018_Кун_Черт; *Бурмистрова Феня Антоновна*: 008_Кун_Черт, 012_Кун_Черт, 021_Кун_Черт, 022_Кун_Черт; *Вербина Татьяна Васильевна*: 003_Кун_Домовой; *Зенкова Ирина Владимировна*: 002_Кун_Леший, 001_Кун_Водяной, 002_Кун_Водяной, 007_Кун_Домовой; *Зинкевич Наталья Михайловна*: 006_Кун_Домовой; *Иванова Евгения Гавриловна*: 005_Кун_Русалка; *Иванова Мария Ильинична*: 004_Кун_Домовой, 010_Кун_Черт, 023_Кун_Черт, 026_Кун_Черт; *Иванова Устинья Ивановна*: 014_Кун_Черт, 029_Кун_Черт; *Кондратьева Ольга Петровна*: 005_Кун_Домовой; *Кудрявцев Владимир Петрович*:

020_Кун_Черт; *Литвинов Ефрем Дмитриевич*: 017_Кун_Черт;
Медведева Анна Никитична, Морозова Екатерина Федоровна:
009_Кун_Черт; *Новикова Ксения Александровна*: 028_Кун_Черт;
Новикова Наталья Ивановна: 015_Кун_Черт; *Сергеева*
Валентина Павловна: 005_Кун_Черт, 011_Кун_Черт,
013_Кун_Черт; *Снеткова Александра Николаевна*:
001_Кун_Леший, 004_Кун_Русалка, 008_Кун_Домовой,
007_Кун_Черт; *Точинова Ефросинья Игнатъевна*:
019_Кун_Черт, 027_Кун_Черт; *Щемелёва Анна Александровна*:
024_Кун_Черт, 025_Кун_Черт.

Невельский р-н (Нев.) *Агафонова Наталья Даниловна*:
038_Нев_Черт; *Волкова Нина Григорьевна*: 015_Нев_Домовой;
Зуева Надежда Ефимовна: 032_Нев_Черт, 033_Нев_Черт;
Карзина Ефросинья Петровна: 010_Нев_Домовой; *Кузьменкова*
Анна Антоновна: 006_Нев_Русалка, 030_Нев_Черт; *Кузьмина*
Нина Ивановна: 014_Нев_Домовой; *Лаврененко Дарья*
Осиповна: 039_Нев_Черт; *Матюшева Мария Пимановна*:
003_Нев_Леший, 003_Нев_Водяной, 031_Нев_Черт,
036_Нев_Черт, 037_Нев_Черт; *Морозова Мария Евгеньевна*:
004_Нев_Леший, 005_Нев_Леший, 011_Нев_Домовой,
012_Нев_Домовой, 013_Нев_Домовой, 040_Нев_Черт; *Семёнова*
Анна Герасимовна: 034_Нев_Черт; *Смирнова Надежда*
Трофимовна: 009_Нев_Домовой; *Шелаховская Матрёна*
Семёновна: 035_Нев_Черт; *Шеренков Анатолий Матвеевич*:
016_Нев_Домовой.

Новосокольнический р-н (Н-Сок.) *Астафьева Валентина Петровна*: 041_Н-Сок_Черт, 042_Н-Сок_Черт, 046_Н-Сок_Черт, 047_Н-Сок_Черт; *Бирук Лидия Ивановна*: 021_Н-Сок_Домовой; *Головнева Валентина Ивановна*: 008_Н-Сок_Русалка, 049_Н-Сок_Черт; *Калинина Ольга Пантелеевна*: 018_Н-Сок_Домовой; *Лавренова Валентина Никандровна*: 020_Н-Сок_Домовой; *Сапунова Дарья Григорьевна*: 007_Н-Сок_Русалка, 048_Н-Сок_Черт; *Филиппова Елена Филлиповна*: 007_Н-Сок_Леший, 044_Н-Сок_Черт; *Фомичёва Анна Терентьевна*: 022_Н-Сок_Домовой; *Цветкова Нина Николаевна*: 006_Н-Сок_Леший, 017_Н-Сок_Домовой, 045_Н-Сок_Черт; *Цветкова Раиса Антоновна*: 004_Н-Сок_Водяной, 005_Н-Сок_Водяной, 009_Н-Сок_Русалка, 019_Н-Сок_Домовой, 043_Н-Сок_Черт.

Пустошкинский р-н (Пуст.) *Баронова Анастасия Харитоновна*: 063_Пуст_Черт; *Богданова Валентина Максимовна*: 013_Пуст_Русалка, 023_Пуст_Домовой, 056_Пуст_Черт; *Гирева Зоя Дмитриевна*: 031_Пуст_Домовой; *Голякова Домна Алексеевна*: 055_Пуст_Черт; *Гориталёв Сысой Павлович*: 012_Пуст_Русалка, 054_Пуст_Черт; *Громова Мария Михайловна*: 026_Пуст_Домовой; *Демидова Надежда Ивановна*, *Максимович Наталья Ивановна*: 061_Пуст_Черт; *Заливахина Евгения Прохоровна*: 018_Пуст_Леший, 025_Пуст_Домовой, 030_Пуст_Домовой; *Калязина Клавдия Семеновна*: 017_Пуст_Леший, 058_Пуст_Черт; *Константинова Ольга*

Михайловна: 015_Пуст_Русалка, 067_Пуст_Черт; *Куренная Анна Геннадьевна*: 008_Пуст_Леший, 009_Пуст_Леший, 010_Пуст_Леший, 012_Пуст_Леший, 016_Пуст_Леший, 065_Пуст_Черт; *Максименков Петр Васильевич*: 015_Пуст_Леший, 024_Пуст_Домовой, 053_Пуст_Черт, 064_Пуст_Черт; *Мартынова Мария Власовна*: 028_Пуст_Домовой, 032_Пуст_Домовой, 060_Пуст_Черт; *Мусатова Анна Степановна*: 014_Пуст_Леший, 050_Пуст_Черт, 059_Пуст_Черт; *Павлова Мария Егоровна*: 066_Пуст_Черт; *Родченкова Прасковья Афанасьевна*: 016_Пуст_Русалка, 052_Пуст_Черт, 062_Пуст_Черт; *Садовникова Валентина Тимофеевна*: 013_Пуст_Леший, 006_Пуст_Водяной, 008_Пуст_Водяной, 011_Пуст_Русалка, 014_Пуст_Русалка, 029_Пуст_Домовой; *Тимофеева Анастасия Григорьевна*: 051_Пуст_Черт; *Тимошенкова Нина Владимировна*: 010_Пуст_Русалка, 057_Пуст_Черт; *Фильтусова Пелагея Федоровна*: 033_Пуст_Домовой; *Якимчук Анатолий Андреевич*: 011_Пуст_Леший, 007_Пуст_Водяной, 027_Пуст_Домовой.

Себежский р-н (Себ.) *Авсеенко Мария Афанасьевна*: 073_Себ_Черт; *Богданова Ольга Степановна*: 022_Себ_Русалка; *Буракова Лилия Романовна*: 069_Себ_Черт; *Голубева Ольга Ильинична*: 048_Себ_Домовой; *Денисенко Анна Михайловна*: 039_Себ_Домовой; *Журавская Антонина Васильевна*: 020_Себ_Русалка; *Иванова Галина Александровна*: 041_Себ_Домовой, 077_Себ_Черт; *Кожемякина Мария*

Ивановна: 047_Себ_Домовой; Кузьменкова Мария Устиновна: 019_Себ_Русалка; Леонова Ефросинья Осиповна: 035_Себ_Домовой, 072_Себ_Черт; Лосева Евгения Семеновна: 019_Себ_Леший, 043_Себ_Домовой; Никитина Мария Афанасьевна: 020_Себ_Леший, 022_Себ_Леший, 021_Себ_Русалка, 034_Себ_Домовой, 037_Себ_Домовой, 042_Себ_Домовой, 045_Себ_Домовой, 049_Себ_Домовой, 051_Себ_Домовой, 052_Себ_Домовой, 053_Себ_Домовой, 071_Себ_Черт; Никонёнок Антонина Павловна: 018_Себ_Русалка; Орлова Валентина Афанасьевна, Лукьянова Любовь Михайловна: 021_Себ_Леший, 050_Себ_Домовой; Павлюченко Ефросинья Васильевна: 036_Себ_Домовой, 070_Себ_Черт, 074_Себ_Черт, 075_Себ_Черт; Перепечь Тамара Алексеевна, Шашкова Нина Дмитриевна: 038_Себ_Домовой; Рудачихина Мария Григорьевна: 044_Себ_Домовой, 046_Себ_Домовой; Сковорода Любовь Степановна: 076_Себ_Черт; Титова Мария Захаровна: 017_Себ_Русалка; Холодёнок Лидия Ивановна: 068_Себ_Черт; Цебина Зинаида Петровна: 023_Себ_Леший; Яковлев Константин Минаевич, Яковлева Галина Ниловна: 040_Себ_Домовой.

Усвятский р-н (Усв.): *Бондарева Анна Павловна: 106_Усв_Черт, 110_Усв_Черт; Васильева Пелагея Семеновна: 024_Усв_Леший, 009_Усв_Водяной, 088_Усв_Черт, 089_Усв_Черт, 090_Усв_Черт, 097_Усв_Черт, 118_Усв_Черт; Голубев Петр Васильевич: 116_Усв_Черт, 117_Усв_Черт;*

Громов Федор Дмитриевич: 011_Усв_Водяной, 055_Усв_Домовой, 057_Усв_Домовой, 081_Усв_Черт, 082_Усв_Черт, 084_Усв_Черт, 091_Усв_Черт, 092_Усв_Черт, 105_Усв_Черт, 108_Усв_Черт, 120_Усв_Черт; *Зарянова Светлана:* 126_Усв_Черт; *Захарова Мария Сергеевна:* 058_Усв_Домовой, 103_Усв_Черт; *Кивалова Екатерина Тихоновна:* 078_Усв_Черт, 099_Усв_Черт, 122_Усв_Черт; *Ковалева Анна Ивановна:* 024_Усв_Русалка; *Колюшко Евдокия Кузьминична:* 080_Усв_Черт; *Лапенкова Вера Карповна:* 056_Усв_Домовой, 083_Усв_Черт, 093_Усв_Черт, 098_Усв_Черт, 101_Усв_Черт, 104_Усв_Черт, 109_Усв_Черт, 111_Усв_Черт, 119_Усв_Черт, 121_Усв_Черт; *Ловчая Анна Исаевна:* 079_Усв_Черт; *Лосева Евдокия Сергеевна:* 063_Усв_Домовой, 096_Усв_Черт; *Паничева Анастасия Алексеевна:* 010_Усв_Водяной, 054_Усв_Домовой, 085_Усв_Черт, 086_Усв_Черт, 087_Усв_Черт, 094_Усв_Черт, 095_Усв_Черт, 113_Усв_Черт, 114_Усв_Черт, 123_Усв_Черт, 124_Усв_Черт, 125_Усв_Черт; *Поташкин Александр Григорьевич:* 100_Усв_Черт, 115_Усв_Черт; *Сергеенко Евдокия Михайловна:* 023_Усв_Русалка, 059_Усв_Домовой, 060_Усв_Домовой, 061_Усв_Домовой, 062_Усв_Домовой, 102_Усв_Черт; *Трофимова Варвара Петровна:* 107_Усв_Черт; *Шальнова Мария Петровна:* 112_Усв_Черт.

СПИСОК ОБСЛЕДОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Список включает более 80 населенных пунктов на территории 7-ми районов Псковской области (Великолукский, Куньинский, Невельский, Новосокольнический, Пустошкинский, Себежский, Усвятский), преимущественно деревень, в которых начиная с 1977 года во время фольклорных экспедиций были записаны публикуемые тексты.

	Название	Сельский совет / волость (с 1995 г.)	Район	Годы обследо- вания
1	Алоль д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
2	Березка д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
3	Бор д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2003
4	Бор д.	Усвятский с/с	Усв.	1977
5	Борновалово д.	Усвятский с/с	Усв.	1977
6	Бояки д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2004
7	Боярское д.	Усть-Долысский с/с	Нев.	1984
8	Бычонки д.	Туричинский с/с	Нев.	1984
9	Великие Луки г.		Вл.	2001, 2006
10	Вербилово д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
11	Волково д.	Октябрьская вол. (теперь Куньинская вол.)	Кун.	2009
12	Гаврильцево д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
13	Глазуново д.		Усв.	1978
14	Глядково д.	Вязовский с/с	Н-Сок.	1988
15	Горбуны д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
16	Грудинино д.	Бояриновская вол.	Себ.	1991
17	Гультия д.	Гультяевская вол.	Пуст.	2004
18	Гуляево д.	Назимовский с/с	Кун.	1983
19	Дедково д.	Шелковский с/с	Вл.	1994
20	Демяхи д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2004
21	Доминиково д.	Туричинский с/с	Нев.	1985

22	Дракуново д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
23	Емельянцево д.	Красноармейская вол.	Себ.	2005
24	Жижица д.	Жижицкая вол.	Кун.	2007, 2009
25	Замостье д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
26	Заречье д.	Алольская вол.	Пуст.	1994, 2005
27	Зубово д.	Куньинская вол.	Кун.	2009
28	Иваново д.	Ивановская вол.	Нев.	2008
29	Исаково д.	Красноармейская вол.	Себ.	2005
30	Казинка д.	Глембочинская вол.	Себ.	2000
31	Каревино д.	Калошинский с/с	Усв.	1981
32	Кивалы д.	Усвятский с/с	Усв.	1977
33	Кисели д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
34	Коровкино д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2004
35	Кривицы д.	Каськовский с/с	Кун.	1993
36	Кузнецовка д.	Ленинская вол.	Себ.	2005, 2006
37	Литвиновка д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
38	Лойно д.	Идрицкая вол.	Себ.	2002
39	Лысая Гора д.	Калошинский с/с	Усв.	1981
40	Мальково д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
41	Мацково д.	Максютинская вол.	Себ.	2002
42	Мисники д.	Лобковский с/с	Нев.	1987
43	Мясово д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
44	Наумово д.	Жижицкая вол.	Кун.	2007
45	Невель г.		Нев.	2007, 2008
46	Никольское д.	Куньинский с/с	Кун.	1983
47	Новая Деревня д.	Усвятский с/с	Усв.	1977
48	Ново-Троицкое д.	Куньинский с/с	Кун.	1983
49	Ночлегово д.	Алольский с/с	Пуст.	1994
50	Опухлики д.	Голубоозерский с/с	Нев.	1984
51	Пахомовичи д.	Усвятский с/с	Усв.	1977
52	Подовалово д.	Жижицкий с/с	Кун.	1993
53	Полозово д.	Красноармейская	Себ.	2005

		вол.		
54	Поречье д.	Пореченская вол.	Вл.	1994
55	Птушкино д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
56	Пустошка д.	Бояриновская вол.	Себ.	1991
57	Руково д.	Бояриновская вол.	Себ.	1991
58	Рыкалёво д.	Ивановская вол.	Нев.	2008
59	Санталово д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2006
60	Секутьево д.		Кун.	1996
61	Середеево д.	Васильковский с/с	Пуст.	2005
62	Слепнёво д.	Морозовская вол.	Кун.	1996
63	Совращино д.	Ленинская вол. (с 2005 года в составе гп Себеж)	Себ.	2006
64	Сопки д.	Назимовская вол.	Кун.	2004
65	Стояки д.	Идрицкий с/с	Себ.	1992
66	Стрельниково д.	Плиский с/с	Нев.	1996
67	Струги д.	Вязовский с/с	Н-Сок.	1988
68	Суворово д.	Куньинский с/с	Кун.	1983
69	Татуи д.	Куньинский с/с	Кун.	1983
70	Токолово д.	Лычевская вол.	Вл.	2001
71	Трубицы д.	Назимовская вол.	Кун.	2004
72	Удвяты д.	Усвяцкий с/с	Усв.	1977
73	Усвяты п.		Усв.	1977, 2005
74	Хлевище д.	Калошинский с/с	Усв.	1981
75	Хмелево д.	Жижицкая вол.	Кун.	2009
76	Холюны д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
77	Черёмушки п. [часть Невеля?]		Нев.	2008
78	Шевельки д.	Бологовская вол.	Н-Сок.	2004
79	Шелково п.	Шелковский с/с	Вл.	1997
80	Шумихи д.	Алольская вол.	Пуст.	2005
81	Щербино д.	Изочинский с/с	Нев.	1979
82	Эпимахово д.	Ленинская вол.	Себ.	2006
83	Яшково д.	Алольская вол.	Пуст.	2005

ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ СОКРАЩЕНИЯ

Р-н – район	Сокращенные названия
с/с – сельсовет	районов:
вол. – волость	
г. – город	Вл. – Великолукский
обл. – область	Кун. – Куньинский
п. – поселок	Нев. – Невельский
д. – деревня	Н-Сок. –
пгт – поселок городского	Новосокольнический
типа	Пуст. – Пустошкинский
	Себ. – Себежский
	Усв. – Усвятский

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТЕКСТЫ.....	7
Мифологические повествования о ЛЕШЕМ	7
Мифологические повествования о ВОДЯНОМ.....	26
Мифологические повествования о РУСАЛКЕ.....	34
Мифологические повествования о ДОМОВОМ.....	54
Мифологические повествования о ЧЕРТЕ.....	109
ДУХИ ПРИРОДЫ И ДОМА В ДИСКУРСЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВА (Г.И. Плоцук).....	203
Леший в представлениях населения псковско-белорусского пограничья.....	203
Водяной в представлениях населения псковско- белорусского пограничья.....	218
Русалка в представлениях населения псковско- белорусского пограничья.....	230
Домовой в представлениях населения псковско- белорусского пограничья.....	240
Черт в представлениях населения псковско-белорусского пограничья.....	260
СЕМЬЯ И ДЕТИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКО- БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (НА ФОНЕ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ) (Г.И. Плоцук).....	289

I. Детская тема в рассказах и поверьях о духах природного пространства.....	289
II. Детская тема в рассказах о духе жилья.....	307
III. Детская тема в повествованиях о черте.....	311
IV. Дети в поверьях о проклятых людях.....	320
V. Семья и дети в мифологических рассказах о «знающих людях».....	333
VI. Колдуны и дети.....	338
VII. Знахари и дети.....	340
VIII. Сглаз и дети.....	342
IX. Испуг и дети.....	348
Заключение.....	353
ЛИТЕРАТУРА.....	360
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ (<i>М. И. Муратова</i>).....	370
СПИСОК ОБСЛЕДОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ (<i>Н. А. Мартынова</i>).....	376
ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ СОКРАЩЕНИЯ	379

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-образовательная лаборатория
«Социогуманитарная регионика»

Научное издание

**Мифологические рассказы
псковско-белорусского пограничья**

Часть 1

Подписано в печать

Бумага офсетная. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 23,875
Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз. Заказ №125.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.
180000, г. Псков, ул. Металлистов, д. 25;
тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47.
e-mail: izd-logos@yandex.ru